

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 11

Издается с 2005 года

2017

УДК 930.1
ББК Т1(2)6
М630

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *В.И. Разумов*;
д-р ист. наук, проф. Южного федерального университета *Н.А. Мининков*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.П. Корзун* (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков* (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Алеврас*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Антощенко*,
д-р ист. наук, проф. *С.Б. Крих*, канд. ист. наук, доц. *М.А. Мамонтова*,
д-р ист. наук, проф. *Г.П. Мяжков*, д-р ист. наук, проф. *В.Г. Рыженко*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Свешиников*

М630 **Мир историка** : историографический сборник / [редкол.:
В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас
и др.]. – Вып. 11. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – 474 с.
ISBN 978-5-7779-2152-9

Очередной выпуск историографического сборника посвящен рефлексии членов Российского общества интеллектуальной истории относительно эволюции и современного состояния сообщества интеллектуальных историков и историографов в современной России. Это связано с юбилеем основателя РОИИ – выдающегося историка современности Лорины Петровны Репиной, которому так же посвящена часть материалов.

Главная проблема выпуска – проблема историографического источника, эволюция представлений о нем в ходе становления современной историографии. Другими темами выпуска являются исследование тенденций некоторых национальных историографий, их тематических полей и ключевых фигур, а также политических фигур в осмыслении тематической историографии.

Раздел документов традиционно знакомит с неизвестными ранее историографическими источниками.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания.

УДК 930.1
ББК Т1(2)6

ISBN 978-5-7779-2152-9

© ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2017
© Общество интеллектуальной истории, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	6
-----------------------------	---

Раздел 1. ПОРТРЕТ У СТАНКА: К ЮБИЛЕЮ ЛОРИНЫ ПЕТРОВНЫ РЕПИНОЙ	11
---	----

<i>Метель О.В., Свеишиков А.В., Иванова Т.Н., Алеврас Н.Н. Мягков Г.П., Гришина Н.В., Рыженко В.Г., Корзун В.П.</i> Размыш- ляя над опытом участия в Российском обществе интеллектуальной истории	11
---	----

Список научных трудов (2011–2016 гг.) члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Репиной Лорины Петровны	35
---	----

<i>Репина Л.П.</i> «Строгий и последовательный историзм» в анализе индийского средневековья... : отзыв на диссертацию Е.Ю. Ваниной «Индийское средневековье – проблемы формирования представлений о человеке и обществе, времени и пространстве», представлен- ную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века)	50
---	----

<i>Репина Л.П.</i> В.И. Герье и его научная школа: макро- и микро- версии становления науки всеобщей истории в России: отзыв на диссертацию Т.Н. Ивановой «Владимир Иванович Герье и фор- мирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – на- чало XX в.)», представленную на соискание ученой степени док- тора исторических наук (специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования)	58
---	----

<i>Жигунин В.Д., Мягков Г.П., Шарифжанов И.И.</i> О новой модели анализа истории историографии как дисциплинарной истории: отзыв ведущей организации на диссертацию Л.П. Репиной «Соци- альная история в историографии XX века: научные традиции и но- вые подходы» (специальности 07.00.03 – всеобщая история; 07.00.09 – историография, источниковедение и методы историче- ского исследования), представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук (в форме научного доклада). М., 1998.....	70
--	----

Раздел 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	77
--	----

<i>Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.</i> Источниковедение историо- графии как предметное поле интеллектуальной истории	77
--	----

<i>Алеврас Н.Н.</i> Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений.....	100
<i>Попова Т.Н.</i> Пути и перепутья историографии, или как не заблудиться в «дорожных картах»	122
<i>Лубский А.В.</i> Образы историков в интеллектуальном интерьере российской исторической науки fin de siècle.....	158
<i>Антощенко А.В.</i> Стоит ли публиковать кандидатские диссертации?	180
Раздел 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ И ПРОЦЕССЫ В ЗЕРКАЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЙ	199
<i>Литвинова Т.Ф.</i> Инструментальные возможности историографии в изучении социальной истории Украины первой половины XIX в.	199
<i>Журба О.И.</i> Украинская историография второй половины XVIII – начала XX вв.: проблемы конструирования	222
<i>Кретинин С.В.</i> История польско-немецких взаимоотношений XX в. в работах Рихарда Брейера.....	244
Раздел 4. ПАМЯТЬ ИСТОРИКА И ИСТОРИК В ПАМЯТИ	254
<i>Матханова Н.П.</i> «Все, что личная моя память сохранила о прошлом...» (воспоминания историка П.Г. Васенко о детстве).....	254
<i>Левченко В.В.</i> Осип Львович Вайнштейн: к истории одесского периода в жизни ученого.....	280
<i>Руднев М.А.</i> Идеи наследие М.М. Щербатова в дооктябрьской историографии: проблема «консервативно-либерального дуализма».....	312
<i>Сидорова Л.А.</i> Эстетическая позиция и научное творчество дореволюционных и советских историков	331
<i>Смышляев А.Л.</i> О моих Учителях	348
<i>Емельянов В.В.</i> Семь удивительных встреч	359
Раздел 5. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	405
<i>Бычков С.П.</i> «...Я слишком как-то попросту сказать боюсь своего магистерского...». Письма учителя Балашовского Духовного училища И. Катетова П.В. Знаменскому	405
<i>Метель О.В.</i> Институт истории Коммунистической академии в отражении документальных свидетельств.....	419

<i>Бухерт В.Г.</i> «Основное – это не потерять связь и живое общение с Академией наук». Письма П.П. Фридолина к академику В.П. Волгину 1945–1949 гг.....	431
<i>Волошина В.Ю.</i> «... я ни с кем так откровенно не мог высказываться как с Вами»: из переписки А.Ф. Изюмова с М.М. Карповичем.....	441
<i>Корзун В.П.</i> О бунтарстве в науке и особенностях коммуникативного поля советской историографии: отзыв официального оппонента о диссертации М.А. Базанова «Александр Александрович Зимин – биография историка в контексте развития отечественной науки», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования	459
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	469
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Одиннадцатый выпуск «Мира историка» посвящен юбилею члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, президента Российского общества интеллектуальной истории Лорине Петровне Репиной. А фокусом издания стала проблема историографического источника, эволюции представлений о нем в ходе становления современной историографии. Такая концептуальная направленность связана с проблематикой интеллектуальной истории, возрождение которой в нашей стране связано как раз с именем Л.П. Репиной, с возросшим интересом к когнитивным поискам в профессиональной среде, с переформатированием предмета историографии. Этот процесс характеризуется дискуссионностью, что нашло отражение и в предлагаемом читателю сборнике.

В сборнике представлено 15 статей, 7 документальных публикаций и библиография научных трудов Л.П. Репиной. Статьи распределены по следующим рубрикам, которые в основном отражают проблематику сборника: «Портрет у "станка": к юбилею Лорины Петровны Репиной», «Теоретические проблемы и образы современной историографии», «Исторические личности и процессы в зеркале национальных историографий», «Память историка и историк в памяти». Традиционным для данного издания является раздел «Документы и материалы».

Размышляя над структурой и содержанием юбилейного раздела, нам меньше всего хотелось представить его как «песнь любви» юбиляру не только потому, что, увы, петь не умеем, и не потому, что уже писали о вкладе Л.П. Репиной в науку и обустройство ею ландшафта современной исторической науки. Стилистика юбилейных текстов, как правило, делает ученого памятником, а это так не вяжется с образом Лорины Петровны – историком, творящим тексты, которые находятся в пространстве пристального внимания в современном интеллектуальном поле. При всей относи-

тельности наукометрических показателей отражением интенсивности пространства влияния является зарегистрированное в системе РИНЦ число цитирований автора. На сегодняшний день эта цифра впечатляет – 2 921, а индекс Хирша равен 18. Монографию Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.» можно по праву назвать историографическим бестселлером, только в РИНЦе она отмечена 272 цитированиями! Эта работа стала по существу учебным пособием по историографии и методологии на исторических факультетах университетов нашей страны. В такой ситуации узнаваемости автора для юбилейного раздела мы предложили казалось бы «советский» вариант оглавления юбилейного раздела и соответствующего его наполнения: Портрет у «станка». Но за станком не женщина в косынке и комбинезоне, а изящная, элегантная особа, с огромными карими глазами – сияющими звездами, с доброжелательной улыбкой, быстрая в мысли и движении, не расстающаяся с ноутбуком. Ученый. Писатель. Читатель. Член-корреспондент РАН. Поэтому мы публикуем результаты «научного производства» – да простится нам такая «индустриальная лексика» – список работ юбиляра за последние пять лет, неизвестные для читателя отзывы на диссертационные исследования, отзыв казанских коллег о ее докторской диссертации. Полагаем, что это чрезвычайно важные историографические источники для прояснения научной биографии историка, канонов профессионализма, принятых в научном сообществе, научной интуиции оппонированных и о процессе не просто трансляции и закреплении новых идей, но и их рождения в процессе диалога. А наше коллективное поздравление мы представили в виде размышлений членов Российского общества интеллектуальной истории, президентом которого является Лорина Петровна. Это наш подарок.

Интересным представляет раздел «Теоретические проблемы и образы современной историографии». Нельзя не восхититься поистине звездным составом авторов – М.Ф. Румянцева, С.И. Маловичко, Т.Н. Попова (Украина), Н.Н. Алеврас, А.В. Лубский, А.В. Антощенко. М.Ф. Румянцева и С.И. Маловичко в общем еще раз представили с уточнением собственную концепцию источниковедения историографии в тесной связи с определением историо-

графического источника. Критическая рефлексия по этому поводу содержится в интересной статье Н.Н. Алеврас «Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений». Решение проблемы историографического источника немислимо без широкого контекста трансформации общего интеллектуального поля современной гуманитаристики и трансформации самого предмета историографии, что не в полной мере учитывают авторы обсуждаемой концепции. В этом плане существенно обращение Т.Н. Поповой и А.В. Лубского именно к такому контексту. В итоге представлен материал для рефлексии и заданы параметры дальнейшего обсуждения проблемы. Мы надеемся, что данные публикации заденут за живое и, быть может, станут толчком для открытой дискуссии.

В статьях А.В. Лубского и А.В. Антощенко актуализирована еще одна животрепещущая проблема – профессионализм и ответственность историка перед наукой и читателем. Эти статьи носят ярко выраженный полемический характер, определяя болезненные точки состояния современного научного сообщества. В известном смысле это продолжение той критической рефлексии, которая была ярко обозначена в коллективной монографии «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011».

Раздел «Исторические личности и процессы в зеркале национальных историографий» представлен статьями Т.Ф. Литвиновой «Инструментальные возможности историографии в изучении социальной истории Украины первой половины XIX в.», О.И. Журбы «Украинская историография второй половины XVIII – начала XX вв.: проблемы конструирования», С.В. Кретицина «История польско-немецких взаимоотношений XX в. в работах Рихарда Брейера». Несмотря на различные предметные поля исследования, авторы осознанно конструируют модели национального нарратива и касаются особенностей нациоориентированной историографии, проблемы, вышедшей в последнее время на передний край. Теоретической нагруженностью отличается статья О.И. Журбы, в которой представлены конкурирующие проекты репрезентации истории украинской исторической науки, выявляются их теоре-

тико-методологические и идеологические основания. Автор критически оценивает проекты конструирования национальной украинской историографии, опирающиеся исключительно на теорию украинского национального возрождения и творческое наследие М.С. Грушевского, Д.И. Дорошенко и М.И. Марченко. Актуальным представляется обращение О.И. Журбы к возможностям культурологического анализа, автор предлагает концепцию историографического районирования, с переакцентацией исследовательских подходов с поиска механизмов формирования и функционирования украинской этнонациональной традиции на культурологическую оптику. В таком случае конкурирующие синхронные практики историописания приобретают, согласно заключению автора, равноправный статус и получают шанс на соответствующую репрезентацию как самоценные представители региональной исторической и историографической культур, а не только как враги-оппоненты украинского национального видения истории или, в лучшем случае, как историографические потоки, индифферентные к украинскому вообще. Указанные подходы к конструированию национальных моделей историографии заслуживают внимания и обсуждения.

В разделе, посвященном проблематике памяти, а это тоже один из нервов современной историографии, речь идет преимущественно об академической памяти. Память об историке, отраженная в статьях биографического жанра и анализе биографической саморефлексии историков прошлых поколений (традиционный жанр историографического исследования) представлена в статьях Н.П. Матхановой, В.В. Левченко, М.А. Руднева, Л.А. Сидоровой. В этом же разделе читатель может познакомиться с воспоминаниями, а по существу и исследованиями проблемы особенностей самоидентификации современного историка как профессионала. Это другой срез академической памяти – память историка. Речь идет об интереснейших текстах наших современников, известных ученых – это автобиографические рассказы А.Л. Смышляева «О моих учителях» и В.В. Емельянова «Семь удивительных встреч». Мы рады, что «Миру», изначально ориентированному на антропологическое видение науки, удалось «разговорить» коллег и с легкой руки А.В. Гордона на нашей площадке историки говорят о себе и

о нашей науке «без галстука», выстраивая совершенно новый дискурс, который условно можно назвать экзистенциальным. Это живая история науки.

В разделе «Документы и материалы» представлены материалы в основном эпистолярного жанра (переписка А.Ф. Изюмова с М.М. Карповичем, письма И.В. Катетова П.В. Знаменскому, П.П. Фридолина академику В.П. Волгину), безусловный интерес представляет публикация документов, раскрывающих институциональную историю советской исторической науки. Уже традицией стала публикация отзывов на диссертационные исследования (отзыв на кандидатскую диссертацию М.А. Базанова). Хотя логика в размещении данного вида источников несколько нарушена, часть подобных источников размещена в юбилейном разделе сборника, что вполне объяснимо с точки зрения представления творчества юбиляра – Л.П. Репиной.

В заключении еще раз сердечно поздравляем Лорину Петровну Репину с юбилеем!

С надеждой на ответную любовь, ведь «Мир историка» это тоже Ваше дитя, выросшее «во глубине сибирских руд», но согретое Вашим вниманием.

Члены редколлегии

**ПОРТРЕТ У СТАНКА:
К ЮБИЛЕЮ ЛОРИНЫ ПЕТРОВНЫ РЕПИНОЙ**

***О.В. Метель, А.В. Свешников, Т.Н. Иванова,
Н.Н. Алеврас, Г.П. Мяжков, Н.В. Гришина,
В.Г. Рыженко, В.П. Корзун***

**Размышляя над опытом участия
в Российском обществе интеллектуальной истории**

Материал представляет собой сборник коротких очерков авторов – членов Российского общества интеллектуальной истории – посвященный размышлению о перспективах развития Общества и приуроченный к юбилею Лорины Петровны Репиной.

Ключевые слова: Российское общество интеллектуальной истории, современная российская историография, коммуникативное пространство.

***O. V. Metel, A. V. Sveshnikov, T. N. Ivanova,
N. N. Alebras, G. P. Myagkov, N. V. Grishina,
V. G. Ryzhenko, V. P. Korzun***

**Reflecting on the experience of participation
in Russian society intellectual history**

The material is a collection of short essays by the authors – members of the Russian Society of Intellectual History – dedicated to thinking about the prospects for the development of the Society in connection with the anniversary of Lorina Petrovna Repina.

Key words: Russian Society of Intellectual History, Russian historiography in 1990–2010, communicative space.

Юбилей **Лорины Петровны Репиной** – прекрасный повод для представителей Российского общества интеллектуальной истории задуматься о пройденном ныне пути. Нам кажется, что постсоветская эпоха (период, время, как ни назови) уже в основных своих чертах закончилась, переход очевидно произошел, и поэтому важно не столько «сохранять» и «выживать», сколько наконец определиться, что же мы сохранили и что оказалось жизнеспособно. Историк должен уметь, если нужно, совершить примерно ту же операцию, как медик на Южном полюсе – «в холоде, сам себе, скальпелем, он вырезает аппендикс», с тем только различием, что в случае с историком операция беспристрастного анализа того, что ты сделал сам, нужна всегда, а ошибки, к счастью, нелетальны, зато более коварны. Нам показалось полезным дать возможность себе и читателям наблюдать за тем, как разные историки «видят, как прыгает сердце», совершая ретроспективу собственного коммуникативного пространства. Конечно, такая операция может быть точной, но она точно не может быть беспристрастной, и само различие восприятий, настроений и формулировок проблем, которое допустили наши авторы, любезно согласившиеся предоставить небольшие очерки своей рефлексии, дает возможность читателям увидеть, чем живет и дышит РОИИ гораздо лучше длинных очерков о нем. Мы предложили коллегам по сети поразмышлять над несколькими вопросами: 1. Что такое интеллектуальная сеть в реальности – закрытая оуклившаяся группа, консервирующая определенные идеи и изолированная от «других», так называемое «натуральное хозяйство», способ трансляции идей и мобилизации на решение отдельных проблем и формирование новых направлений или еще что-то другое? 2. Какова роль личности в создании такого коммуникативного поля? 3. Какова роль РОИИ в современной академической науке и в вашей личной научной траектории?

И как результат – случился коллективный сеанс самоанализа – очень своеобразный, но в высшей степени искренний подарок юбиляру.

* * *

О.В. Метель

В РОИИ я вступила осенью 2009 года, будучи аспиранткой первого года обучения. Тогда я мало что знала о работе общества

и каких-либо «привилегиях», которые дает участие в нем, мне просто казалось, что состоять в организации, выпускающей такой прекрасный альманах как «Диалог со временем», должен каждый историограф. И со временем мое убеждение в справедливости этого тезиса только окрепло. Я абсолютно убеждена, что участие в работе подобных обществ оказывается необходимым элементом вхождения молодого ученого в мир большой науки. И наибольшее значение в этом отношении имеют конференции, проводимые РОИИ. Они позволяют не только обмениваться опытом работы над различными проблемами истории науки и общественной мысли, демонстрируя исследователю процессы, происходящие на «переднем крае» его дисциплины, но и дают возможность установить личный контакт со многими ведущими специалистами, всегда готовыми к сотрудничеству и диалогу. Последнее обстоятельство стоит отметить особо. Объединяя как исследователей с мировым именем, так и начинающих специалистов, РОИИ способствует формированию преемственности в российской науке, обеспечивая ее стабильное будущее.

* * *

А.В. Свешников

Безусловно, современная наука – это в значительной степени коммуникация. Она не сводится исключительно к коммуникации, но без нее она невозможна. Интернет серьезно изменил характер научных коммуникаций, в значительной степени усилив вариативность построения индивидуальной коммуникативной стратегии и посулив в этом направлении ресурсы, казавшиеся ранее фантастическими. Значение выполняющих ранее коммуникативную функцию структур, естественно, было в значительной степени ослаблено, но не перечеркнуто полностью. Более того, применительно к российской ситуации многие историки говорят о необходимости таких структур в качестве важнейшего инструмента формирования консолидированной позиции профессионального сообщества и выработки профессиональных норм академического научного исследования.

При этом, безусловно также и то, что любая устойчивая коммуникативная сеть, формальная и неформальная (последняя, по-

жалуй, в большей степени) с неизбежностью конструирует некий выбор, набор предпочтений и преференции в коммуникации, т. е., грубо говоря, деление на «своих» и «чужих», значимое при конструировании собственной профессиональной идентичности. Есть более или менее жесткие в этом отношении сети. Об этом уже неоднократно и достаточно аргументированно говорилось в современных исследованиях по социологии науки.

Если теперь сказанное выше применить к коммуникативным характеристикам Российского общества интеллектуальной истории, в котором я состою с 2000 г., то, пожалуй, получается примерно следующая картина. РОИИ предстает сообществом с довольно разветвленной коммуникативной сетью, которая характеризует, если использовать полуэлектротехническую метафору, низким уровнем напряжения. Эта сеть не задает жесткого деления «на своих и чужих» и четких обязательных правил поведения «для своих». Фактически, войти в РОИИ и выйти из него может любой. И не только историк. Председателем Омского отделения РОИИ одно время (правда, очень недолго) был доктор физико-математических наук. Отсюда отмечаемая многим «в кулуарах» всеядность, аморфность, даже относительная хаотичность РОИИ. Это не мобилизационная сеть со всеми вытекающими отсюда особенностями. Она не генерирует дискурс, которого у российской версии интеллектуальной истории, строго говоря, и нет. Отдельные попытки его создать очевидно потерпели неудачу. Почему? Отчасти в силу размытости самого проекта российской интеллектуальной истории. Он формировался вокруг профессиональной историографии (в смысле, истории исторической науки) как дисциплины, занимавшей особое место в рамках системы советской и постсоветской исторической науки, отчасти отражая общую логику развития этой дисциплины, для которой была характерна тенденция к расширению предмета историографических исследований и, соответственно, предметного поля, отчасти имея экспансионистский характер. На реализацию проекта наложили отпечаток как общая ситуация времени его возникновения (рубежа 1990–2000 гг.), так и личные черты первого и бессменного председателя. В итоге Общество получилось таким как получилось, проект остался незавершенным. При этом незавершенность проекта дает возможность

довольно комфортно существовать и даже развиваться в рамках коммуникативных сетей, из него вырастающих. Возможностей больше, чем запретов.

* * *

Т.Н. Иванова

В условиях глобальной информатизации развитие современной науки немислимо без интенсификации информационных потоков, без постоянного обмена научными результатами. В социальных науках научное общение с единомышленниками и коллегами имеет особое значение. Первые исторические общества в России были созданы еще в XIX в. В 1990-е гг. в постсоветской России начинается бум образования различных обществ. Однако достаточно быстро выяснилось, что работа некоторых из них сводилась к декларативным действиям, а членство, зачастую, имело формальный характер.

Иная судьба ожидала Российское общество интеллектуальной истории. Организационные принципы деятельности общества, в целом, не новы:

- создание сети региональных отделений;
- проведение ежегодных научных конференций, которые одновременно выполняют функции некоего «партийного» съезда по решению актуальных проблем функционирования Общества;
- издание авторитетного научного журнала (при этом функции журнала «Диалог со временем» я бы сравнила с функциями журнала «Анналы» времен М. Блока и Л. Февра.);
- создание действенной сети интеллектуальных коммуникаций, в том числе путем распространения «Вестника РОИИ» (не буду сравнивать его с газетой «Искра»);
- выбор в качестве объединяющего научного направления интеллектуальной истории как актуального, новаторского для российской науки 1990-х гг., междисциплинарного, обладающего способностью к интеграции исследований по широкому кругу проблем.

Многие научные общества в той или иной степени обладают аналогичными институциональными функциями, но немногие обладают таким мощным консолидирующим личностным фактором. РОИИ – объединение единомышленников, связанных не только

интеллектуальным, но и личным общением. Центром этого общения, интегрирующим началом является Лорина Петровна Репина. Она обладает целым рядом уникальных качеств: признанным научным авторитетом, потрясающими организаторскими способностями; умением предложить в повестку дня новые актуальные проблемы; уважительным отношением к каждому коллеге, гибкостью стратегии и тактики, необыкновенным личным обаянием, которое с полным основанием можно назвать харизмой.

Я помню мою первую личную встречу с Лориной Петровной в Казани, в 2006 г. на конференции РОИИ. Знакомая с ее научными исследованиями, под грузом от ее званий и регалий, я с трепетом ждала, когда Герман Пантелеймонович Мягков представит меня «ко двору». Каково же было мое изумление, когда я увидела обаятельного, очень демократичного в общении человека, искренне заинтересованного в знакомстве с рядовым региональным ученым. Потрясением был круг проблем и стиль их обсуждения на этой, первой для меня, конференции РОИИ. Это можно сравнить с ощущениями неопита, прикоснувшегося в некоем мистическом озарении к абсолютной истине. Лишь позже, осмысливая эту встречу и наше последующее общение, я осознала те новые перспективы, которые открылись передо мной, как перед представителем региональной вузовской науки.

Судьба региональных ученых, вынужденных работать в относительно замкнутом интеллектуальном пространстве, нелегка. Однако еще более тяжела участь тех ученых, которые в доинтернетовское время пытались в условиях «провинции» заниматься изучением всеобщей истории, с советских времен преподаватели кафедры всеобщей истории здесь были «белыми воронами». Актуальными, с позиций местных интересов, темами истории колхозов и заводов они не занимались; доступ к их архивам и книгохранилищам был ограничен; поездки на научные конференции по темам всеобщей истории эпизодичны; возможность публикаций в специальных изданиях крайне ограничена. Их методологические искания на фоне работ ученых-«региональщиков», сохранивших и в постсоветское время марксистскую методологию, представлялись какой-то ересью; а проблематика их научных исследований была далека от насущных задач развития народного хозяйства.

РОИИ – это настоящий «социальный лифт», который позволил ученым из региональных вузов подняться на общероссийский уровень, почувствовать себя частью единого интеллектуального пространства, войти в коммуникационную сеть современной науки, поделиться своими результатами и идеями с научным сообществом.

Каждый новый номер «Диалога со временем» – это не только новые знания, но и как бы компас, указывающий новые направления перспективных исследований. С каждой конференции РОИИ я возвращаюсь окрыленной и оплодотворенной новыми идеями и замыслами. Письма из РОИИ – это мобилизирующий стимул для создания новых проектов, организационных мероприятий, научных трудов.

Лично для меня РОИИ сыграл огромную роль, ибо под его воздействием я решила на завершение своей докторской диссертации. Но не меньшую роль Общество сыграло для других членов регионального отделения. Возможно, не все они активно участвуют в его мероприятиях. Однако, это катализатор, побуждающий оторваться от рутины преподавательских обязанностей. Активизировалась научная работа. Чебоксарское отделение ежегодно проводит всероссийские и международные научные конференции, издает сборники трудов. За номерами «Диалога» заходят коллеги с других кафедр и вузов, аспиранты и студенты. К нам приезжают члены РОИИ из других городов для участия в конференциях, чтения лекций и специальных курсов.

Огромное значение имеет личное формальное и неформальное общение между членами РОИИ. Я считаю своими друзьями коллег по РОИИ из Казани, Омска, Самары, Челябинска, Санкт-Петербурга, Москвы, Сыктывкара, Петрозаводска, Нижневартовска и других городов. Роль РОИИ в современной науке многообразна, но я хочу подчеркнуть эту роль для прогресса региональной науки, а имя Лорины Петровны Репиной стало притягательным символом, консолидирующим началом для ученых разных поколений и регионов.

И хотя современные тенденции все чаще внушают пессимистические настроения, я убеждена в главном: деятельность РОИИ представляет собой яркую страницу развития отечественной науки и должна стать предметом специального научного исследования.

Предложенные вопросы неминуемо заставляют рефлексировать в область воспоминаний о первых соприкосновениях с Обществом интеллектуальной истории и знакомством с его организатором – Лориной Петровной Репиной. Путь, пройденный РОИИ, начинает превращаться уже в историю, историю историографии, «историю исторической культуры» – если воспользоваться понятийным аппаратом Л.П.

Помнится, на одной из омских конференций рубежа XX–XXI вв. мне стало известно о выходе 1-го выпуска нового журнала-альманаха – «Диалог со временем». Омские коллеги любезно подарили ксерокопии некоторых статей из него (храню до сих пор). Имя редактора и автора одной из статей оказалось знакомым: в те времена мы пристально следили за новой литературой и новыми изданиями. Среди них – ежегодник «Социальная история», в котором печатались статьи Лорины Петровны. Они оказались, по сути, проводниками мало известных в те времена широкой научной аудитории научных идей зарубежных ученых, легших в основу многочисленных методологических поворотов, пережитых исторической наукой и всей гуманитаристикой того периода.

Где-то в самом начале нулевых (в 2002-м?) Игорь Владимирович Нарский, в те годы – коллега по кафедре истории дореволюционной России в Челябинском государственном университете, бороздивший уже тогда просторы европейского научного мира, сообщил о своей встрече в Москве с Л.П. и ее идее создания под крышей РОИИ системы его местных отделений. Для Большой России подобная идея и предложенная модель общества стали абсолютно адекватными специфическим задачам интеллектуального объединения научных сил историков, шире – гуманитариев. Инициативная группа историков Челябинского отделения сложилась быстро. Мало еще представляя реальные перспективы, мы радовались подобному начинанию, стремясь выйти из узких рамок научного провинциального существования, а потому с энтузиазмом вошли в состав РОИИ! Вскоре выяснилось, что известные нам омские, екатеринбургские, пермские, саратовские и др. историки образовали свои отделения. Прежнее знакомство стало приобретать

иной вид и характер. Приезжая друг к другу на научные конференции и семинары, встречаясь на различных научных мероприятиях в стенах института Всеобщей истории, ставшего центром РОИИ, мы получили новые впечатления, и мы начали меняться в этом коммуникативном общении. Не только расширились границы научного взаимодействия, но возникло теплое чувство некоего научного братства и взаимопонимания. Это, вероятно, было признаком формирования новой традиции и культуры научного общения.

В разных научных центрах – и в Москве, и в большой российской провинции каждый из нас обрел новых друзей-коллег. Сформировалось более глубокое понимание научных интересов каждого из сообществ-отделений и их отдельных представителей, наметилась новая специализация многих из них, возникли более благоприятные условия для индивидуальной самореализации. Контакты укреплялись и на почве взаимодействия в деле подготовки защит и оппонирования диссертаций наших аспирантов. Альманах, трансформированный впоследствии в журнал – «Диалог со временем» – стал важной (и я бы сказала, родной) площадкой нашей публикационной деятельности.

Среди методологически ориентированной проблематики времени становления РОИИ весьма актуально выглядели теория коммуникаций, идеи социальных сетей Р. Коллинза, позволявшие проецировать взгляд на историю как живой организм взаимодействующих лиц, социальных структур, институций – различных форм и функций. Может быть, даже не сразу пришло осознание, что РОИИ построено так, как естественным образом в реальной жизни выстраиваются отношения между людьми, сообществами, институтами. Вся совокупность примкнувших к РОИИ отделений, при всей автономности их существования, различии научных интересов, стиля и характера деятельности каждого из них, оказалась в контексте некоей общей историко-научной культуры, функционирующей как интеллектуальная сеть. Мы не только начали глубже понимать друг друга, но, могу полагать, усилилась рефлексия каждого из отделений относительно поисков своего места в системе РОИИ.

Но может быть существование внутри «сети» не дает возможности на формирование сугубо критического взгляда на тот

феномен, который называется РОИИ? Есть ли опасность авторитарных тенденций в жизни и истории РОИИ, не превращается ли оно в некое «имение», построенное на принципах натурального хозяйства? Не слишком ли мы сроднились, что может понизить критический взгляд друг на друга в этой «большой семье» и способствовать некоему научному изоляционизму?

Возможно, перечисленные тенденции можно обнаружить в пространстве РОИИ: ведь русский человек (представители научного сообщества – не исключение) по свойству своего национального характера склонен приносить в систему деловых, институциональных отношений неформальный компонент. Вспомним проект «Приютинского братства» петербургских ученых конца XIX века!

В наше время электронная почта, скайп, телефон, встречи на конференциях превратились в инструменты не только делового, но и неформального общения: возникли дружеские отношения. Становясь для многих из нас частью современного научного быта, они, несомненно, укрепляли РОИИ как научно-интеллектуальную структуру.

Учитывая тот факт, что сеть РОИИ охватила широкое научное пространство России и привнесла инновационную модель структурирования своей сущности и деятельности, можно полагать, что существенную часть своей миссии общество, несомненно, выполнило. Соединив потенциал гуманитаристики большой страны, оно заложило основы существенного сегмента национальной научной культуры под флагом интеллектуальной истории. Историко-интеллектуальный подход постепенно стал приобретать характер универсального метода в историческом познании, поскольку опирается на важнейший – историко-антропологический принцип современной гуманитарной сферы науки.

На этапе становления (рубеж XX–XXI вв.) и бурного развития (условно: 2004–2016) РОИИ его активистами были, преимущественно, представители старшего, отчасти – среднего поколений сегодняшнего научного сообщества. Вместе с тем, вполне ощущается, что в истории РОИИ наступает какой-то новый этап. Не без участия данной научно-организационной институции формируются новые поколения молодежи, многие из которых ориенти-

рованы на историко-интеллектуальный подход и метод познания, но воспринимают задачи науки по иным стандартам. Можно предполагать, что это – поколения, принадлежащие новой социокультурной генерации и, может быть – неоклассической научной культуре. Они – более чем их предшественники, прагматичны и рационально ориентированы и, возможно, несут в себе существенный потенциал научного индивидуализма. Ведь их представители формируются в ситуации жесткого научного соревнования (чего стоит борьба за индексацию публикационной активности!) и отбора (кому из них удастся закрепиться в научной институциональной системе и согласиться, к тому же, с предлагаемой оплатой научной или преподавательской деятельности?).

Что там, за поворотом? Каким быть Обществу интеллектуальной истории на следующем витке его истории, можно ли прогнозировать его будущее? Вот вопросы, к которым я неожиданно для себя, пришла, но ответить на которые не просто.

Главной личностью в истории РОИИ, несомненно, была и остается Лорина Петровна Репина. Как ученый, она творчески подошла к созданию российского «филиала» подобной международной организации. Как гражданин своей – особой по геополитическому облику страны – Л.П. оригинальна в своем изобретении модели научного общества, как личность – последовательна и чрезвычайно ответственна за начинание, привлекшее многочисленных представителей российской науки, ставших в ряды этого, в некотором роде, феноменального движения/явления российской научной культуры. Альманах/журнал «Диалог со временем», редактором которого она бессменно состоит вот уже без малого два десятилетия, предстает методологическим ориентиром для тех, кто принял идеи и методологию интеллектуальной истории, он же стал связующим ядром общения и трансляции научного опыта.

Весьма трудно сказать, какими, *argioi*, качествами должен обладать человек, пришедший к мысли и реализовавший ее, создавая такую структуру, каковой стало РОИИ. Внутренняя убежденность, понимание исторической ситуации, уверенность в своих силах и в успехе дела, рациональный расчет или способность «поймать» момент истории, и в нужное время и в нужном месте сотворить то, чего никто, кроме него не сумел или не пожелал

сделать? Именно Лорина Петровна, а никто другой – поняла, была убеждена, «поймала», пожелала, сотворила. И стала еще и «душой компании» под названием РОИИ! Примите этот пассаж как поздравление Л.П. с приближающимся юбилеем!

* * *

Г.П. Мягков

Сегодня нельзя не засвидетельствовать: современный этап развития науки отмечен повышенным интересом к такому феномену ее развития, как научные сообщества. Естественно, теоретики от историографии, философии и социологии науки, науковедения и т. д. – и по отдельности, и в совокупности – доказывают, что в своих различных проявлениях и в качестве формальных (кафедра, лаборатория и т. д.), и неформальных (научная школа) структур деятельности ученых, научные сообщества выступают некими эволюирующими единицами развития науки.

Вот и автор этих строк, двигаясь в общем потоке, попытался разглядеть в них **«единицы» анализа науки**, показать, что постичь их сущность можно, исследовав историю интеллектуальных процессов в их конкретно-историческом, социокультурном контексте через анализ информационно-коммуникативных связей, установившихся внутри и вне этих сообществ «интеллектуальных сетей». Но как в свое время заметил не столь популярный ныне мыслитель, практика значительно интереснее различных теоретических изысканий. И я нахожу большое удовлетворение от того, что довелось быть в числе «призванных», тех участников организованной в ноябре 2000 г. Центром интеллектуальной истории ИВИ РАН конференции «Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории», которые на своем заседании 23 ноября приняли Устав межрегиональной общественной организации содействия научно-исследовательской и преподавательской деятельности «Общество интеллектуальной истории».

Зарегистрированное как юридическое лицо в 2001 г., РОИИ уже к его исходу имело региональные отделения в 18 субъектах РФ; сегодня действует 39 региональных отделений. И все эти годы – без малого два десятилетия – научная жизнь весьма значительной группы российских ученых, а также ученых из стран ближне-

го и дальнего зарубежья, хотя и не являющихся членами РОИИ, но включенных в его интеллектуально-коммуникативную сеть, обративших свои научные интересы к области интеллектуальной истории, тесно связана с этой организацией.

Очевидно, что такой результат – особенно на фоне истории многих общественных «академий», ассоциаций, возникавших как грибы на рубеже столетий, – не случаен. *Открытость, междисциплинарная комплиментарность, демократизм, мобильность* – вот основные принципы организационной работы, но главное, они умножаются на инициативность как центра – Правления РОИИ, так и региональных отделений, готовых предлагать актуальные для них и всего сообщества темы конференций и мероприятий разного уровня, мобилизовать творческий потенциал, в том числе молодых исследователей, а также свои, пусть чаще всего весьма и весьма скромные материальные ресурсы. Поэтому неслучайно, что ежегодные – всероссийского или международного статуса – конференции РОИИ в стенах ИВИ РАН или организуемые при самом активном участии региональных отделений РОИИ конференции на местах собирают многочисленных участников. Фактически, РОИИ посредством своей «конференционной» деятельности, энергично откликавшейся на эпистемологические «повороты», не боясь менять перспективу своего видения прошлого, смогло найти форму выработки исследовательской программы. Чтобы в этом убедиться, достаточно совершить путешествие по опубликованным материалам проведенных конференций.

Особое значение для жизнедеятельности РОИИ имеет наличие такого центра объединения исследовательских усилий, как журнал «Диалог со временем», который с девятого номера (2002 г.) выходит и под эгидой Российского общества интеллектуальной истории. «Диалог...» – это признано научным сообществом – превратился в «территорию для диалога»

Можно с полным правом утверждать, что провозглашенная программа Обществом успешно реализуется: разворачиваются междисциплинарные исследования в области интеллектуальной истории; на базе региональных отделений сложились признанные центры научных исследований, объединяющих – уже в свою очередь – ученых вокруг своих периодических изданий (Омск – «Мир

историка»; Ростов-на-Дону – «Человек второго плана в истории», «Cogito. Альманах истории идей»; Ставрополь: «Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории» и др.) исследователей; не только обсуждается, но и реализуется идея интеграции академической и университетской науки. Главное – посредством деятельности Общества обеспечивается складывание научных коммуникаций на самых разных уровнях, ведется информационная работа (подчеркну роль «Вестника РОИИ»), и все же наиболее ценным капиталом стали личные неформальные контакты, позволяющие членам РОИИ реально ощущать «братство по оружию», реальную помощь и поддержку.

И вновь: практика РОИИ с полным основанием подтверждает выводы науковедческих штудий: успех формирования и функционирования научного сообщества всецело зависит от наличия лидера(-ов). Здесь следует уточнить, раз речь идет о сообществе особого типа: его функционирование обеспечивается особым сочетанием горизонтальных и вертикальных коммуникаций. В регионах работу возглавляют авторитетные ученые, сегодня – это представители старшего поколения, опирающиеся в своей работе прежде всего на научный авторитет, но часто подкрепленный и административным ресурсом. Иными словами, РОИИ сильно своим региональным руководством, достаточно назвать имена председателей региональных отделений: Н.А. Алеврас, Т.И. Иванова, И.В. Маслова, Г.И. Рокина, Н.Б. Селунская, В.В. Высокова, В.Н. Ерохин, В.Г. Рыженко, Д.А. Черниенко, А.В. Хазина, Т.Н. Гелла, К.И. Шнейдер, В.С. Савчук, В.В. Кутявин, Т.А. Сидорова, Л.Н. Чернова, И.В. Крючков, И.Г. Воробьева, О.Ю. Солодянкина, И.В. Нарский, И.Л. Григорьева и др. Многие из названных сами являются основателями лидерских школ, сложившихся как раз на поле интеллектуальной истории, и многие из их учеников включены в работу РОИИ, выступая не только докладчиками на конференциях, авторами публикаций в изданиях общества, но и проводя организационную работу.

Однако РОИИ, в отличие от многих научных сообществ (хотя те, естественно, имеют правления, председателей и т. д., и региональные структуры), в известном смысле – проект особого рода. Он начинался с того, что необходимо было теоретически разре-

шить ряд вопросов, возникавших при осмыслении самого понятия «интеллектуальная история», убедить, что здесь не игра в дефиниции, что речь идет об особой сфере человеческой деятельности, что изучение ее – фундаментальная задача гуманитаристики. Инициатором и главным разработчиком, теоретиком выступила Лорина Петровна Репина. Ученый во второй половине 90-х годов в серии статей, докладов на самых разных площадках доказал, убедил коллег в перспективности теоретической модели «новой культурно-интеллектуальной истории». Согласно этой модели в исследовательское поле включалось изучение всех форм, средств, институтов интеллектуального общения, анализ разнообразного мыслительного инструментария, происходило обращение к изучению не только одних «сияющих вершин», а всего разноуровневого интеллектуального ландшафта.

И деятельность Лорины Петровны попала в полный резонанс с интересами и потребностями российского общества вообще, сообщества историков, прежде всего историографов в частности. Разумеется, поиски нового образа самой историографии в интеллектуальном пространстве ею продолжались. Но базировать формирующее сообщество только на научной составляющей проекта было недостаточно: соотнося ее с ролью, которую играет «явное знание» в учении М. Полани, можно говорить, что требовалась особая составляющая, которая выразила бы «неявное знание», то есть та, которую определяют личностные качества человека. Как и в иных сферах деятельности, Лорина Петровна проявила себя блестящим организатором, сумев без каких-либо административных ресурсов, проявляя неизменные такт, заботу о деле, воодушевлять участников, оказывая помощь, часто в критических ситуациях, создать и сплотить коллектив единомышленников.

Как и любое научное сообщество, РОИИ вынуждено применяться к условиям существования. Оно сыграло и, полагаю, продолжает играть известную роль в жизни российской научной гуманитаристики, разумеется, ее представителей, особенно тех, кто живет вне столиц.

Однако, по правилу, продолжением достоинств выступают недостатки, просматриваются кризисные явления. И здесь наш опыт опять-таки требует обратить внимание на неразрывную связь

«внешних» и «внутренних» сторон условий развития РОИИ. В качестве первых выступают и неравномерность развития разных областей исторической науки, в частности, после подъема, можно наблюдать падение читательского интереса к истории историознания (достаточно обратить внимание на такой факт, что в книжных магазинах практически повсеместно исчезли разделы, где представлена бы была такая литература), и ситуация в подготовке кадров в этой области. В одном из интервью Лорина Петровна вынуждена была констатировать: «Ни в одном вузе не готовят историка так, чтобы он владел совокупностью хотя бы основных методов, применяемых в современном социальном и гуманитарном знании». Налицо разрыв между «высокой» теорией, теми знаниями, которые накопили историографы, изучая опыт подготовки историков, и реальной практикой ее современной организации. Мы в Казани избрали одним из направлений деятельности Отделения как раз осмысление проблем исторического образования в высшей школе, в том числе тех реформ, которые проходят весьма болезненно, с огромными интеллектуальными потерями. Что же касается внутренних проблем РОИИ, то мы находимся перед проблемой смены поколений, и молодежь должна сказать, каким она желает видеть и будущее науки, и формы ее организации.

* * *

Н.В. Гришина

Бывая на различных научных мероприятиях, не раз приходилось размышлять о двух крайностях в их организации. С одной стороны, всегда печалит конференции, собирающие массу исследователей, говорящих в науке на разных языках и не интересных друг другу, сборники по итогам которых становятся своеобразными «братскими могилами». С другой, вызывают озабоченность кулуарные собрания ученых, внимательно следящих за обоюдным творчеством, встречи которых становятся приятными, но привычными, и вряд ли способствуют зарождению, развитию или же продвижению новой научной идеи. В этой ситуации выбор действенной стратегии развития складывающейся интеллектуальной сети, ориентированной на поиск объединяющих ее членов научных проблем при сохранении ее открытости и привлекательности как мес-

та актуальной дискуссии, становится залогом успешной институционализации целых научных направлений и условием формирования новых научных поколений.

Опыт Российского общества интеллектуальной истории является удачным примером научного сообщества, которому удалось избежать как размывания, ухода от основной цели, так и замыкания на себе. Успех определялся формированием поля интеллектуального напряжения через активное приобщение/вовлечение новых членов и исследовательских групп, открытие и переоткрытие научного потенциала целого ряда провинциальных центров (к примеру, по моему убеждению, «узнавание» челябинских историков и историографов во многом связано с деятельностью РОИИ), сближение региональных научных кластеров, редко пересекавшихся в весьма разбросанном российском научном пространстве.

Интегрирующая миссия, которую взяло на себя РОИИ под руководством Лорины Петровны Репиной, оказалась выполнена очень быстро. Ученые, оказавшиеся вовлеченными в орбиту Общества, ощутили творческий подъем, стали более мобильными, многие приобрели новый профессиональный статус. Конференции 2000-х и начала 2010-х гг. были пронизаны рефлексией о роли Общества в научных карьерах ученых и их профессиональном признании.

Однако любой продуктивный проект нуждается в наполнении его новыми смыслами. На мой взгляд, РОИИ находится в поиске своей новой миссии. Возможно она будет направлена на адресную поддержку научных центров и лабораторий, формирование интердисциплинарных научных коллективов, помощь в реализации проектов молодых ученых. Смена миссии, как мне кажется, обеспечит сохранение потенциала Общества, созданного усилиями его идеологов за прошедшие десятилетия.

* * *

В.Г. Рыженко

По ходу размышлений над более, чем 15-летним опытом существования Центра интеллектуальной истории и местных отделений РОИИ, возникло ощущение, что за это время прошло несколько этапов появления и существования в российской истори-

ческой науке такого феномена как «интеллектуальная сеть». В моем понимании это даже больше: «сети общения». Причем изначально инициатор плетения «сетей» – Лорина Петровна Репина выступила в роли возмутителя спокойствия в нашей академической и вузовской среде. Ее замысел преодолеть стереотипную вертикальную иерархию отношений «столичных» и «провинциальных» историков и создать в качестве противовеса сеть горизонтальных связей был воспринят с воодушевлением. Дальше, казалось бы, процесс развивался по нарастающей: конференции при грантовой поддержке собирали всех, кто вдохновлялся идеями свободы выбора методов исследования и «своей территории». Интеллектуальная сеть прирастала новыми участниками, разделявшими концепцию интеллектуальной истории.

И вдруг... Однажды наш коллега в ответ на мой вопрос, не желает ли он вступить в омское отделение Российского общества интеллектуальной истории, сказал: «А разве бывает какая-то другая история, не интеллектуальная?»

И тут, как мне показалось, вдруг возникла какая-то странная преграда между поколениями историков. «Старшее» поколение (в данном случае, это условные «шестидесятники», к которым принадлежит и Лорина Петровна) стало активным проводником и апологетом идей междисциплинарности, формировало новые исследовательские области. И все это оказалось возможным объединить в проблемном поле интеллектуальной истории и засвидетельствовать в качестве признаков новой историографической культуры.

Другое поколение историков выбрало позицию скептиков, а в качестве поведенческой стратегии роль грантового историка. И это тоже отражает современную ситуацию. Для них интеллектуальная сеть возможна только в элитарном закрытом варианте. И ответ на вопрос об интеллектуальной или не интеллектуальной истории становится несущественным...

Может быть, так оно и есть? И мы выдаем наши «игры в бисер» внутри нашей интеллектуальной сети за наши подлинные научные поиски? Не обманываем ли мы себя? Как сказал другой наш коллега и член нашего отделения РОИИ, в интеллектуальном обществе доминирует комплиментарность и нет здоровой критики.

Так ли это? Опять тревога... Мы пытаемся искать смыслы нашего общего дела – закономерностей развития истории исторической науки. Удастся ли нам делать это в формате диалога методов и методик, новых исследовательских моделей? Пока трудно увидеть оптимальный результат.

* * *

В.П. Корзун

Здесь можно было бы написать о том, что историографу тяжело быть мечтателем в вопросах функционирования научных сообществ, поскольку он знает, сколь многое зависит от ряда факторов: не только финансового, личностного, государственной воли, просто случайности, но и законов саморазвития интеллектуальной жизни, которые, увы, с трудом поддаются нашему постижению. Но мечтания – не романтика, а часть целеполагания, и если позволено будет немного подытожить вопросы, поднятые выше коллегами, то хотелось бы поговорить и о том, что может нас ждать впереди и как это может зависеть от того, что мы делаем сейчас. Начну с того, что удалось и сбылось.

РОИИ состоялось как научная институция со сложившейся, казалось бы типичной, инфраструктурой – центральное правление, сумевшее проработать устав и зарегистрировать общество как юридическое лицо, региональные отделения общества, коммуникативные площадки в виде научных конференций, журнала, информационного вестника, сайта. Но за этой институциональной обыденностью нельзя не заметить главного – сложилась сетевая структура отношений между интеллектуалами (не будем уничижительно скромными) – членами РОИИ. А полем консолидации стало дисциплинарное оформление интеллектуальной истории. За эти почти два десятилетия мы были свидетелями и участниками, создателями культурного поля интеллектуальной истории. Я полностью разделяю мысль профессора Н.Н. Алеврас о создании «основы существенного сегмента национальной научной культуры под флагом интеллектуальной истории. Историко-интеллектуальный подход постепенно стал приобретать характер универсального метода в историческом познании». И рождался он в явно выраженной оппозиции со стороны значительного сегмента про-

фессионального сообщества с иронией вопрошавшего: «А что, разве есть неинтеллектуальная история?». Такая оппозиция со-общала дополнительную энергию по продвижению концепта интеллектуальной истории и сплочению/уплотнению интеллектуальной сети РОССИИ.

Насколько устойчивой получилась интеллектуальная сеть? Полагаю, что достаточно устойчивой. И это связано не только с когнитивным голодом «fin de siècle», реакцией сообщества на социальные процессы и изменение статуса науки истории в обществе, но и с разрушением прежнего коммуникативного пространства советской исторической науки, имевшего ярко выраженный иерархический характер с некоторыми чертами патернализма. В условиях «заброшенности властью» конца 1990-х – начала 2000-х гг. прежние интеллектуальные сети, зачастую напоминавшие кланы, ослабевают, некоторые начинают перестраиваться. В ситуации разбалансированности, появляется шанс построить сеть на новых основаниях – демократизма, открытости, ориентации на профессионализм, активный поиск нового исследовательского инструментария. Переформатирование коммуникативного пространства объективно способствует всплеску творческого производства идей. Этот импульс был точно и своевременно уловлен Л.П. Репиной, к этому времени уже сложившимся историографом, аналитиком развития западной историографической и теоретической мысли, а в качестве эксперта ряда фондов еще и знакомой с состоянием исторических исследований и настроениями преподавательского корпуса за пределами столичных университетов. Науковедческий всплеск 1970-х – начала 1980-х гг., спровоцировавший схолярную проблематику, явился хорошим фундаментом второго рождения интеллектуальной истории в России. Интеллектуальная история как в лице канонизированных героев первого плана, так и периферийных игроков второго, мыслительные процедуры и практики консолидации профессионалов, академическая культура в целом захватывали новизной и свежестью подходов, и одновременно, возможностью саморефлексии по поводу своего положения и мироощущения в профессии, все это делало нас союзниками Лорины Петровны, задумавшей уникальный проект. Ранее периферийные темы выходят на первый план, завоевывая пространство вни-

мания научного сообщества. Вместе с тем, познавательный энтузиазм укреплял горизонтальные альянсы внутри сети, что было безусловно новым явлением в коммуникационной практике последних десятилетий. Данный феномен можно рассматривать и как своего рода вызов советской столичной вертикали организации науки, он придавал новой интеллектуальной сети дополнительную сплоченность. С самого начала сеть не выстраивалась и не мыслилась как закрытое сообщество, как «милая компашка своих», ее начала виделись за пределами нашего времени, путем встраивания в существующую интеллектуальную традицию – выявление и обретение предшественников. Наряду с плодотворно ретроспективным подходом, развивается и другой – устанавливаются и расширяются сферы взаимодействия с европейскими представителями интеллектуальной истории, которые становятся участниками научных конференций, проводимых РОИИ, авторами статей не только на страницах «Диалога со временем», но и региональных научных изданий. Интеллектуальным магнитом проекта, конечно, была и остается Л.П. Репина.

А что не сбылось или сбылось не так, как виделось изначально? Некоторые коллеги считают, что это поле с низким напряжением, а его акторы излишне комплиментарны друг к другу. Проблема дружбы и солидарностей в научном мире – особая и мало разработанная тема. Оставляю ее на будущее. Это еще одна веха интеллектуальной территории, на которой можно продолжать данный проект. А вот вопрос о степени напряжения требует внимания здесь и сейчас. В низком напряжении никогда ничего не «искрит» и не «заискрит». Интеллектуалу, как отмечает Р. Коллинз, нужны структурные соперники. Настала ли пора для дискуссий? Площадкой для дискуссий служат в основном научные конференции, но как правило, они разворачиваются на секционных заседаниях и остаются в памяти немногочисленных участников секций. На страницах «Диалога со временем» нет специальной рубрики «Дискуссии и обсуждения», критический материал содержится по преимуществу в рецензиях, некоторые из которых провоцируют ответы на замечания и выливаются по существу в дискуссию. Ряд вопросов, явно дискуссионного характера, к примеру о моделях историографического анализа и об особенностях

и ограничителях антропологической модели описания историографических процессов, поставленные коллегами за пределами сети, не получили пока должного отклика и обсуждения внутри нашего сообщества. «Искрит» и проблема историографических источников и предложенной их типологии в учебном пособии под ред. М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко (Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.). В свете идей о природе историографического источника злободневность приобретают вопросы о соотношении и смысловых наполнениях понятий, бытующих в исторических науках – «источник», «исторический источник», «историографический источник» – а также проблемы внутривидовых дифференциаций этих, терминологически не совпадающих типологий источников. На страницах данного номера «Мира историка» представлены альтернативные точки зрения по обозначенной проблематике. Редколлегия считает публикацию статей в разделе «началом открытой дискуссии». Получится ли?

Нельзя не обратить внимания на различия в оценке РОИИ и его перспектив развития, которые представлены в коротких эссе наших коллег. Различия, на первый взгляд, носят поколенческий характер. Новое поколение «роиистов» – что с ним? Наверное, уместно разграничить не одно, а два «новых» поколения, они разные, но их объединяет интерес к широкому кругу тем интеллектуальной истории, публикационная активность авторов, более высокая степень инкорпорированности в международное научное сообщество, ирония по отношению к авторитетам в науке. В отличие от основного ядра общества, принадлежащему к старшему поколению, они не связаны так эмоционально с нашей сетью, ибо им практически незнаком опыт коммуницирования в советскую эпоху и соответственно, им не с чем сравнивать, они формировались в ином коммуникативном пространстве, интернет-коммуникации ослабили связь «лицом к лицу», у них более индивидуалистические научные стратегии, они менее «связаны одной цепью». Сохранится ли это единство нынешнего, пусть не идеального интеллектуального пространства, тем более в условиях, когда обозна-

чился реванш прежней иерархии в обустройстве научного ландшафта?

Думается, что шанс такой есть. И в силу того, что наука коммуникативна по своей природе: «Интеллектуальные события настоящего времени – лекции, диспуты, обсуждения – происходят словно на сцене, с явно видимым задником, составленным из прошлых текстов, вне зависимости от того, основываются ли участники на этих текстах или критикуют их. Интеллектуалы особенно остро осознают наличие своих предшественников, причем их собственная продукция адресована невидимым аудиториям»¹. И в силу того, что проблематика интеллектуальной истории требует обращения к множеству контекстов, ориентирующих исследователя на междисциплинарную интеграцию, что в свою очередь подвигает его на создание коллективных исследований с опорой на потенциал уже известной интеллектуальной сети и наработанных интерактивных ритуалов.

Но сводить проблему трансформации РОИИ лишь к поколенческому фактору было бы упрощением, этот фактор, что называется, лежит на поверхности и является сегодняшней реальностью. Представляется важным обратить внимание и на логику развития и функционирования научных сообществ, изменения их когнитивного потенциала. В период становления новой институции, ориентированной на формирование дисциплины интеллектуальной истории, период, который сопровождается манифестацией своих позиций, происходит складывание и сплочение интеллектуальной сети. В этом случае эмоциональная энергия ее лидера и эмоциональный ответ реципиентов являются важным фактором консолидации.

Следующий период – сегментации научной проблематики внутри дисциплины неизбежно провоцирует и сегментацию научной коммуникативной сети и естественную конкуренцию – борьбу за пространство внимания. Совпадение во времени двух указанных факторов с одной стороны усиливает напряжение в интеллектуальной сети, с другой – задает новые горизонты исследования и реформирует саму сеть, создавая новые консолидации.

---

¹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального измерения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 75.

Завершая свое краткое резюме, хочу признаться, что эти десятилетия были для меня наполнены новыми проектами, встречами с интересными людьми – интеллектуалами, эрудитами, задающими высокую планку, поражающими преданностью науке, энергией, открытостью, готовностью протянуть руку помощи и вдохновляющими на творчество. Это позволило вырваться из долгого историографического одиночества (своего рода «стояния на Иртыше») и войти в коммуникационную сеть современной науки, выстроенную и выстраданную ее архитектором Лориной Петровной Репиной.

С юбилеем Вас, дорогая Лорина Петровна!

**СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ (2011–2016 гг.)
члена-корреспондента РАН, доктора исторических
наук, профессора, главного научного сотрудника
Института всеобщей истории РАН
Репиной Лорины Петровны**

Книги

1. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с. (35 л.).
2. [В соавторстве] История исторического знания. 4-е изд., испр. и доп. М.: «Юрайт», 2013. 288 с. (18 л.).
3. [Отв. ред.] Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 600 с. (37,5 л.).
4. [Отв. ред.] Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. [Диалог со временем. Вып. 36]. 432 с. (27 л.).
5. [Отв. ред.] Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. 336 с. (21 л.).
6. [Отв. ред.] Теория и методология современной исторической науки / под ред. Л.П. Репиной. [Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 2 (18)]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1>. (20,6 л.).
7. [Отв. ред.] История и историки в прошлом и настоящем / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. 320 с. (20 л.).
8. [Отв. ред.] Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2014. 848 с. (53 л.).
9. [Отв. ред.] Слава и забвение: парадоксы биографики / под ред. Л.П. Репиной. М.: «Алетейя», 2014. 544 с. (34 л.).
10. Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / отв. ред.: А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: «Аквилон», 2014. 576 с. (36 л.).
11. [Отв. ред.] Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2017. 400 с. (25 л.). (в печати)

12. [Отв. ред.] Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2017. 400 с. (25 л.). (в печати)

***Статьи, разделы в коллективных трудах
и другие научные публикации***

13. [Статья] Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 5–13. (0,6 л.).

14. [Статья] Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 200–222. (1,5 л.).

15. [Статья] Идеал всеобщей истории в интеллектуальном наследии Т.Н. Грановского // Долгое Средневековье: сборник в честь профессора Аделаиды Анатольевны Сванидзе. М.: Кучково поле, 2011. С. 357–370. (1,1 л.).

16. [Статья] Стратегии и исследовательские модели современной исторической науки // Проблемы методологии и источниковедения в историческом исследовании: сборник материалов ежегодного научного семинара Самарского регионального отделения Российского общества интеллектуальной истории. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2011. С. 3–15. (0,7 л.).

17. [Статья] Между локальным и глобальным: поиски интегративных подходов // Регіональна історія України. Вип. 5. К.: Інститут історії України НАН України, 2011. С. 9–28. (1,3 л.).

18. [Предисловие] Интеллектуальная культура как предмет исследования // Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Едиториал УРСС, 2011. [Диалог со временем. Вып. 36]. С. 5–8. (0,3 л.).

19. [Статья] «Связь времен» в историческом сознании переходных эпох // Проблемы истории России. Вып. 9. Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени (XVI – первая половина XIX в.). Екатеринбург: Волот, 2011. С. 11–22. (0,75 л.).

20. [Тезисы доклада] Историческая культура эпохи Просвещения в контексте современного историко-историографического

исследования (к 300-летию Дэвида Юма) // «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI века»: материалы Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 166–168. (0,2 л.).

21. [Предисловие] Историческая истина и историческое знание // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / отв. ред. И.М. Савельева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 250–252. (0,2 л.).

22. [Статья] Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красново. Челябинск: «Энциклопедия», 2011. С. 21–35. (1,1 л.).

23. [Статья] Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Т. 153. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 3. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2011. С. 191–201. (0,8 л.).

24. [Статья] Память, история и национальная идентичность: «мобилизация» понятий в историко-теоретических исследованиях // Многоликость целого: из истории цивилизаций Нового и Старого Света: сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 36–46. (0,7 л.).

25. [Статья] Макроисторические опыты современной историографии // Ученые записки кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. IV. Ставрополь: РИО ИДНК, 2011. С. 19–38. (1,2 л.).

26. [Статья] Т. Н. Грановский и идея всеобщей истории в России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 52–73. (2 л.).

27. [Статья] Новые исследовательские стратегии и преподавание методологии истории в российских университетах // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сборник научных статей / под ред. А.Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 4–13. (0,6 л.).

28. [Статья] «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19. (0,7 л.).
29. [Тезисы доклада] «Гендерный фактор» в истории идей и интеллектуальной культуры: еще об одном актуальном аспекте творческого наследия В.И. Герье // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 23–26. (0,25 л.).
30. [Тезисы доклада] Социальные функции исторической науки в XXI веке // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 121–125. (0,25 л.).
31. [Тезисы доклада] Образ «Другого» и коллективная идентичность в исторической перспективе // Проблемы идентичности: кросс-культурный диалог: сборник материалов международной научной конференции. 21–22 июня 2012 г. / под ред. Т.М. Гавристовой. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 107–110. (0,25 л.).
32. [Статья] «Приватное / публичное» и «власть женщин» // Factorul feminin în istorie (Женский фактор в истории) / Coord. st. Lilia Zabolotnaia. Chisinau (Кишинев, Республика Молдова): CEP USM, 2012. P. 27–37. (1,1 л.).
33. [Статья] Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37. (2 л.).
34. [Статья] После «постмодерна»: историческая наука в поисках новой рациональности и объективности // Может ли история быть объективной?: материалы международной научной конференции / под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 139–160. (1 л.).
35. [Статья] История историографии в пространстве современного гуманитарного знания // Смена парадигм в историографии XIX – начала XXI вв: сборник научных статей (к 60-летию проф. А.Н. Нечухрина). Гродно, Беларусь: Изд-во ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. С. 45–53. (0,6 л.).
36. [Статья] Кризисы переломных эпох в исторической памяти и историографии: к постановке проблемы // Диалог со временем: Мирозрение человека в переходные эпохи. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. С. 81–97. (1,1 л.).

37. [Статья] «Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 181–190. (0,6 л.).

38. [Тезисы доклада] Глобальная история в современных исследованиях и в образовательной практике // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: материалы международной научно-практической конференции, Казань, 22–23 ноября 2012 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 3–6. (0,25 а.л.).

39. [Статья] «Национальные истории» в имперском контексте: британский опыт // Ставропольский альманах интеллектуальной истории. Вып. 13. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. С. 3–11. (0,5 л.).

40. [Статья] Образ «Другого» и коллективные идентичности в историческом измерении // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4 (2). С. 5–10. (0,5 л.).

41. [Статья] Метафора памяти в современной гуманитаристике // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции. (К 65-летию со дня рождения проф. Т.А. Булыгиной). Ставрополь: Изд-во «Бюро новостей», 2012. С. 37–45. (0,5 л.).

42. [Статья] Представление о прошлом и связь времен в историческом сознании // Гуманитарные чтения РГГУ – 2011: Теория и методология гуманитарного знания. Общественные функции гуманитарных наук. Россияеведение. Гуманитарное знание и образование. М.: РГГУ, 2012. С. 87–100. (0,8 л.).

43. [Статья] Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности // Исторический журнал – научные исследования. 2013. № 1. С. 24–32. (0,9 л.).

44. [Статья] Е.А. Косминский и «Роль русских историков в разработке истории Англии»: 70 лет спустя // История Британии: современные исследования: сборник статей / отв. ред. М.П. Айзенштат. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 345–358. (0,8 л.).

45. [Статья] Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 190–198. (0,6 л.).

46. [Статья] «Историографическая революция» и теоретические поиски на рубеже веков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Вып. 2 (18): Теория и методология

современной исторической науки / отв. ред. Л.П. Репина. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1>. (2,2 л.).

47. [Статья] Национальная история и британская имперская идентичность: стратегии трансформации // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX веков. № 8. Альбионика. Вып. IV.* Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2013. С. 75–85. (0,5 л.).

48. [Статья] Перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // *В поисках истины: сборник к юбилею акад. А.О. Чубарьяна.* М.: ИВИ РАН, 2013. С. 327–349. (1,1 л.).

49. [Статья] Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // *История и историки в прошлом и настоящем / под ред. Л.П. Репиной.* М.: ИВИ РАН, 2013. С. 5–22. (1 л.).

50. [Статья] Историк в поиске: к 90-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного // *Диалог со временем.* 2013. Вып. 44. С. 232–248. (1 л.).

51. [Статья] Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // *Социальные последствия войн и конфликтов XX в.: историческая память / отв. ред. Е.П. Серапионова.* СПб.: Нестор, 2013. С. 8–16. (0,7 л.).

52. [Статья] Теоретические основания и перспективы региональной истории // *Преподаватель XXI век.* 2013. № 3. С. 262–273. (0,5 л.).

53. [Статья] Книжное наследие в пространстве интеллектуальной культуры: парадоксы исторической динамики // *Библиотекосведение.* 2013. № 5. С. 15–19. (0,5 л.).

54. [Тезисы доклада] Историческое событие – стратегии анализа и наррации // *Историческое событие в современных исторических и историографических практиках: материалы Всероссийской научной конференции.* Брянск: Брянский государственный университет, 2013. С. 88–91. (0,25 л.).

55. [Тезисы доклада] Идея культурного синтеза и «эскиз картины всемирной истории» В.Д. Жигунина // *Историк в историческом и историографическом времени: материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана.* Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 45–49. (0,25 л.).

56. [Тезисы доклада] Биографические исследования в современной российской историографии // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 229–232. (0,2 л.).

57. [Статья] Идеи и люди в контексте истории интеллектуальной культуры // Историческое прошлое и образы истории: материалы международной научной конференции в честь 95-летия гуманитарного образования в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского / под ред. Л.Н. Черновой. Саратов: Издательский центр «Наука», 2013. С. 3–9. (0,5 л.).

58. [Статья] Традиции всеобщей истории в «русской исторической школе» и новый российский проект «Всемирной истории» // Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации: сборник научных статей / под науч. ред. проф. А.Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 4–16. (0,8 л.).

59. [Статья] Indywidualne i ponadindywidualne w konceptualizacji pamięci: od dychotomii do syntezy (на польск. яз.) [Индивидуальное и надындивидуальное в концептуализации памяти: от дихотомии к синтезу] // Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne. 2013. Vol. XI. No. 2. S. 43–56. (1 л.). Open-access database CEJSH – The Central European Journals of Social Sciences and Humanities (<http://www.sensushistoriae.epigram.eu>). English translation: Repina, Lorina. Individual and Super-Individual in the Conceptualisation of Memory: from Dichotomy to Synthesis URL: <http://www.sensus-historiae.amu.edu.pl/index.php/sensus/article/view/69/>.

60. [Статья] Historians in search of new ways at the border of the centuries // Codrul Cosminului. XIX. 2013. No. 2. P. 257–268. (0,75 л.).

61. [Статья] Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 гг. М.: Наука, 2014. С. 206–231. (1,6 л.).

62. [Глава] Интеллектуальная культура как предмет исследования // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2014. С. 7–19. (1 л.).

63. [Статья] Пространственные контексты изучения средневекового города // *Sub specie historiae culturalis: сборник памяти А.Л. Ястребицкой / отв. ред. С.И. Лучицкая. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 57–73. (1 л.).*
64. [Статья] Идеи – концепции – люди, или Как писать историю медиевистики сегодня // *Средние века. 2014. Вып. 75 (3-4). С. 406–422. (1,2 л.).*
65. [Статья] Макроисторическая перспектива сегодня: теоретические и методологические поиски // *Преподаватель XXI век. 2014. № 2. С. 243–258. (1 л.).*
66. [Статья] (в соавторстве с Г.П. Мягковым). Интеллектуальная культура и научные коммуникации // *Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137–142. (0,8 л.).*
67. [Статья] Историческая наука, исследовательские практики российских историков и перспективы «публичной истории» // *Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов. Чебоксары: Новое время, 2014. С. 7–12. (0,4 л.).*
68. [Статья] Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти») // *Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 28–43. (1 л.).*
69. [Тезисы доклада] Глобальная история как проект идентичности // *Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 88–90. (0,2 л.).*
70. [Тезисы доклада] История Университета и история в университете: новые подходы как ресурсы консолидации // *Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовшине основания Казанского университета. Казань, КПФУ, 27–29 ноября 2014 г. С. 29–32. (0,2 л.).*
71. [Статья] От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // *Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.ru/s207987840000848-1-1> (дата обращения: 29.12.2014). (0,7 л.).*

72. [Статья] Main Trends and Theoretical Innovations in Current Historiography (пер. на китайский язык Cao Tejin) // International Historical Forum. 1. Beijing: Social Sciences Academic Press (China), 2015. P. 38–50. (1 л.).

73. [Статья] Цивилизационная парадигма в старых и новых моделях мировой истории // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив: сборник научных статей / отв. ред. Ф.Е. Ажимов. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. 256 с. С. 7–21. (1 л.) (РФФИ).

74. [Статья] Историческая память и историческое сознание: парадоксы концептуализации // Взгляд в прошлое... Проблемы, методы, перспективы / отв. ред. Майя Петрова и Дюла Свак. М.: Аквилон, 2015. С. 109–128 (1,2 л.).

75. [Статья] Historisches Gedächtnis und kollektive Identität: Schwierigkeiten der Konzeptualisierung // Erinnerung an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945 (Вспоминая диктатуру и войну. Болевые точки исторической памяти в России и Германии после 1945 года) / A. Wirsching, J. Zarusky, A. Tschubarjan, V. Ischtschenko (Hrsg.). Series: “Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte”, Band 107. München: Walther de Gruyter GmbH, 2015. S. 3–15. (1 л.).

76. [Статья] Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Т. 157. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 3. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. С. 55–67. (1 л.).

77. [Статья, в соавторстве с О.Б. Леонтьевой] Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 9 (42) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1> (дата обращения: 07.12.2015). (2,3 л.).

78. [Статья, в соавторстве с О.Б. Леонтьевой и З.А. Чеканцевой] История и теория на XXII Конгрессе МКИН: Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах» // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 8–32. (1,5 л.).

79. [Статья] Историческое событие в дискурсах истории историков и истории памяти // В тени Мнемозины: коммеморатив-

ные практики в обществах прошлого: сборник научных трудов / под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. [262 с.] С. 3–12. (0,6 л.).

80. [Статья] Память истории и историческое сознание в фокусе категориального анализа М.А. Барга // Харьківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. Випуск 14. С. 5–16. (0,75 л.).

81. [Статья] Категории исторической науки и «глобальная история человечества» М.А. Барга // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 5–15. (0,75 л.).

82. [Статья] Science and Society: Public History in the Context of Historical Culture of the Globalization Era // Codrul Cosminului. 2015. Vol. XXI. No. 2. P. 189–202. (1 л.).

83. [Статья] Между памятью и ожиданиями, или Три модуса времени в историческом сознании // *Arg Historica*. Сборник в честь О.Ф. Кудрявцева / сост. и отв. ред. А.К. Гладков. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 505–515. (0,75 л.).

84. [Статья] Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 8–15. (0,5 л.).

85. [Статья] Renaissance Worldview and Historical Consciousness in Michael Barg's Interpretation // *Intellectual History Review*. 2016. Vol. 26, No. 1 (Special Issue: Studies in Intellectual Historiography (Festschrift for Constance Blackwell)). Pp. 17-24. (DOI: 10.1080/17496977.2015.1032130) (0,75 л.).

86. [Статья] События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое Прошлое / *The New Past*. 2016. № 1. С. 82–99. (1,2 л.).

87. [Статья] Научные форумы как пространство диалога британских и советских историков-англоведов // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2016. Вып. 2 (46) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001430-2-1> (дата обращения: 14.06.2016). DOI: 10.18254/S0001430-2-1 (1,1 л.).

88. [Статья] Региональные нарративы в сетевой модели «новой имперской истории» // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследо-

вательские практики: сборник научных статей. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. [196 с.] С. 76–80. (0,7 л.).

89. [Статья] Всеобщая история // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: «Аквилон», 2016. С. 57–65. (0,5 л.).

90. [Статья] Событие в истории и коллективной памяти: Казус-1066 // Диалог со временем. Вып. 56. 2016. С. 39–46. (0,6 л.).

91. [Тезисы доклада] Историческое событие и историческая наука XIX – начала XXI века // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной конференции 3–4 октября 2016 г. М.: Аквилон, 2016. С. 328–331. (0,2 л.).

Фото 1. Л.П. Репина на Пятых Копелевских чтениях. Липецк, 2007.

Фото 2. Л.П. Репина в своем рабочем кабинете.
Москва. 30 сентября 2007 г.

Фото 3. Л.П. Репина на XXII Международном конгрессе исторических наук (г. Цзинань, Китай): Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах». 27 августа 2015 г.

Фото 4. Выступление Л.П. Репиной на Международной научно-практической конференции «Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем». Липецк, 24 сентября 2015 г.

Фото 5. Л.П. Репина в президиуме Международной научной конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики». 3 октября 2016 г.
Слева направо: д.ф.н. М.С. Киселева, директор ИВИ РАН, д.и.н., проф. М.А. Липкин, акад. РАН В.А. Тишков

Фото 6. Л.П. Репина среди коллег. Научная конференция «Т.Н. Грановский и судьбы исторической науки». Слева направо: Г.М. Мягков, Л.П. Репина, В.П. Корзун, Е.А. Чеглинцев, В.П. Золотарев

Фото 7. Л.П. Репина с участниками Всероссийской научной конференции «Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе». Пермь. 22–23 сентября 2007 г.

Фото 8. Всероссийская научная конференция «Мир историка: Владимир Иванович Герье (к 170-летию со дня рождения)». 17 мая 2007 г. Слева направо: первый ряд – Н.С. Кореева (Казань), В.П. Золотарев (Сыктывкар), Д.А. Цыганков (Москва), А.В. Антощенко (Петрозаводск), Л.П. Репина (Москва), И.Г. Воробьева (Тверь); второй ряд – Г.П. Мяжков (Казань), О.И. Зезегова (Сыктывкар), Н.Г. Федорова (Казань), А.В. Юдин (Москва)

Фото 9. Л.П. Репина с коллегами на Всероссийской научной конференции «Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе». Пермь, 22–23 сентября 2007 г. Слева направо: В.П. Корзун (Омск), О.В. Воробьева (Липецк), В.С. Савчук (Ростов-на-Дону), Л.П. Репина (Москва), В.Г. Рыженко (Омск)

Л.П. Репина

**«Строгий и последовательный историзм»
в анализе индийского средневековья...**

**Отзыв на диссертацию Е.Ю. Ваниной
«Индийское средневековье – проблемы формирования
представлений о человеке и обществе, времени
и пространстве», представленную на соискание ученой
степени доктора исторических наук по специальности
07.00.03 – Всеобщая история (Средние века)**

Публикуется отзыв на диссертацию, посвященную проблеме формирования представлений о человеке, обществе, времени и пространстве в средневековой Индии.

Ключевые слова: Индийское средневековье, мировоззрение средневековья Запада и Востока, представления о человеке, обществе, времени и пространстве.

L.P. Repina

**"Strict and consistent historicism"
in the analysis of the Indian middle ages...**

**Feedback on thesis E.Yu. Vanina
"The Indian middle ages – the problems of formation of
ideas about man and society, time and space", presented
on competition the degree of doctor of historical Sciences
on the specialty 07.00.03 – General history (Middle ages)**

Published a review on a thesis devoted to the problem of forming beliefs about man, society, time and space in medieval India.

Key words: Indian middle ages, the worldview of the middle ages of East and West, ideas about man, society, time and space.

Тема диссертации Е.Ю. Ваниной вписывается в магистральную для современной историографии проблематику. Проблема формирования коллективных представлений уже несколько десятилетий активно разрабатывается на материале разных регионов Западной Европы в зарубежной и отечественной медиевистике в

рамках истории ментальностей, а с недавнего времени – в русле так называемой новой культурной истории. Применение автором диссертации подобного социокультурного анализа к индийскому обществу доколониального периода (как и любого другого) представляется не только правомерным, но и весьма плодотворным.

Е.Ю. Ванина поставила перед собой цель «охарактеризовать основные ценности и ментальные стереотипы, определявшие на протяжении веков мировосприятие средневековых индийцев и получившие отражение в письменных источниках» (с. 21). Принципиально важной установкой исследователя является отказ от «иллюзорного представления» о неких неизменных, «вечных ценностях», характерных для того или иного народа или цивилизации, и пересмотр стереотипа «исторически сложившегося отставания стран Востока», опирающегося на попытки мерить всех «западным шаблоном». С учетом современного состояния ориенталистских исследований в зарубежной историографии и пониманием перспектив методологического обновления отечественной исторической науки выбранный Е. Ю. Ваниной ракурс исследования, направленный на выявление мировоззренческих стереотипов, социальных норм, идеалов и ценностей, базовых категорий индийской средневековой культуры и позволяющий действительно по-новому поставить вопрос о характере этого общества и специфике его эволюции, сообщает диссертационной работе особую актуальность и научно-практическое значение.

Предмет исследования Е.Ю. Ваниной – картина мира средневековых индийцев. Таким образом, новизна работы заключается уже в самом предмете исследования. При этом тема исследования имеет не только собственные «внутренние резервы», но и серьезные выходы в общую проблематику всемирной истории, прежде всего благодаря последовательно реализованному компаративному подходу, который опирается на научно обоснованный выбор сопоставимых элементов «ментальной программы» индийского и западноевропейского средневековья, корректное использование доступного круга западноевропейских средневековых источников и репрезентативного комплекса первоклассных историко-антропологических исследований зарубежных ученых (главным образом ведущих представителей школы «Анналов») и отечественных историков-медиевистов.

Обширный круг проблем, затрагиваемых в диссертации, длительное время остается в центре оживленных дискуссий международного сообщества историков, занимающихся историей разных стран и народов, но сегодня все более интенсивными становятся поиски их решения на основе полидисциплинарной методологии и различных вариантов комбинации микро- и макроисторического анализа. Последовательное сочетание взаимодополнительных подходов в одном исследовании, сообщает ему необходимую методологическую полноту и основательность, обеспечивает возможность новой, оригинальной интерпретации изучаемых явлений.

Структура диссертационного сочинения хорошо продумана и точно соответствует поставленным в нем задачам. Работа состоит из Введения, четырех глав (с подразделами), выстроенных вокруг ключевых категорий («пространство», «время», «общество», «человек»), Заключения и библиографии (этот список выглядит весьма внушительно).

Впечатляющие хронологические рамки работы, охватывающие более тысячелетия, определяют масштаб его источниковой базы (хроники и героические поэмы, биографические сочинения, религиозно-мистическая литература, художественные произведения и др.), которая свидетельствует о фундаментальном характере проведенного исследования и обеспечивает значимость его результатов. Сформулированные задачи обуславливают приоритетное использование разножанровых литературных памятников и методику работы с ними, в которой автор проявляет необходимую осторожность и эпистемологическую корректность.

Критический историографический обзор, представленный в диссертации, несомненно, заслуживает высокой оценки. Е.Ю. Ванина с честью вышла из весьма трудного положения, в которое неизбежно ставит исследователя наличие обширного и разнородного корпуса научной литературы, касающейся избранной темы. Автору удалось целесообразно организовать этот материал, концентрируя внимание главным образом на тех работах, которые имеют важное методологическое значение и непосредственно подводят к проблемам, поставленным в диссертации, или же вводят в оборот новые авторитетные концепции, так или иначе относящиеся к намеченным в ней исследовательским линиям.

Как сам замысел, так и его реализация представляются вполне успешными. Е.Ю. Ванина имеет аргументированную и отчетливо выраженную методологическую позицию, отлично владеет исследовательским инструментарием. Нельзя не отметить и не оценить строгий и последовательный историзм избранного ею подхода. Для автора характерно глубокое понимание синтетической природы современного исторического исследования, и потому ей удалось найти ключ к решению поставленной задачи в последовательном сочетании социально-исторического и культурно-антропологического подходов и получить важные результаты, которые, без сомнения, будут широко востребованы историками, и не только специалистами по истории Индии и другим странам Востока. Об этом можно говорить уже со всей определенностью, учитывая, в частности, использование ряда концептуальных решений и выводов проведенного Е.Ю. Ваниной исследования в рамках компаративного научно-исследовательского проекта «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад». Во Введении к диссертации автор справедливо указывает на многообещающие научные перспективы специальных исследований, построенных на сопоставлении индийского средневековья с китайским, японским, арабским или иранским (с. 27).

Сравнение не означает отождествления: в многочисленных сопоставлениях ярко выявляется своеобразие индийской средневековой культуры в целом и отдельные ее характеристики, которые более четко выделяются на контрастном «фоне». Медиевиста-«западника» может удивить встреча на индийской «почве» с большим числом до боли знакомых черт, обнаруживаемых в социальных явлениях и культурных представлениях иной цивилизации (начиная с космологических конструкций и бинарных пространственных оппозиций и кончая ценностными приоритетами и идеальными образами представителей сходных сословных групп). Пожалуй, особенно убедительными выглядят аналогии, связанные с социальным обликом и этическими идеалами «людей меча» (с. 234–279). Но среди этих общих черт высвечиваются немало важные особенности: например, такие как повышение статуса касты в целом вследствие прорыва вверх по социальной лестнице

индивида или группы (с. 220), или же тесное сближение разноконфессиональных элит, вплоть до идентификации в качестве некоего единого социального слоя – «надконфессиональной общности» (с. 92, 222, 293). Чрезвычайно интересными представляются сделанные в работе выводы о том, что сословия представляли собой комплекс разнородных социальных и этнических групп, и в целом сословные факторы в индийском обществе были «несравнимо сильнее», чем конфессиональные (с. 275).

Нельзя не отметить ценный вклад Е.Ю. Ваниной в изучение темпоральных представлений средневековых индийцев. Особенно интересно решена проблема соотношения циклических и линейных представлений. В отличие от широко разделяемого мнения об исключительно циклическом характере времени в восприятии индусов (в отличие от западной христианской модели), автор убедительно демонстрирует сочетание циклических и линейных представлений – время воспринималось как линейное внутри космических циклов. Е.Ю. Ванина подробно останавливается на эволюции форм исторического сознания от эпоса к хроникам, одновременно подчеркивая ориентированность на прошлое, которая характерна для всех традиционных обществ. Усиление линейных представлений под влиянием мусульманской исторической традиции, а затем и появление идеи прогресса в представлениях «просвещенных философов» XVI века выводят историческое сознание индийцев на новый уровень. Автор употребляет понятие «историческое сознание» в широком смысле, опираясь на концепцию выдающегося отечественного историка и методолога М.А. Барга, считавшего историческое сознание фундаментальной мировоззренческой характеристикой культуры любой эпохи, каждой человеческой общности, потому что ее формирующим элементом выступает социальная практика и складывающийся на ее основе исторический опыт.

Проблема категоризации людей как принадлежащих к тем или иным социальным группам, с акцентом на саму возможность представить общество как состоящее из таких групп, чрезвычайно значима и для социологов, и для антропологов, и, конечно же, для историков. Особо остро эта проблема встает перед исследователем общества со сложнейшей сословно-кастовой структурой.

Анализ общих и социально-дифференцированных «ментальных программ» (автор констатирует наряду с существованием общей картины мира дифференцированность «ментальных программ» по социальным, гендерным, религиозным и этнокультурным основаниям), ключевых понятий и категорий, а также эволюции их содержания в коллективных представлениях составляет важнейшую часть исследования Е.Ю. Ваниной. И в этом плане необходимо отметить, что ей удалось показать не только различия в представлениях об общественных обязанностях, облике и подобающих качествах, об уровне уважения и престижа, образе жизни и нормах поведения, которым должны были следовать человек или группа, и которые лежали в основе социального деления, но и возможности социальной мобильности, а также убедительно представить намечающиеся признаки некоторого «сдвига» в сознании, «значительные изменения в ценностных ориентирах, мировосприятии и духовных исканиях людей» в связи с важными сдвигами «в базисных сферах социальной жизни» (с. 20–21). Средневековое индийское общество характеризуется автором как «одновременно стабильное и внутренне противоречивое»: оказалось, что при наличии мощного потенциала стабильности, обеспечиваемого существованием жесткой сословно-кастовой системы, оно «постоянно усложнялось, изменялось, переживало противоречия и кризисы» (с. 331, 334–335).

Отметим весьма важное заключение автора о том, что «индийское общество позднего средневековья училось видеть человеческую индивидуальность и проявляло к ней заметный интерес», что свидетельствует об относительном динамизме предколониального индийского общества и наличии предпосылок для восприятия «идей и ценностей нового времени» (с. 441–442). Речь при этом идет, разумеется, об образованной верхушке общества, о чем Е.Ю. Ванина справедливо не считает лишним не раз напомнить читателям. Само развитие автобиографического жанра в индийской литературе позднего средневековья (как и аналогичные явления в европейских литературах) служит своеобразным маркером нового подхода к человеку, симптомом развития личностного начала.

Важнейший вывод, к которому пришла Е.Ю. Ванина в своем диссертационном исследовании, состоит в том, что, не отрицая

многочисленных различий в мировоззренческих комплексах индийцев и европейцев, их культурные представления являются вариантами картины мира, единой в своей основе для всех средневековых обществ. А те изменения, которые проявляются уже в XVIII в., позволяют говорить об относительной подготовленности общественного сознания (пусть только в его элитарном слое) к восприятию «ментальной программы» Нового времени.

В отличие от других работ, в которых предпринимаются эпизодические сопоставления исторических процессов и явлений на материале разных стран и народов, Е.Ю. Ванина исходит – по крайней мере на уровне декларации – из понимания внутренней региональной дифференциации социально-экономических, политических и этнокультурных условий не только «родной» Индии, но и сопоставляемого с ней ареала, отступая от распространенного образа «гомогенного Запада» (с. 10–11). Вместе с тем, при рассмотрении конкретных вопросов это обстоятельство исчезает из виду: сравнительный анализ ориентируется на два параллельных ряда признаков – характерных соответственно для «Запада» и для Индии. Представляется, что сравнение на уровне отдельных регионов с той и другой стороны могло бы дать более насыщенную картину как аналогий, так и контрастов. Но это уже скорее относится к возможным перспективам дальнейших исследований.

Еще одно соображение, связанное, кстати, с предыдущим замечанием. То, что «Индия не воспринималась своим населением в качестве единой страны» (с. 95) не удивительно. Региональная идентичность была характерна и для европейского средневековья, что и отмечено в работе Е.Ю. Ваниной. Но западноевропейский материал и в этом далеко не однороден, а кроме того – приоритет локальной/региональной идентичности в разных проявлениях обнаруживается даже в середине XVII века в таком относительно централизованном государстве, как Англия, о чем свидетельствуют многочисленные исследования британских специалистов по локальной истории.

Вызывает также некоторый дискомфорт коллективное наименование («через запятую») как зарубежных, так и отечественных историков-медиевистов, методологические принципы и исторические концепции которых нередко существенным образом

разнятся. Понятно, что подробная характеристика их исследований не входила в задачи историографического раздела диссертационной работы, но мне думается, что кратко обозначить имеющиеся различия все-таки стоило.

И последнее – несколько неожиданно оформлена библиография – без рубрикации, выделяющей, в частности, источники.

Разумеется, высказанные здесь замечания имеют рекомендательный характер и отнюдь не умаляют значимости оригинального исследования Е.Ю. Ваниной, основные положения и выводы которого глубоко продуманы и не вызывают возражений.

Работа выполнена на высоком профессиональном уровне, ее отличает многоплановость и информационная насыщенность. Диссертация написана прекрасным языком. Исключительно четкое изложение делает ее содержание понятным и неспециалистам, причем без всякого упрощения, а это – редкое достоинство. Привлекает исследовательская манера Е.Ю. Ваниной и стиль ее критики в адрес коллег, которая всегда конкретна и корректна.

Практическое значение работы определяется актуальностью темы, новизной постановки и решения проблем. Ее выводы могут быть рекомендованы для использования при подготовке обобщающих работ и спецкурсов по исторической компаративистике, для разработки учебных пособий нового поколения – как по истории Индии, так и по всеобщей истории в целом.

Диссертация Е.Ю. Ваниной – это крупное исследование, открывающее новые перспективы в направлении решения важнейших проблем истории Средневековья. Высокий теоретический уровень, фундаментальность эмпирической базы, аргументированность выводов и оценок – все это дает основание утверждать, что представленная работа полностью отвечает всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор – Е.Ю. Ванина – несомненно, заслуживает присвоения ей искомой степени доктора исторических наук.

Проблематика, основное содержание и выводы диссертационного исследования отражены в многочисленных публикациях автора, в том числе включенных в Перечень ВАК.

Автореферат соответствует содержанию диссертации и выполнен в соответствии с действующими правилами.

Л.П. Репина

**В.И. Герье и его научная школа:
макро- и микроверсии становления науки
всеобщей истории в России**

**Отзыв на диссертацию Т.Н. Ивановой
«Владимир Иванович Герье и формирование науки
всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.)»,
представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук (специальность 07.00.09 –
историография, источниковедение
и методы исторического исследования)**

Публикуется отзыв на диссертацию, посвященную становлению медиевистики в России в лице ее крупнейшего представителя В.И. Герье. Рассматривается процесс становления школы Герье и особенности историографического осмысления этого процесса.

Ключевые слова: В.И. Герье, отечественная медиевистика, процесс формирования школы Герье, макро- и микроверсии становления.

L.P. Repina

**V.I. Gere and his scientific school:
the macro- and microversion of the formation
of the science of universal history in Russia**

**Opinion on the thesis of T.N. Ivanova
"Vladimir Ivanovich Gere and the formation of a science
of universal history in Russia (30-ies of XIX – beginning
of XX century)" presented on competition of a scientific
degree of the doctor of historical Sciences (specialty
07.00.09 – historiografia, source studies
and methods of historical research)**

Published a review on a thesis on the development of medieval studies in Russia in the person of its greatest representative of V.I. Gere. Considers the process of formation of the school of Gere and especially historiographical understanding of this process.

Key words: V.I. Gere, domestic medieval studies, the process of forming school Gere, macro- and microversions of formation.

© Л.П. Репина, 2017

В последнее десятилетие XX и в начале нынешнего века в мировой исторической науке большую актуальность приобрели исследования, направленные на выяснение условий, форм и многообразных контекстов профессиональной деятельности историков прошлых эпох. Успешное развитие данной области интеллектуальной истории требует от историков, занимающихся изучением профессиональной историографической культуры, активного поиска в пространстве междисциплинарных связей и самостоятельной теоретической работы высокого уровня. Отрадно отметить, что в этом быстро расширяющемся предметном поле новейшая отечественная историография занимает передовые рубежи, свидетельством чему является и представленная Т.Н. Ивановой диссертация.

Проблематика этой работы, безусловно, отражает перспективные тенденции современной исторической науки, причем сразу в нескольких важных направлениях. Это, во-первых, явление, которое можно с уверенностью назвать ренессансом макроисторических подходов в перспективах «новой всеобщей истории», глобальной истории, «новой мировой истории». В отечественной историографии изучение тенденций развития науки всеобщей истории всегда как-то «заслонялось» более пристальным вниманием к исследователям российской истории. Упрощенная трактовка термина «всеобщая история» как истории зарубежных стран привела к забвению классического определения Т.Н. Грановским всеобщей истории как истории всего человечества.

Обращение Т.Н. Ивановой к исследованию истоков формирования науки всеобщей истории в России («от Т.Н. Грановского к Н.И. Карееву») в этой связи выглядит как своевременное и необходимое. При этом в диссертации задача «выявления основных закономерностей формирования науки всеобщей истории в России» и «комплексного анализа жизни и научно-педагогической деятельности В.И. Герье» решается как двуединая.

Само становление науки всеобщей истории в России дается сквозь призму творческой жизни и научного наследия В.И. Герье. О востребованности современным обществом наследия этого некогда замалчиваемого русского историка свидетельствует тот факт, что за последние годы впервые после его смерти переизданы все его крупнейшие монографии. Т.Н. Иванова, отмечая недавний

всплеск интереса к творчеству В.И. Герье, предлагает объяснение этому феномену как методологическими исканиями современной науки, возросшим интересом к истории идей, так и общественно-политическими сдвигами, и даже проблемами реформирования высшей школы. Так или иначе, но биографический подход к изучению интеллектуальной традиции российской исторической науки оказывается весьма продуктивным, а комплексный анализ творческого наследия и педагогической деятельности В.И. Герье позволяет предметно рассматривать процесс формирования исторической культуры в модернизирующемся российском обществе.

Необходимо отметить еще один важный аспект диссертационной работы Т.Н. Ивановой, который заключается в том, что в центре ее внимания оказался не только анализ научных воззрений и концепций, но и коммуникативные практики историков, межпоколенческие и межличностные взаимоотношения, проблемы интерференции научных сообществ, механизмов создания, трансляции и интерпретации научных знаний. Поставив перед собой в диссертационном исследовании цель «выявить роль В.И. Герье в процессе формирования науки всеобщей истории в России, определить основные тенденции этого процесса, показать механизмы складывания научного знания и передачи его от одного поколения ученых к другим» (с. 36), автор опирается на комплексный подход, в основание которого положена теория М. Полани о путях передачи неявного, имплицитного знания и формирования личностного знания как искусства ученого. На этой теоретической базе строится рабочая гипотеза о том, что передача личностного знания от учителя к ученику составила определяющую константу формирования науки всеобщей истории в России, и центральным субъектом этого процесса в последней трети XIX столетия выступил именно В.И. Герье (с. 44).

Выносимые на защиту положения диссертационного исследования Т.Н. Ивановой опираются на прочный фундамент – широкую и разнообразную источниковую базу, включающую в себя произведения ведущих ученых XIX столетия, источники личного происхождения, нормативные и правовые материалы и делопроизводственные документы Министерства Народного просвещения. Особо следует отметить введение в научный оборот целого ряда

неопубликованных архивных материалов, что позволило диссертанту существенно расширить круг источников. Весьма продуктивной представляется предложенная автором методика анализа литографированных изданий лекционных курсов Герье, которая может войти в актив источниковедческих практик современной науки.

Автором диссертации продемонстрировано глубокое знакомство с историографией проблемы, при анализе которой Т.Н. Иванова последовательно выявляет и пытается опровергнуть стереотипы восприятия Герье в работах предшественников. Конструктивно и критически проанализировав имеющиеся работы о В.И. Герье и обобщив достигнутые в них научные результаты, Т.Н. Иванова предлагает собственную оригинальную трактовку места Герье не только в отечественной историографии, но и в развитии всей российской интеллектуальной культуры. Сделанный ею вывод о «мозаичности» изучения жизни и научного наследия Герье, вполне может быть распространен и на историю изучения формирования науки всеобщей истории в России.

Представленное Т.Н. Ивановой диссертационное сочинение состоит из Введения, пяти глав, Заключения, списка источников и приложений. Структура работы хорошо продумана, композиция построена по проблемно-хронологическому принципу и соответствует поставленным в ней задачам.

В первой главе («Владимир Иванович Герье: этапы жизненного пути и основные направления деятельности») дана комплексная оценка жизненного пути и многообразной деятельности В.И. Герье. Автору удалось прояснить несколько спорных фактов биографии Герье. В диссертации Т.Н. Ивановой впервые с такой полнотой проанализирована его общественно-просветительская деятельность, дана характеристика его позиции в качестве члена Государственного совета. Выделенные автором этапы жизнедеятельности ученого логично вытекают из фактов его биографии. В этом плане чрезвычайно важным подспорьем для читателя диссертации является данная в приложении хронология «Основные даты жизни В.И. Герье». Антропологический подход в этой главе выявился в стремлении не только дать характеристику приватной жизни ученого, но и проникнуть в его духовный мир. Явное и нескрываемое стремление диссертанта реабилитировать своего ге-

роя объясняется естественной реакцией на предвзятое отношение к Герье, укоренившееся в советское время. Т.Н. Иванова предлагает собственное и достаточно убедительное объяснение появлению устойчивых стереотипов о Герье как политическом реакционере, человеке со сложным характером, не умевшим ладить со своими учениками. В целом в этой главе автору удалось создать многомерный, эмоционально окрашенный портрет историка. Хотя несколько спорным выглядит предложение оценивать роль Герье, исходя преимущественно из его свершений на самом плодотворном (70-е – 90-е гг.), втором этапе его жизни.

Вторая глава диссертации («Время учителей В.И. Герье: основные тенденции развития исторической науки во второй трети XIX века») знаменует переход от собственно историко-биографического к антропологически ориентированному историографическому анализу развития исторической науки второй трети XIX столетия. И этот подход выдержан в высшей степени последовательно. Сам подбор анализируемых концепций, произведений, авторов определяется их большим или меньшим воздействием на Герье, а их характеристика, в основном, дана сквозь призму высказываний самого Герье. Такой авторский прием позволяет глубже понять истоки теоретико-методологических взглядов, исторической концепции русского ученого, вписать его творчество в интеллектуальную традицию формирующейся науки всеобщей истории. В то же время нельзя не отметить, что это несколько сужает панораму развития исторической науки и придает данному очерку оттенок субъективности, хотя для освещения творчества Герье такой прием, несомненно, плодотворен.

Завершает вторую главу параграф, в котором анализируются теоретико-методологические взгляды В.И. Герье. Здесь рассматривается процесс восприятия В.И. Герье тех теорий и исторических концепций, которые господствовали в европейской науке в XIX столетии. Автор делает вывод о том, что решающее воздействие на формирование исторического мировоззрения Герье оказали Гегель, Моммзен, Ранке, Зибель и Соловьев, а в его научном творчестве и педагогической деятельности отразились основные тенденции развития исторической науки второй трети XIX века. При этом, как убедительно доказано в диссертационном исследо-

вании, Герье не был простым интерпретатором «модных» течений, а создал собственную оригинальную методологическую систему (с. 288). Т.Н. Иванова также предпринимает интересную попытку анализа методики исторических трудов ученого, разбирая на конкретных произведениях применение им историко-критического метода, характерного для представителей школы Ранке, статистического метода и методов историографического и источниковедческого анализа.

Третья глава диссертации написана в духе традиционных историографических исследований. В ней дан глубокий анализ вклада Герье в научное изучение отдельных проблем всеобщей истории. В отличие от предшествующих исследователей научного наследия Герье, которые обобщали его взгляды по античности, средневековью, новому времени и т. д., воссоздавая структуру академического издания «Очерков истории исторической науки в России», Т.Н. Иванова в основу этой главы положила предложенный ею еще при классификации трудов Герье, проблемно-тематический принцип. Нельзя не оценить сделанный автором диссертации важный вклад в изучение творчества В.И. Герье, а именно полноценное воссоздание его масштабной концепции всеобщей истории – как совокупности представлений об основных закономерностях развития человечества и о специфике отдельных этапов этого развития. Так как обобщающего исследования подобного книге Н.И. Кареева «Главные обобщения всемирной истории», Герье не создал, автор диссертации привлекает для решения поставленной задачи весь комплекс опубликованных и рукописных трудов и лекционные курсы профессора. Именно здесь практически применена разработанная Т.Н. Ивановой методика анализа литографированных изданий лекционных курсов. Благодаря системному и кропотливому анализу всего научно-педагогического наследия автору удалось дать характеристику взглядов Герье на проблемы истории Древнего Востока, Древней Греции, протестантизма и историю XIX века, то есть выявить те стороны его научного наследия, которые ранее исследователями творчества В.И. Герье не освещались. Автор, взвешенно оценивая значимость концепции Герье и отмечая «вторичность» многих ее положений (с. 318–319), видит достоинство этой концепции в целостности восприятия ис-

тории человечества, в том, что в ней обобщены передовые для того времени взгляды выдающихся ученых по всем разделам всеобщей истории. Т.Н. Иванова показывает весомый вклад В.И. Герье в разработку целого ряда конкретных проблем всеобщей истории, анализу которых посвящен раздел 3.2.

Как важнейшее проблемное поле в творчестве В.И. Герье автор выделяет историю идей. К проблематике истории идей Т.Н. Иванова справедливо относит многочисленные историографические работы Герье. Она выделяет в научном наследии Герье несколько групп работ с историографической тематикой: монографии, посвященные истории исторической науки, лекционные курсы, рецензии, историографические обзоры в журналах. При этом автором диссертации впервые проанализирован цикл историографических статей, опубликованный в 1880–1882 гг. в «Историческом вестнике», что открывает новые горизонты исследования и позволяет определить взгляды Герье по целому ряду ранее не затрагивавшихся научных проблем (с. 326–331). Весьма содержателен раздел диссертации, посвященный работам Герье о Г. Мабли. Именно эти работы, как показывает анализ привлекаемых Т.Н. Ивановой рецензий французских ученых (с. 334), принесли Герье признание в зарубежной историографии.

Важным направлением в научном наследии В.И. Герье являются его историко-биографические труды, содержание и логика которых выходят далеко за пределы традиционного типа исторических биографий. И здесь необходимо, прежде всего, выделить книги Герье о Лейбнице. Нельзя не согласиться с Т.Н. Ивановой в том, что книга «Лейбниц и его век» не просто историческая биография, но и интеллектуальная история века Лейбница, понимаемого как «великий переворот», отделяющий Новое время от Средневековья (с. 342–343). К сожалению, на мой взгляд, это сопоставление проведено автором диссертации недостаточно последовательно. Так, например, было бы уместным более детальное сопоставление подхода Герье к изучению конкретных условий и форм многообразной деятельности Лейбница с концептуальными новациями и проблематикой современной интеллектуальной истории.

Хотелось бы также дословно привести один пассаж из диссертации. «Герье не избежал общего недостатка авторов истори-

ческих биографий. В работах о Лейбнице присутствуют и некоторая идеализация героя и превознесение его роли в различных сферах жизни общества. Однако эта субъективность не умаляет достоверности приводимых фактов, опирающихся на солидную источниковую базу исследования» (с. 348). С некоторыми оговорками это суждение характеризует и само диссертационное исследование Т.Н. Ивановой.

Новым вкладом в герьеведение является впервые проведенный Т.Н. Ивановой анализ работ Герье, посвященных истории России. Так, здесь впервые проанализировано рукописное студенческое сочинение «История Пскова» (с. 359–361). Важным для понимания исторических взглядов ученого является вывод Т.Н. Ивановой о том, что Герье «исходил из единства исторических закономерностей для России и всего мира», рассматривал ее в общем контексте всеобщей истории, но в то же время верил в особую миссию России (с. 365). О тщательности источниковедческого анализа наследия Герье свидетельствует проведенное Ивановой кропотливое исследование рукописных фрагментов неизвестной последней статьи Герье, написанной в 1919 г. (с. 371–375).

Особое внимание в диссертационном исследовании Т.Н. Ивановой уделено вкладу В.И. Герье в научное изучение Французской революции конца XVIII века. Она документально доказала, что именно Герье первым стал читать историю Французской революции в российских университетах, опровергнув тем самым сомнения, высказанные в 1960-е гг. Б.Г. Вебером. Отмечая вклад Герье в изучение причин революции, в исследование наказов 1789 г., в создание историографии революции и прояснение ряда частных вопросов ее истории, Т.Н. Иванова считает важнейшим его достижением то, что он своими исследованиями и лекциями способствовал пробуждению интереса к революции в среде студенчества (с. 414). Именно преподавательская деятельность Герье формировала его научные интересы и предопределяла их эволюцию. В создании научной школы видит Т.Н. Иванова основной вклад В.И. Герье в формирование науки всеобщей истории в России.

Четвертая («Становление научной школы В.И. Герье (70-е–80-е гг. XIX в.)) и пятая («Научная школа Герье на рубеже XIX–XX вв. Ее роль в развитии науки всеобщей истории в России»)

главы диссертации посвящены изучению научной школы Герье. Следует отметить, что само ее существование подвергалось сомнению целым рядом исследователей. Однако Т.Н. Иванова убедительно доказала не только ее существование, но и показала ее значение в развитии изучения всеобщей истории в России. Причем автор диссертации не ограничивается традиционным рассмотрением в качестве учеников Герье таких знаменитых ученых, как Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, М.С. Корелин. Впервые ею проведено исследование исторических взглядов С.Ф. Фортунатова, И.И. Иванова, С.А. Котляревского с целью изучения влияния на них учителя.

Подробно проанализировав личные взаимоотношения учеников с профессором, их магистерские диссертации, роль Герье в складывании их научной карьеры, Т.Н. Иванова выделяет характерные черты научной школы Герье. Она определяет ее как «профессорскую» школу, первой целью которой была подготовка специалистов высшей квалификации по всеобщей истории для российских университетов (с. 619). Чтобы прояснить непростые перипетии эволюции школы, Иванова выделяет три этапа (поколения) в ее развитии. Одновременно автор вводит понятие «ядро» и «периферия» школы. Тем самым ученики оказываются ранжированы по двум критериям. Так, Н.И. Кареев выступает одновременно как представитель «старшего» поколения и «ядра» школы, а Е.Н. Щепкин – «позднего» поколения и «периферии». При всей условности и сложности предложенной систематизации следует признать, что данный способ классификации позволяет прояснить причины разнообразия научной тематики школы и даже ее парадигмальное «многоцветие». Предложенные концепты «ядро» и «периферия» научной школы могут быть использованы в других схолярных исследованиях. Т.Н. Иванова исследует школообразующие практики, определившие конкретные черты мировоззрения представителей школы Герье и – главное – выходит на определение некоего «алгоритма» подготовки молодых ученых, сформировавшегося у Герье в течение его профессорской деятельности.

Завершая 5-ю главу, Т.Н. Иванова затрагивает также целый ряд вопросов, демонстрирующих перспективу дальнейших исследований. Это вопрос о месте Герье в системе научных коммуника-

ций его времени, вопрос о соотношении школы Герье и «дочерних» школ его «подросших учеников». Показывая специфику научно-педагогической школы Герье, Т.Н. Иванова вполне обоснованно опирается на концепцию профессора Г.П. Мягкова и разработанные им принципы схоларного исследования историографических школ сложной конфигурации. Намеченная Ивановой научная «родословная», где «ветви» учеников Кареева, учеников Виноградова, учеников Ардашева и т. д. восходят к Герье, позволяет воочию увидеть его большую роль в процессе становления науки всеобщей истории в России.

Следует отметить и значимость приложений диссертации, которые активно задействованы в самом тексте и наглядно иллюстрируют важнейшие положения диссертации. Среди них выделяется впервые составленная полная библиография трудов В.И. Герье, но, на наш взгляд, она нуждается в редактировании. Так, выделение в качестве отдельных списков-приложений литографированных изданий лекционных курсов В.И. Герье и современных переизданий его работ обедняет (хотя бы численно), саму библиографию.

Впрочем, высказанные замечания имеют рекомендательный характер и не снижают общей безусловно позитивной и высокой оценки диссертации. В диссертационном исследовании Т.Н. Ивановой, научное значение и актуальность которого не вызывают никаких сомнений, поставлен обширный комплекс вопросов, который вписывается в чрезвычайно важную для интерпретации явлений интеллектуальной сферы проблему научных школ и направлений. И Т.Н. Ивановой удалось, раскрыв важнейшие аспекты своей темы, внести свой оригинальный вклад в разработку проблематики историко-научных и историко-историографических исследований в целом. Диссертационное исследование производит благоприятное впечатление своей полнотой и основательностью. Автором проработан широкий круг разнообразных историографических источников (включая те документы личного происхождения, которые дают возможность применить историко-антропологический подход), дан содержательный и критический анализ многочисленных общих и специальных работ В.И. Герье, использована обширная литература как собственно по теме исследования, так и

по смежным и более общим проблемам теоретико-методологического и концептуального характера. Нельзя не отметить и не оценить самым положительным образом строгий и последовательный историзм избранного подхода, основанного на понимании истории историографии как неотъемлемой составляющей интеллектуальной истории, на принципе рассмотрения интеллектуальных процессов в соотношении как с социально-историческим контекстом и происходящими в нем сдвигами, так и с внутренней логикой развития научной мысли и исследовательского инструментария.

Выводы, к которым приходит Т.Н. Иванова, оригинальны, обоснованы теоретически и подкреплены большим фактическим материалом.

Проведенный в работе анализ позволил выявить методологическую специфику, содержательное разнообразие и характерные черты школы В.И. Герье и ее уникальное место в истории отечественной исторической науки. Кроме того, детально и всесторонне анализируя взгляды В.И. Герье и его вклад в разработку многочисленных конкретных вопросов и в преподавание всеобщей истории, Т.Н. Иванова выполнила важную и полезную работу по систематизации ценного исследовательского и педагогического опыта, которая, несомненно, будет в полной мере востребована современными историками. Результаты диссертационного исследования могут найти широкое применение в различных учебных курсах.

Высокий профессиональный уровень, новизна подхода к предмету изучения, фундаментальность источниковой базы, аргументированность основных выводов и оценок, практическая ценность и актуальность исследования – все это дает основание утверждать, что представленная работа полностью отвечает требованиям, предъявляемым ВАК к докторским диссертациям, и соответствует пункту 8 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», поскольку в ней разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как крупное научное достижение в области избранного научного направления. Т.Н. Иванова, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Основные положения и выводы проведенного диссертационного исследования изложены автором в двух опубликованных монографиях, пятнадцати статьях в изданиях, рекомендуемых ВАК и в других многочисленных публикациях, а также апробированы в докладах на российских и международных научных форумах разного уровня.

Автореферат соответствует содержанию диссертации и выполнен согласно действующим правилам.

В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков, И.И. Шарифжанов

**О новой модели анализа истории историографии
как дисциплинарной истории**

**Отзыв ведущей организации
на диссертацию Л.П. Репиной «Социальная история
в историографии XX века: научные традиции и новые
подходы» (специальности 07.00.03 – всеобщая история;
07.00.09 – историография, источниковедение и методы
исторического исследования), представленную
на соискание ученой степени доктора исторических
наук (в форме научного доклада). М., 1998**

Публикуется отзыв на диссертацию, посвященную различным моделям социальной истории в историографии XX века.

Ключевые слова: социальная история, историография, исследовательские модели и практики, традиции и новаторство в науке, методология исторического исследования.

V.D. Gigunin, G.P. Myagkov, I.I. Sharifjanov

**On a new model of analysis of the history
of historiography as disciplinary history**

**Review of the leading organization
on the dissertation by L.P. Repina, "Social history
in the historiography of the twentieth century: scientific
traditions and new approaches" (specialty 07.00.03 –
universal history; 07.00.09 – historiography, source studies
and methods of historical research), presented on competition
of a scientific degree of the doctor of historical Sciences
(in the form of a scientific report). М., 1998**

Published a review on a thesis on the various models of social history in the historiography of the twentieth century.

Key words: social history, historiography, research models and practices, tradition and innovation in science, methodology of historical research.

© В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков, И.И. Шарифжанов, 2017

XX столетие приближается к своему завершению. Это не только хронологический предел века или тысячелетия, но, в известном смысле, новая смена вех, не обязательно разрешаемая в пессимистическом понятии *fin du siècle*. Смену вех переживает и историческая наука. Многие принципы, казавшиеся незыблемыми всего лишь тридцать-сорок лет назад, подвергаются сомнению. И наоборот, идеи, родившиеся в конце минувшего, XIX века, обретают новое звучание (разумеется, с учетом изменившейся культурно-исторической ситуации). В своеобразных условиях в этой связи оказалась историческая мысль России. Страна, совершившая в предельно короткие сроки ломку прежнего уклада жизни, вынуждена вновь «догонять» ушедшие вперед культурные миры. Историк, историограф, методолог в России предпринимает огромные усилия по овладению новыми методиками и теоретическими принципами, осваивая ранее мало (или не-) доступные материки эмпирического материала и – в противном случае не было бы никакой перспективы у нашей науки – выдвигая новые схемы. Кажется, что неудачи на таком крутом вираже неизбежны. Тем более ярко блистают удачи и успешные решения. К таковым следует, без сомнения, причислить и труды автора предлагаемого для защиты научного доклада Л.П. Репиной.

В течение многих лет Л.П. Репина исследует проблемы истории средневековья (Англия), историографии и методологии истории. Ее первая монография «Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века» вышла еще в 1979 г. и получила в свое время весьма заслуженное признание. Но это было только начало фундаментальных исследовательских работ автора диссертации. Особенно проявился талант и целеустремленность диссертанта в книгах, написанных в 90-е годы и по большей части посвященных историографии и методологии истории. Именно эти книги и легли в основу рецензируемого научного доклада.

В нем Л.П. Репина поставила целью «определение места социальной истории в системе исторических дисциплин и социально-гуманитарных наук, изучение трансформаций социальной истории и выявление ее перспектив в контексте смены научных парадигм на всем протяжении эволюции этой сферы исторического знания, концептуальное осмысление явлений современного

историографического процесса в контексте интеллектуальной истории XX столетия» (с. 3). Несмотря на чрезвычайную широту этой цели, она диссертантом в целом достигнута, – прежде всего потому, что Л.П. Репина располагала обширным материалом исторических и историографических источников и научной литературы. Источники (историографические) делятся в диссертации на несколько видов: научная литература (монографии, статьи, коллективные труды и сборники, обобщающие работы по отдельным направлениям, странам и периодам); материалы дискуссий в периодических изданиях и научных форумах; научные рецензии и обзоры; публицистические выступления. Обобщить этот огромный источниковый комплекс представляло, конечно, задачу чрезвычайно трудную. Особенно это относится к современной исторической и методологической литературе, издаваемой на Западе. Тем не менее именно эта литература отражена в диссертации лучше всего: труды «новых социальных историков», социологов, специалистов по локальной истории, урбан-истории, этноистории, исторической антропологии, микроистории представлены весьма широко. Автора, в частности, интересуют дискуссии, связанные с «постмодернистским вызовом», а также опыт британской социальной истории, что потребовало изучения источниковых материалов самых последних лет.

В научном докладе представлены результаты анализа всех основных теоретических и историографических проблем эволюции исторической мысли в XX веке (прежде всего, во второй половине этого века).

Автор следует в изложении этой эволюции определенной логике, которая в основном соответствует логике смены научных парадигм. Начав с анализа дискуссий середины XX века и выявив становление новых путей в исследовании социальной истории (особенно своеобразие ее контактов с социологией, урбан-историей, исторической антропологией), Л.П. Репина приходит к выводу, что «с развитием “новой исторической науки” был сброшен груз многих застарелых догм, открылись неожиданные перспективы, значительно расширились предмет, проблематика и методы исторического исследования, были разработаны эффективные процедуры анализа, введено в оборот множество исторических фактов,

усовершенствованы системы объяснения» (с. 19). Особое значение имело возникновение новых исторических дисциплин – исторической географии, исторической демографии и – как следствие – развитие междисциплинарных исследований. Но именно здесь, в росте специализации, Л.П. Репина совершенно справедливо усматривает один из источников противоречий, которые затем подорвали авторитет «новой исторической науки»: «Углубление специализации – закономерное явление в развитии любой науки, но резко возросшая фрагментация конкретно-исторических исследований грозила привести к растворению предмета истории и, в конечном счете, к ее дезинтеграции. В отсутствие концептуализации, более широкого, теоретически проработанного основания для обобщения данных, полученных при исследовании новых междисциплинарных объектов, перспективы ожидаемого синтеза становились все более туманными» (с. 22).

В связи с этим Л.П. Репина считает исторически естественным «антропологический поворот» в исторической мысли. Чрезвычайно убедителен в диссертации анализ формирования предпосылок этого поворота (с. 23–28) и сама характеристика сущности его: «Бум конкретных междисциплинарных исследований и беспрецедентное расширение предметного поля истории подготовили тот этап, на котором самой насущной стала задача восстановить единое полотно истории, преодолев фрагментацию...» (с. 28).

Диссертант изучает специфику возникших по этому поводу дискуссий относительно недостаточности историко-антропологических методов и результатов. Историки должны были провести «самостоятельную теоретическую работу», сущностью которой явилось бы выяснение методов исторического синтеза в новых условиях. Своеобразные формы синтеза (интерпретации) возникли при изучении истории семьи, города, массовых движений и революций, особенно в гендерной истории. Новации диссертант обнаруживает и в локальной истории: «На смену традиционной локальной истории пришла “локальная антропологически ориентированная социальная история”» (с. 45). Ценность локально-исторического исследования нового типа Л.П. Репина видит в том, что «его синтезирующий потенциал определяется не пространственно-временными рамками, масштабом социального объекта, из-

бранного для анализа в той или иной отдельно взятой работе, или конкретным аспектом исторической действительности и фокусом ее отражения, а наличием у исследователя внутреннего императива к постижению исторического процесса в его целостности и понимании места в нем изучаемого объекта» (с. 45–46).

В заключительных разделах научного доклада Л.П. Репина исследует постмодернистские тенденции в современной исторической науке. Возникновение постмодернизма нередко определяют как проявление кризиса истории, но, по мнению Л.П. Репиной (которые мы разделяем), «кризис истории» – не упадок и не “конец истории” как науки, он сложнее. Это и кризис роста дисциплины, которая, расширив сферу своего анализа, переживает трудности в определении методов и масштабов их применения, в разработке рабочих гипотез» (с. 55).

Завершает свой научный доклад Л.П. Репина оптимистической нотой, полагая, что новейшая социальная история, превратившись в *социокультурную*, реализует свой синтетический потенциал и «станет, возможно, “новой историей” XXI века» (с. 66).

Обозревая результаты научных изысканий Л.П. Репиной, следует отметить их исключительно фундаментальный характер. Новизна работы очевидна. Введен огромный материал, во многом до этого неизвестный. Систематизация его безупречна, это же следует сказать и о структуре самого доклада. Четкая постановка акцентов позволяет видеть и научные традиции, и новые подходы в их диалектическом взаимодействии. Складывается исчерпывающая, объемная, панорамная картина развертывания процесса методологического поиска историков и конкретных исследовательских практик. Причем это *историческая* картина. Она позволяет полностью погрузиться в атмосферу описываемого динамичного развития социальной истории как области исторического знания, увидеть процесс изнутри. Это стало возможным благодаря выбранной автором методологической позиции: рассматривать социальную историю в историографии XX века как *целое*.

Выводы исследования могут служить исходной основой для новых размышлений о сложных проблемах методологии и историографии. Результаты разработок в монографиях, статьях и научном докладе диссертанта должны занять достойное место в со-

временных учебных пособиях по конкретной истории, историографии, философии истории. Анализ, проделанный диссертантом, позволит всем, кто работает в конкретных областях исторического знания, уточнить свои ориентации, отказаться от обветшалых догм, которые все еще нередки в головах наших «узких специалистов».

В качестве пожеланий хотелось бы отметить следующие моменты.

1) Научный доклад невелик по объему (70 с.), и это, конечно, наложило свою печать на его содержание и принципы изложения. Мы имеем в виду, что, к сожалению, эволюция исторических идей представлена несколько обезличенно. Возможно, наполняемость научного доклада можно было бы обогатить именами ученых тех школ, которые вносят наибольший вклад в методологическую дискуссию.

2) Не ясна специфика российской научной «ситуации». Все главные выводы диссертант делает на базе преимущественно западной науки, тогда как российская историческая и методологическая проблематика в общем остается в стороне. Если это не входило в комплекс задач диссертанта, то, возможно, надо рекомендовать разработку вопросов о методологических дискуссиях в России как особую сферу исследования. Кто-то должен заняться и этими (сознаем, что далеко не простыми) вопросами.

3) Думается, больше внимания можно было уделить и эволюции методологических парадигм в первой половине XX века и особенно на рубеже XIX–XX веков, когда многие из проблем, оживленно обсуждаемых ныне, были уже поставлены. Если бы эта работа была проделана, – интерес здесь в том, что анализ бы давался с позиций новаторской методологии, предложенной диссертантом, – то, возможно, более ярко предстала бы специфичность (и, если угодно, исключительность) современной познавательной ситуации.

4) Наконец, в качестве рекомендации диссертанту хотелось бы предложить продолжить проработку вопроса о глубинных связях модификаций в историческом сознании конца XX века и сложных сдвигов в самой исторической реальности. Разумеется, прямые аналогии «лингвистического поворота» в историческом сознании с возрождением консерватизма в теории и практике нашего времени вряд ли были бы уместны. Но некие параллели и свя-

зи, очевидно, существуют. Установить их – одна из задач историографа и методолога.

Перечисленные предложения, конечно, могут быть реализованы в новых исследованиях диссертанта. Они высказаны в порядке научной дискуссии, носят рекомендательный характер и не затрагивают основ защищаемого научного доклада. Обычно при оценке диссертационной работы подчеркивается, что ее положения отражены в научных публикациях автора. В данном случае иное. Этих публикаций около 80-ти, а потому точнее формула: научный доклад дал наглядное представление о громадной исследовательской работе, проделанной диссертантом и получившей воплощение в признанных уже научной общественностью трудах. Работы диссертанта давно и прочно вошли в научный оборот, на них формируется уже не одно поколение студентов-историков. Преподаватели Казанского университета активно опираются на фундаментальные идеи и конкретные разработки диссертанта при чтении как общих, так и специальных курсов (в т.ч.: «Современная историография Английской буржуазной революции», «Историческая география и демография средневековья», «Философия истории: формирование и эволюция основных идей» и др.), при организации научно-исследовательской работы студентов, в своем научном поиске.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что исследования Л.П. Репиной приобретают большое значение в свете того, что историки готовятся к своему очередному Всемирному конгрессу, на котором планируется уделить серьезное внимание обсуждению проблем историографии, что в свою очередь отражает общую тенденцию к возрастанию ее роли в развитии исторической науки.

Все вышеизложенное дает нам основание сделать вывод о том, что исследование Л.П. Репиной, давшее концептуальное осмысление явлений современного историографического процесса на основе *новой модели* анализа истории историографии как дисциплинарной истории, представляется значительным по содержанию, новаторским трудом. Оно соответствует самым высоким критериям оценки квалификационных работ высшего уровня, а его автор Лорина Петровна Репина заслуживает присвоения ученой степени доктора исторических наук.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева

Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории

Представлено системное видение предметного поля источниковедения историографии с позиции неоклассической феноменологической концепции источниковедения, восходящей в своих парадигмальных основаниях к русской версии неокантианства и развиваемой в XX–XXI вв. Научно-педагогической школой источниковедения предложено и обосновано определение предметного поля источниковедения историографии; проанализировано понятие *историографический источник*; показано, что сложившиеся в российской историографии конца XX – начала XXI в. различия подходов к определению понятия *историографический источник* коррелируют с разными типами рациональности/моделями науки – классической и неоклассической; предложена классификация историографических источников, позволяющая упорядочить их целокупность на основе источниковедческого подхода, с учетом разделения исторического знания на научное и социально ориентированное и многообразия форм его презентации. Специальное внимание уделено развитию истории истории и факторам формирования предметного поля источниковедения историографии в соотношении со сменой типов рациональности/моделей науки.

Ключевые слова: тип рациональности, модель науки, история истории, источниковедение историографии, историографический источник, классификация историографических источников, историческая наука, социально ориентированное историописание.

S.I. Malovichko, M.F. Rumyantseva

The chronology of historiography as the subject field of intellectual history

Presents a systematic view of a subject field of historiographic source studies from the position of neo-classical phenomenological con-

cept of source studies, based on the Russian version of neo-Kantianism and developed in the XX–XXI centuries by Scientific and pedagogical school of source studies: proposed and justified the definition of subject field of historiographic source studies; analyzed the concept of *historiographic source*; it is shown that the established in the Russian historiography of the late 20th and early 21th century differences in approaches to the definition of historiographic source are correlated with different types of rationality/models of science – classical and neo-classical; proposed the classification of historiographic sources to organize their completeness on the basis of source studies approach, given the separation of historical knowledge on the scientific and socially oriented and diverse forms of its presentation. Special attention is paid to the development of the history of the history (the historiography of the historiography) and factors of the formation of subject field of historiographic source studies in correlation with the change of types of rationality/models of science.

Key words: type of rationality, models of science, the history of the history (the historiography of the historiography), the historiographic source studies, historiographic source, classification of historiographic sources, historical science, the socially oriented historiography.

Цель авторов данной статьи – обобщить ранее сделанные наблюдения и выводы в области *источниковедения историографии* и, соответственно, вынести на обсуждение профессионального сообщества свое видение этого предметного поля.

Для достижения этой цели последовательно (1) проанализируем теоретико-познавательную ситуацию, в которой актуализируется проблема понимания природы исторического знания и характера его презентации, и эксплицируем факторы, обусловившие потребность в применении источниковедческого подхода в истории истории; рассмотрим формирование предметного поля источниковедения историографии; (2) обоснуем понятие «историографический источник» и покажем его парадигмальную обусловленность; (3) предложим классификацию историографических источников, позволяющую упорядочить их целокупность на основе источниковедческого подхода, с учетом многообразия типов презентуемого исторического знания и форм его презентации.

Предварительные замечания

Первое. Авторы считают продуктивным применение к истории исторического знания/исторической науки интерпретации

онной схемы (предложенной в философии науки и используемой как правило, в отношении к физике и естественным наукам) – различения типов рациональности / моделей науки: классическая – неклассическая – постнеклассическая и неоклассическая.

Второе. В своих исследованиях по истории исторического знания/исторической науки авторы реализуют *неоклассическую феноменологическую концепцию источниковедения*, восходящую в своих парадигмальных основаниях к русской версии неокантианства (А.И. Введенский, 1856–1925; А.С. Лаппо-Данилевский, 1863–1919) и развиваемую в XX–XXI вв. Научно-педагогической школой источниковедения¹.

Третье. Необходимо оговорить вопрос, связанный с понятием «историография» (как история исторического знания и история исторической науки). Как известно, оно обладает разными значениями, что затрудняет его использование в строго научном исследовании. Поэтому мы отдаем предпочтение максимально широкому, но при этом наименее коннотативно нагруженному понятию – *история истории*, которое включает и историю исторического знания в целом, и историю исторической науки, и историю историописания.

Под *источниковедением историографии* мы понимаем предметное поле актуального исторического знания, востребующее *метод источниковедения* для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории; *объект* источниковедения историографии является система видов историографических источников – произведений историков, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания как научного, так и социально ориентированного; *предмет* источниковедения историографии – порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках².

---

¹ См.: Источниковедение.ru. М., cop 2010–2017. URL: <http://ivid.ucoz.ru/> (дата обращения: 04.01.2017).

² Теория и методология исторической науки: терминология / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. С. 209.

Теоретико-познавательная ситуация и факторы формирования предметного поля источниковедения историографии

Под названиями «история истории», «история самосознания» (М.О. Коялович), «историография», «история исторической мысли», «история исторического письма», «история истории» и т. д. этот вид исторических исследований, в которых обращено внимание на историю исторической дисциплины, получает распространение среди профессиональных историков в национальных историографиях Европы и США, а кроме того, как *вспомогательная историческая дисциплина*, начинает преподаваться в университетах³.

Несмотря на предпринимавшиеся историками в рамках *классической модели европейской исторической науки* XIX – начала XX в. попытки написания работ по историографии или критики трудов предшественников и современников, история истории как рефлексия о процессе конструирования истории возникает вместе с появлением *неклассического типа рациональности*. Появившийся скептицизм по отношению к закономерности исторического процесса и его однонаправленной линейности способствовал пересмотру теоретической схемы позитивизма (так называемого позитивизма в исторической науке), а затем и вообще отказу от него.

---

³ См.: *Toppen M.* Geschichte Der Preussischen Historiographie. Berlin: Kessinger, 1853. 302 s.; *Лашнюков И.В.* Очерки русской историографии // *Лашнюков И.В.* Пособие к изучению русской истории критическим методом: в 2 вып. / сост. Ив.В. Лашнюковым. Киев: Универ. тип., 1870–1874. Вып. 2. Отд. 2. С. 1–82; *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии // *Ключевский В.О.* Сочинения: в IX т. М.: Мысль, 1989. Т. VII. С. 185–233; *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1884. 619 с.; *Wegele F.X., von.* Geschichte der Deutschen Historiographie Seit dem Auftreten des Humanismus. München; Leipzig: Verlag von R. Oldenbourg, 1885. 1109 s.; *Jameson J.F.* The History of Historical Writing in America. Boston; NY.: Houghton & Co, 1891. 168 p.; *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М.: тип. Т-ва М.Н. Кушнерев и К^o, 1897. Т. 1. 317 с.; *Fueter E.* Geschichte der Neueren Historiographie. München; Berlin: Drunk und Verlag von R. Oldenbourg, 1911. 646 s.; *Багалея Д.И.* Русская историография. Харьков: О-во взаимопомощи студентов-филол. Харьк. ун-та, 1911. 650 с.; *Gooch G.P.* History and Historians in the Nineteenth Century. [2-th ed.] L.: Longmans, Green, and Co, 1913. 624 p.; *Shotwell J.T.* An Introduction to the History of History. N.Y.: Columbia University Press, 1922. 361 p. и др.

В рамках *неклассической модели исторической науки* (в ее советской разновидности) происходило изменение не только функций, но и статуса истории истории. В 1960–1970-х гг. шло ее превращение из вспомогательной исторической дисциплины в самостоятельную *дисциплину/субдисциплину исторической науки*⁴ (похожий процесс, как отмечает М. Бентли, в это время проходил в западноевропейской и американской историографии⁵), и такая трансформация была связана с рефлексией историков о теоретической базе истории истории, ее предмете⁶, но в первую очередь, с появлением научных исследований (статей и монографий), в которых позиционировался новый объект историографического исследования – собственная история (как заметила М.В. Нечкина – «историография ее [историографии] собственной истории»)⁷. Началось конструирование истории историографии⁸ (или, как пробуют ее называть – «историографии историографии» («*historiography of historiography*»⁹)). Таким образом, дисциплине была придана новая функция саморефлексии.

С конца XX в. актуализируется проблема социальной памяти и соответственно, политические/властные элиты стараются решать задачи проведения осмысленной политики памяти, способной целенаправленно формировать идентичность социума. Такая ситуация провоцирует профессиональное сообщество историков к деконструкции исторического знания вообще, а в первую очередь, тех практик позиционирования исторического знания, которые имеют целью формировать ту или иную идентичность (национальную, религиозную, локальную и т.д.).

---

⁴ О понятии «дисциплина (субдисциплина) исторической науки» см.: Теория и методология исторической науки: терминолог. слов... С. 93–94.

⁵ См.: *Bentley M.* Modern Historiography: An Introduction. Contributors. L.: Routledge, 1999. P. VII.

⁶ См.: *Нечкина М.В.* История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М.: Наука, 1965. С. 6–21.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ См.: *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. С. 3–11.

⁹ См. напр.: *Gorman J.* Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice. Kingston: McGill Queens University Press, 2008. P. 67 etc.

Начиная с рубежа XX–XXI вв. – с переходом от постмодерна к постпостмодерну и, соответственно, от однонаправленной глобализации к более сложному процессу глокализации – ширится состав субъектов, располагающих возможностью позиционирования того или иного взгляда на прошлое. Разделение научной истории (представленной историческими исследованиями) и социально ориентированного историописания (удовлетворяющего потребность в специальном конструировании ориентированного на удовлетворение потребностей социума в историческом знании¹⁰) на рубеже XX–XXI вв. приобретает характер разрыва. Неслучайно, с одной стороны, под влиянием лингвистического поворота, была актуализирована проблема исторического нарратива и Ф.Р. Анкерсмит отметил, что «потребность установления различия между [научным] историческим исследованием и историческим письмом не может быть подвергнута сомнению»¹¹. С другой стороны, в поисках строгих научных оснований исторической науки историки актуализировали процесс выработки критериев, помогающих различать логику создания исторических произведений. Как замечала О.М. Медушевская (1922–2007), одной из важнейших задач современной исторической науки и исторического образования должна стать выработка критериев, позволяющих «отличать логику создания исследовательского труда, создания научного произведения, целью которого является новое знание, от другой логики создания повествования, в интриге которого смешивается представление о научной истине и человеческой фантазии»¹². Исследователи поднимают проблему «кризиса историзма», полагая, что его результатом стала потеря границы между научной

---

¹⁰ О сосуществовании типов исторического знания: научного и социально ориентированного подробнее смотрите: *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 254 с.

¹¹ *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. в англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 73.

¹² *Медушевская О.М.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. М.: РГГУ, 2002. С. 35.

историографией и иными формами исторической презентации¹³, поэтому некоторые из них предлагают задуматься о том, что настало время проведения процедур выявления черт научной («akademische») и, например, популярной («populären») историй (последняя многими историками признается сомнительной) для изучения возможностей их взаимодействия¹⁴.

В ситуации перехода от постмодерна к постпостмодерну происходит актуализация *неоклассической модели исторической науки* (истоки которой обнаруживаются с момента становления неклассической науки и могут, на наш взгляд, быть эксплицированы уже в русской версии неокантианства с ее специальным вниманием к объекту гуманитарного познания – историческому источнику), пытающейся преодолеть постмодернистскую эпистемологическую анархию. Адепты этой модели критикуют неупорядоченность исторического знания, стремятся прояснить многообразие реальности, а на вызов постмодерна социальному статусу исторической науки отвечают защитой профессиональной составляющей исторического знания¹⁵. В рамках неоклассической модели науки ведется поиск строгих научных оснований профессиональной деятельности историков и новых познавательных возможностей истории. Процесс саморефлексии историографии о собственной истории и поиск строго научного основания для исследования произведений историков подталкивает специалистов в области истории к постановке вопроса не столько о систематизации разных практик историописания, но и о их классификации, то есть упорядочении целокупности историографических произведений по существенным имманентным критериям.

---

¹³ Hardtwig W. Fiktive Zeitgeschichte? Literarische Erzählung, Geschichtswissenschaft und Erinnerungskultur in Deutschland // Verletztes Gedächtnis: Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt, hg. Konrad H. Jarausch, Martin Sabrow. Frankfurt am Main: Campus, 2002. S. 104.

¹⁴ Kirsch J.-H., Saupe A., Stopka K. Debatte: «Akademische» Zeitgeschichte – Texte und Kontexte // Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History. 2009. № 6. S. 433–434.

¹⁵ Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. С. 256–339.

Историографический источник как базовое понятие источниковедения историографии

У исследователей никогда не возникало сомнения в том, что произведение историка, явившееся результатом его творческой деятельности, может рассматриваться как своего рода «исторический источник», то есть источник для изучения истории. Например, Н.Г. Устрялов (1805–1870), говоря о «средствах к изучению истории», таковыми назвал исторические источники и «изыскания ученых»¹⁶.

В классической модели исторической науки историческое исследование воспринималось, по преимуществу, как хранилище научно установленных исторических фактов. И.Г. Дройзен (1808–1884), рассуждая об «источниках» – материалах, на основании которых историк может проводить то или иное научное исследование, – поставил в этот ряд и исторические исследования, правда, отметив их существенную специфику: «...сюда относится огромное число исторических произведений, которые весьма неравноценны, и для любого исследователя представляют совсем иной интерес, чем источники. В этих книгах *главное – не <...> соображения, т. е. представления, которые сложились у автора, а сами материалы* [выделено нами. – С.М., М.Р.], которыми он оперировал, и в этом случае следует попытаться, насколько это возможно, распознать цель этих операций, чтобы затем как бы вышелушить материал»¹⁷.

Корректная интерпретация этого (и иных) высказывания И.Г. Дройзена предполагает подход как раз с позиций *источниковедения историографии*. Необходимо учесть видовую природу историографического источника: все эти размышления приведены в учебном курсе «историки» – науки об изучении истории. И.Г. Дройзен обратил внимание на исследование историка как на «материал» для изучения истории исходя из сугубо практических целей конкретно-исторической работы исследователя, который может воспользоваться трудом предшественника в качестве дополнения к своим материалам.

---

¹⁶ [Устрялов Н.Г.] Русская история Н. Устрялова: в 5 ч. [изд. 2-е, испр.]. СПб.: тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. Ч. 1. С. 8.

¹⁷ Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: «Владимир Даль», 2004. С. 142.

Но уже Э. Фриман (1823–1892) – и тоже в учебном курсе о методах изучения истории» – гораздо более определенно проводит различие между «оригинальными источниками» и историческими исследованиями. В лекциях 1884 г. он утверждает: «...историческое исследование, не основанное на оригинальных источниках, не имеет никакой ценности», – но уточняет: «это не значит, однако, что я признаю правилом, что всякое историческое знание, не основанное прямо на оригинальных источниках, не имеет никакого значения»¹⁸. При этом Э. Фриман настаивает: «Первой обязанностью человека, изучающего историю, должно быть стремление отделаться от всех обычных заблуждений в этом отношении». И очевидным образом связывает «заблуждения» с предшествующей историографией: «Известно, что для очень многих людей и часто для таких людей, от которых мы бы имели право требовать большего, всякая книга представляется чем то авторитетным. Многие люди, сами по себе не глупые, но никогда не думавшие об этом предмете, не понимают различия между двумя совершенно различными разрядами авторов. Одни из авторов повествуют о событиях своего собственного времени, часто о таких событиях, в которых они были очевидцами и даже участниками; другие же авторы, спустя много веков после рассказываемого события, дают при помощи сравнения разных свидетельств возможно лучшее критическое повествование об эпохе отдаленной»¹⁹.

Таким образом, постепенно нарастает потребность в рефлексии над трудами историков – как с точки зрения определения их места в исследовательской практике историка, так и, впоследствии, с точки зрения понимания историографического процесса в целом.

Перевод проблемы специфики историографических источников с практического/пропедевтического на теоретический уровень предвзяли многочисленные опыты систематизации произведений историков в работах по истории истории конца XVIII–XX в. Сама же проблема была поставлена в советской историо-

---

¹⁸ Фриман Э. Методы изучения истории / пер. с англ. П. Николаева. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 99.

¹⁹ Там же. С. 100–101.

графии С.О. Шмидтом еще в 1965 г.²⁰ В дальнейшем С.О. Шмидт сформулировал понятие *источниковедение историографии* и отметил, что, хотя главными историографическими источниками «признаются печатные труды историков», все же следует очертить более широкий круг «различных разновидностей историографических источников»²¹. На рубеже 1970–1980-х гг. С.О. Шмидт предложил емкое определение историографического источника: «историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений»²² (в 1990-х гг. в конце формулировки к понятию: «историографических явлений» он добавит – «(фактов)»²³).

Позицию С.О. Шмидта уточнила М.В. Нечкина, предложившая выделять два «круга» историографических источников: «круг историографических источников, несущих в себе элементы историографических фактов [произведения историков]» и «другой большой круг источников, привлекаемых историографом <...> откуда он черпает факты, которые не имеют прямого отношения к исследуемому вопросу, но объясняют эпоху, связь исторических произведений с эпохой...» (т. е. исторические источники иных видов)²⁴. На рубеже XX–XXI века С.О. Шмидт следом за М.В. Нечкиной пробовал в историографических источниках выделять собственно историографические источники и исторические источники иных видов. Историческими источниками, которые могут «использоваться тоже как историографические», по его мнению, являются

---

²⁰ Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1965. Т. 22. С. 3–49.

²¹ Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной: сб. ст. М.: Наука, 1976. С. 119–129.

²² Шмидт С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 112.

²³ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 185.

²⁴ Нечкина М.В. Послесловие // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 137.

публицистика и дневники историков, их переписка, мемуары, «материалы общественной и государственной жизни» и т. д.²⁵

В данном случае надо учитывать, что с 70-х гг. XX в. советские историки стали обращать внимание на изучение уже не столько трудов историков, сколько на творческую атмосферу, «микроклимат» развития науки, факторы, сопутствующие развитию историографии и конкретной работе отдельного историка. Такая исследовательская практика заставила актуализировать вопрос о «типологии источников для составления биографии именно историка»²⁶, что потребовало особого внимания к историческим источникам иных видов (документация научных учреждений, источники личного происхождения и т. д.). Сегодня такая практика историографического исследования успешно реализуется в первую очередь омскими историками (проект «Мир историка»²⁷), а В.П. Корзун, – на наш взгляд, вполне обоснованно, – предложила выделить в историографических источниках «основную группу», куда должны входить произведения историков и «вспомогательную группу», включающую историографические источники, помогающие воссоздавать «атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентиры, особенности его натуры» и т.д.²⁸

По мнению омских историков, исторический источник (частная переписка, мемуары и т. д.) в конкретной исследовательской процедуре современного историка может стать источником историографическим. С.П. Бычков и В.П. Корзун об этом пишут: «...традиционный исторический источник, вовлеченный в процесс историографического анализа, приобретает новый статус – статус историографического источника <...>, историографический источник становится таковым лишь тогда, когда включается в отно-

---

²⁵ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник... С. 185–186.

²⁶ См.: Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии... С. 121.

²⁷ См. напр.: Мир историка: историографический сборник / редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.) и др. Омск: ОмГУ, 2014. Вып. 9. 507 с.

²⁸ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.

шение «историк – источник», в процедуру историографического анализа»²⁹. Следует заметить, что предложение омских историков предусматривает активную позицию историографа, но не учитывает позицию «Другого», например, – автора частного письма, который писал именно письмо, а не историческую работу. А с точки зрения разделяемой нами *неоклассической* феноменологической концепции источниковедения именно интенция автора определяет имманентные характеристики исторического источника, которые и должен выявить историк в первую очередь.

Несмотря на позицию ряда историков, предлагавших выделять «круги» или «группы» историографических источников, в советской, а затем в российской и, по крайней мере, в украинской, историографии взгляд на историографический источник, предложенный ранее С.О. Шмидтом и уточненный им же в конце XX в. («историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений (фактов)»³⁰) стал самым распространенным. Об этом свидетельствует тот факт, что историки ограничивались лишь некоторыми уточнениями предложенного С.О. Шмидтом определения. Так, Л.Н. Пушкарев писал, что «под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки»³¹. А.И. Зевелев предложил такое понимание: «историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования»³². Украинские исследователи О.Б. Вовк и А.Н. Острянюк несколько конкретизировали последнее уточнение, отметив, что «к категории историографических источников можно отнести разнотипные историче-

---

²⁹ *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. С. 38–39.

³⁰ *Шмидт С.О.* Архивный документ как историографический источник... С. 184–185.

³¹ *Пушкарев Л.Н.* Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 102.

³² *Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высшая школа, 1987. С. 120.

ские источники, содержащие информацию о творчестве и жизни известных [sic! – С.М., М.Р.] историков, о возникновении и развитии исторического образования и науки, о характерном для каждой данной эпохи политическом и научном мышлении»³³, а также, что особое «место в корпусе историографических источников принадлежит его-документам, представленным письмами, мемуарами и автобиографиями историков»³⁴.

Несмотря на многочисленные уточняющие детали, все приведенные выше определения историографического источника объединяет общий подход, основанный на расширительном толковании понятия *историографический источник* за счет включения в него исторических источников иных видов (например, документации научно-исследовательских организаций, источников личного происхождения и т. д.). Таким образом, существующий в российской истории истории/исторической науке подход к историографическому источнику, базирующийся на понимании историографического источника как исторического источника, несущего информацию об историографическом процессе, корреспондирует с подходом в *источниковедении*, ориентированным на определение «*исторический источник* – это все, откуда можно почерпнуть историческую информацию» (в предельном варианте С.О. Шмидта: историческим источником признается все, «что может источать историческую информацию (т. е. информацию исторического характера, полезную для работы историка)»³⁵.

С точки зрения неоклассической феноменологической концепции источниковедения, *историографическими источниками* являются произведения историков, которые реализуют функции презентации и позиционирования исторического знания. Единый подход к «традиционным» (т. е. к тем, которые традиционно вклю-

---

³³ Вовк О.Б. Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник // Категорiальний апарат iсторичної науки. Харківський історіографічний збірник. Харків: НМЦ СД, 2000. Вип. 4. С. 51–52.

³⁴ Остряно А.Н. Источниковедение историографии в свете междисциплинарных исследований // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Мінск: БДУ, 2011. Вып. 6. С. 35.

³⁵ Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 16. Л.: Наука, 1985. С. 8.

чаются в курс «источниковедение») историческим и историографическим источникам базируется на определении: исторический источник – объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэксистенциальной составляющих. Если исходить из презумпции, что историк – тоже человек (а оснований для иного предположения у нас, кажется, нет), то заявленное единство подходов к «традиционным» историческим источникам и источникам историографическим, становится очевидным.

Именно эта логика – в основе сформулированного в начале статьи определения *источниковедение историографии* как предметного поля актуального исторического знания, *востребующего метод источниковедения* для изучения истории истории.

Естественно, мы не отрицаем важности изучения социокультурных факторов историописания, когда необходимо задействовать исторические источники таких видов, как делопроизводительные материалы, публицистика, периодическая печать, источники личного происхождения и т. д. Но мы считаем, что базовым принципом современного источниковедения является экспликация видовой природы исторического источника. Это относится и к историческим трудам: при изучении исследовательской практики и практики историописания того или иного историка важно учитывать, в произведении какого вида и каким образом проявлялись черты этой практики – в монографии (где проводится детальный анализ изучаемой проблемы), научной статье (при анализе которой важно установить специфику журнала или научного сборника), в докладе на конференции (материалы которой могли быть опубликованы до научного мероприятия или, напротив, после него), в национально-государственном нарративе (для которого характерна самопрезентация «своего» – нации-государства), учебном пособии и т. д.

Таким образом, сегодня в исторической науке присутствуют два подхода к историографическому источнику, жестко коррелирующие с двумя парадигмально разными подходами к определению понятия «исторический источник». Первый, не проясняющий природу историографического источника: историографический ис-

точник – это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса. По нашему мнению, этот подход соответствует парадигмам классической науки, исчерпавшей эпистемологический потенциал еще в конце XIX в. Такой подход к историографическому источнику, и шире, – к функции источниковедения историографии, на наш взгляд, смягчает *деконструирующий* – по отношению к историческому знанию – эффект истории истории, не способствует рефлексии над имманентными свойствами собственно историографических источников, в частности, над принципиально важной для современной истории истории проблемой различения научной истории и иных форм исторического знания.

Второй подход, основанный на неоклассической феноменологической концепции источниковедения, – дает возможность прояснить многообразие типов презентуемого исторического знания, позволяет смотреть на историографический источник как на произведение творческой активности человека, продукт культуры. Он ориентирует современного исследователя выявлять *целенаправление* автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, выполнявшего определенную функцию в социуме³⁶.

Классификация историографических источников

Научные основания истории истории может предоставить лишь логический процесс верификации получаемых результатов исследования, базой которого служит источниковедение историографии, а его наиболее актуальной задачей является классификация историографических источников³⁷.

Отсутствие рефлексии о видах историописания приводит к тому, что современные историки могут путать монографию с ис-

---

³⁶ Подробнее о парадигмальных основаниях различных подходов к определению понятия историографический источник см.: *Румянцева М.Ф.* Источниковедение историографии: дисциплинарные основания и этический выбор // *Историографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі*, ред. кол. О.І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. Дніпропетровськ: ЛІРА, 2014. С. 131–142.

³⁷ Подробнее см.: *Маловичко С.И.* Этическая составляющая проблемы классификации историографических источников // *Істориографічні та джерелознавчі проблеми історії України...* С. 143–158.

торическими очерками³⁸, не различать статьи (в журналах), рецензии и монографические исследования³⁹, а значит – не учитывать специфику отбора и презентации информации, которую они подвергают анализу.

В советской историографии с ее классовым подходом не только к социально-экономическим и политическим событиям прошлого, но и к истории исторической науки мы находим предложение классифицировать историографические источники по таким принципам: классовому происхождению, авторству и видам⁴⁰. Однако в истории исторической науки уже стало традиционным применять *жанровый подход* при систематизации или классификации таких историографических источников как произведения историков. В 1960-х гг. его применяли О.Л. Вайнштейн и М.В. Нечкина, а сегодня выделяют жанры исторических произведений некоторые соискатели научных степеней⁴¹.

При исследовании британского историописания XVIII – начала XIX в. довольно удачно такой подход реализовал М.С. Филлипс. Историк постарался изучить «производство истории» как «группу сосуществующих и связанных жанров» (иногда он использует понятия «семья связанных жанров» или «система связанных жанров»)⁴². По мнению М.С. Филлипса, эта система была динамичной, так как историчным оказывался каждый жанр, кото-

---

³⁸ См., напр.: *Мухин О.Н.* Перспективы изучения биографии исторической личности в свете применения полидисциплинарной методологии (на примере историко-психологического анализа личности Петра I): дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 40.

³⁹ См., напр.: *Умбрашко К.Б.* «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в.: дис... д-ра ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 79–80, 82.

⁴⁰ *Зевелев А.И.* Историографическое исследование... С. 98.

⁴¹ См.: *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. С. 457; *Нечкина М.В.* История истории... С. 10; *Клинова М.А.* Историография уровня жизни городского населения (1946-1991): общероссийский и региональный аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2009. 26 с.; *Игшьева Е.А.* Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург: УрГУ, 2010. С. 18.

⁴² *Phillips M.S.* Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 10, 343.

рый – в большей или меньшей степени – мог изменяться от эпохи классицизма до романтизма. Заслуживает внимания и другая позиция Филлипса: он отказался считать некоторые жанры исторической литературы «неисторией», как их стали называть исследователи историографии начиная со второй половины XIX в.⁴³ Применяв понятие «классификация» по отношению к жанрам исторических произведений, он не стал выявлять четкую жанровую систему, так как, по его мнению, авторы XVIII века редко рефлексировали о природе практик историописания и поэтому следили не за формальностями того или иного жанра, а следовали запросам общества (его «социальным и сентиментальным интересам»)⁴⁴.

Некоторые историки считали целесообразным разделить произведения историков на типы. В частности, по мнению И.С. Волина, к отдельным типам можно отнести научные работы, историческую учебную литературу, а также источники, содержащие информацию о жизни и творчестве историков и т. д.⁴⁵ Болгарский историк А. Запрянова, признавая актуальность типологизации историографических источников, предложила группировать их посредством выделения трех подгрупп: научные работы; материалы, опубликованные в средствах массовой информации; архивные материалы⁴⁶.

Л.Н. Пушкарев, предложив схему систематизации историографических источников по модели классификации исторических источников, выработанной советским источниковедением, высказал предположение, что конкретная процедура систематизации историографических источников будет зависеть от целей, которые ставит исследователь⁴⁷. Изучавший русскую историографию первой половины XIX в. К.Б. Умбрашко систематизировал источниковую базу своего диссертационного исследования по группам, в

---

⁴³ *Phillips M.S. Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 25.*

⁴⁴ *Ibid. P. 8–12.*

⁴⁵ *Волин И.С. О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 122–123.*

⁴⁶ *Запрянова А. Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна 2010. Вип. 10. С. 43, 47.*

⁴⁷ *Пушкарев Л.Н. Определение, оптимизация и использование... С. 103–104.*

которые кроме произведений историков включил исторические источники иных видов⁴⁸. В последних случаях была проведена именно систематизация, а не классификация историографических источников, поскольку предусмотрена лишь активная позиция современного исследователя и совершенно не учитывается осознанный выбор историка прошлого и культура, в которую было включено его произведение.

В 2002 г. О.М. Медушевская предложила использовать историковедческую концепцию в разработке теоретической основы историографических исследований⁴⁹. Один из важнейших принципов этой концепции – *рефлексия о чужой одушевленности* – позволяет за основу процедуры выделения видовой структуры историографических источников принять принцип *целеполагания его автора* (Другого), а значит и классифицировать их не по цели современного исследователя (что предлагал Л.Н. Пушкарев) или произволу библиографа, а по целеполаганию историка прошлого в контексте культуры его времени.

Феноменологическая концепция позволяет рассматривать историю истории (как и историю в целом) как науку, имеющую свой эмпирический объект, создававшийся в процессе целенаправленной деятельности историка/историописателя. Произведенный автором интеллектуальный продукт становится источником информации о человеке и исторической культуре его времени. Созданные с определенной целью, как отмечала О.М. Медушевская, интеллектуальные продукты выполняют определенную функцию. Такие продукты «структурированы в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены. Они имеют системное качество и, следовательно, способны фиксировать такой информационный ресурс, который говорит не только о них самих, но и той системе, в рамках которой оказалось возможным их возникновение», – писала она⁵⁰.

---

⁴⁸ Умбрашко К.Б. «Скептическая школа» в исторической науке России... С. 78–90.

⁴⁹ См.: Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания... С. 22.

⁵⁰ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. С. 54.

В историографическом исследовании применим тот же принцип, что и в источниковедении источников иных видов. Источниковедческий подход выступает базовым в теоретической основе источниковедения историографии⁵¹. Произведения историков часто уже несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания: статья, рецензия и т. д. Социокультурная функция того или иного произведения историка, корреспондирующая с целью его создания (функциональную направленность труда историка может задавать и культура эпохи), выступает основой классификационной процедуры, проводимой исследователем историографии. Феноменологическая концепция источниковедения позволяет выделять виды (монографии, статьи, диссертации, тезисы, рецензии, учебные пособия и т. д.) и группы (по типам исторического знания: научное исследование и социально ориентированное историописание) историографических источников по целеполаганию. Такая практика помогает выявлять другой – иной по отношению к научной истории – тип исторического знания, избегая при этом выстраивания иерархии работ историков по их значимости (научные, не совсем научные, около научные ненаучные и т. д.), заставляя рассматривать группы и виды историографических источников как *рядоположенные*.

По типу представленного в историографических источниках исторического знания их целесообразно разделить на две основные группы: (1) группу видов историографических источников научной истории; (2) группу видов историографических источников социально ориентированного историописания.

Таким образом, источниковедческий подход позволяет выявлять и анализировать те виды историографических источников, которые нацелены на формирование социальной памяти и обеспечение идентичности социумов и в которых, соответственно, презентуется социально ориентированная история. Проблема определения видовой принадлежности историографического источника решается посредством процедуры его источниковедческого ана-

---

⁵¹ Подробнее см.: Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685, [3] с.

лиза, но рассмотрение этой исследовательской практики уже не относится к заявленной в этой статье проблеме.

---

1. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.

2. *Багалея Д.И.* Русская историография. Харьков: О-во взаимопомощи студентов-филол. Харьк. ун-та, 1911. 650 с.

3. *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 359 с.

4. *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 484 с.

5. *Вовк О.Б.* Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник // Категорiальний апарат iсторичної науки. Харківський історіографічний збірник. Харків: НМЦ СД, 2000. Вип. 4. С. 48–55.

6. *Волин И.С.* О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 122–123.

7. *Дройзен И.Г.* Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 581 с.

8. *Запряннова А.* Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. Вип. 10. С. 41–52.

9. *Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высшая школа, 1987. 160 с.

10. *Игишева Е.А.* Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург: УрГУ, 2010. 48 с.

11. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685, [3] с.

12. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А.А. Бондаренко и др.; Науч.-пед. школа источниковедения. Электрон. дан. [М.: Б. и.], сор 2010–2017. URL: <http://ivid.ucoz.ru/>.

13. *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. 215 с.

14. *Клинова М.А.* Историография уровня жизни городского населения (1946–1991): общероссийский и региональный аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2009. 26 с.
15. *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии // *Ключевский В.О.* Сочинения: в IX т. М.: Мысль, 1989. Т. VII. С. 185–233.
16. *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): монография. Омск: Ом. гос. ун-т; Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.
17. *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1884. 619 с.
18. *Лашнюков И.В.* Очерки русской историографии // *Лашнюков И.В.* Пособие к изучению русской истории критическим методом: в 2 вып. / сост. Ив.В. Лашнюковым. Киев: Универ. тип., 1870–1874. Вып. 2. Отд. 2. С. 1–82.
19. *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 351 с.
20. *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 254 с.
21. *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Источниковедение историографии // Теория и методология исторической науки: терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. С. 209.
22. *Маловичко С.И.* Этическая составляющая проблемы классификации историографических источников // *Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі*, ред. кол. О.І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. Дніпропетровськ: ЛПРА, 2014. С. 143–158.
23. *Медушевская О.М.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. М.: РГГУ, 2002. С. 20–36.
24. *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 361 с.
25. *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М.: тип. Т-ва М.Н. Кушнерев и К°, 1897. Т. 1. 317 с.
26. Мир историка: историографический сборник / редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.) и др. Омск: ОмГУ, 2014. Вып. 9. 507 с.
27. *Мухин О.Н.* Перспективы изучения биографии исторической личности в свете применения полидисциплинарной методологии (на при-

мере историко-психологического анализа личности Петра I): дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2014. 645 с.

28. *Нечкина М.В.* История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М.: Наука, 1965. С. 6–21.

29. *Нечкина М.В.* Послесловие // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 132–140.

30. *Остряко А.Н.* Источниковедение историографии в свете междисциплинарных исследований // Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Мінск: БДУ, 2011. Вып. 6. С. 35–40.

31. *Пушкарёв Л.Н.* Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 102–108.

32. *Румянцева М.Ф.* Источниковедение историографии: дисциплинарные основания и этический выбор // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі, ред. кол. О. І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. Дніпропетровськ: ЛІРА, 2014. С. 131–142.

33. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.

34. *Умбрашко К.Б.* «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в.: дис... д-ра ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2002. 723 с.

35. [Устрялов Н.Г.] Русская история Н. Устрялова: в 5 ч. [изд. 2-е, испр.]. СПб.: тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. Ч. 1. 363 с.

36. *Фриман Э.* Методы изучения истории; пер. с англ. П. Николаева. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 200 с. (Академия фундаментальных исследований: история).

37. *Шмидт С.О.* Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 177–205.

38. *Шмидт С.О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной: сб. ст. М.: Наука, 1976. С. 119–129; То же // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 264–274.

39. *Шмидт С.О.* О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1985. Вып. 16. С. 3–24.

40. Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М.: МГИАИ, 1965. Т. 22. С. 3–49.

41. Шмидт С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 109–117.

42. Bentley M. Modern Historiography: An Introduction. Contributors. L.: Routledge, 1999. IX, 183 p.

43. Fueter E. Geschichte der Neueren Historiographie. München; Berlin: Drunk und Verlag von R. Oldenbourg, 1911. 646 s.

44. Gooch G.P. History and Historians in the Nineteenth Century. [2-th ed.]. L.: Longmans, Green, and Co, 1913. 624 p.

45. Gorman J. Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice. Kingston: Mcgill Queens University Press, 2008. 258 p.

46. Hardtwig W. Fiktive Zeitgeschichte? Literarische Erzählung, Geschichtswissenschaft und Erinnerungskultur in Deutschland // Verletztes Gedächtnis: Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt, hg. Konrad H. Jarausch, Martin Sabrow. Frankfurt am Main: Campus, 2002. S. 99–123.

47. Jameson J.F. The History of Historical Writing in America. Boston; NY.: Houghton & C°, 1891. 168 p.

48. Kirsch J.-H., Saupe A., Stopka K. Debatte: «Akademische» Zeitgeschichte – Texte und Kontexte // Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History. 2009. No. 6. S. 433–434.

49. Phillips M.S. Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. Princeton: Princeton University Press, 2000. 569 p.

50. Shotwell J.T. An Introduction to the History of History. N.Y.: Columbia University Press, 1922. 361 p.

51. Toppen M. Geschichte Der Preussischen Historiographie. Berlin: Kessinger, 1853. 302 s.

52. Wegele F.X., von. Geschichte der Deutschen Historiographie Seit dem Auftreten des Humanismus. München; Leipzig: Verlag von R. Oldenbourg, 1885. 1109 s.

Н.Н. Алеврас

**Источниковедение историографии
и историографический источник в контексте
источниковедческой парадигмы как повод
для историографических заметок и размышлений***

Проблема коммуникаций дисциплинарных структур науки – источниковедения и историографии – стала причиной обращения к системе сюжетов, ядром которых стало понятие «историографический источник», под которым понимаются научные труды историков. Автор делает попытку соотнести статусы и взаимодействие таких дисциплин как источниковедение, историография, источниковедение историографии, а также обосновать взгляд на труды ученых-историков как одну из видовых групп исторических источников.

Ключевые слова: историография, история исторической науки, источник, историографический источник, источниковедение, предметное поле историографии.

N.N. Alevras

**The chronology of historiography
and historiographical source in the context
of source paradigm as a reason
for historiographical notes and reflections**

The Problem of communication of the disciplinary structures of science, source studies and historiography – became the cause of treatment to the subjects, the core of which was the concept of "historical source", which refers to the scholarly works of historians. The author makes an attempt to relate the status and interaction of disciplines such as chronology, historiography, source studies, historiography, and also justify the view of the writings of historians as one of the species groups of historical sources.

Key words: historiography, historical science history, source, historical source, chronology, and subject field of historiography.

© Н.Н. Алеврас, 2017

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00264.

Источниковедение историографии в ситуации сегментации предметного поля истории исторической науки

В середине второго десятилетия XXI века в исторической науке наблюдаются важные события методологического значения. Впервые был подготовлен и издан терминологический словарь исторической науки¹, и произошло издание новой версии учебника по источниковедению, подготовленного группой ученых Научно-педагогической школы источниковедения².

И в том и другом случае была осуществлена коррекция терминологического аппарата исторического знания и фактически актуализирован вопрос о предметных полях различных исторических дисциплин, что принципиально важно для методологии познания истории. В настоящей статье автор будет обращаться к различным аспектам дисциплинарной сущности историографии и источниковедения и терминологии, включающей, в том числе понятия «историография», «источник». В этой связи нас будут интересовать идеи, представленные в новом учебнике источниковедения, которые непосредственно затрагивают интересы историографии.

Нельзя не признать того факта, что термин «историография», породивший в отечественной науке широкую палитру его многозначности и ставший основой различных терминологических словосочетаний, обозначающих несовпадающие по значению ипостаси одной из методологически ориентированных исторических дисциплин, продолжает будоражить наше внимание. Изучение процессов институционализации историографии и обнаружение ее многогранных «ликов», «имен» и «смыслов», осуществленное на рубеже XX–XXI вв. Т.Н. Поповой³, убеждало в том, что опыт структурирования различных восприятий и пониманий смысла историографии как научной дисциплины, требовал дальнейших

---

¹ См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016.

² Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2015.

³ См.: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 69–192.

исследовательских усилий со стороны историографов. Обращаясь в частности, к понятию «историографический процесс», автор высказала мысль: «...поскольку само развитие исторической науки воспринимается по-разному не только в конкретно-историческом, но и в конкретно-методологическом «измерениях», постольку возможны различные варианты моделей ИП [историографического процесса]. Их изучение – предметно-объектная область истории историографии»⁴. Представленные ею бытующие модели историографии – «дидактическая» (выявлена на основе опыта Р.А. Киреевой), «рефлексивная» (из опыта И.И. Колесник) дополнены ею авторской версией историко-историографического подхода в виде «дисциплинарной модели»⁵.

Свою «сибирскую версию» проблем дисциплинарной идентификации историографии в ряде проектов представили омские историографы. Ими впервые был дан развернутый анализ истории разработок методологических аспектов историографии с акцентом в область понимания историками и историографами XIX – начала XX вв. предметного поля историографии. Завершая обзор их методологических усилий на поприще поисков очертаний предмета историографии фигурой А.С. Лаппо-Данилевского, В.П. Корзун подчеркнула некий итог общих усилий в виде утверждения мысли не только о тесной связи исторической науки со всеми социальными институтами, но и о том, что сама наука является социальным институтом. Неизбежно весь социокультурный контекст развития историографического знания втягивался в пространство истории историографии и становился нерасторжимой частью ее предмета, обуславливая выработку принципов историографического анализа. Динамичное развитие методологии истории историографии позволило дореволюционной историографической науке преодолеть «позитивистский образ исторической науки» и утвердить представление о предмете как истории исторической науки. По мнению В.П. Корзун, на рубеже XIX–XX вв. «был намечен

---

⁴ *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 87.

⁵ Там же. С. 95–149. См. также: *Попова Т.Н.* Историография в контексте дисциплинарной истории // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 474–490.

грандиозный науковедческий проект, который превосходил развитие историко-науковедческой мысли второй половины XX в.»⁶. Дальнейшее развитие историографических замыслов омских историографов породило понятие «образ исторической науки», который рассматривается и как предмет истории историографии и специального историографического изучения⁷.

Однако поскольку за понятием «историография», если воспринимать его как историю исторической науки, находится целая система ее внутренних сегментов, постольку тема предмета историографии продолжает вызывать вопросы и сохраняет статус научной зоны, требующей уточнений ее предметного пространства. Нельзя не заметить, что не только во многих изданиях учебной литературы определение объектно-предметного пространства историографии выражено невнятно, но и в упомянутом терминологическом словаре по теории и методологии исторической науки этот аспект остался вне специального внимания⁸.

С учетом понятийной многозначности термина «историография» в данном случае под ним будем понимать предметное пространство, включающее историю исторической науки, в том числе тот ее сегмент, который связан с изучением результатов научно-исследовательской деятельности ученых-историков, т. е. их научных произведений. В процессе формирования (с 20–30-х гг. XIX в.) и дальнейшего развития историографии как дисциплинарной области исторической науки они становились объектом историографической критики, анализа, интерпретации. В поисках их источниковедческой идентификации в 70–80-е гг. XX в. сначала наметилась тенденция воспринимать научно-исторические труды в качестве видовой группы источников под названием «научные

---

⁶ Корзун В.П. Институциональное оформление историографии как специальной исторической дисциплины // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 298.

⁷ См.: Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. См. также: Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000.

⁸ См.: Теория и методология исторической науки..., 2016. С. 153–154.

труды»⁹, а впоследствии – обозначать ее как «историографические источники». Однако это понятие в период развития советской науки не вызвало разработки убедительного теоретико-методологического обоснования природы историографического источника как феномена культуры и объекта изучения историографии. Начавшаяся дискуссия¹⁰ ограничилась, по сути, рассуждениями о соотношении смысла «историографического источника» и «историографического факта»¹¹, которые интерпретировались в тот период в традиционной классической парадигме.

Широкое использование понятийных конструктов с терминами, восходящими к корню слова «историография» в современной научной лексике потребовало, наконец, выразить и аргументировать научный аппарат историографии с позиций более строгой рефлексии. Поэтому факт появления сначала терминологического словаря, а потом – новейшего учебного пособия по источниковедению не может пройти мимо внимания сообщества историографов. Являясь обновленной версией более раннего учебника (М., 1998–2004), у теоретических основ которого стояла О.М. Медушевская, он привнес целый ряд теоретико-методологических инноваций¹².

В частности, в его содержание впервые включен новый структурный компонент – «источниковедение историографии»¹³. Предложенное наименование обозначает, по сути, дисциплинар-

---

⁹ См.: *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. С. 265–267.

¹⁰ См.: Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский государственный университет, 1980; *Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987 и др.

¹¹ Обзор мнений по этому поводу представлен в одной из статей, автор которой пытается актуализировать старую проблематику. См.: *Иннолуптов Г.М.* Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2013. Т. 15, № 1. С. 184–195.

¹² В целях следования замыслу статьи ограничиваюсь в данном случае рассмотрением лишь тех новых аспектов учебного пособия, которые связаны с предложенной ее проблематикой.

¹³ См.: *Источниковедение: учеб. пособие.* Раздел второй. Ч. III. С. 505–559; Раздел третий. Ч. I. Гл. 2. С. 592–609.

ный элемент исторической науки, ориентированный на использование метода источниковедения «для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории». Объектом источниковедения историографии авторы учебника считают «систему видов историографических источников (произведений историков)». Предметом – «порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках»¹⁴.

Обратим внимание, что авторы¹⁵ уточняют при этом свое понимание дисциплинарного смысла и собственно историографии, подчеркивая: «историю исторического знания во всех его составляющих принято называть историографией». Отталкиваясь от этого самого общего определения, отмечается в то же время, что неклассическая модель исторической науки придала историографии новые смыслы в виде синонимичных понятий – «история исторической науки», «история историописания», «история истории». Последнее из них признается наиболее предпочтительным как «наименее коннотативно нагруженное»¹⁶. Так или иначе предметное поле источниковедения историографии очерчивается исключительно результатами исследовательских практик историков и опытом получения ими исторического знания. При этом как бы подразумевается, что эту область знания не интересует социальный контекст и инфраструктура науки в целом.

В контексте теоретических посылов и структуры учебного пособия источниковедение историографии позиционируется как составной элемент собственно источниковедения, и соответственно – как область знания источниковедческого цикла. В рамках этой логики «историографический источник» рассматривается в качестве «базового понятия источниковедения историографии». Дополнительная заявка на междисциплинарный подход в границах интеллектуальной истории, еще более задает широкие функциональные рамки источниковедения историографии, но, к сожалению,

---

¹⁴ Источниковедение: учеб. пособие. Раздел второй. Ч. III. С. 505–559; Раздел третий. Ч. I. Гл. 2. С. 506.

¹⁵ Авторами Ч. III второго раздела учебного пособия являются С.И. Маловичко при участии Р.Б. Казакова и М.Ф. Румянцевой. См.: Там же.

¹⁶ Там же. С. 507.

нию, не уточняет ее статуса и места по отношению к дисциплинарному и предметному пространству специальной исторической дисциплины под наименованием «историография».

Неоднократно апеллируя к прилагательному «историографический» в различных склонениях, и задаваясь вопросом междисциплинарности исторического знания, авторы как бы оставляют в стороне актуальный в данном контексте вопрос о соотношении предметных полей источниковедения историографии и собственно историографии, одним из объяснительных конструкторов которой еще в XX в. становятся понятия «история исторической науки» и «история истории». Вольно или невольно в соответствующей части учебника складывается междисциплинарная интрига. Ведь источниковедение историографии формируется на основе институционализации не только источниковедения, но и историографии как дисциплинарной области, а «историографический источник» с полным основанием может восприниматься «базовым понятием», рожденным в предметном пространстве историографии.

Другое дело, что у авторов рассматриваемого учебника были свои – источниковедческие задачи, за пределы которых они не предполагали выходить. К тому же следует подчеркнуть, что предмет историографии («размеры», границы и конфигурация его пространства) в процессе развития историографического знания имеет свойство трансформировать свои параметры. Поэтому проблема идентификации предметного поля этой дисциплины все еще остается в сфере актуального внимания историографов и относится к категории вопросов, по поводу которых «последнее слово» еще не сказано. С.И. Маловичко констатирует, что «сегодня присутствует смешение понятий, путаница в дисциплинах, направлениях и предметных полях исторической науки...»¹⁷.

Тем не менее, ставя в новом учебнике по источниковедению цель обосновать новый взгляд на «источниковедение историографии» как субдисциплину межкорпоративной природы, но имеющую множество точек соприкосновения с матричной культурой историографии, можно упрекнуть авторов, не попытавшихся, на

---

¹⁷ Маловичко С.И. Проблема классификации источников в проблемном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 36.

мой взгляд, хотя бы наметить линии разделений и соприкосновенных предметных полей историографии и источниковедения историографии.

Вместе с тем, несомненно факт, что новую книгу по источниковедению надо воспринимать как значимое событие – и не только в контексте образовательного процесса в высшей школе. Она выступает как определенный научный манифест авторского коллектива относительно заявляемых эпистемологических принципов историко-научного познания в условиях становления неоклассической модели науки. Тема источника в учебном пособии задается в рамках феноменологического подхода, ориентированного на понимание объекта источниковедения как «эмпирической реальности исторического мира» и на «формирование строгих стандартов научности в историческом познании»¹⁸.

Авторы соответствующих структурных частей учебника впервые предприняли попытку теоретически обосновать предметное поле источниковедения историографии, представление о котором начало складываться еще в 1960-е гг., и использовать дисциплинарный и методологический ресурс источниковедения для выражения обновленного понимания особенностей социокультурной природы «историографического источника». На этой основе предлагается выработать принципы типологизации и классификации историографических источников, а также – научный инструментарий их изучения. Данная попытка предстает как методологическая операция, целеустремленная, прежде всего, к дифференциации совокупности научных произведений историков с учетом существования двух типов исторического знания – научного и социально ориентированного. Соответственно, предложено вычленять два типа «историографических источников» (т. е., научных произведений историков), являющихся выражением, во-первых, научного нарратива и, во-вторых, социально ориентированного историописания. Обоснование данных типов исторического знания авторами преподносится с учетом анализа историографической традиции XIX и существенной части XX вв.; справедливо

---

¹⁸ *Маловичко С.И.* Проблема классификации источников в проблемном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 12.

подчеркивается при этом, что создание подобной типологии исходного исторического знания длительное время не осознавалось историко-научным сообществом в качестве теоретически значимой процедуры.

Позволю далее небольшое отступление от начатого сюжета для реплики по поводу оснований разделения произведений историков на научно и социально ориентированные труды.

Солидаризируясь с авторами учебника «Источниковедение» в том, что создание каждого историко-научного произведения определяется целевыми установками автора и зависит от авторского замысла относительно той социальной функции, которой наделялось создаваемое произведение, выскажу некоторое сомнение в полной убедительности приведенных доводов предложенной типологии исторического знания. С одной стороны, понятно, что процесс создания научных произведений, выполненных с позиций различных жанровых принципов, может иметь различающиеся целеполагающие установки/мотивации со стороны автора-историка. Наиболее это очевидно, как мне представляется, при сопоставлении позиций историков-профессионалов и историков-любителей, принадлежащих к одной исторической эпохе. С другой стороны, при обращении к трудам профессиональных историков, созданных, например, в XIX в., трудно безоговорочно осуществить процедуру разделения их произведений на две вышеназванные типологические группы. Безоговорочно признавая, что целеполагание авторов влияет на форму, манеру и стиль работ различной ориентации – социальной и научной, следует иметь в виду особенности формирования и бытования научного знания в социуме этого времени. В большинстве случаев профессиональные принципы научной этики презентации знания не позволяли ученому-историку в случае обращения к студенческой или более широкой – социальной аудитории в виде, например, учебных лекций, «публичных чтений», публицистических выступлений и пр. существенно отклоняться от своих методологических установок и концептуальных версий. Другое дело, что историки определенных эпох жестко не разделяли свою деятельность по производству исторического знания на указанные типологические группы. И мы от них и не должны ожидать того подхода, который формируется только в

начале XXI в. С учетом особенностей выработки знаний в рамках исторических эпох XIX и в определенной мере XX веков социально и научно ориентированное историческое знание существовали в слитной форме. Особенно это характерно для XIX века, когда разработка курса лекций воспринималась одновременно как учебная, так и научная задача. Российский университет, как известно, формировался в значительной мере под влиянием идей В. Гумбольдта, в основе которых лежала мысль о том, что профессор с университетской кафедры был обязан предлагать студенческой аудитории результаты своих научных изысканий. Конечно, это не означает, что современный историограф не должен учитывать жанровых особенностей того или другого исторического произведения, вытекающих из целеполагающих замыслов их создания. Но следует учитывать и систему научно-методологических и этических конвенций, на которые ученый ориентировался при изложении основного смысла своих научных идей, независимо от социальной структуры той аудитории, которая их воспринимала. Конечно, ученый в случае выступления перед публикой был вправе упрощать изложение научного материала, использовать дидактические методы преподнесения и разъяснения полученного им знания. Но, по определению, он не мог менять своей методологии в угоду настроений аудитории. Достаточно вспомнить три вводные лекции В.О. Ключевского к «Курсу русской истории», в которых он, по сути, изложил основы своей методологии истории и общего концептуального видения особенностей русской истории.

Вернемся к вопросу о типологии «историографических источников». Другой стороной дифференцированного подхода к трудам историков выступает собственно классификация историографических источников, осуществленная в новом учебнике в пределах обозначенных двух типологических групп. Важным и, несомненно, принципиальным является поиск и определение сущностного основания/критерия их классификации. В этом отношении авторы основываются на теоретических идеях О.М. Медушевской и доказывают целесообразность в этой теоретико-методологической операции следовать видовому принципу классификации источников, принятому в источниковедении. Рефлексия историографа о «чужой одушевленности» и, как следствие, изучение целе-

полаганий авторов исторических трудов, являющихся объектом историографии (а в данном случае – источниковедения историографии), становятся критериальной основой предлагаемой классификации историко-научных трудов. Такой подход к пониманию их природы как объектов познавательных практик историографов прокладывает путь к более глубокому пониманию и применению в историографических исследованиях такого метода как интерпретация источника.

Замечу, что заданный источниковедческий ракурс в область историографии, акцентируя новые подходы к осмыслению базового понятия обозначенной дисциплинарной сферы – «историографический источник» – породил, при всей оригинальности и значимости этих подходов, новые вопросы (и в этом, следует видеть некий результат!), которые продолжают актуализировать проблему структуры дисциплинарного пространства и определения предметного поля собственно историографии. Ведь процессы переосмысления такого вида знания как источниковедение историографии, попытки с позиций методологического обоснования утвердить данную область в качестве когнитивного и институционального сегмента науки, не только усложняют картину этого пространства. Они требуют дополнительных объяснений ситуаций, вызывающих диверсификацию историографического знания. Конечно, сами по себе факты сегментирования предметных полей дисциплинарного «хозяйства» исторической науки обусловлены тенденцией углубленного погружения ученых в процесс изучения ее структурных, институциональных, коммуникативных и смысловых трансформаций на основе поиска оптимальных методологических норм. Эту тенденцию историографы ощутили еще в 1970–1980-е гг., когда заговорили о постоянно расширяющихся границах предмета историографии¹⁹. Однако до сего дня не выработалось какое-либо единство в понимании основополагающих объектно-предметных принципов дисциплины.

Историографический процесс на рубеже XX–XXI вв. заметно раздвинул «территорию» историографа и настоятельно потре-

---

¹⁹ См.: *Сахаров А.М.* Методология и методика историографического исследования // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки.* Калинин: Калининский государственный университет, 1980. С. 79.

бывал историографической рефлексии в виде создания аналитико-обобщающей картины трансформации институционального статуса и дисциплинарного состояния истории исторической науки. Исследовательский опыт Т.А. Поповой (Одесский государственный университет) и историографов Омского государственного университета является тому убедительным выражением. Рассматриваемые в новом учебнике по источниковедению проблемы историографической природы можно расценивать как новейшие попытки не только переосмысления содержания и дисциплинарной функции источниковедения историографии. Возникает проблема о ее статусе и аргументация ее принадлежности к той или иной из «старых», укорененных исторических дисциплин – источниковедению или историографии.

Новый сюжет учебника может стать, в частности, существенным поводом для продолжения идентификационных поисков границ предметных полей, сразу нескольких дисциплин – историографии и ее дисциплинарных ответвлений – источниковедения историографии, а также специально не затрагиваемой в данном случае предметной сферы историографии источниковедения. Иерархичная структура дисциплинарных субкультур в границах «материнской» дисциплины выражает факт сложной структуризации методологически ориентированных областей знания, в том числе – современной историографии. Ее предметное поле подвергается постоянному процессу сегментации. Но за этим нельзя терять целостного представления о фундаментальных основаниях историографии как научной дисциплинарной культуры: общей функционально-познавательной специфике, структуре информационного ресурса, особенностях взаимодействия субдисциплин внутри общего научного дисциплинарного пространства.

Ситуация провоцирует к постановке, как минимум, двух аспектов: один из них, связанный с соотношением предметных полей историографии и источниковедения историографии мы определенным образом затронули. Второй аспект подводит нас к предложенному в учебнике «Источниковедение» определению «историографического источника», которое авторы соответствующего раздела относят к ведению дисциплинарной сферы источниковедения историографии.

Предложенная дефиниция историографического источника, на мой взгляд, должна быть соотнесена с принципиальной позицией основательницы Научно-педагогической школы источниковедения – О.М. Медушевской – относительно понимания природы источника как такового, используемого в процессе исторического познания.

Источник как достояние гуманитарного знания и проблемы определения/дефиниции историографического источника

Феномен источника, процедуры его постижения / понимания, методы изучения и использования в исследовательских практиках всегда будут составлять методологическое ядро исторического, а шире – гуманитарного знания. Неоднократно предпринимаемые в истории науки попытки актуализировать этот основополагающий для сферы всех гуманитарных наук элемент методологии познания человека и человеческой истории являются некими сигналами, означающими не только признание значимости данного теоретико-методологического аспекта, но и констатацию неких инновационных поворотов, или новой проблематики в теории и методологии истории и источниковедения. Один из таких поворотов связан с научными результатами деятельности известного ученого-источниковеда О.М. Медушевской, идеи которой, будучи наиболее выразительно высказанными на рубеже XX–XXI вв., можно уподобить научному открытию, заложившему основы качественно нового этапа в области методологии истории и дисциплинарном развитии источниковедения. Научный опыт О.М. Медушевской – бесценное национальное достояние современной гуманитаристики. Базируясь на воззрениях виднейшего представителя русского неокантианства²⁰ А.С. Лаппо-Данилевского, феноменологической философии Э. Гуссерля, инновационных подходах школы Анналов, ориентированных к социокультурному контексту истории, идеях других ученых, она синтези-

---

²⁰ См.: Румянцева М.Ф. Логика нарратива в баденском и российском неокантианстве // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 3 (105) С. 258–270. *Ее же*. Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru // КЛИО. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 28–31.

рвала прежний теоретико-методологический опыт и начала создание в координатах неоклассической модели науки оригинальной (источниковедческой в своей основе) теории и методологии когнитивной истории²¹.

Для поставленной в данном случае темы особую актуальность приобретает ряд ее выводов. Прежде всего – о междисциплинарной природе источниковедения. Апеллируя к опыту А.С. Лаппо-Данилевского, О.М. Медушевская в 1996 г. подчеркивала: «Совокупность произведений, созданных людьми, предоставляет реальную возможность изучения человечества, дает основу гуманитарному познанию, науке о человеке»²². Позднее, определяя предмет источниковедения через понятие «макрообъект», она раскрыла его понимание как совокупность созданных человечеством интеллектуальных продуктов. По ее версии в «макрообъекте» сосредоточен весь «информационный ресурс», накопленный в результате человеческой деятельности. Этот ресурс – достояние всей человеческой культуры и основа познавательной деятельности в сфере гуманитарных наук²³.

Макрообъект в его эмпирическом выражении, представлен, как известно, различными видовыми группами источников, которые, теоретически, могут стать основой познания в любой области гуманитаристики. Поэтому логично заключить, что основа научного познания – она «одна на всех»; и существует она под единым наименованием – ИСТОЧНИК. Между тем, акцентуация на разграничении групп источников различной дисциплинарной принадлежности – исторических, историографических, а если продолжить – этнографических, генеалогических, лингвистических и пр. – не совсем корректна. Подобные термины в виде прилагательных по отношению к термину «источник» означают, как это замечала О.М. Медушевская, лишь область знания, где они преимущественно используются. Фактически же вся совокупность интеллектуальных продуктов выступает в качестве единого информационного

---

²¹ См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008.

²² Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1996. С. 35.

²³ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 350–353.

ресурса и является объектом изучения в предметных пространствах различных дисциплин.

Возвращаясь к идеям О.М. Медушевской, сто́ит заметить, что она нередко использовала понятие «источник» без какого-либо поясняющего прилагательного. С неизменным постоянством она подчеркивала свой подход к источниковедению, как «учению об источнике, которое имеет принципиальное значение для гуманитарного знания в целом». Источник для нее был носителем «социальной информации», обращение к которой предполагалось со стороны представителей всего научного сообщества. В 1996 г. она сочла нужным специально объяснить свое понимание смысловой природы источника следующим пассажем: «Прилагательное “исторический” в словосочетании “исторический источник” не указывает на какие-либо особые свойства источника. Оно уточняет не специфику источника, но специфику той области знания, которая привлекает источники для своих исследовательских целей...»²⁴. Это понимание автор сохраняет в последнем своем произведении, в тезаурусе которого мы обнаруживаем лаконичный термин «источник» с соответствующей дефиницией²⁵.

В этой же связи сохраняют значение ее размышления, высказанные в 2002 г., о характере взаимоотношений источниковедения и историографии. Констатируя наличие в современной отечественной науке таких двух «проектов»-«направлений» как историография источниковедения и источниковедение историографии, она подчеркивала проницаемость «их теоретических границ». Источниковедческий и историографический «проекты» при всем различии их предметов, по мысли О.М. Медушевской, соединяет общее пространство источников, как «интеллектуальных продуктов человеческой деятельности». Среди них, считала она, «произведения ученых (равно как произведения искусств) составляют частный случай»²⁶.

---

²⁴ Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. С. 18, 19–20.

²⁵ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 352.

²⁶ Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Медушевская О.М. Теория исторического познания: избранные произведения. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2010. С. 209, 210.

Таким образом, О.М. Медушевская не ставила жесткой разделительной линии между источниками, оказывающимися в поле источниковедения и историографии: ведь они одной – человеческой (интеллектуальной) природы.

Именно поэтому подходы к определению природы «историографического источника» и особенностей его дефиниции, представленные в новом учебном пособии по источниковедению, требуют отдельного внимания.

Наблюдаемый процесс разработки концепта «историографический источник» показывает, что современные создатели дисциплинарной версии источниковедения историографии не сразу четко сформулировали свои позиции относительно определения базовых ее элементов, что вызывало ряд вопросов к их понятийно-терминологическому инструментарию. Ситуация стала более ясной с появлением в новом учебном пособии по источниковедению обоснования понятийного аппарата и определения объектно-предметной сферы источниковедения историографии как дисциплинарной культуры. Тем не менее, на наш взгляд, новая версия источниковедения историографии не безупречна.

Обратимся к основополагающему ее понятию – «историографический источник». Еще раз подчеркну, что стратегическая задача его разработки авторами объясняется попытками четкого определения границ отдельной видовой группы – произведений историков – являющихся реализацией целеполагающих установок ученых в процессе акта создания историко-научного знания и (или) историописания. Анализируя версии дефиниций историографического источника предшественниками, авторы соответствующего раздела критически воспринимают «расширительное толкование понятия “историографический источник” за счет исторических источников иных видов»²⁷. При этом ими рассматриваются два подхода к пониманию природы историографического источника. Первый из них они считают неприемлемым: это тот случай, когда под ним понимают «то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса». Второй подход, вытекающий из принципов феноменологии, зиждется на понимании источника как произведения твор-

---

²⁷ Источниковедение: учебное пособие. С. 508.

ческой деятельности человека, продукта культуры, позволяющего «выявить целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания»²⁸. Несомненно, с теоретической точки зрения смысловое и словесно-стилистическое выражение первого подхода, в отличие от второго, не корректно. Мне представляется, что в современной науке уже не найти (или почти не найти) прямых апологетов первого подхода.

Опираясь на второй подход, авторы предлагают следующее определение базового понятия источниковедения историографии: «историографические источники – это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного»²⁹.

Обратим внимание, что в первой части определения, фактически заявлено, что «историографические источники» – это те же «исторические источники». С этим нельзя не согласиться! Вспомним суждение О.М. Медушевой, считавшей источники историографии в виде произведений ученых «частным случаем» создания интеллектуальных продуктов в процессе человеческой деятельности. Таким образом, имевшееся в рассуждениях предшествующих работ С.И. Маловичко некое противопоставление источников – «историографических» и «исторических» – вроде бы преодолено. Но в то же время сама по себе дефиниция, предлагаемая *учащейся аудитории*, сформулирована предельно абстрактно: в том смысле, что в ней не обозначено смысловое наполнение актуальной «группы видов исторических источников», за которой фактически, подразумеваются произведения ученых-историков. К тому же сохраняется некая искусственность своеобразного – «двухэтажного» – определения «историографического источника»: ведь, в конечном итоге, можно даже обойтись без этого словосочетания, чтобы понять, на *что*, по версии создателей определения нацелено источниковедение историографии или, *что* является объектом его изучения. В частности, можно сконструировать и вложить следующий смысл в более простую формулировку: труды/произведения историков (а по мысли авторов учебника – и

---

²⁸ Источниковедение: учебное пособие. С. 508.

²⁹ Там же. С. 509.

«историописателей») – «это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания...». А если обойтись без прилагательного «исторический» в отношении термина «источник», то в таком случае был бы подчеркнут методологически важный момент: результаты научной деятельности историков находятся в общей совокупности интеллектуальных продуктов системы информационного ресурса гуманитаристики. Этим акцентом раскрывается целостность не только исторического, но всего гуманитарного знания. На мой взгляд, научная продукция историков, как и труды ученых иных сфер науки, составляют видовую группу одной природы. При использовании результатов научной деятельности в качестве источников истории науки этот вид становится объектом изучения в предметном пространстве той или иной гуманитарной или социальной сферы знания. Жанровые разновидности научных произведений, представленные в новом учебнике в виде классификации историографических источников, с небольшими, быть может, вариациями присущи не только исторической науке, но всей гуманитаристике, а также и сфере естественнонаучного цикла. Еще и *поэтому* прилагательное «историографический» по отношению к фундаментальному понятию «источник» мне кажется лишним. Отталкиваясь от нарастающего количества дисциплин, можно вводить огромное количество новых прилагательных к термину «источник», что только содействует терминологическому хаосу. Может быть, понятие «историографический источник», будучи изобретенным в 70–80-е гг. XX в. из престижных соображений на этапе институционально-дисциплинарного оформления историографии, вообще устарело?

Термины, понятия и их дефиниции в науке – это то, о чем ученые договариваются между собой, и о любом прилагательном к рассматриваемому понятию «источник» можно и договориться, чтобы лучше понимать контекст его использования. Исходя только из этих позиций понятие «историографический источник», конечно, может использоваться, что особенно удобно в учебно-образовательной практике. Но для меня научные труды историков остаются все же отдельной видовой группой источников, которая подразделяется на некие разновидности.

Еще раз о предметном поле историографии: к вопросу об источниках по историографии как истории исторической науки

Еще раз приходится акцентировать внимание на том, что современные инновации в области источниковедения историографии неминуемо возрождают далекую от методологической ясности проблему предметного поля историографии. Этот вопрос актуализируется процессом инкорпорирования источниковедением историографии определенного сегмента истории исторической науки.

С учетом большого и «многосюжетного» предметного поля истории исторической науки, втянувшего в себя многосложную систему инфраструктуры исторической науки, историограф аккумулирует различные виды источников, позволяющие изучать не только историю развития исторического знания в его проблемно-эмпирическом и концептуально-методологическом выражении, но и институциональные, коммуникативные, социокультурные процессы в историко-научном пространстве. *Нужно только осознать, что многогранная интеллектуальная деятельность ученого-историка в этом пространстве осуществляется во имя создания основного ее продукта – научных произведений, в которых воплощаются мысли, идеи, теории, концепции, методологии, научный язык ученых-историков.* В конечном итоге порождаются научные тексты как основной блок источников научной/творческой природы. Выступая отдельной видовой группой, они являются объектами познавательной деятельности историографа, исходящего в своих научных задачах из целеполагающих установок их творцов. Совокупность других сегментов предметного поля историографии востребует целую палитру иных видов и соответствующих разновидностей источников. Не перечисляя известные видовые группы (от законодательных источников до источников личного происхождения), подчеркнем, что они являются порождением различных типов социальной и культурной деятельности историко-научного сообщества и его конкретных представителей. Именно они дают возможность создать представление о *контексте* и *инфраструктуре* научной деятельности историка. Без источникового обеспечения, порожденных этими структурами, понимание истории истории, а также значимости конкретных науч-

ных произведений историков невозможно. Таким образом, изучение историографии как истории исторической науки осуществляется на основе использования совокупности видовых групп источников, позволяющих исследовать и понимать творческую деятельность историка в контексте целостной научной и жизненной стези ученого.

Историография и источниковедение: дисциплинарные статусы и взаимодействия

Вероятно, специфику феномена историографического источника целесообразней искать в точке пересечения предметных полей источниковедения и историографии, а не только в границах источниковедческой дисциплинарной культуры. При известной автономности статуса источниковедения в виде системы методологии данной дисциплины и практик изучения видовых особенностей «интеллектуальных продуктов человеческой деятельности», эта область знания вырабатывает методологические послы в адрес всех дисциплин исторической науки. В некотором смысле источниковедение выполняет определенные – методологические по существу и сервисные – по форме функции в науке. Теоретически, кроме источниковедения историографии, можно предполагать существование источниковедения археологии, источниковедения этнографии, источниковедения палеографии, источниковедения исторической библиографии и др. так называемых «вспомогательных дисциплин», а также многочисленного перечня «источниковедений» дисциплин конкретно-исторического профиля. В данном случае я не затрагиваю факты попыток создания «источниковедений» целого ряда гуманитарных сфер знания. В совокупности все эти дисциплинарные культуры могли бы войти под «крышу» источниковедения, но одновременно разделить его предметное пространство своими дисциплинарными границами.

В подобном смысле историографию также следует отнести к дисциплинам методологической ориентации и «сервисной» формы. Ведь ни одна область исторического знания не обходится без историографической рефлексии. В этом отношении источниковедение и историография родственны по своим функциям, выполняемым в системе науки. В пространстве историографических

интересов, как известно, оказывается источниковедческий опыт историков, что соединяет функционально эти две родственные специальные исторические дисциплины. Заметим, есть еще одна прагматическая сторона вопроса взаимодействия источниковедения и историографии. В историографии сложилась традиция, в рамках которой вопросы источниковедческих задач историографического исследования решает сам историк-историограф. Как, впрочем, источниковед или специалист-историк берет на самого себя разработку историографических аспектов собственных научных, в том числе источниковедческих исследований.

Вопрос о том, почему возникла необходимость и возможность актуализации понятия «историографический источник» и построения дисциплинарной области источниковедения историографии именно на базе источниковедческого теоретико-методологического ресурса, требует еще дополнительного разговора. Он может быть осуществлен на базе погружения в различные методологические аспекты этих дисциплин, в том числе – в историю развития этих двух научных областей в XIX – начала XXI вв. Но это уже – отдельная историографическая история!

---

1. *Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 160 с.

2. *Ипполитов Г.М.* Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 1.

3. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2015. 685 с.

4. *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000. 226 с.

5. *Корзун В.П.* Институциональное оформление историографии как специальной дисциплины // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.

6. *Маловичко С.И.* Проблема классификации источников в проблемном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 36.
7. *Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история и метод / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1996. 80 с.
8. *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
9. *Медушевская О.М.* Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2010. 572 с.
10. Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский государственный университет, 1980. 142 с.
11. *Попова Т.Н.* Историография в контексте дисциплинарной истории // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011.
12. *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.
13. *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 282 с.
14. *Румянцева М.Ф.* Логика нарратива в баденском и российском неокантианстве // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105).
15. *Румянцева М.Ф.* Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru // КЛИО. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84).
16. *Сахаров А.М.* Методология и методика историографического исследования // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский государственный университет, 1980.
17. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
18. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 544 с.
19. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.

Т.Н. Попова

Пути и перепутья историографии, или как не заблудиться в «дорожных картах»

Автор, анализируя современную литературу евроатлантического и восточноевропейского научных пространств, выделяет ведущие тенденции в подходах ученых к пониманию предмета, статуса и дисциплинарной истории историографии; акцент сделан на проблемы специфики дисциплинарного развития историографии в восточноевропейском регионе и многообразия моделей процесса дисциплинаризации истории.

Ключевые слова: историография, история истории, история историографии, историографическая модель, научная дисциплина, модель дисциплинарности, дисциплинарная история, научные традиции, дисциплинарный образ историографии.

Т.Н. Попова

Highways and byways of historiography, or how not to get lost in the "road map"

By analyzing contemporary literature of Euro-Atlantic and East-European Research Areas, highlights major trends in the approaches of scientists to understand the subject, status and disciplinary history of historiography. Accent made for the problems of specific disciplinary development of historiography in the Eastern European region and the diversity of model of disciplinary.

Key words: historiography, history of history, history of historiography, historiographical model, scientific discipline, model disciplinary, disciplinary history, scientific traditions, disciplinary image of historiography.

Наука тем и хороша,
что в ней никому не дано
сказать последнее слово
*И.Д. Ковальченко*¹

В российском и украинском научном поле в последние лет пятнадцать-двадцать сложилась своеобразная ситуация: институциональный кризис дисциплины историографии в «восточноев-

---

© Т.Н. Попова, 2017

---

¹ Ковальченко И.Д. Роль дискуссии в исторической науке (Методологические проблемы) // Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 22.

ропейском варианте», который проявляется в современной практике разночтения дисциплинарного наименования, в многовариантных актуализациях ее предметных составляющих, в восприятии многообразия ее различных дисциплинарных «лик» сопровождается настоящим «ренессансом» исследовательского пространства *истории истории*. В основе этого ситуационного парадокса – переплетение ряда новаций в научном мире: формирование новой модели науки; трансформация дисциплинарного поля; столкновение и взаимопроникновение дисциплинарных традиций евроатлантического и восточноевропейского научных ареалов; вступление истории в «историографический этап» своего существования; переключение «дисциплинарного типа» мышления на «рефлексивный», «монодисциплинарный» – на «меж/трандисциплинарный»; интенсивные поиски нового образа *истории истории* не только как интегративного сегмента исторического знания, но и как стержня истории исторической культуры и исторического сознания в целом. В этой сложной историографической ситуации современники предлагают различные версии «дорожных карт» – дисциплинарных стратегий, нацеленных на сохранение дисциплины, укрепление ее статуса, расширение ее эпистемологических возможностей и одновременно на иные варианты ее бытия. Задача статьи – обратить внимание Коллег на ведущие тенденции, определяющие поиск представителей обоих историографических миров, а также проблемные сюжеты на перекрестке мнений.

Евроатлантическая версия истории истории

Для **Г. Иггера**, крупного немецкого ученого, почетного профессора Университета Буффало (США), реальная *история историографии* имеет давнюю традицию: за два столетия и, особенно в XX в., констатирует он, было написано «множество историй историографии», которые первоначально имели «западный или национально-центричный характер»; после событий 1989–1991 гг. ученые обратились к «не западным мирам», в частности – «к социокультурным аспектам этих миров», с рубежа XX–XXI вв. – «к анализу исторической культуры разных не западных обществ»².

---

² См.: *Иггерс Г., Ван Э.* (при участии Суприн Мукерджи). Глобальная история современной историографии; пер. с англ. О. Воробьевой; науч. ред. Марина Кукарцева. М., 2012. С. 21–23.

Известный историограф **Карлос Антонио Агирре Рохас** (Мексика) считает, что «расцвет и экспансия» *истории историографии* во всем пространстве исторических знаний за последние тридцать лет способствовали развитию более четкого самосознания историков, пониманию смысла историографической практики, объединению актуальных исторических проектов западной науки, созданию общей «карты» дисциплины истории в XX в.³

Интенсивный процесс историографических исследований привел в конце XX в. к стабилизации данной области в качестве раздела интеллектуальной истории, «которую иногда называют» – *Intellectual history of history*. Хотя дисциплинарного оформления *истории истории* в западной науке не произошло⁴, достаточно широкая исследовательская практика способствовала обретению данной областью своего статуса, что нашло отражение в энциклопедических изданиях, в частности в «Новой Британской энциклопедии» («*The New Encyclopaedia Britannica*», 1994. Volume 20) под самоназванием «*History of Historiography*».

В литературе нового тысячелетия, несмотря на «расцвет и экспансию» *истории историографии*, идут напряженные поиски ее самоопределения и обозначения сферы ее «дисциплинарных полномочий». Анализируя состояние современной *истории историографии*, Карлос Антонио Агирре Рохас констатирует, что во многих странах эта важнейшая «область истории» («направление» или «ветвь актуальных исторических исследований»), цель которой – «повседневная практика исторической саморефлексии», еще играет «второстепенную или маргинальную роль» в иерархии исторических дисциплин или существует как «позитивистская версия истории историографии», способная лишь «к иллюстративным этикеткам» – составлению «скучного перечня» авторов и произведений, к «упрощенным и схематичным классификациям историографических комплексов». «Координаты исследовательского пространства» «Другой», «обновленной», «критической» *истории историографии*, отличной от ее «позитивистской версии», Карлос

---

³ Карлос Антонио Агирре Рохас. *Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами*. М., 2008. С. 115–116.

⁴ См.: Ретина Л.П. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М., 2011. С. 393, 32–33.

Антонио Агирре Рохас видит в создании различных экспликативных моделей (на основе использования интеллектуальных инструментов самой исторической науки, а также всех социальных наук) для освоения «историографической вселенной», способных решить проблемы: 1) периодизации траекторий историографических школ; 2) «развернутых классификаций», объясняющих интеллектуальные связи авторов «в соответствующих историографических, интеллектуальных, социальных, политических и общих контекстах»; 3) «процессов кросскультурного обмена и интеллектуального трансфера», генерирования новых парадигм, трансформации традиций и др.⁵

Согласно Г. Иггерсу, компаративистски ориентированная глобальная *история историографии* – приоритетное содержание данной области знания на современном этапе. Подобный проект должен предусматривать комплекс идей, которые для ученого предстают как постулаты его исследовательской стратегии: 1) идея о взаимовлияниях западных и не западных миров как гетерогенных феноменов; 2) идея об историографии – как *объекте истории историографии* – не только как о форме репрезентации прошлого, но и как о форме исторической памяти, которые взаимосвязаны «с другими аспектами жизни общества» и опосредованы спецификой исторической культуры в регионально-темпоральном плане; 3) идея об осознании пределов исторической науки (шире – историописания в целом) «как основы для создания компаративной, межкультурной истории исторической мысли» с опорой в первую очередь на «исторические тексты» (как элементы культуры) в «широком институциональном, политическом и интеллектуальном контексте», на необходимость перманентной «критики искажений прошлого» в связи с осознанием «границы рационального исследования» и наличия «собственных пристрастий» у историков; 4) идея о необходимости включения в предмет изучения истории историографии организационной структуры исторической науки и преподавания истории («разработку дисциплин университетского цикла для профессиональных историков»); 5) идея о связи истории исторического сознания и историописания с процессами гло-

---

⁵ См.: Карлос Антонио Агирре Рохас. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. С. 9–13, 110.

бализации и модернизации; 6) идея о вестернизации и модернизации историографии «за пределами Запада», не теряющей одновременно «связи с прежними местными традициями»; 7) идея об изменениях «в процедурах исторического исследования, произошедших во всем мире под влиянием глобализации»; 8) идея о «картографии современной исторической практики», для которой характерны пять «тенденций»: продолжающиеся «культурные и лингвистические повороты, способствующие подъему так называемой «новой культурной истории»; экспансия феминистской и гендерной истории; новый альянс между историческими и социальными науками в свете постмодернистской критики; вызовы национальной историографии, связанные в значительной степени с изучением постколониализма; подъем всемирной и глобальной истории, а также истории глобализации; 9) идея отказа от евроцентризма; 10) идея о защите «процедуры рационального исследования» в противовес постмодернистским литературным теориям, приводящим «к крайнему эпистемологическому релятивизму»⁶ и др.

Л.П. Репина, анализируя прежде всего опыт западной науки, справедливо поставила вопрос о сложности с определением предмета *истории историографии*⁷, учитывая полисемантическую самого термина «историография»⁸. В связи с этим возможны, по ее мнению, разные подходы к изучению истории историографии в зависимости от ее *образа*. Если рассматривать историографию как академическую дисциплину – науку о прошлом, то *историю исторической дисциплины – историю исторической науки* – можно описать «в трех измерениях, или тремя моделями», которые существуют и постоянно взаимодействуют: 1) «модель упорядочения и непрерывной коррекции исторической памяти»; 2) «модель дисциплинарности»; 3) «модель междисциплинарности». Если ис-

---

⁶ См.: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. С. 23–38.

⁷ См.: *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // *История и историки в прошлом и настоящем* / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013. С. 5–6.

⁸ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 150–191 [Экскурс: «Об институционализации историографии. II. Лики историографии: имена и смыслы»].

торию историографии представить как историю исторического знания – «неотъемлемую составляющую интеллектуальной истории», то формирование ее содержательного пространства будет подчинено задачам: 1) выявления исторических изменений фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания; 2) изучения процессов становления и развития исторического сознания и исторической культуры, стиля исторического мышления и историописания, средств и форм научного исследования. Все эти линии должны рассматриваться «в общем контексте духовной культуры, социально-политических, организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи». Одновременно Л.П. Репина выделяет три уровня изучения истории историографии (исторического знания), которые соответствуют «основным направлениям обновленной методологии интеллектуальной истории» (учитывая опять же взаимосвязь этих уровней): 1) история интеллектуальной жизни; 2) история ментальностей; 3) история ценностных ориентаций. Это новое проблемно-предметное пространство истории историографии («полномасштабный историко-историографический проект») не исключает «традиционных составляющих», сформированных в предметных полях «дисциплинарной истории, проблемно-тематической историографии и истории исторической мысли», и опирается на принципы «третьей платформы» («средней линии») в эпистемологии истории⁹.

Лапидарно суммируя смысловые новации авторов, можно выделить общие – пересекающиеся – линии стратегических ориентиров истории историографии¹⁰: 1) не порывая с традиционным предметным полем, история историографии все более превращается в теоретическую дисциплину, направленную на основе осмысления основных тенденций развития и трансформации исторических знаний к конструированию объяснительных моделей интеллектуальных процессов в области изучения истории; 2) предметное пространство истории историографии будет постоянно стре-

---

⁹ См. подробнее: Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории. С. 7–8, 10, 22.

¹⁰ Этими линиями, конечно, не ограничивается весь спектр инновационных предложений.

миться к появлению новых проблемных полей по мере усложнения самого объекта своего изучения – *собственно историографии* – исторической науки / исторической мысли / исторических знаний / историописания / исторической памяти / исторической культуры – всего комплекса интеллектуальной жизни, нацеленной на познание прошлого; 3) изучение истории историографии должно иметь контекстуальный характер, без элиминации обширного спектра культурных, социально-политических, информационно-идеологических и прочих условий (контекстов) при анализе когнитивных процессов; 4) «репрезентирование прошлого» (Л.П. Репина) историописания все более устремляется в пространство культурно-интеллектуальной истории, «межкультурной истории исторической мысли», к анализу «кросскультурного обмена»; 5) история историографии должна быть нацелена на изучение взаимовлияний западных и не западных историографических миров как гетерогенных феноменов; 6) постоянное расширение собственного методологического инструментария с включением достижений «общего рынка» наук – аксиома исследовательского арсенала истории историографии; 7) базовой эпистемологической платформой должна быть так называемая «третья платформа», ориентированная на процедуры рационального исследования при всем осознании пределов исторического познания.

В итоге акцентируем плодотворную мысль Г. Иггерса о том, что *история историографии* – это «непрекращающийся диалог», предлагающий «не одно единственное изложение», но многообразие подчас конфликтующих между собой «интерпретаций», которые «обогащают нашу картину прошлого, но тем не менее остаются объектом критической проверки на предмет соответствия таким принятым в научном сообществе стандартам, как опора на эмпирику и логическая связность»¹¹.

Восточноевропейская версия истории истории

1. Проблема дисциплинаризации

Проблема генезиса *истории истории*, спроецированная в проблему дисциплинаризации, получила в восточноевропейском ареале свое решение с позиций различных исследовательских подходов.

---

¹¹ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. С. 38.

1. На рубеже 1970–1980-х гг. появилась первая историографическая концепция **Р.А. Киреевой** (Москва), которую можно условно обозначить как «*дидактическая модель*» *историографии*: ее стержневая идея сфокусирована в положении о дидактической детерминированности дисциплинарного оформления историографической ветви исторических знаний. Появление историографии связано с процессом преподавания, и сама дисциплина приобретала в первую очередь статус «университетской дисциплины». Вектор движения историографии у Р.А. Киреевой – от учебной дисциплины к научной дисциплине. Субъектом, «носителем» нового историографического знания, выступала университетская профессура – *профессиональные* ученые; их лекционные курсы становились и первыми историографическими публикациями. К началу XX в. историография приобрела собственное лицо, заняв определенное место в системе исторической науки и исторического образования. Хронологически процесс дисциплинаризации историографии Р.А. Киреева определяет в границах – середина XIX в. (деятельность С.М. Соловьева) 1960–1980-е гг. Создание специальных организационных структур и, главное, «внутренний рост» дисциплины – появление «теоретико-методологических обобщений», начало разработки *истории историографии* – выступают основными критериями завершения процесса дисциплинарности. Официальное утверждение дисциплинарного «имени» – *историография*, обретение нового статуса – *специальной исторической дисциплины* – свидетельствовали о получении «прав гражданства». Именно Р.А. Киреевой принадлежит введение в научный оборот новых категориальных формул – *проблемная историография и история историографии*¹² как «история в третьей степени», открывшая новое проблемное поле собственно историографической рефлексии.

2. На рубеже 1980–1990-х гг. **И.И. Колесник** (Днепропетровск/Киев), обратившись к междисциплинарному арсеналу, на материалах истории русской исторической мысли, предложила «*рефлексивную модель*» *историографии*¹³. И.И. Колесник при-

---

¹² Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 3, 13.

¹³ См.: Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Дніпропетровськ, 1993; *Она же*. Українська історіографія. XVIII – по-

надлежит приоритет в применении науковедческого подхода к анализу генезиса истории исторической науки, а также в использовании категории «рефлексия» для объяснения природы историографии и механизмов ее возникновения. Историография, согласно ее модели, – это «рефлексивный компонент процесса исторического познания», который предстает в двух формах – «внутренней» (собственная рефлексия историка и проблемная историография) и «внешней» – дисциплинарной: история науки, методология истории и др. В системе исторической науки все формы рефлексии находятся в состоянии взаимосвязи и взаимодействия. Впервые в историографической литературе используя категорию «образ науки», И.И. Колесник выстраивает стадийную последовательность «образов историографии» по следующей схеме: 1) с XVIII в. складывается «эмпирический образ» «научной историографии»; 2) с 20–30-х гг. XIX в. – «начало» трансформации «эмпирического образа» в «собственно научный»; это – время формирования историографии как «особой области изучения»; 3) с середины XIX в. (с трудов С.М. Соловьева) идет процесс формирования «дисциплинарного образа» историографии. «Процесс создания организационно-дисциплинарных структур» историографии был «приостановлен» в период становления советской исторической науки и «возобновлен» с конца 1930-х – начала 1940-х гг.; завершение приходится на 1950–1980-е гг. – критерии: рост самосознания исторической науки; разработка проблем методологии и истории историографических исследований (появление *истории историографии* как формы историографической рефлексии); укрепление организационных основ. Рефлексивная природа историографии, считает И.И. Колесник, определяет и ее особое место в системе научного знания, и ее функциональное предназначение: именно *историография* обеспечивает сферу управления, планирования и контроля за познавательной деятельностью историка. Ведущие функции – конструктивная, направленная на получение но-

---

чаток XX століття. Київ, 2000. С. 18–26; *Она же*. Українська історіографія: концептуальна історія. Київ, 2013. С. 120–131. См. подробнее о концепциях Р.А. Киреевой и И.И. Колесник: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. С. 96–109 [Экскурс: Об историографических моделях].

вого знания, и парадигмальная как «способ поддержания данной системы историописания» – выступают в качестве функций «самопознания науки» и являются «регуляторами системы» исторической науки, вне которых эта система не может функционировать, воспроизводиться и развиваться.

3. Среди новейших – концептуальная схема, предложенная **М.Ф. Румянцевой** и **С.И. Маловичко**¹⁴ (Москва), которую с большой долей условности можно обозначить как «**функциональная модель**» историографии. «Исходная гипотеза», сформулированная М.Ф.Румянцевой, содержит идею о том, что дисциплинаризация историографии была детерминирована сменой «типов рациональности / моделей науки», в связи с чем «реперные точки» в процессе преобразования моделей исторической науки определяют «моменты трансформации дисциплинарного статуса историографии».

Ремарка. Пользуясь «привычным термином *историография*», оба автора считают более предпочтительным «нейтральный» и одновременно «всеобъемлющий» термин *история истории*, поскольку традиционное дисциплинарное наименование в современной «теоретико-познавательной ситуации» (настоятельно требующей дифференцированного подхода к исторической науке и социально ориентированному историописанию и аналогично – к истории исторической науки и истории исторического знания, а также истории историописания) перестало соответствовать объекту исследования.

С.И. Маловичко акцентирует внимание на тот факт, что конкретный тип рациональности «актуализировал» определенные *функции* истории, которые в конечном счете формировали отношение исследователей к этой области знаний, придавая ей характерный облик и определяя ее статус. В эпоху классической рациональности история истории выполняла «*методическую функцию*», превращаясь в «копилку» историографического опыта и ориенти-

---

¹⁴ См.: Румянцева М.Ф. Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Х., 2014. Вип. 13. С. 97–107; Маловичко С.И. Трансформация функций истории истории в системе исторической науки // Харківський історіографічний збірник. Х., 2014. Вип. 13. С. 74–84.

руя исследователя на «холистический эмпиризм» и «аннотируемую библиографию». Усиление *критической функции*, с тенденцией к доминированию, имело свою специфику в этот период: историография становилась исследованием ошибок предшественников. В эпоху неклассической рациональности «история истории как рефлексия о процессе конструирования истории», оставаясь *«критической»*, все более приобретает *«функцию деконструкции»*. В это же время изменяется статус истории: в советской науке историография из вспомогательной становится специальной исторической дисциплиной, появляется новый объект ее исследования – собственная история: начинается конструирование *истории историографии* – возникает «новая функция *саморефлексии*». Постнеклассическая модель исторической науки актуализировала новые проблемные поля; произошли радикальные изменения на гносеологическом уровне; в историографических исследованиях утвердились принципы методологического и культурного плюрализма, поли- и междисциплинарные подходы, моделирование форм исторического познания и социокультурная контекстуальность. В итоге предметные поля современного научного исторического знания «преодолевают классическую дисциплинарную модель науки». История истории, считает С.И. Маловичко, по-прежнему выполняет функцию *деконструкции*, но объектом анализа выступает не столько история исторической науки, сколько история исторического знания и историческая память, при этом акцентируется методологический прием *понимания*. Обращая внимание на тот факт, что прежний подход к определению историографического источника как источника исторического, несущего информацию об историографическом процессе (М.В. Нечкина, Л.Н. Пушкарев, А.И. Зевелев и др.), соответствует «парадигмам классической науки, исчерпавшей свой эпистемологический потенциал в конце XIX в.», а «историографическая деконструкция», возникшая в эпоху неклассической модели науки, становится в эпоху неоклассической модели науки обязательным условием «осуществления феноменологической редукции», авторы отводят функции *системности, этической и экспертной* (составлявших ранее парафию историографии. – Т.П.) новому предметному полю – *источниковедению историографии*, предложившему «метод

источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории»¹⁵.

«Реперные точки» (пользуясь терминологией М.Ф. Румянцевой), определяющие рубежи дисциплинарного созревания историографии, более-менее идентичны во всех трех моделях; главные «эпохальные» периоды дисциплинаризации: 1) середина XIX – начало XX вв. с акцентом на «порубежье»; 2) 1950/1960–1980-е гг. – завершение процесса.

Особое мнение высказывают **И.Л. Беленький, Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло, М.Ю. Парамонова** (Москва). Согласно **Г.Р. Наумовой** и **А.Е. Шикло** историография становится самостоятельной дисциплиной с середины XIX в., когда четко определились ее предмет, задачи, значение, принципы изучения, а также классификация и периодизация исторических знаний¹⁶. В энциклопедической статье авторы констатируют: *дисциплинарное оформление историографии* происходит в границах – от полемики вокруг «Истории...» Н.М. Карамзина до 1890–1910-х гг.¹⁷

Экскурс первый. О моделях дисциплинаризации

В современной литературе историография (вне зависимости от определения ее предмета) квалифицируется как академическая дисциплина, поэтому «модель дисциплинарности» (как одно из измерений)¹⁸ может быть применима к изучению дисциплинаризации историографии. Однако при этом сразу же возникает проблема содержательного наполнения категорий *дисциплинарности* и *научной дисциплины*.

В науковедческой литературе 1970–1980-х гг. (как советской, так и западной)¹⁹ *дисциплинарность* определяли как общую

---

¹⁵ См.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 203.

¹⁶ См.: Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: учеб. пособие. М., 2008. С. 6.

¹⁷ См.: Беленький И.Л., Наумова Г.Р., Парамонова М.Ю. Историография // Энциклопедия. 2015–2016 гг. URL: <http://knowledge.su/i/istoriografiya>.

¹⁸ См.: Ретина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории. С. 7.

¹⁹ См.: Научная деятельность: структура и институты: сборник переводов. М., 1980; Мирский Э.М. Междисциплинарность и дисциплинарная организация нау-

организационную структуру научного знания, а *научную дисциплину* – как элемент этой структуры, определенный уровень в развитии научного знания, его конкретно-историческую форму. Параметры научной дисциплины: единство дисциплинарного знания и способов действия с ним; общее содержание специальной подготовки исследователей и формы их идентификации; единый набор средств дисциплинарной коммуникации и институтов, регулирующих функционирование дисциплины.

Классической моделью для изучения процессов дисциплинаризации может выступать модель дисциплинарной матрицы **Т. Куна**²⁰.

По мнению **Л.П. Репиной**, академическая дисциплина как отрасль знаний характеризуется следующими «детерминантами»: а) специфической совокупностью концепций и подходов; б) собственной историей; в) институтами/организационной структурой, изменяющейся с течением времени. Суммируя опыт евроатлантической литературы 1990-х гг., Л.П. Репина обозначает основные критерии *дисциплинарности*: 1) предметное поле, 2) методы работы, исследовательские процедуры, 3) систему референции, 4) специфический способ мышления и язык описания, 5) институциональная структура, 6) сообщество практикующих ученых и их типы личности, 7) особые формы дискурса, 8) нормы и правила профессиональной деятельности²¹.

В.Л. Абушенко и Н.Л. Кацук (Минская философская школа) в качестве инвариантных компонентов любой дисциплины рассматривают: 1) массив накопленного в ней знания; 2) существующее дисциплинарное сообщество; 3) предметно-проблемное поле поисков дисциплинарных результатов; 4) механизм социализации добытых «вкладов»; 5) институционализованные механизмы подготовки кадров; 6) этос дисциплины; 7) сложившуюся сеть цитирования, постоянно деконструируемую и вновь конструируемую через вписываемые новые «вклады»; 8) собственно дисциплинарную деятельность по воспроизводству, сохранению, на-

---

ки. М., 1980; *Огуцов А.П.* Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обособление. М., 1988; *Дисциплинарность и взаимодействие наук.* М., 1986 и др.

²⁰ См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2002. С. 235–241.

²¹ См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. С. 31.

ращиванию, переструктуризации дисциплинарной целостности, выступающую как коммуникация – «место» операций со знанием²².

Для **М.Ф. Румянцевой** *дисциплина* – исторически сложившаяся область научного знания, имеющая собственный объект исследования. Анализируя проблему дисциплинаризации источниковедения, она выделяет «три возможных направления исследования»: анализ концепций признанных классиков источниковедения; рассмотрение источниковедения как дисциплины преподавания в высшей школе; анализ понятия *источниковедение* в рамках истории понятий²³. Обозначенные линии исследования в сущности должны выявить понимание содержательного поля дисциплины его репрезентантами; становление «учебного лика» дисциплины, ее институциональные структуры в сфере образования; формирование дисциплинарного наименования (самоназвания) и статуса дисциплины.

С последней трети XX в. обозначился четкий переход от изучения отдельных параметров развития научного знания к анализу их совокупности: «параметрический образ» науки был сформулирован в советском науковедении, «социокогнитивный подход» предложен британскими социологами науки. Одним из вариантов дисциплинаризации историографии может выступать модель, в основе которой теория институционализации **Р. Уитли** (Манчестерский университет)²⁴. Согласно этой теории институциональный процесс следует рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях. *Когнитивная институционализация* проявляется в формировании когнитивных параметров нового научного направления, отражая процесс установления взаимопонимания между учеными в отношении основных «сегментов» научного знания и способствуя тем самым их объединению на исследовательском уровне. *Социальная институционализация* показывает степень интегрирован-

---

²² См.: Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Дисциплинарность // Новейший философский словарь. Минск, 2003. URL: <http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost>'.

²³ См.: Румянцева М.Ф. Дисциплина исторической науки // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2016. С. 93–94; *Она же*. Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности. С. 99.

²⁴ См.: Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. С. 218–256.

ности «интеллектуального движения» в социальных структурах. Когнитивные и социальные аспекты институционализации взаимосвязаны, однако развитие конкретных социальных и когнитивных компонентов институционального процесса чаще всего неравномерно. «Фактор институционализации» (понятие, введенное Р. Уитли) – это, в конечном счете, показатель когерентности, «сцепления» когнитивных и социальных компонентов в единой социокогнитивной системе научного знания.

Содержание предлагаемой модели: в понятие *институционализация историографии* входит процесс формирования ее когнитивной системы и инфраструктуры в конкретном социокультурном контексте, что в своей совокупности приобретает завершенные формы на дисциплинарной стадии развития этой ветви исторических знаний. В процессе когнитивной институционализации складывается единство в понимании основных сегментов историографического знания, которые предстают как компоненты когнитивной системы историографии: определенность проблемного поля, корпуса источниковедческого знания, теоретико-методологического аппарата, концептуально-парадигмальных основ и т. п. Стержневым параметром, влияющим на «степень когерентности» на уровне когнитивной институционализации историографии, будет выступать «структурированность значений терминов», принятых в сообществе историографов. Социальная институционализация в большей степени проявляет себя на уровне инфраструктуры (системы обеспечения функционирования когнитивной системы), в которой организация историографической науки предстает как в «физически-материализованных» формах (научное сообщество специалистов-историографов, система историографических структур в академических и образовательных центрах, система профессиональной подготовки; коммуникационная система; система издательской деятельности; корпус материальных носителей информации и система их хранения и проч.), так и в «идеальных» – формирование канонов и нормативов, определяющих исследовательскую практику историографов, характер и формы их коммуникации и др.²⁵ Стержневым параметром, влияющим на

---

²⁵ Компоненты когнитивной системы и инфраструктуры могут быть уточнены и значительно расширены.

«степень когерентности» на уровне социальной институционализации (впрочем, и всей системы в целом) выступает «субъект науки», репрезентирующий историографическую научную область, – дисциплинарное сообщество историографов, объединенных конвенциональным пониманием своей профессиональной деятельности и этносом дисциплины. Социокультурный контекст предполагает рассмотрение научной дисциплины как социокогнитивной системы в качестве неотъемлемой составляющей единого социокультурного организма.

Дисциплинарная стадия научного знания – научная дисциплина – выступает в качестве таксона (аналитической единицы анализа), а также формы/уровня институционального процесса в целом. Представляя собой системное образование, научная дисциплина историография имеет отнюдь нелинейное развитие, переживая различные фазы и модификации, что связано не только со спецификой имманентного развития нового исследовательского направления, но и во многом зависит от различных социокультурных факторов, механизмов интериоризации и проч. «Фактор институционализации» при этом будет отражать «степень когерентности» – сцепления, взаимосвязи дисциплинарных компонентов – и выступать своеобразным системообразующим принципом. Наряду с генезисом историографических знаний, процессом институционализации и дисциплинаризации историографии ее дисциплинарный временной режим бытия (со всеми трансформациями) должен быть предметом специального исследования. *Дисциплинарная история* предполагает анализ процесса дисциплинаризации – формирования «составляющих» научной дисциплины и их трансформацию в единый социокогнитивный комплекс, последующее дисциплинарное развитие с учетом специфики «фактора институционализации».

Экскурс второй. Об особенностях дисциплинарного процесса в российском научном поле

Дисциплинарная структура науки, «вписанная» в общий контекст культурного развития определенного социума и обусловленная спецификой институционального процесса, всегда имеет конкретно-временную и регионально-национальную окраску. Специфика структуры российской исторической науки (шире – восточ-

ноевропейской) по сравнению с евроатлантической научно-дисциплинарной традицией проявилась в дисциплинаризации таких рефлексивных областей исторического знания, как историография и источниковедение. Несмотря на первые подходы к осознанию этого феномена²⁶, его объяснение еще впереди, однако «...не считается с ним в современную эпоху нельзя, как и невозможно отказаться от этого научного национального опыта»²⁷.

Каждая научная дисциплина как сложная система обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинаризации приобретает собственный «персональный маршрут» (П. Бурдьё). Однако появление во второй половине XIX в. в исторической науке новых, по терминологии современников – *вспомогательных*, дисциплин имело некоторые общие черты: 1) *когнитивный аспект* этого явления заключался в том, что к рубежу XIX–XX вв. процесс институционализации исторической науки привел к ее дисциплинарному оформлению, важнейшим показателем которого явилось складывание рефлексивного поля исторического знания в форме относительно автономных областей – истории истории, источниковедения, методологии истории; 2) *инфраструктурно-дидактический* аспект нашел свое отражение в том, что дисциплинаризация новых областей исторического знания происходила в формировании единства двух ликов дисциплины – дидактического (учебного) и исследовательского (собственно научного): «университетская наука» XIX в., для которой было характерно то, что «научный лик» выступал в качестве эпифеномена преподавательской деятельности университетской профессуры, строилась по дисциплинарному принципу; 3) *региональный ас-*

---

²⁶ См.: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 187; *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 169–170; *Румянцева М.Ф.* Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности. (2014). С. 97–107.

²⁷ *Алеврас Н.Н.* История историографии, интеллектуальная история и историческая когнитивистика: к вопросу о взаимодействии, общности интересов и природе «историографического источника» // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012. С. 114.

пект связан со спецификой российской университетской системы по сравнению с западной, с ее более регламентированным подходом к дисциплинарной системе обучения, с единой практикой университетской жизни в Российской империи, общими нормативами; в начале XX в. сложился университетский канон подготовки историков: курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, вспомогательным историческим дисциплинам и проч. вошли в повседневную практику «отечественников», «всеобщников» и представителей других разделов науки; исследовательская ипостась рефлексивных дисциплин одновременно получила новый импульс²⁸.

Нельзя оставить без внимания и следующие моменты. *Во-первых*, восприятие историками XIX в. синтеза источниковедческо-историографических компонентов в историческом исследовании²⁹ отражало общую тенденцию начальных этапов формирования рефлексивного поля исторического знания – относительную нерасчлененность его составляющих (в едином процессе дифференциации научного знания в классическую эпоху). Лекционные курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, неразрывно связанные с исследовательской работой университетской профессуры, имели подвижные контуры, включая подчас одни и те же содержательные блоки. «Процесс вычленения» рефлексивных ветвей «из недр» исторического знания, «разделение функций» историографии, источниковедения, методологии истории, исторической библиографии – «определенная ступень» в их развитии, приведшая в итоге к формированию самостоятельных научных дисциплин «в полной мере – только в специфическом советском контексте»³⁰. *Во-вторых*, «стимулирование» историко-

---

²⁸ См.: *Попова Т.Н.* К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Брянск, 2010. Вып. 12. С. 174–187; *Кисельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Х., 2014.

²⁹ Не исключая библиографию (подчас зарождающееся историографическое направление в исторической науке называли «библиографическим направлением») и методологию.

³⁰ *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. С. 207; *Источниковедение: учеб. пособие /*

графических и источниковедческих курсов в российском университетском ареале было связано с отсутствием отечественных учебников практически до конца XIX в. Профессиональный канон – начинать лекционный курс с характеристики источников и литературы по предмету – привел к выделению этих преамбул сначала в пропедевтические курсы: «Введение в изучение...», «Обзоры...», «Ознакомление...», а затем в специальные, которые в своей основе и стали первыми дидактически-исследовательскими изданиями по рефлексивным дисциплинам (работы К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Н. Милюкова, В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского и др.). *В-третьих*, авторами университетских курсов по рефлексивным дисциплинам обычно были одни и те же преподаватели. Например, В.Э. Крусман в Новороссийском университете читал: «Систематическое источниковедение по новой истории», «Общий очерк вспомогательных наук истории (Курс методологический)», «Главнейшие направления историко-философской мысли в новое время», «Общая теория истории (Курс методологический)» «Вспомогательные науки истории», «Историография нового времени», «Методология истории» и др. Обращение к историографии, источниковедению, методологии истории в учебной работе являлось выражением научно-педагогической деятельности того круга ученых-историков, для которых в большей степени был характерен научно-критический склад ума, высокий уровень личной рефлексии, ориентация на новые направления исторических исследований, обусловленная как индивидуальными чертами творческого облика, так и влиянием учителей, научных школ и проч. Вместе с тем никто из первых «историографов» не идентифицировал себя с историографической областью исторических знаний. *В-четвертых*, в качестве одного из факторов историографизации³¹

И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с. URL: http://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/148655046.

³¹ В данном случае учитывается тот факт, что в лекционных курсах по источниковедению и методологии истории важнейшим компонентом были зарождающиеся *история источниковедения* и *история методологии*: эволюция источниковедческих приемов и развитие методов исторического исследования рассматривались лекторами в историографическом ключе.

учебного процесса можно выделить формирование новых подходов к пониманию задач университетского образования: новые ориентиры связывались не с простой «передачей» определенной суммы знаний, но с приобщением студенчества к самостоятельному научному мышлению, научной культуре. Эта задача могла быть решена, по мнению передовой профессуры, благодаря принципиальному изменению методики чтения лекций: вместо традиционного «повествования» преподаватели переходили к «научно-критическому» изложению «отдельной части предмета»³². Одновременно своеобразным «противовесом» увлечению фактографическим материалом рассматривались науки, имеющие «общий характер» и стоящие в непосредственной связи с историей – «методология истории, историография, социология и ряд других вспомогательных исторических дисциплин», развитие которых характеризовало «культурную работу конца XIX – начала XX в.»³³.

Ремарка. Уместно в этом контексте вспомнить точное наблюдение О.М. Медушевской: источниковедение возникало в качестве альтернативы событийной истории, в границах перехода «от событийной последовательности к выявлению механизмов функционирования целого», рождая при этом новый жанр исследований – «видовое источниковедение» (записки иностранцев, жития святых, писцовые книги, посольские книги и пр.) – в противовес «событийному подходу»³⁴. В процессах дисциплинаризации источниковедения и историографии в российской науке много общего; «объединительным фактом» может быть и факт «ухода» в источниковедческо-историографическую проблематику многих советских ученых, составлявших так называемую «неявную оппозицию» официозу.

В-пятых, институционализация русской истории как научной дисциплины на протяжении XVIII – середины XIX вв. опережала процесс институционализации всеобщей истории. Темпы

---

³² См.: Отчет о состоянии Императорского Новороссийского университета за 1902 год. Одесса, 1903. С. 2.

³³ См.: *Ланно И.И.* Современное состояние науки русской истории и задачи ее университетского преподавания // Ученые записки Юрьевского университета. 1906. № 1. Отд. 2. С. 11–12.

³⁴ См.: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. С. 218, 242.

дисциплинаризации двух ведущих ветвей исторической науки – отечественной истории и всеобщей были неравнозначны: идея всеобщей истории в России по сравнению с отечественной – «довольно позднее приобретение»³⁵. В российской науке рефлексивное поле *отечественной истории* как дисциплины получило более четкую конфигурацию; среди причин – потребности в систематизации *собственного* источниковедческого массива, в создании *собственных* процедурных средств³⁶ и пр. Одновременно *историография* как *история истории* стала необходимым «приемом» в осмыслении эволюции исследовательских методов и накопленного предшествующими поколениями ученых – в первую очередь, русистов – опыта³⁷.

II. Проблема предмета

Поиски нового облика историографии в современной российской и украинской науке неоднозначны и одновременно имеют многие сходные черты.

1. Исходный тезис **В.П. Корзун** (Омск) об особой роли дореволюционной науки в создании историографических традиций, на которые в значительной мере опираются современные ученые в поисках нового образа историографии. В эпоху «порубежья»

---

³⁵ Репина Л.П. Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 202.

³⁶ См.: Ключевский В.О. Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1 // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. УП. М., 1989. С. 7. См. об этом подробнее: Попова Т.Н. Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. С. 485–486; Она же. Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Брянск, 2016. Вып. 18. С. 70–87 и др.

³⁷ Разумеется, это лишь пунктирно обозначенные линии осмысления фрагментарно-ограниченной информации; думаю, что следует обратить внимание и на определенную изолированность *русистов* от европейской/мировой науки на протяжении XIX в., и на быстрый «подъем» *всеобщников*, значительную роль в котором сыграли заграничные стажировки, научные командировки и проч., и на появление «объединяющих факторов» – научной печати (ЖМНП, Историческое обозрение и т. п.), Археологических съездов, участия в Международных конгрессах и проч., и на специфику советской науки с ее идеологемой методологического противостояния «буржуазной науке» и т. п.

(XIX–XX вв.) был намечен «грандиозный науковедческий проект», включивший в себя основополагающие идеи: 1) содержание предмета эволюционировало от истории исторической мысли к истории исторической науки; 2) история исторической науки рассматривалась как часть истории культуры и включалась в класс науковедения; 3) признание социальной обусловленности исторических концепций и понимание разных уровней социальности; 4) усиление тенденции к преодолению позитивистского образа науки, интерес к дискретным моментам ее развития; 5) акцент на личностное знание, окрашенное ценностями эпохи и «профессиональной корпоративной культуры»; 6) складывание исследовательской модели историографии на стыке различных дисциплин с использованием их методов и методик³⁸.

В советской науке в 1960–1970-е гг. обозначились два подхода (при наличии «переходных точек зрения») к пониманию предмета: 1) историография – история исторической мысли в широком смысле слова, включая непрофессиональные знания (Б.Г. Могильницкий); 2) историография – история исторической науки, ядром анализа которой выступала концепция (А.М. Сахаров). Развитие первого подхода нашло свое выражение в проявлении интереса к историческому сознанию, взаимосвязям профессиональной историографии и официозу в науке, к профессиональному сообществу историков, к социокультурному контексту, к проблеме трансляции исторического знания; в итоге произошло расширение предметного поля историографии, что вписывалось в антропологический поворот 1970–1980-х гг. Развитие второго подхода под влиянием науковедения и социологии науки привело к появлению новых исследовательских полей: институциональная организация исторической науки, научные сообщества, интеллектуальные сети, поиск закономерностей в развитии историографии в междисциплинарном поле. Общее для обоих подходов: интерес к творческой

---

³⁸ Корзун В.П. Современное представление о предмете историографии // Корзун В.П., Мамонтова М.А., Коновалова Н.А., Денисов Ю.П. Несколько лекций по методике историографического анализа: учебное пособие. Омск, 2010. С. 11–30; *Она же*. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): монография. Омск; Екатеринбург, 2000. С. 16.

лаборатории историка, к процессу создания исторического знания, способам его получения, к социокультурному фону. В итоге возникла ситуация опережения историографической практикой историографической теории, остро встала проблема переосмысления официального образа историографии – т.н. «социального историографического проекта» с его гипертрофированным классовым подходом и борьбой с «буржуазной фальсификацией».

Наиболее удачным ответом на вызовы новой историографической ситуации В.П. Корзун считает учебное пособие «История исторического знания»³⁹, в котором преодолено противопоставление двух вариантов историографии, сложившихся в советскую эпоху (история мысли vs история науки). Новый образ историографии в качестве «своеобразного маркера идеологии профессионализма» представляет собой «синтезирующую дисциплину», ориентированную на «проникновение в сложный процесс историознания», со «стереоскопической направленностью» на творчество историка и его тексты в единстве социокультурного ландшафта и пересечения различных коммуникативных полей.

Одновременно В.П. Корзун обращает внимание на то, что «в рамках учебной дисциплины возникает угроза утраты ее предмета», ссылаясь на предостерегающие голоса ученых о возможном исчезновении собственного «интеллектуального поля» дисциплины историографии в связи с ее новым статусом – частью интеллектуальной истории.

2. **Н.Н. Алеврас** (Челябинск), поставив проблему трансформации традиций, провела линии преемственности в развитии предмета историографии от советской науки в наше время⁴⁰. По ее схеме в предыдущий период сложились три основных идеи/образа историографии: 1) история исторической мысли (1955); 2) история

---

³⁹ См.: Ретина Л.П., Зверева В.В., Пармонова М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

⁴⁰ См.: Алеврас Н.Н. И снова про...предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Ретина. М., 2008. С. 238–240; Она же. Предмет историографии: версии современной науки // Imagines Mundy: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 171–190.

исторической науки (1960–1980-е гг.: Н.Л. Рубинштейн, Л.В. Черепнин, М.В. Нечкина, А.М. Сахаров); этот подход оказался «наиболее долговременным», сохранив во многом свои позиции в современной историографии; 3) история исторического знания (1960–1970-е гг.: Л.В. Черепнин, А.Л. Шапиро, С.Л. Шмидт и др.) – эта линия не получила широкого распространения.

Анализируя современную литературу, Н.Н. Алеврас выделяет четыре тенденции в подходах к пониманию предмета историографии: 1) «традиционную», которая, формально дистанцируясь от «марксистских» догматов, ориентирована на формулу *история исторической науки* и сохраняет в значительной мере позиции, сформулированные в 1960–1980-е гг.; эта линия, перешедшая из дореволюционной, а затем советской науки, требует, по мнению автора, «корректировки»; 2) *социокультурную* – «наиболее представительную» в современной историографии, критически настроенную в отношении наследия советской эпохи, которая продолжает линию дореволюционной науки, сохраняя верность взгляду на историографию как историю исторической науки; процесс развития науки рассматривается в контексте всего многообразия взаимовлияний, которые складываются между научным сообществом и социокультурной средой; 3) *контекстуальную* – связанную с возрождением идеи об историографии как истории исторического знания (вобравшую в себя историю исторической мысли) и акцентирующую внимание на актуальность изучения исторического знания в глубоком социокультурном контексте; предметное поле историографии существенно расширяется за счет «втягивания» в свои границы безбрежного опыта исторической жизни; эта позиция, по мнению Н.Н. Алеврас, вызывает «настороженное отношение» своей «безбрежностью» и требует нового структурирования предметного поля, корректировки целевых установок и существенного обновления содержания и методов историографии как учебной дисциплины; 4) *трансформационную* – выражающую наиболее радикальную идею необходимости расставания с прежним методологическим опытом отечественной историографии – и советским, и дореволюционным, демонстрирующую отказ от опоры на понятие «история исторической науки» и акцентирующую внимание на явлении/понятии «историческая память».

Размышляя о проблеме «расширения» предмета, Н.Н. Алеврас предлагает рассматривать предметное поле историографии как «системное явление» с ядром – профессиональной исторической культурой, вписанной в контекстные «круги» многообразных процессов жизни социума. Поскольку задачи современной историографии определяются ракурсом, который можно обозначить как «жизнь в науке», постольку в этом плане «контекстуальный» характер имеет конструкт *историографический быт* – «экзистенциальное пространство творческой деятельности и коммуникативных практик сообщества ученых-историков», целостный «организм» историографической культуры, в основе которого – процессы самоидентификации ученого и самоорганизации научной жизни сообщества историков, находящиеся в тесной связи с социокультурной средой. Следуя этой логике, Н.Н. Алеврас задает вопрос, на который сама же отвечает: не поглощает ли понятие *историографический быт* то, что называется сегодня *историографией*, или ответ на этот вопрос был бы «слишком экстремистским»?..

3. **С.И. Посохов**⁴¹ (Харьков), повторяя известный (как он подчеркивает) тезис о том, что историография – «специальная историческая дисциплина», изучающая «историю развития исторических знаний, исторической мысли, исторической науки», обращает внимание на практику современных историографических исследований, для которой характерно многообразие подходов к определению объекта (в диапазоне от исторического сознания до «профессиональной науки») и предмета (историографический процесс, историческая наука как социальный институт, историческая память и пр.) историографии. Неоднозначен статус историографии: науковедческая дисциплина; часть интеллектуальной истории; «область/отрасль», «этап и элемент» научного познания прошлого; полярности «сциентизации» и «культуризации» – ведущая тема современных дискуссий об историографии. Столь обширный репертуар взглядов свидетельствует о продолжающемся процессе

---

⁴¹ См.: *Посохов С.И.* Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. С. 243–245; *Посохов С.И.* Основы історіографії. URL: <http://history.karazin.ua/themes/history/resources/2f3a388df7b5a90f78d805079818d228.pdf>.

институционализации историографии, в котором детерминирующим фактором теоретических поисков выступают аналогичные поиски в области самой исторической науки. «Не случайно, в этой связи, – подчеркивает автор, – видится и появление такой дисциплины как «история историографии»». Спектр историографических исследований – столь широкий и разнообразный – исключает претензии на энциклопедизм, мультипарадигмальность становится нормой, принцип относительности – определяющим. В этих условиях сражаться за «крепость дисциплинарных границ» и «дисциплинарную чистоту» смысла не имеет, выход – в создании «союзов», «инициации новых форм», в определении «иных горизонтов». Призывая отказаться от прежних «маяков» в виде устаревших схем и традиций, С.И. Посохов предлагает идею **«многоликой» историографии**. Суть ее в том, что образы историографии – «научоведческий», «литературоведческий», «культурологический», – опосредованные собственной стратегией исследования при анализе историографических фактов и историографического процесса в целом, набором собственных принципов, методов и категорий (ограниченных конкретным «радиусом действия», не исключая возможности «обобщений»), выступают в качестве равноправных «ипостасей» историографии. Этот подход, имеющий двухаспектный радиус действия – научно-исследовательский и дидактический, – позволяет, с одной стороны, обозначить общие черты и отличия исторической науки от других наук (историография – научоведческая дисциплина), с другой – увидеть в работе историка творческий процесс (историография как литературоведческая дисциплина), с третьей – осознать связь исторической науки и исторического сознания (историография как культурологическая дисциплина) и, наконец, формирует «историографическую культуру» – как способ осмысления процесса познания прошлого и основ собственной познавательной деятельности.

Вместо выводов: заметки на полях

1. **Об имени.** В современном исследовательском пространстве мирно сосуществуют две разновидности дисциплинарного имени: *историография*, отражая давнюю отечественную традицию, и *история историографии* – феномен преимущественно за-

падной традиции⁴². Сохранение первого имени демонстрируют в первую очередь «отечественники», хотя многочисленные публикации (монографический, статейный, дидактический материал и пр.) подчас свидетельствуют о «блуждании» обоих наименований в текстах авторов – представителей не только разных научных традиций в области истории, но и различных дисциплинарных сфер. Показателем «стойкости» традиционной формы наименования – *историография* – являются (помимо многочисленных энциклопедических статей) два последних издания Терминологического словаря по теории и методологии исторической науки (2014, 2016), в которых не только нет статьи по *истории историографии*, но и в статье *интеллектуальная история* перечисляются в качестве ее составляющих – история знания, история науки и дисциплинарная история; наименование *история историография* – отсутствует⁴³. Одновременно многие историографы-«отечественники» констатируют наличие *истории историографии* как направления (и даже дисциплины) собственно историографических исследований – истории *истории истории*, получившего свое развитие в российском и украинском научном поле⁴⁴.

Формула *история исторической науки*, имеющая до сих пор широкое распространение, может сохранять свое значение в ка-

---

⁴² См. подробнее: *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 198–215.

⁴³ См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М, 2014. С. 161–164, 135–137; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С. 153, 130–131.

⁴⁴ См.: *Колесник И.И.* Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Дніпропетровськ, 1993; *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000; *Трибунский П.А.* П.Н. Милоков как историк русской исторической мысли: автореф. дис. ... канд. ист. М., 2001; *Посохов С.* Історіографія // Історіографічний словник. Х., 2004. С. 97–101; *Ясь О.В.* Історіографія, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3. К., 2005. С. 584–591; *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007; *Кісельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Х., 2014 и др. В современной научной ситуации разработка этого направления представляется особенно значимой.

честве содержательного стержня *дисциплины историографии*, поскольку *наука* – системное явление, включающее когнитивные и социокультурные сегменты целого. *Институциональный процесс исторического знания* (в неразрывности когнитивных и социальных аспектов институционализации) – понятие широкое, в котором *научное знание* представляет собой «институциональную единицу» – вид и уровень организации исторического знания. В темпорально-пространственном измерении существует множество форм когнитивной институционализации с разными уровнями социальной интегрированности – «институциональными единицами», *научная дисциплина* как сложившаяся социокогнитивная система – одна из них. Изучение *научного исторического знания*, бесспорно, не будет оптимальным без исследования иных форм и уровней исторического познания (по вертикали и горизонтали), их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополняемости в культурном пространстве конкретных историографических ситуаций, однако закономерное расширение предмета *дисциплины историографии* – от *истории идей* к *истории исторической культуры* – с неизбежным появлением нового теоретико-методологического инструментария не должно, тем не менее, нивелировать приоритетную значимость исследования *научно-рациональной формы репрезентации истории* – историю *научной культуры* познания прошлого (разумеется, с учетом современных подходов к концепту «рациональность»).

2. **Об образах и ликах.** Идеи многоликости и «многообразности» историографии (Л.П. Репина, С.И. Посохов), исходя из полисемантности «имени», сложной структурированности объекта и стремительного расширения предмета, заслуживают особого внимания. В этом плане «разрушения» дисциплины не происходит: центристские силы, сохраняя *свое* и привлекая на своем пути *чужое*, создают иной дисциплинарный мир, радикально обновляя старую дисциплину, глобально раздвигая ее дисциплинарные границы: академическая дисциплина приобретает новый облик», находясь «на подъеме»⁴⁵ – это справедливо в отношении обеих версий *истории истории*. Данное понимание дисциплины

---

⁴⁵ См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. С. 401, 388.

соответствует принципам «многомерной методологии»: полифундаментальности, дополнительности и плюрализма. С позиций полифундаменталистского видения объекта речь идет о том, что каждая теория описывает именно целое (отдельную «ипостась»), а не его часть; но поскольку любая теоретическая система вырабатывает собственную модель целого, которая не в состоянии исчерпать всех существенных характеристик объекта, постольку ни одна из альтернативных теорий не может претендовать на конечный результат – истину. С позиций принципа дополнительности эти альтернативные теории/модели следует рассматривать не в контексте конфронтационности, но как самодостаточные и взаимодополняющие – в контексте единства («сложная ипостась») – для целостного восприятия многосущностного объекта исследования; при таком типе моделирования в сами модели входят, казалось бы, взаимно несовместимые, «дополнительные образы» изучаемого явления⁴⁶. Историографию сегодня действительно можно воспринимать как «сложно-ипостасное» явление, изучение которого требует сочетания взаимодополняющих моделей-образов⁴⁷.

3. О дисциплинарности и дисциплинаризации. Слова *дисциплинарность* и *дисциплина* часто употребляют как синонимы, хотя в строгом смысле слова – это несинонимичные понятия. Категория *дисциплинарности* – шире, ее содержание изменяется с учетом временного ракурса, с позиций конкретных философских школ и направлений, а также имеет свою трактовку в различных сферах знания (в том числе – естественнонаучного). Среди новых идей – соотнесение *дисциплинарности/междисциплинарности* с

---

⁴⁶ См.: Алтухов В.Л. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии // *Общественные науки и современность*. 1993. № 1. С. 88–100. Нельзя сказать (вопреки воодушевлению начала 90-х), что полифундаменталистское мышление стало *всеобщим* – его утверждение имеет скорее «точечный» характер (по закону индивидуальной восприимчивости) и плотно окутано шлейфом декларативности.

⁴⁷ С позиций «нового типа методологического сознания», в основе которого идеи «конструктивного альтернативизма», изучение историографии в разных «ипостасях» можно осуществлять «в соответствии с познавательным контекстом». См. подробнее: Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // *Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв.* М., 2012. С. 12–13.

«особой техникой мышления» (онтологического явления), с присущей ей структурированностью (по аналогии с научной дисциплиной), функциональностью и источниками, среди которых – социокультурная реальность, наука как система дисциплин и личность ученого⁴⁸. Подобный «всеобъемлющий» подход правомерно делает акцент на интеллектуальную оппозицию «монодисциплинарность/междисциплинарность» как специфических «техник мышления», но отнюдь не исключает обязательного наличия «дисциплинирующих механизмов», «предписаний», «нормативов» в существовании обеих мыслительных форм. Дисциплинарное общество – не однородный монолит, его представители обладают разными типами мышления, и их наличие – обязательное условие функционирования и развития дисциплины с ее парадигмальностью и креативностью.

Дисциплинаризация – процесс формирования научной дисциплины, исследование которого должно опираться как на базовую теоретическую модель научной дисциплины (по выбору – в зависимости от целей и «пристрастий» автора), так и на анализ конкретной фактографии дисциплинарного процесса с учетом его «региональных ликов». Важнейшая составляющая исследовательского поиска – изучение восприятия современниками (профессиональными историками, стоящими у истоков институционализации историографии) этой новой области знания. Возникновение и развитие научной дисциплины – процесс нелинейный и многофакторный и рассматривать его в проекции, которая задается одной системой координат – заведомо обрекать себя на искаженную картину этого процесса. Любая модель – самодостаточна в своей ограниченности, и каждую из них можно использовать в качестве рабочего инструментария для параметрического описания дисциплинаризации *истории истории*. Вместе с тем принцип плюрализма (с идеями толерантности/«мирного сосуществования») не исключает, как заметил Г. Иггерс, «критической проверки на предмет соответствия таким принятым в научном сообществе стандартам, как опора на эмпирию и логическая связность»⁴⁹.

---

⁴⁸ См.: Колесник І.І. «Міждисциплінарність» як концепт // Харківський історіографічний збірник. Х., 2008. Вип. 9. С. 23–34.

⁴⁹ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. С. 38.

4. **О предмете и статусе.** В решении проблемы дисциплинарного бытия историографии наметились две тенденции. Ведущая тенденция нацелена на перспективу дисциплинарной самостоятельности историографии, отражая стремление ученых к укреплению ее дисциплинарного статуса за счет переструктурирования предметного поля и расширения исследовательского инструментария на пути междисциплинарного синтеза. Созвучны этой тенденции и взгляды тех западных ученых, которые определяют *историю историографии* как «область истории», «направление» или «ветвь актуальных исторических исследований», не фиксируя ее самостоятельный дисциплинарный статус; ориентиры в ее развитии в качестве *исторической саморефлексии* связываются с принципиальным обновлением ее содержательного поля и повышением ее статуса в «историографической вселенной». Вторая тенденция – линия на раздисциплинирование историографии, передачу ее функций иным областям, дифференциацию ее дисциплинарного поля и т. п. имеет в большей мере дискуссионный или декларативный характер.

Спецификой современной ситуации является факт разновекторной стратегии *истории истории* – ученые связывают будущее дисциплины с определенным тематическим полем: компаративистски ориентированной глобальной историей (Г. Иггерс), интеллектуальной историей в широком культурном контексте (Л.П. Репина), историографическим бытом (Н.Н. Алеврас). В этом «разновекторном движении» стоит обратить внимание на мысль о том, что предметное поле историографии следует воспринимать как органическое «многослойное целое», в качестве «ядра» которого – «профессиональная историческая культура», вписанная в контекстные «круги» разнообразных процессов жизни социума (Н.Н. Алеврас).

5. **О дидактике.** Тезис о многовариантности предметного определения историографии на исследовательском уровне принимается сегодня как аксиома, однако на дидактическом уровне возникают сложности с построением курса по историографии в вузах, на это обращают внимание практически все университетские ученые. Выход из этой ситуации, конечно, лежит в первую очередь в сфере индивидуального творчества. Как вариант можно структурировать курс, исходя из идеи «образов» историографии

(С.И. Посохов). Использование номенклатуры общих и специальных курсов в рамках министерских учебных планов дает возможность выстраивать систему взаимосвязанных курсов лекций, подчиненных конкретным задачам, при этом *проблемная историография* должна «уходить» из общего курса историографии в общие и специальные курсы по историческим дисциплинам. Вокруг общего курса по историографии, в котором акцент может быть сделан на периодизацию развития исторических знаний в их различных репрезентациях в социокультурном контексте каждого из периодов (с выделением специфики историографических периодов с их «прорывами» и «упадком», «разрывами» и «преемственностью», с «непредсказуемыми коммуникативными сбросами» (В.П. Корзун) и пр.), группируются спецкурсы и спецсеминары, тематика которых дополняет общий курс, расширяя проблематику (выбор во многом зависит от личностного творчества) и фактографию единого историографического поля/программы. Курсы целесообразно: 1) выстраивать по «восходящей» линии – от пропедевтики (включая: «Введение в специальность и специализацию», «Основы научных исследований» и т. п.) до магистратуры, постепенно усложняя теоретические аспекты; 2) одновременно «насыщать» историографическими элементами «родственные» дисциплины – источниковедение, теорию и методологию истории, методику исторического исследования и пр.; 3) рассматривать отечественную историографию в контексте европейской и общемировой (не забывая опыт А.Л. Шапиро).

6. **О преемственности.** 1960–1980-е гг. – эпоха «историографического возрождения»⁵⁰, к достоинствам которой не стоит относиться нигилистически, воспринимая советское наследие (не смешивать с «наследством») как нечто однородное. Советская наука – сложное, «многослойное целое», система противоречивая, в которой «официоз» сосуществовал с оппозицией «по умолчанию», догматизм – с творческими поисками и находками. Одной из специфических черт интеллектуального развития в переломные эпохи выступает факт идеализации «позавчерашнего» дня и отрицание «вчерашнего» – своих непосредственных предшествен-

---

⁵⁰ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). С. 7.

ников. *Переоткрытие* «дореволюционной» историографии существенно обогатило сегодняшний историографический мир, однако не исключено, что в недалеком будущем такое же *переоткрытие* ждет и советское историографическое наследие. Или мы по-прежнему в плену «синдрома превосходства»?..

7. *P.S.* В заключении признаю, что все это – всего лишь *моя* интерпретация текстов уважаемых Коллег⁵¹, *мое* понимание их взглядов, *мое* видение их конструкций. *Мой* текст, таким образом, становится одной из разновидностей т.н. «вторичных» текстов со своей структурой и архитектоникой, со своими играми формообразования, с «безгранично-ограниченными» интерпретационными фантазиями и со своим целеполаганием. И, наконец, позволю себе повторить мудрое замечание: «Мои сегодняшние глаза – это всего лишь сегодняшние глаза, отнюдь не мои завтрашние»⁵².

---

1. *Акутагава Рюноскэ*. Из заметок «Текодо» // Акутагава Рюноскэ. Новеллы. М.: Изд-во «Художественная литература», 1974. С. 540–545.

2. *Абушенко В.Л., Кацук Н.Л.* Дисциплинарность // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. URL: [http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost'](http://ariom.ru/wiki/Disciplinarnost).

3. *Алеврас Н.Н.* И снова про... предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 238–240.

4. *Алеврас Н.Н.* Предмет историографии: версии современной науки // *Imagines Mundy*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. С. 171–190.

5. *Алеврас Н.Н.* История историографии, интеллектуальная история и историческая когнитивистика: к вопросу о взаимодействии, общности интересов и природе «историографического источника» // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 110–123.

---

⁵¹ К сожалению, многие работы, привлеченные автором для этой статьи, оказались за пределами данного текста, но вошли в «виртуальный» текст, расширив диапазон осмысления.

⁵² *Акутагава Рюноскэ*. Из заметок «Текодо» // Акутагава Рюноскэ. Новеллы. М., 1974. С. 544.

6. *Алтухов В.Л.* Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии // *Общественные науки и современность*. 1993. № 1. С. 88–100.

7. *Беленький И.Л., Наумова Г.Р., Парамонова М.Ю.* *Историография* // *Энциклопедия*. 2015–2016 гг. URL: <http://knowledge.su/i/istoriografija>.

8. *Дисциплинарность и взаимодействие наук* / отв. ред. Б.М. Кедров, Б.Г. Юдин. М.: Наука, 1986. 280 с.

9. *Иггерс Г., Ван Э.* (при участии Суприн Мукерджи). *Глобальная история современной историографии*; пер. с англ. О. Воробьевой; науч. ред. Марина Кукарцева. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.

10. *Історіографічний словник: Навч. посіб. для студентів історичних факультетів університетів* / С.І. Посохов, С.М. Куделко, Ю.Л. Зайцева та ін.; за ред. С.І. Посохова. Х.: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. 320 с.

11. *Источниковедение: учеб. пособие* / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с. URL: http://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/148655046.

12. *Карлос Антонио Агирре Рохас.* *Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами*. М.: Кругъ, 2008. 164 с.

13. *Ковальченко И.Д.* Роль дискуссии в исторической науке (Методологические проблемы) // *Всемирная история и Восток: сб ст. К 70-летию академика С.Л. Тихвинского.* / АН СССР, Отд-ние истории; ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1989. С. 21–33.

14. *Киреева Р.А.* *Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.* М.: Наука, 1983. 216 с.

15. *Кісельова Ю.А.* *Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті: монографія*. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. 252 с.

16. *Ключевский В.О.* *Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1* // *Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т.* Т. УП. *Специальные курсы (продолжение)* / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. составили Р.А. Киреева, В.А. Александров и В.Г. Зимица. М.: «Мысль», 1989. С. 5–83.

17. *Колесник И.И.* *Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина*. Днепропетровськ: Видавництво ДДУ, 1993. 208 с.

18. *Колесник І.І.* *Українська історіографія (XVIII – початок XX століття)*. Київ: Генеза, 2000. 256 с.

19. Колесник І.І. «Міждисциплінарність» як концепт // Харківський історіографічний збірник. Х.: Вид-во НУА., 2008. Вип. 9. С. 23–34.
20. Колесник Ірина. Українська історіографія: концептуальна історія. К.: Інститут історії України НАН України, 2013. 566 с.
21. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): монография. Омск: Омск. гос. ун-т; Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.
22. Корзун В.П. Современное представление о предмете историографии // Корзун В.П., М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов. Несколько лекций по методике историографического анализа: учебное пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 11–30.
23. Кун Т. Структура научных революций: пр. с англ. / сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 608 с.
24. Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 5–22.
25. Маловичко С.И. Трансформация функций истории истории в системе исторической науки // Харківський історіографічний збірник. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С. 74–84.
26. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 203–204.
27. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
28. Мирский Э.М. Междисциплинарность и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 304 с.
29. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 472 с.
30. Научная деятельность: структуры и институты: сборник переводов / сост., общ. ред. и вступит. ст. Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980. 431 с.
31. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. 256 с.
32. Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.
33. Попова Т.Н. К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Вып. 12. С. 174–187.

34. *Попова Т.Н.* Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С. 474–490.

35. *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 198–215.

36. *Попова Т.Н.* Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2016. Вып. 18. С. 70–87.

37. *Посохов С.И.* Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 243–245.

38. *Посохов С.И.* Основы історіографії. URL: <http://history.karazin.ua/themes/history/resources/2f3a388df7b5a90f78d805079818d228.pdf>.

39. *Репина Л.П., Зверева В.В., Пармонова М.Ю.* История исторического знания: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

40. *Репина Л.П.* Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 200–222.

41. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

42. *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 5–22.

43. *Румянцева М.Ф.* Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С. 97–107.

44. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 544 с.

45. *Трибунский П.А.* П.Н. Милюков как историк русской исторической мысли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2001. 22 с.

46. *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 218–256.

47. *Ясь О.В.* Історіографія, як термін, поняття та дисципліна // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. К.: В-во «Наукова думка», 2005. С. 584–591.

Образы историков в интеллектуальном интерьере российской исторической науки *fin de siècle*

Исследуются основные сложившиеся в постсоветских исследовательских научных исторических реалиях типажи историков тесно связанные с социальными, политическими культурными контекстами.

Ключевые слова: интеллектуальный интерьер, стили исторического мышления, образы историков, эпистемологический конфликт, социальные и политические факторы науки.

A.V. Lubskiy

Images of historians in the intellectual interior russian historical science *fin de siècle*

Examines the main current in the post-Soviet research of the historical realities of the types of historians closely associated with social, political and cultural contexts.

Key words: smart objects, styles of historical thinking, the images historians, epistemological conflict, social and political factors science.

В дискурсе выражение «*fin de siècle*» используется в качестве синонима «конца одной и начала другой эпохи» для обозначения не столько временного отрезка, сколько особого умонастроения, связанного с крахом многообещающих интеллектуальных начинаний и экзистенциальными переживаний в ожидании будущего. В исторической науке «*fin de siècle*» – это время подведения итогов научно-исследовательской деятельности, полных когнитивных разочарований, но и сохраняющих надежду на интеллектуальные прорывы¹.

Отдельные аспекты состояния российской исторической науки в ситуации «*fin de siècle*» уже были предметом историогра-

---

© *А.В. Лубский, 2017*

---

¹ *Лубский А.В.* Историческая наука в современной России: интеллектуальная ситуация «*fin de siècle*» // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: сб. ст.: в 2 т. Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 150–170.

фических исследований. Так, уже в середине 1990-х гг. некоторые ученые отмечали, что историческая наука в России стала оплотом консервативных сил², другие, наоборот, полагали, что она превратилась в служанку либерального режима и фальсифицирует прошлое в угоду настоящему³. Исследователи обращали внимание также на то, что российская историческая наука, отказавшись от марксизма и не обретя новой методологической опоры, пребывает в кризисе⁴, выход из которого историки видели в освобождении марксизма от «скверны» сталинизма и догматизма⁵ или в синтезе различных теоретико-методологических идей⁶.

Оценивая в начале XXI века состояние российской исторической науки, некоторые ученые считали, что последние два десятилетия для нее были достаточно плодотворными⁷.

Во-первых, вектор ее развития находился в русле мировой исторической мысли. Во-вторых, для нее было характерно стремление к синтезу достижений предшествующей отечественной и современной зарубежной историографии. В-третьих, в научно-исследовательских практиках предпринимались попытки преодоления крайностей сциентизма путем соединения микро- и макро-исторических подходов. При этом подчеркивалось, что «объединяющей чертой современной российской и мировой исторической науки является осознание научной ценности плюрализма. Возможность существования различных концепций и подходов, отсутствие абсолютизации любого из них, свободный выбор методологии и методики анализа создают условия для диалога, плодо-

---

² *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 3–32.

³ *Дезер М.* Крайности истории и крайности историков // Крайности истории и крайности историков? М., 1997. С. 145–156.

⁴ *Корнев В.В.* Кризис исторической науки в России // Кентавр, 1995. № 4. С. 87–93.

⁵ Дискуссия о методологических поисках в современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 75–90.

⁶ *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.

⁷ *Тишков В.* Историческая наука: новые вызовы и задачи для России // 2010. № 1/2. С. 73–86.

творной научной полемики как внутри страны, так и с зарубежными коллегами»⁸.

Однако многие отечественные историографы были далеки от такого рода оптимистических оценок состояния российской исторической науки, которая, как отмечали они, в начале XX века переживала противоречивый период, связанный с проблемами ее внутреннего развития и общими процессами в интеллектуальной сфере⁹. С одной стороны, российскую историческую науку заполнили многочисленные неопиты, для которых историописание является всего лишь любительским занятием или коммерческой деятельностью по производству и продаже «исторической макулатуры». С другой стороны, в разобранном состоянии находится корпоративная идентичность отечественных историков.¹⁰ В России, как считают некоторые исследователи, не существует академического сообщества историков¹¹, и поэтому исчезло ощущение единого исторического поля, обрабатываемого совместными их интеллектуальными усилиями¹².

Для современной российской исторической науки характерно также смешение различных теоретико-методологических подходов, порождающих довольно эклектические представления об истории России и острейшие научные баталии вокруг многих ее сюжетов. В результате российская историография оказалась, как подчеркивают исследователи, в состоянии интеллектуальной «гражданской войны»¹³. Характеризуя нравы современных рос-

---

⁸ Сидорова Л. Современная историография России: тенденции развития // Русский вопрос. 2013. Вып. 2. URL: <http://www.russkiivopros.com/?pag=one&id=514&kat=6&csl=62>.

⁹ Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. С. 3.

¹⁰ Тишков В. Историческая наука: новые вызовы и задачи для России. С. 73–86.

¹¹ Соколов Б. Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 334–335.

¹² Иванов С.А. Наша наука не составляет сообщества... // Русский журнал. 2007. 29 декабря. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Nasha-nauka-ne-sostavlyaet-soobschestva>.

¹³ Соколов А.К. Основные тенденции современной российской историографии в изучении новейшей истории страны // Идеи академика И.Д. Ковальченко

сийских историков, исследователи также отмечают, что в условиях этой войны они постоянно испытывают соблазн подогнать произвольно подобранные факты под собственную концепцию и подвести под нее определенные моральные ценности. Поэтому в научно-исследовательских практиках широкое распространение получило выборочное использование исторических источников и игнорирование исторических фактов, не укладывающихся в ту или иную концепцию, а также забвение этических принципов по отношению к ее критикам. Часто называя этих критиков дилетантами или фальсификаторами, историки, напротив, позиционирует себя как настоящих ученых, прокладывающих путь к исторической истине. При этом убеждая себя в истинности своих теорий, историки «со временем начинают, – как отмечают исследователи, – искренне верить в то, что возражения оппонентов несущественны и вызваны личной неприязнью или политической конъюнктурой, а факты, противоречащие теории, – малозначительны или сомнительны»¹⁴.

В историографической литературе предпринимались также попытки сконструировать различные образы историков в современной российской исторической науке. Так, Г.А. Бордюгов и С.П. Щербина воссоздали образ типичного служителя Клио в современной России, получившего историческое образование в 60-х гг. прошлого века и благополучно пережившего «оттепель», «застой» и «перестройку» на историческом фронте. Это своего рода «герой нашего времени», который, выйдя из «марксистской шинели» и испытав шок от постмодернистской вседозволенности, подхватил упавшее было знамя интеллектуальной борьбы за объективность исторического знания. Но этот «герой» уже, как отмечают исследователи, не делает «погоды» в современном мире историков, в котором, однако, и «реальные герои» пока еще не покинули своего теоретического «подполья»¹⁵, но уже вступили в эпистемологический конфликт «отцов» и «детей», придерживающихся

в XXI веке: материалы IV научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 187–193.

¹⁴ Соколов Б. Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение С. 337.

¹⁵ Бордюгов Г., Щербина С. Портрет российского историка // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. С. 171–177.

ся противоположных парадигмальных оснований своей научно-исследовательской деятельности. Одни из этих оснований связаны с представлениями об истории как строгой науки, другие – с нарративной логикой историописания¹⁶. Поэтому одна парадигма стремится, как писала О.М. Медушевская, выработать общие критерии системности, точности и доказательности исторического знания. Другая, связанная с повседневным историческим сознанием, акцентирует внимание на ценностном выборе историка¹⁷.

Эпистемологический конфликт «отцов» и «детей» в интеллектуальном интерьере российской исторической науки является отражением борьбы, которая ведется на протяжении уже длительного времени между рассудочно-социологистскими и экзистенциально-антропологистскими теориями исторического познания. В рамках первых теорий истории пытаются придать статус «строгой науки», игнорирующей деятельностную природу исторического познания и акцентирующей внимание на его объекте. В рамках вторых теорий, наоборот, акцент делается на активности субъекта исторического познания, рассматривая его в единстве когнитивных, аксиологических и деятельностных аспектов¹⁸. Рассудочно-социологистские теории, ориентируя исследователей на монистическую интерпретацию исторической реальности, признают возможность получения объективного исторического знания и создания единственно верной научной теории, фундаментальным образом объясняющей исторические явления и процессы. Экзистенциально-антропологистские теории, наоборот, признают необходимость плюралистической интерпретации исторической реальности, которая может воспроизводиться в различных вариантах заинтересованными и ценностно ориентированными учеными.

---

¹⁶ Лубский А.В. История как строгая наука vs логика историописания // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 44. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 53–62; Лубский А.В. Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) // Ейдос: Альманах теории та історії історичної науки. Вип. 8. К.: Інститут історії України НАН України, 2014/2015. С. 67–83.

¹⁷ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 15–16.

¹⁸ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 49–51.

В связи с этим эпистемологический конфликт «отцов» и «детей» в интеллектуальном интерьере российской исторической науки приобретает форму борьбы сциентистских и антисциентистских традиций в историческом познании. Сциентизм, ориентируясь на идеалы «строгих» наук, связан с реализацией рассудочно-социологических научно-исследовательских практик, направленных на воспроизводство исторической реальности в виде объективно-истинного научного знания, свободного от оценочных и телеологических суждений¹⁹. Антисциентизм в историческом познании ориентируется на идеалы гуманитарных наук, связанных с реализацией экзистенциально-антропологических научно-исследовательских практик, направленных на историческую реконструкцию прошлого в системе исторического знания, в которой презентуется как предмет, так и субъект исторического исследования²⁰. Поэтому в интеллектуальном интерьере российской исторической науки образ «отцов» ассоциируется с историками-сциентистами, а образ «детей» – с историками-антисциентистами.

Воссоздать различные образы историков можно, исходя также из сферы приложения их профессиональных усилий в современном российском обществе. Рассматривая эти сферы, Б.В. Соколов отмечает, что основная масса историков, вынужденная сегодня опять выполнять государственный заказ, фактически возвращается к роли пропагандистов. При этом некоторые из них уже достаточно успешно вписались в этот заказ, занимаясь написанием исторических работ государственно-патриотической направленности²¹. Эти историки, на наш взгляд, олицетворяют собой образ историков-государственников, или «историков по службе». Другая менее многочисленная часть историков, не желающих выполнять государственный заказ, ориентируется на получение зарубежных исследовательских грантов и создание либеральных трудов по истории России. Это – историки-либералы, или «историки

---

¹⁹ Лубский А.В. Сциентизм в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 475–477.

²⁰ Лубский А.В. Антисциентизм в историческом познании // Теория и методология исторической науки. С. 19–21.

²¹ Соколов Б. Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение С. 321.

по убеждению». Отдельные наиболее энергичные историки взялись за такое «прибыльное дело», как написание учебников по истории, научно-популярных исторических книг, биографий «сильных мира сего», создание работ по истории предприятий и компаний. Это – коммерческие историки, или «историки по необходимости». В собственно исторической науке в современной России остались, как считает Б.В. Соколов, лишь немногочисленные фанатики²², которых, как мы полагаем можно вполне назвать «историками по призванию».

Образы российских историков можно воссоздать и с учетом тех тенденций, которые обнаружили в интеллектуальном интерьере современной исторической науки²³. Эти тенденции были обусловлены, с одной стороны, изменениями, произошедшими в ее интеллектуальном пространстве на рубеже веков, с другой – в современно исторической эпистемологии в целом²⁴. Одна из этих тенденций была связана с тем, что российские историки после «отмены» марксизма были вынуждены определяться с парадигмальными основаниями своей профессиональной деятельности. Обнаружив дефицит креативности, многие из них стали заимствовать теоретико-методологические конструкты, разработанные в рамках западноевропейской интеллектуальной традиции, и механистически использовать в отечественных научных исследованиях, посвященных российской исторической специфике. В результате эти конструкты превратились в интеллектуальные моды как образцы для когнитивного подражания, которое стало «визитной карточкой» определенной части российских историков, увидевших в западных теориях общественного развития спасительный выход из тупиков марксистской исторической догматики. Это было обусловлено особенностями познавательного духа многих российских

---

²² Соколов Б. Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение С. 321–322.

²³ Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке на рубеже веков // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 75–91.

²⁴ Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2009; Л.П. Репина. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011 (см. также: Лубский А.В. Рецензия: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011 // Философские науки. 2012. № 6. С. 148–154).

историков, характеризуя которые, В.Н. Иванов, писал, что «ни у одного народа мы не видим таких специфических особенностей научного и обычного восприятия, как видим это у нас, русских: мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием не критичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса»²⁵.

Некритичность познавательного духа породила в интеллектуальном интерьере российской исторической науки такую негативную тенденцию, как «теоретическое трансляторство», связанное с тем, что многие отечественные ученые, обратившись к западным историческим теориям, разработанным при изучении иных исторических реалий, превратились в их эпигонов, внедряющих эти теории в научно-исследовательскую практику без всякой предварительной эпистемологической и социокультурной экспертизы. Это позволяет воссоздать такой историографический образ современного российского историка, как историка – «модника-подражателя, эпигона-транслятора», основу деятельности которого составляет принцип «не думать, а подражать».

Другая негативная тенденция была связана с идеологической ангажированностью политических пристрастий в российской исторической науке. Эта ангажированность, как считают исследователи, была обусловлена тем, что посткоммунистический научный дискурс в современной России, утратив топику «советского марксизма», сохранил прагматику и стилистику его интеллектуальной работы²⁶. В результате интеллектуальная элита, не придя к согласию относительно будущего России, стала бескомпромиссно спорить и о ее историческом прошлом, предлагая публице разные и порой несовместимые его исторические образы²⁷. Поэтому в интеллектуальном интерьере современной исторической

---

²⁵ *Иванов В.Н.* Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы российской государственности. СПб., 2005. С. 15–16.

²⁶ *Батыгин Г.С.* «Социальных ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 64.

²⁷ *Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. С. 11.

науки наблюдается не столько конкуренция различных методологических подходов, сколько противостояние позиций, соотносимых прежде всего с «большими идеологиями» – либерализмом, консерватизмом и национализмом. В связи с этим картины исторической реальности, создаваемые исследователями на основе идеологических предпочтений и политических пристрастий, полны не критических суждений и теоретических предвзятостей. Это позволяет в интеллектуальном интерьере российской исторической науки выделить образ историка – идеологически ангажированного и политически пристрастного, принципом деятельности которого является «не понимать, а верить».

В интеллектуальном интерьере современной исторической науки существует и еще одна тенденция, обусловленная интеграцией локальных сообществ в эпоху глокализации. Эта интеграция сопровождается поиском локальных идентичностей и обострением интереса к истории как средству легитимации национальной исключительности и культурной самодостаточности этих сообществ. Основным ресурсом такой легитимации является историческая память, в рамках которой происходит осмысление исторического прошлого и создается национальная версия истории в русле доминирующей политической или культурной традиции. В этой версии содержатся такие трактовки исторического прошлого, которые имеют общественно-политическое и эмоционально-нравственное значение для национального или этнического сообщества. В связи с этим духовную жизнь этих локальных сообществ захлестнула «мемориальная мания», в контексте которой осуществляется особая «историческая политика», создаются конкурирующие «воспоминания о прошлом», тесно связанные с национализацией или этнизацией истории, «переписыванием истории» в интересах тех или иных локальных сообществ и доминирующих в них политических сил²⁸.

В интеллектуальном интерьере современной исторической науки все это проявляется в такой тенденции, как «научное антрепренерство», порождающее, как отмечают исследователи, стрем-

---

²⁸ Лубский А.В. Фальсификация и фальсификационизм в историческом знании // Харківський історикографічний збірник. Вип.11. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. С. 42–52.

ление некоторых ученых «браться за любые задачи, предлагать быстрые и плохо продуманные решения, исказить полученные данные в угоду заказчику»²⁹. «Научное антрепренерство», как правило, связано с этосом национально-государственной или этнополитической сервильности. Эта сервильность во многом определяет каноны научно-исследовательской деятельности определенной части российских историков, в которой на первый план выходит, как подчеркивают исследователи, удовлетворение запросов со стороны национальных сообществ или этнополитических групп в ракурсе государственного или этнического историзма³⁰. Это дает возможность в интеллектуальном интерьере российской исторической науки выделить образ историка – «научного антрепренера», действующего по принципу «знать, чтобы побеждать».

Для интеллектуального интерьера исторической науки в России характерна и такая тенденция, как «нашествие околонучного маргинала». С этой тенденцией связано появление когорты «историков» как личностей часто творческих, но жаждущих прежде всего признания и славы, претендующих на «переворот» в исторической науке, однако не имеющих никакого представления о профессиональном ремесле ученого. Типичным примером в этом плане являются разного рода «истории для народа» («фолк-хистори»), представляющие собой псевдонаучные сочинения на исторические темы, созданные непрофессионалами с позиций негационизма как разновидности исторического ревизионизма, в рамках которого широкой публике предлагается «новая» историческая концепция, построенная на сомнительных исторических фактах. В связи с этим можно выделить образ историка как «околонучного маргинала», в основе деятельности которого лежит принцип «опровергать и эпатировать».

В интеллектуальном интерьере исторической науки в условиях растущей мультипарадигмальности исторического познания усиливается стремление ученых сохранить за историей статус науки. В этих условиях представители различных методологических

---

²⁹ Юревич А.В. Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 121.

³⁰ Орлова И.Б. Введение в социологию исторического знания. М.: Наука, 2009. С. 198–200.

течений отдают предпочтение разным парадигмальным основаниям научно-исследовательской деятельности и, используя специфические научные тезаурусы, создают конкурирующие между собой исторические теории. Мультипарадигмальность исторического познания с ее «интеллектуальными возможностями» является необходимым условием нормального развития исторической науки. Однако в интеллектуальном интерьере российской исторической науки мультипарадигмальность стала фактором превращения ее в «ярмарку идей», в поле многообразных дискурсивных практик, в результате которых историческая реальность растворяется во множестве смысловых миров и теоретических конструкторов. В результате мультипарадигмальность привела к возникновению в российской исторической науке интеллектуальной ситуации, позволяющей применить по отношению к ней метафору коммунальной квартиры, в которой «соседи», сидящие за отдельными столиками на общей кухне, имеют особые представления об истории и способах ее изучения, используют специфический научный язык, затрудняющий коммуникацию в академическом сообществе. В связи с этим в интеллектуальном интерьере такой коммунальной квартиры то затухает, то вспыхивает с новой силой эпистемологический конфликт «соседей», обладающих разными стилями научного исторического мышления.

Мышление историков представляет собой совокупность умственных процессов, лежащих в основе их когнитивной деятельности, связанной с моделированием в научном дискурсе исторической реальности с помощью научного языка на основе репрезентативных источников исторической информации³¹. Исходя из различных типов рациональности и особенностей ментальных программ историков, можно выделить несколько стилей исторического мышления, как форм и способов его организации. Концептуальный анализ научно-исследовательских практик в современной исторической науке позволяет выделить классический, неклассический, постмодернистский и неоклассический типы рациональности.

Классическая рациональность ориентирует историка на изучение исторической действительности такой, какой она есть «на

---

³¹ Лубский А.В. Мышление историческое // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 311–313.

самом деле», без примеси человеческой субъективности. Кроме того, она предполагает, что в научном историческом знании не должно быть ничего того, что не относится к предмету исторического исследования. В классической рациональности, как тождества исторического мышления и исторической реальности, историк рассматривается в качестве «нейтрального наблюдателя», претендующего на получение объективно-истинного исторического знания.

В неклассической рациональности, как целедостижения, деятельностная природа исследователя, наоборот, выступает в явном виде, поэтому мышление историка рассматривается не как отражающее, а как констатирующее когнитивное действие. Неклассическая рациональность предполагает, что содержание научного знания, обусловленное предметом исторического исследования, зависит также от выбора его методологических оснований и ценностных ориентаций историка.

Постмодернистская рациональность представляет собой особый тип рациональности, основанный на утверждении о том, что историческая реальность является конструктом познавательной активности историка, Предметом этой активности являются тексты, а ее формой – дискурсивные практики и языковые игры, обусловленные социокультурным контекстом. Специфика постмодернистской рациональности обусловлена тем, что основой радикально-конструктивистского в ней мышления является когнитивный императив «affirmo ergo est» («утверждаю, значит так есть»). В этом плане постмодернистская рациональность не может считаться научной, поскольку она скрывает грань, отделяющую научное историческое исследование от других видов познавательной деятельности.

Неоклассическая рациональность сформировалась в результате синтеза позитивных когнитивных установок классической, неклассической и постмодернистской рациональности. Это нашло выражение, во-первых, в стремлении к получению объективно-истинного знания об исторической реальности; во-вторых, в представлении о зависимости содержания научного исторического знания от выбора методологических оснований научно-исследовательской деятельности и ценностных ориентаций историка; в-третьих, в понимании того, что историк в дискурсе конструирует историческую реальность с помощью научного языка в определенном

социокультурном контексте. Специфика неоклассической рациональности связана с тем, что мышление в ней выступает не как отражающее, а как конструктивное когнитивное действие. В связи с этим рационален не только тот, кто стремится к адекватному отображению исторической реальности, но и тот, кто способен воссоздать более или менее адекватный ее образ, в котором презентуются как историческая реальность, так и представления о ней самого историка.

Стили исторического мышления обусловлены не только типами научной рациональности, но и особенностями ментальных программ историков. Ментальные программы – это системы представлений, ценностей и установок научно-исследовательской деятельности, основу которых составляют эпистемологические догматы, или методологические принципы аксиоматического характера, не требующие дополнительных когнитивных обоснований. Эти догматы позволяют идентифицировать когнитивные «почерки» историков и выявить скрывающиеся за ними стили их научного мышления.

С учетом различных типов научной рациональности и особенностей ментальных программ историков можно выделить следующие стили научного исторического мышления: классический – объективистский, реалистский, социоцентристский, номотетический, объясняющий; неклассический – аксиологический, номиналистский, антропоцентристский, идиографический, понимающий; неоклассический – критический, конструктивно-реалистский, холистский. В качестве особого стиля исторического мышления можно выделить постмодернистский стиль – радикально-конструктивистский, субъективистский, индивидуалистско-релятивистский.

Классический стиль исторического мышления сформировался в рамках позитивизма в XIX веке, представители которого в качестве идеала научности исторического познания брали модели мышления естественных наук, связанных с реконструкцией объективной реальности в виде системы эмпирических и теоретических знаний, построенных на основе научных фактов. Позитивизм ориентировал историков, с одной стороны, на поиск всевозможных источников исторической информации как основы получения исторических фактов, с другой – на использование в интер-

претации этих фактов различного рода социальных теорий, таких же доказательных и общезначимых, как и теории естественнонаучного содержания³².

Классический стиль исторического мышления базируется на рассудочно-социологической теории научно-исследовательской деятельности, основу которой составляет монистическая интерпретация исторической реальности. Такого рода интерпретация означает, во-первых, признание в качестве научного только одного способа изучения исторической реальности (принцип методологического универсализма) и решительное неприятие всех других способов ее изучения (принцип методологического ригоризма) и, как следствие, утверждение о том, что только одна из конкурирующих исторических теорий является научной, а все другие – ложными (принцип теоретического ригоризма); во-вторых, представление о научном познании как отражении исторической действительности (принцип научной объективности), сопровождаемое претензиями на монопольное обладание научной истиной (принцип научной репрессивности).

Классический стиль исторического мышления также базируется на таких эпистемологических догматах, или аксиоматических принципах ментальной программы ученых, как объективизм, реализм, социологизм, номотетизм. С позиций принципа объективизма признается необходимость производства научного исторического знания, адекватного изучаемой исторической действительности. Однозначность содержания такого знания порождает уверенность в возможность создания такой единственно правильной исторической теории, доказательные аргументы которой окончательны и бесспорны³³. Реализм как принцип ментальной программы историка связан с вопросом о том, принимать ли общие научные понятия за историческую реальность или только за исторические имена. С позиций реализма общие научные понятия, вроде общество, социальная группа, социальный процесс, являются подлинными историческими реальностями, конкретный же

---

³² Лубский А.В. Позитивизм в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 389–391.

³³ Лубский А.В. Объективности принцип // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 347–349.

индивид в истории – это историческая эфемерность. Принцип социологизма, связанный с решением в историческом познании дилеммы первичности общества или человека, исходит из первичности общества, рассматривая человека только в качестве продукта общественного развития. Поэтому принцип социологизма проявляется в социальном измерении исторической реальности, в изучении ее как надындивидуальной и каузальной, в пространстве которой поведение человека носит социально обусловленный характер³⁴. Номотетизм как принцип ментальной программы ученого реализуется в когнитивной стратегии исторического исследования. Основу этой стратегии составляет «генерализирующий метод», ориентирующий историка на познание общего, присущего определенному классу исторических явлений, их объяснение, установление каузальных связей между ними, выявление исторических тенденций и закономерностей³⁵. С учетом специфики такого стиля исторического мышления – объективистского, реалистского, социоцентристского, номотетического и объясняющего – в интеллектуальном интерьере исторической науки в современной России можно выделить классический образ историка.

Кризис позитивизма в конце XIX в., который элиминировал специфику исторического познания, привел к возникновению антипозитивистской исторической науки, представители которой в качестве идеала научности исторического познания брали анти-сциентистские модели мышления гуманитарных наук. В рамках этой науки сформировался неклассический стиль исторического мышления, базирующийся на экзистенциально-антропологической теории научно-исследовательской деятельности, основу которой составляет плюралистическая интерпретация исторической реальности. Плюралистическая интерпретация означает, во-первых, представление о том, что история может изучаться в различных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (принцип многовариантности); во-вторых, пони-

---

³⁴ Лубский А.В. Социологизм в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 464–466.

³⁵ Лубский А.В. Номотетический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 341–342; Лубский А.В. Объяснение в историческом исследовании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 350–352.

мание того, что по отношению к предмету исторического изучения можно сформулировать множество научно-исследовательских задач в зависимости от методологических предпочтений историка (принцип дополнительности); в-третьих, утверждение о том, что один и тот же класс научных задач можно решать с помощью различных методологических средств, выбор которых является прерогативой исследователя историка (принцип альтернативности); в-четвертых, признание того, что по отношению к определенному классу исследовательских задач применяется, как правило, свой специфический способ их решения, давший в рамках определенных парадигмальных оснований необходимый научный результат (принцип парадигмальности); в-пятых, требование, согласно которому любая из удачных интерпретаций исторической реальности, являясь ограниченной, не может быть признана в качестве универсальной (принцип методологической ограниченности).

Неклассический стиль исторического мышления базируется на таких эпистемологических догматах, или когнитивных принципах, ментальной программы ученых, как аксиологизм, номинализм, антропологизм, идиографизм. Аксиологизм как когнитивный принцип исходит из того, что еще никому из историков не удавалось избавиться от «идолов» собственного сознания и занять позицию «нейтрального наблюдателя», и поэтому на содержание научного знания об исторической реальности влияют системы ценностей, которых придерживается исследователь. Однако это влияние проявляется не в «свободе оценочных суждений», связанных с идеологическими или политическими предпочтениями историка, а об «отнесении к ценности», или ценностной обусловленности предмета исторического исследования. В рамках неклассического стиля исторического мышления «отнесение к ценности» является правилом, согласно которому историки, различая в исторической реальности значимое и незначимое, актуализируют свои когнитивные интересы и определяют предметные поля своей научно-исследовательской деятельности³⁶. Это происходит благодаря тому, что историки, сознательно занимая аксиологическую позицию по отношению историческим явлениям, обладают

---

³⁶ Лубский А.В. Отнесения к ценности принцип // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 365–366.

способностью наделять их смыслом. Номинализм как принцип ментальной программы историка связан с решением вопроса о том, принимать ли общие понятия за исторические реалии или только за исторические имена. С позиций номинализма подлинной реальностью выступает только конкретный человек, а общие понятия – это не более, чем имена³⁷. Принцип антропологизма, связанный с решением дилеммы первичности общества или человека, утверждает первичность человека и вторичность общества как продукта взаимодействия между людьми. Принципа антропологизма проявляется в «человеческом измерении» исторической реальности, в ее изучении как индивидуальной и казуальной реальности, в поле которой поведение человека носит ментально обусловленный характер. Принцип идиографизма реализуется в когнитивной стратегии исторического исследования³⁸. Эта стратегия базируется на «индивидуализирующем методе», ориентирующем исследователя на изучение уникальных жизненных практик, понимание смысла чужой индивидуальности, ее коммуникативной и символической природы. Основой этой стратегии является научное понимание как когнитивная процедура, связанная с интерпретацией изучаемой индивидуальной и казуальной исторической реальности, направленной на постижение рутинных практик повседневности и ментальных программ индивидов. В этом плане историческое познание рассматривается как диалог культур – культуры исследователя и культуры изучаемых им людей. С учетом специфики такого стиля исторического мышления – аксиологического, номиналистского, антропоцентристского, идиографического, понимающего – в интеллектуальном интерьере исторической науки в современной России можно выделить неклассический образ историка.

В 70–80-х гг. прошлого века особое влияние на историческое познание оказал постмодернизм³⁹, представители которого отрицают возможность получения объективно истинного знания,

---

³⁷ Лубский А.В. Номинализм в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 340–341.

³⁸ Лубский А.В., Мазур Л.Н. Идиографический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 119–120.

³⁹ Лубский А.В. Постмодернизм в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 402–403.

поскольку рассматривают историческую реальность не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется им в дискурсе с помощью языка в социокультурном контексте. Базовым принципом ментальной программы постмодернистов является радикальный конструктивизм, который, в отличие от объективизма, предполагающего возможность реконструкции исторической реальности такой, как она была на самом деле, исходит из того, что эта реальность производится различными познавательными практиками, обусловленными определенными социокультурными контекстами. Поэтому в радикальном конструктивизме, в котором абсолютизируется когнитивная роль историка, историческая реальность сводится к множеству случаев установления социокультурных конвенций относительно тех или иных исторических явлений, а само историческое познание рассматривается как интертекстуальная игра, ведущаяся помощью средств определенной культуры. В связи с этим историческая наука, как считают радикальные конструктивисты, не обладает привилегированным доступом к исторической реальности, и поэтому историки не могут претендовать на монопольное производство знания о прошлом. Исторические знания как интерпретации всегда, как считают постмодернисты, могут быть преобразованы в другие интерпретации, и поэтому значимость исторических знаний определяется их соответствием общей системе идей и ценностей образующих конкретную культуру. В связи с этим значимыми считаются те исторические знания, которые были получены в рамках культурно санкционированных концептуальных схем, прошедшими селективный отбор, осуществляемый различными социальными группами. При этом признается, что существенное влияние на производство исторических знаний и отбор наиболее значимых из них оказывают власть, авторитет, деньги, репутация ученых, их готовность пойти на сделки с властью и собственной совестью, а также множество других негласно существующих коммуникативных конвенций. В этом плане историческое познание с позиций радикального конструктивизма представляет собой лишь форму ориентации в современном мире, а исторические знания производятся для того, чтобы облегчать социокультурную коммуникацию в обществе. С учетом специфики постмодернистского – радикаль-

но-конструктивистского, субъективистского и индивидуалистско-релятивистского – стиля исторического мышления в интеллектуальном интерьере исторической науки в современной России можно выделить постмодернистский образ историка.

В конце XX в. в исторической науке стало формироваться критическое направление, представители которого подвергли критике не только постмодернистский стиль исторического мышления, поставившего под сомнение профессиональный и социальный статус исторической науки, но и классический, и неклассический стили исторического мышления за их когнитивную односторонность. Вместе с тем представители критического направления обратили внимание на то, что конструктивистское начало присутствует во всяком процессе исторического познания и историк не столько отражает, сколько конструирует историческую реальность. В связи с этим историческое исследование они стали рассматривать как когнитивное моделирование исторической реальности, при этом признавая, что любые модели этой реальности являются не полными и содержащими определенные ошибки в отношении воспроизводимой ими исторической реальности. Это обусловливается тем, что когнитивные модели, упрощенно воспроизводя мир прошлого, постоянно выпускают из рассмотрения те или иные его аспекты, и в силу этого те или иные стороны моделируемой исторической реальности описывают и объясняют односторонне или противоречиво.

Представители критического направления в исторической науке, «уставшие» от фрагментации исторического знания, порожденной мультипарадигмальностью научно-исследовательских практик, «жаждут» нового холистского реванша. В связи с этим в рамках этого направления сложился неоклассический стиль исторического мышления, базирующийся на эпистемологической идее «третьей книги», которая должна объединить научно-исследовательские практики историков, тяготеющие как к макроанализу и объяснению, так и к микроанализу и пониманию. При этом речь идет не о простом «сложении» тех или иных подходов, а о разработке качественно новых методологических оснований целостного изучения исторической реальности, удерживающих в фокусе своего внимания надындивидуальные и индивидуальные, объек-

тивные и субъективные параметры этой реальности, а также способы и формы их взаимодействия.

В рамках нового холистского реванша особая роль отводится также концептуальному историческому мышлению как когнитивной деятельности по «схватыванию» смыслов в наиболее сложных случаях постижения исторического прошлого. Концептуальное историческое мышление, базирующееся на концептах как когнитивных моделях рационально-ценностного содержания, направлено на производство личностно-ориентированного научного знания об исторической реальности⁴⁰. Продуктом такого исторического мышления являются исторические концепции, которые могут представлять собой, во-первых, образ исторической реальности, выраженный в форме базового концепта, придающего смысл этой реальности; во-вторых, систему исторических знаний теоретического и аксиологического характера, воспроизводящих в определенном социокультурном контексте на основе репрезентативных источников исторической информации целостную и непротиворечивую картину исторической реальности⁴¹.

Неоклассический стиль исторического мышления базируется на таких когнитивных принципах ментальной программы ученых, как конструктивный реализм и когнитивный холизм. Конструктивный реализм, преодолевая крайности объективизма и радикального конструктивизма, исходит из того, что познающий субъект в дискурсивных практиках не только воспроизводит, но и конструирует историческую реальность в рамках определенного культурного и эпистемологического контекстов. В связи с этим историческое познание в рамках конструктивного реализма рассматривается как такая деятельность, которая предполагает, с одной стороны, дискурсивное взаимодействие историков между собой, а с другой – их активность по отношению к исторической действительности, оставившей после себя «следы» в виде источников исторической информации. В рамках такой познавательной деятельности создаются определенные картины исторической реальности, которые в определенной мере соответствуют историческо-

---

⁴⁰ Лубский А.В. Концептология историческая // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 211–213.

⁴¹ Там же. С. 233–235.

му прошлому, но неизбежно несут на себе и «почерк» познающих. Представители конструктивного реализма стремятся уйти от крайностей реализма и номинализма, социологизма и антропологизма и тем самым преодолеть когнитивные односторонности классического и неклассического стилей исторического мышления. Поэтому другим базовым принципом ментальной программы историков, придерживающихся неклассического стиля исторического мышления, является холизм, направленный на целостное изучение исторической реальности на основе многомерных методологических конструктов. С учетом специфики такого – критического, конструктивно-реалистского, холистского – стиля исторического мышления в интеллектуальном интерьере исторической науки в современной России можно выделить неоклассический образ историка.

Таким образом, интеллектуальный интерьер российской исторической науки во многом определяется сложившейся в ней на рубеже веков познавательной ситуацией «fin de siècle». Большое влияние на формирование этой ситуации оказали изменения, которые произошли в исторической науке в современной России, а также в исторической эпистемологии в целом.

В обозначенном интерьере исторической науки в ситуации «fin de siècle» можно выделить различные образы российских историков. В рамках эпистемологического конфликта «отцов» и «детей», придерживающихся соответственно рассудочно-социологистских и экзистенциально-антропологистских теорий исторического познания, образ «отцов» ассоциируется с историками-сциентистами, а образ «детей» – с историками-антисциентистами.

Исходя из сферы приложения профессиональных усилий историков в современном российском обществе в интеллектуальном интерьере российской исторической науки, можно выделить образы «историков по службе» (историков-государственников), «историков по убеждению» (историков-либералов), «историков по необходимости» (историков-коммерсантов), «историков по призванию» (историков-фанатиков).

С учетом негативных тенденций, которые обнаружились в интеллектуальном интерьере современной исторической науки, выделим образы «историков – модников-подражателей, эпигонов-

трансляторов», «историков – идеологически ангажированных и политически пристрастных», «историков – научных антрепренеров», «историков – околонаучных маргиналов».

Исходя из специфики стилей исторического мышления, обусловленных разными типами научной рациональности и особенностями ментальных программ научно-исследовательской деятельности, возможно выделение «классического образа историков с объективистским, реалистским, социоцентристским, номотетическим и объясняющим стилем мышления»; «неклассического образа историков с аксиологическим, номиналистским, антропоцентристским, идиографическим и понимающим стилем мышления»; «постмодернистского образа историков с радикально-конструктивистским, субъективистским и индивидуалистско-релятивистским стилем мышления»; «неклассического образа историков с критическим, конструктивно-реалистским, холистским стилем мышления».

Стоит ли публиковать кандидатские диссертации?

Статья представляет собой рецензию на книгу А.А. Галямичевой «Георгий Петрович Федотов: жизнь и творческая деятельность в эмиграции», в основу которой положена ее кандидатская диссертация. Автор рецензии воспользовался этим жанром как *case study*, чтобы выявить слабые стороны диссертационной культуры тех, кто вступает в историческую науку в звании кандидата. Вызывающими его тревогу чертами слабых диссертационных работ являются: неумение точно определить проблему исследования и обосновать методы изучения материала, игнорирование результатов предшественников, неполный охват источников и отсутствие навыков оценки их значения и интерпретации, по сути, потребительское отношение к источникам. Среди причин, обуславливающих возможность появления работ низкого уровня, названы снисходительность оппонентов и рецензентов, а также их готовность выступать экспертами по тем проблемам истории, в которых они таковыми не являются.

Ключевые слова: кандидатская диссертация, экспертиза, Г.П. Федотов.

A.V. Antoshchenko

Should you publish your candidate in historical sciences dissertation as a book?

This article is a review of A.A. Galyamicheva's book «Georgy Fedotov: life and creative activity in exile», which is based on her Candidate in historical sciences dissertation. The author of the review transformed this genre into a case study to identify the weaknesses of the dissertation writing culture of those who come into academic community in the rank of candidates. The features of weak thesis, called author's anxiety, are as follows: the inability to pinpoint the problem and research methods, ignoring the findings of predecessors, incomplete coverage of sources and lack of skills to assess and to interpret the sources value and meaning. Among the reasons that lead to the possibility of the emergence of low-level works, the author called leniency of opponents and referees, as well as their willingness to act as experts on those problems of history, in which they are not specializing.

Key words: candidate in historical sciences dissertation, expertise, George Fedotov.

Подготовка к профессорскому званию в дореволюционных российских университетах представляла собой двухступенчатый процесс, предусматривавший написание и защиту сначала магистерской, а затем – докторской диссертаций. При этом не только докторская, но и магистерская диссертация должна была быть напечатана в виде книги и представлена заранее членам факультета, в публичном заседании которого происходила ее защита. В советское время подобное требование распространялось только на докторские диссертации. Для защиты кандидатских диссертаций, в советское время заменивших дореволюционные магистерские, обязательно было предоставление монографии, в которой отражались результаты исследовательской деятельности претендента на эту ученую степень. Однако в последние годы все шире стала распространяться практика публикации текстов защищенных кандидатских диссертаций, что позволяет говорить о формировании (или «конструировании») традиции, которая в какой-то мере отсылает к давнему, дореволюционному опыту российских университетов. Опасной эту тенденцию делает утвердившийся с благословения чиновников Минобра чисто количественный подход к оценке результатов исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава, как называют членов академического сообщества их заботливые министерские патроны (от франц. *patron*).

В данной статье-рецензии на примере книги А.А. Галямичевой «Георгий Петрович Федотов: жизнь и творческая деятельность в эмиграции»¹, разбор которой можно охарактеризовать как *case study*, будут представлены наиболее часто встречающиеся в подобного рода публикациях характерные черты, которые вызывают наибольшую и, как представляется, вполне обоснованную тревогу.

* * *

Вынесенный в заглавие статьи вопрос возник у меня в очередной раз, когда мне удалось найти редкий экземпляр книги А.А. Галямичевой, изданной в Саратове ООО Издательским центром «Наука». Не успев защитить диссертацию «Научно-педаго-

---

¹ Галямичева А.А. Георгий Петрович Федотов: жизнь и творческая деятельность в эмиграции. Саратов, 2009. 256 с.

гическая, публицистическая и общественно-политическая деятельность Г.П. Федотова в годы эмиграции» и получить подтверждение из ВАК, новоиспеченный кандидат исторических наук поспешил переделать ее в «монографию» (о поспешности свидетельствует сохранившееся определение предлагаемого читателю труда как «диссертации» на с. 26) и опубликовать. О каких же открытиях стремился поведать *urbi et orbi* как можно быстрее автор диссертации-монографии?

В диссертации новизна исследования определяется оригинальностью постановки и решения проблемы. Очевидно, для монографии достаточно указания на значимость предмета изучения для автора, подтвержденного еще и общностью малой родины – Саратовского края, где в свое время жил и преподавал в университете Г.П. Федотов, а сейчас живет и преподает в Поволжском институте управления им. П.А. Столыпина А.А. Галямичева (с. 17). Именно эта общность налагает на нее особую ответственность за «всесторонний анализ жизненного пути, творчества и многогранной деятельности Георгия Петровича Федотова в годы эмиграции (1925–1951 гг.)» (там же). Почему бы при таком подходе было не написать монографию с полной биографией историка, публициста и религиозного мыслителя, в которой также охарактеризовать «саратовский», «петербургский», «берлинский», «йенский» и тому подобные периоды его жизни, остается неясным.

В качестве основополагающих принципов исследования автор обращается к набившим оскомину при чтении авторефератов кандидатских диссертаций понятиям «историзм» и «объективность». Собственно говоря, оба эти понятия, сформировавшиеся в историографии в XIX в., ушли вместе с ним в прошлое, но закрепились в советской исторической литературе, получив подпорку в виде принципа партийности. В современной методологической литературе историзм (в западной традиции – «историцизм»), совершенно справедливо критикуемый за телеологизм создаваемых на его основе исторических повествований, давно уже заменен контекстуализмом (конкретно-исторический подход – в отечественной научной традиции), а объективизм под напором положений конвенциональной теории истины уступил свое место адекватности, которая предполагает поиск и использование источни-

ков, аутентичных по времени и обстоятельствам появления предмету исследования, и обращение к фактическим данным, теоретическим положениям и методологическим подходам, соответствующим современному состоянию научного знания о прошлом. А.А. Галямичева, характеризуя собственное понимание объективизма, указывает на необходимость «привлечения для исследования максимально широкого круга источников, а также критического осмысления научной литературы, содержащей разные оценки, исследовательские подходы и выводы» (с. 27). Посмотрим, как этот принцип воплощается в книге.

Для тех, кто специально не занимается изучением творчества Г.П. Федотова, обзор исследовательской литературы во введении может показаться достаточно полным. Однако специалисту нетрудно заметить не только многочисленные упущения в перечне, а, значит, и в характеристике статей, которые нередко пишутся для получения кандидатской степени после прочтения нескольких федотовских работ, но и монографий О.Д. Волкогиной, О.И. Ивониной, А. Аржаковского, А.В. Антощенко и Л.А. Гаман², в которых творчество Г.П. Федотова представлено в контексте идейных исканий российской пореволюционной эмиграции. Не меньше пробелов заметно при характеристике зарубежной литературы. Публикация на русском языке очерка Д. Бон-Грэ (в России она известна по первой части фамилии) обратила внимание А.А. Галямичевой на одну из статей французской исследовательницы, опубликованную на ее родном языке. Правда, монография Д. Бон-Грэ, а также ее другие статьи по теме³ оказались вне поля

---

² Волкогина О.Д. Образ России в философии Русского Зарубежья. М., 1998. С. 77–120; Ивоина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – первой половины XX вв. Новосибирск, 2000. С. 280–334; Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев, 2000; Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. С. 273–348; Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск, 2008. С. 146–153. Здесь и далее не указываются публикации, появившиеся после выхода в свет книги А.А. Галямичевой.

³ Beaune D. G.P. Fedotov, ce qui demeure... : réflexions sur la Révolution russe. Aix en Provence, 1990; idem. Fedotov et l'émigration parisienne // Cahiers de l'émigration russe. 1994. Vol. 1. P. 45–51; idem. Les idées de G.P. Fedotov dans les

зрения начинающей российской исследовательницы. Монография, несмотря на небольшой размер, важна и интересна тем, что написана на основе материалов фонда Г.П. Федотова, хранящихся в Бахметевском архиве Колумбийского университета, и содержит несколько приложений с документами. В целом, рассмотрение отечественной историографии как части мировой исторической науки не характерно для большинства молодых исследователей, которые зачастую ограничиваются лишь обращением к переведенным исследованиям зарубежных коллег.

Большое удивление вызывает игнорирование А.А. Галямичевой архивных материалов. Казалось бы, заявление о всестороннем рассмотрении жизни и деятельности Г.П. Федотова и об использовании максимально широкого круга источников, должно было направить ее усилия на поиск документов, которые отложились не только в российских библиотеках и архивах (она изучила достаточно тщательно лишь один из них – Государственный архив Саратовской области, а также познакомилась с рядом документов рукописного отдела и архива РНБ), но и в зарубежных – архивах издательств «Les Editeurs reunis» и «УМСА-Press», Свято-Сергиевского богословского института во Франции, а также в Бахметевском архиве, где находится фонд Г.П. Федотова, в архиве Богословской школы Йельского университета, приглашенным исследователем которой историк был в 1941–1943 гг., в архиве Православной церкви в Америке, где хранятся документы Свято-Владимирской семинарии (с 1948 г. академии), в которой он преподавал с 1944 г., в архиве Гуверовского института войны, революции и мира, где сформировались фонды тех, с кем он поддерживал контакты в последние годы жизни и другие архивохранилища (о последних подробно будет сказано ниже). Если о коллекциях французских архивов трудно что-либо узнать по Интернету, то относительно материалов, находящихся в американских библиотеках и архивах, это можно легко сделать, чтобы оценить их объем и значение для исследования. Тем самым можно было бы определить, возможно ли вообще сформировать если уж и не всестороннее, то

---

années 1930 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1995. Vol. 26. No. 3–4. P. 353–373; *idem*. La réhabilitation de Fedotov et la mise en cause de Klioutchevski // Revue Russe. 1998. Vol. 14. P. 23–32.

хотя бы полное и, главное, адекватное представление о жизни и творчестве Г.П. Федотова в эмиграции без этих документов. В этой связи был бы важен и ответ на вопрос – в какой степени и каким образом опубликованные материалы позволят компенсировать недостаток архивных материалов? Однако в работе этот вопрос даже не ставится. И, опять же, это характерно для значительного числа работ начинающих исследователей, которые почему-то полагают, что удаленность архивных коллекций освобождает их от обращения к изучению тех материалов, которые принято называть «первичными источниками».

Следует отметить, что и опубликованные материалы привлечены для исследования далеко не полно. Это касается почти всех групп источников, охарактеризованных во введении. При рассмотрении публикаций трудов самого Георгия Петровича А.А. Галямичева ограничилась, прежде всего, русскоязычными, указав на несколько его работ на английском языке. При этом она подчеркнула значимость своих «самостоятельных библиографических поисков, в результате которых удалось найти и изучить около 200 статей, очерков, рецензий и эссе Г.П. Федотова на русском и английском языке» (С. 18). Хотя в остающейся и на сегодняшний день наиболее полной библиографии, составленной Т. Бердом для второго тома книги Г.П. Федотова «*Russian Religious Mind*» (Cambridge, Mass., 1966), упоминается 45 переводов его статей с русского языка на иностранные и оригинальных публикаций на английском, французском и немецком языках, ссылок на большинство из которых читатель не найдет в рецензируемом сочинении, а также 233 его работы на русском языке⁴. Так что проделанная автором работа по сбору библиографии оказалась просто излишней.

Эпистолярное наследие Г.П. Федотова, увидевшее свет до появления книги А.А. Галямичевой, намного больше того, что упоминается ею. Достаточно указать на 12-й том «Собрания сочинений» Г.П. Федотова (2008), полностью состоящий из корреспонденции историка и писем к нему. Причем большинство их вводилось

---

⁴ A Bibliography of the Writings of George P. Fedotov (1886–1951). Compiled and Edited by Thomas E. Bird // G.P. Fedotov. *The Russian Religious Mind. Vol. 2. The Middle Ages: The Thirteenth to the Fifteenth Centuries.* Cambridge (Mass.), 1966. P. 399–413.

публикаторами в научный оборот впервые. Некрологи и статьи в эмигрантских газетах и журналах в связи с юбилеями Г.П. Федотова также на порядок многочисленней упомянутых в книге. Далеко неполный список рецензий из русскоязычных изданий можно дополнить еще и рецензиями на иностранных языках. Только англоязычных рецензий работ Г.П. Федотова «американского периода» появилось больше двух десятков. Следует заметить, что обращение к коллекциям Бахметевского архива или Центра русской культуры в колледже Амхерста позволило бы отчасти восполнить этот пробел, так как там собраны вырезки статей о Г.П. Федотове из журналов и газет как эмигрантских, так и иностранных.

Отчасти компенсировать недостаток архивных документов можно было бы фронтальным просмотром эмигрантских газет и журналов или хотя бы обращением к уже составленным на их основе хроникам культурной жизни русских эмигрантов, чтобы получить более или менее полное представление о его участии в ней⁵. Но А.А. Галямичева не делает этого.

Обычно во введении к исследованию дается характеристика специфики различных видов источников и определяется их значение для решения поставленных задач. Во введении рецензируемой книги этого нет, но, может быть, есть в основной части книги?

Первая глава – «На пути к эмиграции» – уже своим названием определяет телеологизм изложения материала, т. е. принятое в 1925 г. решение Г.П. Федотова покинуть родину автору нужно просто обосновать. Понятно, что для этого лучше всего подойдут документы, созданные *post factum*, прежде всего воспоминания Е.Н. Федотовой, написанные после смерти мужа. Однако, как всякие мемуары, они создавались с целью сформировать определенный образ и мотивировались не только болью утраты, но и чувством вины, так как Елена Николаевна знала о болезни мужа, но предпочла уехать в Париж, чтобы оставаться среди своих дру-

---

⁵ Бейсак М. Культурная жизнь русской эмиграции во Франции. La vie culturelle de l'émigration russe en France: хроника. 1920–1930. Paris, 1971; Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4. 1920–1940. Париж; М., 1995–1997; Историческая наука российской эмиграции 20–30 гг. XX в. (Хроника) / сост. С.А. Александров. М., 1998.

зей и заниматься благотворительностью (правда, за его счет). Умер он, как известно, в госпитале-пансионе. Это, возможно, не относится к предмету исследования А.А. Галямичевой, но важно для любого историка, занимающегося изучением источников и участвующего условия их появления.

Аутентичными для определения причин переезда Г.П. Федотова в Саратов, как и возвращения его с семьей в Петроград будут также не воспоминания его жены, а его собственные письма. Часть из них, как уже отмечалось, опубликована и свидетельствует, что отнюдь не пафосное стремление послужить родине, придуманное автором, а прозаические соображения о необходимости обеспечить выживание семьи в условиях гражданской войны были главными мотивами переезда в родной город на Волге, а невозможность продолжения собственных научных занятий рассматривалась как аргумент «против»⁶. Обращение к его неопубликованному письму к И.М. Гревсу позволило бы понять автору, что последний мотив был определяющим⁷. Когда выяснилось, что производственные условия в Саратове не лучше, чем в Петрограде, а политические даже хуже, и никаких возможностей для занятия наукой нет, Федотовы вернулись в город на Неве. В результате самым ценным в первой главе оказывается не авторская интерпретация мотивов поступков Г.П. Федотова, а тот выявленный А.А. Галямичевой архивный материал ГАСО, который оказался в подстрочнике книги, так как не всегда согласовывался с теми чертами портрета принципиального антисоветчика Г.П. Федотова, который вслед за Е.Н. Федотовой представляет на страницах своего труда А.А. Галямичева. Не удивительно, что она не знает, как интерпретировать факт его согласия стать директором музея революции (с. 40–41), который, по определению, должен был своими экспозициями демонстрировать историческую необходимость прихода к власти большевиков.

Вторая глава «Г.П. Федотов во Франции (1925–1941 гг.)» является более сложной по структуре: автор выделяет четыре параграфа с характеристиками его научно-педагогической деятельно-

---

⁶ Антоценко А.В. Долгие сборы в Саратов (к биографии Г.П. Федотова) // Саратовский историографический сборник. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 72–82.

⁷ Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 2–3 об.

сти, публицистики, вклада в издательское дело и участия в общественно-политической деятельности эмигрантов. Правда, здесь вновь дает о себе знать недостаток источников и, прежде всего, архивного материала. Автор ничего не может сказать о педагогической деятельности, кроме упоминания читавшихся им курсов. Возможно, обращение автора к опубликованному Curriculum Vitae Г.П. Федотова дало бы некоторые новые данные, хотя и он, составленный в 1950 г., не во всем точен (сказались «ошибки памяти»)⁸. Опять же, наиболее надежным источником могут служить письма ученикам, хранящиеся в Бахметевском архиве.

Относительно исследовательской работы Г.П. Федотова суждения А.А. Галямичевой представляются не полными и поверхностными. Если во введении автор указывает на опасность «недопонимания внутренних, мировоззренческих истоков тех или иных взглядов, оценок, суждений мыслителя» (с. 17), то в основной части она забывает об этом. В работе нет ни слова об эсхатологии и культуре и, в общем, о религиозных основаниях исторических взглядов Г.П. Федотова, хотя этот аспект уже разрабатывался в исследовательской литературе⁹, которая оказалась вне поля зрения автора. Статьи о святых Западной церкви она почему-то рассматривает в перспективе русской, а не европейской историографии, с которой был очень хорошо знаком Георгий Петрович. Достаточно было обратиться к архивным документам Петербургского (тогда – Петроградского) университета, чтобы узнать, каков был круг изучаемой им литературы и первоначальные положения, которые он формулировал в отчетах о работе над магистерской диссертацией¹⁰ (удивительно, что этого не посоветовал ей сделать ее научный руководитель и консультант при публикации книги, опубликовавший брошюру по истории университетов). Это позволило бы охарактеризовать, насколько Г.П. Федотов продвинулся в изучении проблематики святости по сравнению с годами магистерской подготовки, уточнить время и место сдачи им магистерских

---

⁸ К 50-летию кончины Г.П. Федотова // Вестник РХД. 2001. № 1 (182). С. 59–62.

⁹ *Куклин А.П.* Эсхатологическая тема в русской мысли (к философскому портрету Г.П. Федотова) // Горизонты культуры. СПб., 1992. С. 119–188.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 10765. Л. 16–21 об., 24–27 об.

экзаменов, полученные оценки, а не повторять ничем, кроме абсолютно неверных в данном случае воспоминаний Е.Н. Федотовой, не подтвержденных утверждений, что он готовился к экзаменам в Риге или защитил «кандидатскую» (? Университетский устав 1884 г. отменил кандидатские степени для выпускников и ввел дипломы 1-й и 2-й степени) диссертацию и тому подобное (с. 80. Сн. 104).

При рассмотрении трех важнейших работ историка «Св. Филипп, митрополит Московский», «Святые древней Руси» и «Стихи духовные» автор почему-то нарушает хронологию, начиная со второго произведения. Его рассмотрение представляет собой своеобразное сочетание изложения оценок ряда предшественников с кратким пересказом содержания книги. Так, совершенно непонятно, какое значение для характеристики главной особенности древнерусской святости – кенотизма, обосновываемого в работе Г.П. Федотова, имеют изыскания филолога В.Н. Топорова, сформулировавшего собственное, оригинальное и отличное от федотовского понимание святости¹¹. Однако, помещение результатов его собственных исследований в предисловии, предворяющем одну из первых публикаций отрывков из «Святых древней Руси» еще в СССР, стало основанием для подробного пересказа их в книге А.А. Галямичевой, что искажает видение истоков древнерусской святости Г.П. Федотовым. Оно, по сути, подменяется выводами В.Н. Топорова. Очевидно, что автор не знает о дискуссии вокруг федотовского понятия «кенотизм»¹².

При характеристике экуменической деятельности Г.П. Федотова автору явно не хватает широты представлений об этом явлении, и даже более узко – о коллизиях взаимоотношений в содружестве святого Албания и преподобного Сергия Радонежского, которые порождались различным видением значения экуменизма разными представителями «школы парижского богословия», в ча-

---

¹¹ Ср.: Топоров В.Н. О русском мыслителе Георгии Федотове и его книге // Наше наследие. 1988. № 4. С. 45, 50–53; *Его же*. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995.

¹² См.: Бертнес Ю. Русский кенотизм: к переоценке одного понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 61–65.

стности – С.Н. Булгаковым и Г.В. Флоровским. Отношение к ним было значимым для определения собственной позиции Г.П. Федотова, на что указал С.С. Бычков в послесловии к двенадцатому тому «Собрания сочинений» Г.П. Федотова¹³. К этому можно добавить, что разобраться в сложной ситуации, возникшей вокруг «софиологии» и идеи интеркоммуниона о. С. Булгакова, позволило бы обращение к многочисленной исследовательской литературе по данному вопросу, а главное – к материалам архива Содружества св. Албания и преп. Сергия Радонежского в Оксфорде¹⁴, а также к хранящейся в библиотеке Принстонского университета архивной коллекции Г.В. Флоровского, где позиция Г.П. Федотова по данному вопросу четко зафиксирована¹⁵.

Отправным тезисом третьего параграфа второй главы является утверждение: «В период французской эмиграции талант Федотова-издателя развернулся в полном блеске» (с. 134). Думается, что этот блеск несколько померк бы, если бы автор обратилась к корреспонденции двух других участников редколлегии – И.И. Бунакова-Фондаминского и Ф.А. Степуна, опубликованной в двенадцатом томе «Собрания сочинений» Г.П. Федотова. Из нее явствует, что основную роль в организации издания и его распространения принадлежала И.И. Фондаминскому. Понимание характера и направленности «Нового града» могло бы быть глубже, если бы А.А. Галямичева обратилась к книге В.С. Варшавского «Незамеченное поколение», в которой этому журналу посвящена отдельная глава¹⁶.

Наконец, четвертый параграф «Участие в общественно-политической жизни эмиграции» вводит своим названием читателя

---

¹³ Бычков С.С. Послесловие // Федотов Г.П. Собрание сочинений. М., 2008. Т. 12. С. 464–468.

¹⁴ На сайте Содружества представлены не только все номера его журнала «Соборность» (Sobornost'), в котором публиковался Г.П. Федотов, но и некоторые архивные материалы (см.: <http://www.sobornost.org/archives.html> дата обращения: 15.05.2015).

¹⁵ Fellowship of the Society of St. Albany and St. Sergius (1928–1936) // Manuscripts Division. Department of Rare Books and Special Collections. Princeton University Library. Georges Florovsky Papers. Subseries 5A: Mss. and Correspondence, 1928–1977. Box 51. Folder 4.

¹⁶ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. Гл. 6.

в заблуждение, так как речь в нем идет, прежде всего, о литературных обществах и кружках, которые иногда посещал со своей женой Г.П. Федотов. В то же время в книге не освещено его участие в деятельности РСХД (Г.П. Федотов был избран в совет этой организации в 1928 г. и в течение года редактировал «Вестник РСХД») или в деятельности религиозно-философской академии Н.А. Бердяева и, соответственно, в издании журнала «Путь», о чем подробно повествует в своей монографии А. Аржаковский. Ни словом А.А. Галямичева не обмолвилась о разногласиях в понимании задачи «оцерковления» культуры и общественной жизни между Г.П. Федотовым и его коллегами по институту, что стало причиной известного конфликта 1939 г. В общем, «перекос» в книгу в сторону литературных кружков и обществ совершенно искажает картину, так как не понятно, что же там делал Георгий Петрович, были ли эти собрания важны для него. К тому же завсегдатай встреч «парижского литературного бомонда» поэт В.Ф. Ходасевич крайне редко упоминал его имя в своем «Камер-фурьерском журнале» (5 раз за 10 лет, тогда как, скажем, друг Г.П. Федотова И.И. Фондаминский упомянут более 50 раз).

В третьей главе книги автор характеризует «американский период» (т. е. последнее десятилетие) жизни Г.П. Федотова. Казалось бы, сетования на скупость освещения его в воспоминаниях вдовы Георгия Петровича, которая практически не жила с мужем в Америке, вернувшись после войны во Францию, должны были подтолкнуть А.А. Галямичеву к поиску архивных материалов. Однако она довольствуется сведениями из воспоминаний В.С. Яновского, который также не общался с Г.П. Федотовым в это время, а знал о его жизни «понаслышке». Почему бы при этом было не просмотреть хотя бы тогда уж и воспоминания Р.Б. Гуля¹⁷, который не без успеха стремился привлечь Г.П. Федотова к политической деятельности и нередко упоминал его имя в этом произведении?

Первый раздел главы о преподавании и научных трудах историка сразу же удивляет утверждениями, не подкрепленными данными источников. Оказывается, что Г.П. Федотов «преподавал на

---

¹⁷ Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1989. Т. 3. Россия в Америке.

богословском факультете Йельского университета» (с. 188). Знакомство с письмами Г.П. Федотова и архивными документами Богословской школы этого университета позволяет говорить, что он прочел лишь три лекции: одну (т.н. «occasional lecture») о русской церкви и две – о Иоанне Дамаскине, заменяя профессора Р.Л. Кэлауна, участника Богословской дискуссионной группы (см. письма Г.П. Федотова к жене от 8, 11 и 18 ноября 1941 г.¹⁸). Кстати, участвовать в обсуждениях ее членами вопросов христианской этики 7–9 ноября 1941 г. был приглашен Г.П. Федотов, что породило у него иллюзию устроиться в какой-нибудь американский «богословский колледж» при поддержке именитых профессоров, входивших в эту группу. Однако этот план не удался, и ему пришлось довольствоваться лишь преподаванием летом 1942 г. на курсах русского языка Йельского университета, от чего отказался В.В. Набоков. Используя этот опыт, с осени 1949 г. он преподавал русский язык сотрудникам ООН, передав эти свои уроки в конце октября 1950 г. Елене Николаевне.

Однако это не означает, что «все его попытки ... устроиться преподавателем ... в американской высшей школе оказались обреченными на неудачу», как вслед за Е.Н. Федотовой утверждает автор (с. 188). В 1943–44 и 1944–46 ак. гг. в весенних семестрах он читал курсы по истории православия в Общей богословской семинарии Нью-Йорка, а в 1947–48 ак. г. в течение года преподавал аналогичный курс в Юнионистской семинарии Колумбийского университета, замещая уехавшего в командировку в Европу известного протестантского теолога П. Тиллиха¹⁹, с которым познакомился еще в Париже. Но об этом можно узнать, лишь обратившись к архивам этих учебных заведений.

Обращение к архиву другого учебного заведения, где преподавал Г.П. Федотов, Свято-Владимирской духовной семинарии²⁰

---

¹⁸ Letters of G.P. Fedotov to his wife. 1941 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York (далее – BAR). Ms. Coll. Fedotov. Box 2.

¹⁹ Union Presidential Records: Fedotov, Dr. George P. // Burke Library Archives (Columbia University Libraries) at Union Theological Seminary, New York. Box 25.

²⁰ Archives of the Orthodox Church in America (AOCA). XI. Records Relating to Church Institutions. 1938 – present. U Box 1&2: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1956.

позволило бы избежать ошибки при указании года начала работы в ней историка: его имя впервые встречается в протоколах заседаний педагогического совета и расписании занятий только осенью 1944 г., а не 1943 г., как утверждает автор, не указывая источника информации (с. 188). Внимательное знакомство с документами семинарии дало бы возможность охарактеризовать все предметы, которые вел в ней Георгий Петрович (обычно это было 3–4 предмета в учебном году, а с 1948–49 ак. г. к русскоязычным курсам прибавился курс на английском языке «Russian religious mind»), что представляется необходимым при всесторонней характеристике педагогической деятельности историка. Не менее значимым являлось участие Г.П. Федотова в преобразовании духовной семинарии (среднего учебного заведения) в академию (высшее учебное заведение), с проектом-предложением которого он выступил на Всеамериканском православном соборе в Кливленде 28 ноября 1946 г.²¹, а затем активно участвовал в подготовке устава академии и организационных мероприятиях по утверждению учебного заведения в новом статусе, что и произошло в 1948 г. Правда, об этом читатель из книги А.А. Галямичевой не узнает. Но зато он узнает, что В.В. Зеньковский преподавал в Свято-Владимирской семинарии, хотя его имени не было среди тех, кого рекомендовал пригласить в Нью-Йорк Г.П. Федотов, как и в списках преподавателей этого учебного заведения.

Среди вновь обретенных друзей в США автор называет М.М. Карповича, Р.О. Якобсона и Г.В. Вернадского (с. 190). Хотя с первым, как свидетельствует их переписка, хранящаяся в Бахметевском архиве, историк познакомился еще до Второй мировой войны в Париже, а с последним впервые встретился в октябре 1913 г. Зато в книге нет ни одного упоминания о Ю.П. Иваске и его жене, М.М. Корякове и многих других ДР («перемещенных лицах»), с которыми поддерживал отношения и переписывался Георгий Петрович, а кому-то из них помог перебраться в США, о чем свидетельствуют письма к нему, а порой и переписка, сохра-

---

²¹ Доклад Профессора Г.П. Федотова по вопросу об открытии в Америке Русской Православной Академии // Протоколы 7-го Всеамериканского церковного собора, состоявшегося в Свято-Феодосиевском соборе г. Кливленд штата Огайо ноября 26-го, 27-го, 28-го и 29-го 1946 года. Б. м., б. г. С. 17–19.

нившаяся в различных архивах и библиотеках США. Все это заставляет усомниться в утверждении А.А. Галямичевой о том, что «в Америке Г.П. Федотов даже не стремился создать что-то, подобное кружку близких друзей-единомышленников» (с. 189). В письмах жене можно встретить прямо противоположное: «С приездами новых профессоров в православном Нью-Йорке оживление в том роде, который тебе особенно противен. Устраиваем религиозно-философский кружок, думаем о журнале». Или еще: «При желании, я мог бы составить кружок молодых друзей, живущих идейной жизнью. Правда, лучшие из них разъезжаются: Зоя в Кембридж, милые Елагины (скрипачи) на днях уезжают в Техас. Ивасков я сватаю тоже в Гарвард, надеюсь, с нового года. Но все они будут приезжать сюда на каникулы. А, м[ожет] б[ыть], найду и еще кого-нибудь. Всегда остаются милые Чириковы (целый клан). К Терентьевым я давно остыл (но не они ко мне). Болотовские (женская половина) меня любят и предлагают кормить диетическими завтраками» или «...подбирается кружок культурных людей, с которыми можно говорить (т. е. делать) о христианском гуманизме (т. е. между прочим о том, как жить без лагерей). Тут и молодой философ Левицкий, ученик Лосского, и поэтесса, неплохая, Кроткова, и твой старый друг Брайловский, вернувшийся из Калифорнии. Зоя Мик[уловская] приедет на праздники, но я и в Гарварде слежу за ее работой и помогаю ей и книгами и советами». К этому можно добавить и аналогичные характеристики взаимоотношений с представителями нового поколения эмиграции в письмах жене от 8 марта 1948 г., 6 октября 1949 г., 20 декабря 1949 г.²² Все эти люди оказались в конечном счете ближе Г.П. Федотову, чем его жена, что не могло не вызвать ее ревность, не позволившую упомянуть ни о ком из них в воспоминаниях. В целом, представленный в книге А.А. Галямичевой панегирик заботливой Елене Николаевне, бравшей «на себя многие мужские обязанности» и дававшей «тем самым мужу возможность сосредоточиться на осуществлении своих многообразных творческих планов» (с. 232), может вызвать у того, кто знаком с перепиской супругов, лишь грустную улыбку. Увы, она не была приспособлена к тому, чтобы

---

²² Letters of G.P. Fedotov to his wife. 1949 // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2.

постоянно работать или вести домашнее хозяйство, едва ли могла прокормить себя, не говоря уже о заботе о муже, а в Париже, куда вновь перебралась после того, как не нашла свое место в Америке, жила на квартирах знакомых на деньги и благодаря посылкам, которые присылал Георгий Петрович.

А.А. Галямичева совершенно справедливо называет главными научными достижениями Г.П. Федотова в этот период его жизни подготовку и написание книг «Treasure of Russian Spirituality» и «Russian Religious Mind». Правда, у незнакомого с первым из упомянутых изданий читателя может сложиться превратное представление, что это в основе своей исследовательская работа, которую следует перевести на русский язык (с. 191). Однако, Георгий Петрович не раз называл ее в письмах родным и знакомым «хрестоматией» или «антологией», в которой лишь вводные статьи (объемом в полторы-две странички каждая) к переводам русских религиозных сочинений были написаны им. Это, конечно, не умаляет значения его работы, в том числе переводческой, так как ему пришлось редактировать не всегда удачные переводы своих коллег по этому проекту. Но понятно, что делать обратный перевод житийных и других текстов хрестоматии совершенно бессмысленно.

При характеристике главной книги жизни Г.П. Федотова автору, увы, не хватает ни историографических знаний, ни понимания контекста создания этой работы. Она была окончательным разрывом с «парижским богословием», о чем он упоминал в ряде писем жене, Н.М. Зернову, о. Игорю (Вернику) и другим корреспондентам.

Понятно, что собственное понимание Г.П. Федотовым особенностей восприятия христианства в древней Руси не может быть представлено не всегда адекватным пересказом его положений и обширным цитированием, к которому прибегает А.А. Галямичева. Здесь, как и в случае с его исследовательскими работами «парижского периода», необходимо четко определять против кого были заострены его положения и выводы. О том, что она не достаточно хорошо разбирается в данной проблематике, свидетельствует отсутствие в данной части ее книги упоминания не только о «кено-тизме», но и о критическом отношении Г.П. Федотова к «визан-

тинизму», т. е. о тех главных понятиях, которые составляют стержень его исследования.

Обращаясь к публицистике Г.П. Федотова «американского периода», А.А. Галямичева вновь заявляет о своем приоритете в этой исследовательской области, хотя она уже давно и более адекватно охарактеризована О.Д. Волгогоновой. В рецензируемой книге на основе рассмотрения четырех статей, которые используются скорее не для анализа, а для утверждения собственной национально-патриотической позиции (что, в общем-то, противоречит заявленному в начале книги принципу объективности), делается весьма странный вывод: «Возможно, семейные проблемы в какой-то мере повлияли на эмоциональную окраску статей, написанных в разгар мировой войны. Они наполнены чувством раздражения и безысходности» (с. 231). Сообщу, к сведению, что в это время, после лета 1942 г., которое, по словам Георгия Петровича, «было очень счастливо для меня», он жил вместе с семьей в Нью-Хейвене, а первые нотки тревоги, но не безысходности, появились в письмах 1946 г., когда у него начали проявляться признаки сердечной недостаточности. Но не это главное. Удивительно то, что автор опять оказывается не в состоянии верно оценить источники, на этот раз – опубликованные полностью, упуская наиболее значимые из них: статью «Россия и свобода», переведенную на английский и немецкий языки, так как она могла заинтересовать международное общественное мнение, «Судьба империй», вызвавшую критику и справа и слева, но более значимую не своим политическим содержанием, а предвосхищением конструктивисткой концепции национализма, ставшей популярной в конце XX в., наконец, «Христианская трагедия» и «Республика Святой Софии». Первая из этих статей, по словам самого Георгия Петровича, «по материалу мне кажется важнее всего, что писал прежде», хотя «читатели находят [ее] очень трудной»²³, последняя – стала своеобразным духовным завещанием, напоминающим потомкам, что в русской христианской традиции был республиканско-теократический извод, связанный с Новгородом Великим. Ни

---

²³ Letters of G.P. Fedotov to his wife. 1950 (July, 10&19) // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2.

словом А.А. Галямичева не обмолвилась о статьях Г.П. Федотова на английском языке.

Не в главе упоминаний и о разногласиях Г.П. Федотова с его другом и единомышленником в «парижский период» его жизни Н.А. Бердяевым, совершенно иначе, оптимистично воспринявшим миссию Красной армии в Европе на завершающем этапе Второй мировой войны. Поэтому понятно, что она не могла заметить никаких следов общественно-политической деятельности Георгия Петровича в США. Хотя по своему значению и последствиям таковая была несомненно его участия в парижских литературных кружках. Письмо «пяти профессоров», составленное при активном участии Г.П. Федотова, не только было осуждено «малым собором епископов» Североамериканской митрополии, но и оказало влияние на решение VII Всеамериканского церковного собора, признавшего духовное главенство патриарха Московского при условиях сохранения полной автономии Североамериканской митрополии и заявившего о выходе ее из административного подчинения Архиерейскому Синоду РПЦ²⁴. Если в этом соборе Г.П. Федотов не имел «права голоса», то в следующем, выбиравшем нового митрополита после смерти Феофила (Пашковского), он был уже полноправным участником. Добавлю, что с марта 1949 г. он участвовал в деятельности «Лиги борьбы за народную свободу», выступая на организуемых ею митингах и на страницах «Бюллетеня Лиги». В целом заключительная глава книги свидетельствует, что автор, как писали в старые, добрые времена, «не владеет предметом исследования».

Завершая обзор книги, следует ответить на поставленный в начале его вопрос: стоит ли публиковать кандидатские диссертации? Думается, что ответ должен быть положительным, ибо никакие запреты по формальным признакам не смогут поставить реальные препятствия для недоброкачественной научной продукции. Но положительный ответ отнюдь не предполагает, что отношение к такого рода произведениям должно быть терпимым, а рецензии на них ожидаемо снисходительными и комплиментар-

---

²⁴ См.: Курков Н.В. Всеамериканский православный церковный собор 1946 года и «Записка пяти профсоюзов» // Американский ежегодник, 1999. М., 2001. С. 252–267. «Записка пяти профессоров» переиздана в приложении к статье.

ными. Заявляющие о своих достижениях начинающие исследователи или исследовательница должны понимать, что их представление публике предполагает ответственность перед научным сообществом и быть готовыми к нелицеприятной критике, если результаты их труда этого заслужат. Кроме того хочется отметить ответственность тех, кто является его/ее наставниками и старшими товарищами, к обязанностям которых относится не только поощрение похвалой и назидание доброжелательной критикой, но и предупреждение от поспешных и необдуманных шагов. У книги А.А. Галямичевой, как и положено, есть научный консультант и два рецензента. Увы, ни один из этих, несомненно, заслуженных и высокотитулованных ученых не опубликовал ни одной работы не только о Г.П. Федотове, но даже – о российской пореволюционной эмиграции, но при этом они с готовностью выступили в качестве экспертов по данной проблематике.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ И ПРОЦЕССЫ
В ЗЕРКАЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЙ**

Т.Ф. Литвинова

**Инструментальные возможности историографии
в изучении социальной истории Украины
первой половины XIX в.**

Поднимается вопрос о методологическом потенциале проблемной историографии в конкретно-историческом исследовании. На примере изучения социальной истории Российской империи и Украины первой половины XIX в. под углом зрения понятия «крестьянский вопрос» показаны возможности построения аналитической модели исследования. Обращается внимание на терминологическую размытость основного концепта, детерминированность историографии проблемы Крестьянской реформой 1861 г. Формирование историографического образа «крестьянского вопроса» было также обусловлено обострением интереса к нему в моменты исторических переломов и социальных потрясений, его непрерывной актуальностью для пространства Восточной Европы вплоть до нашего времени. Представлены особенности и познавательные перспективы применения историко-историографического, библиографического подходов, теории историографического образа для решения задач изучения социальной и интеллектуальной истории.

Ключевые слова: проблемная историография, историографический образ, библиографический метод, крестьянский вопрос, социальная история, крепостное право, Российская империя, Украина.

T.F. Litvinova

**Instrumental opportunities historiography
in the study of social history of Ukraine
the first half of the XIX c.**

The article raises the question about methodological potential of problem historiography in research of concrete history. Using the example of the research of social history of the Russian empire and

Ukraine in the second half of XIX century from the standpoint of the «peasant question», the author shows how the analytical model of the research can be built. The author stresses that the basic concept is extremely diffusive, and the historiography of the problem was determined by the Peasant reform of 1861. The historiographical image of the «peasant question» was also seriously influenced by the periods of special interest in it in times of historical turning points and social crises, and also by its continued topicality for societies of Eastern Europe till now. The peculiarities and cognitive perspectives of the use of historical-historiographical and bibliographical approaches, and the theory of historiographical image in studies of social and intellectual history, are shown.

Key words: problem historiography, historiographical image, bibliographical method, «peasant question», social history, serfdom, the Russian empire, Ukraine.

Ни для кого не секрет, что историографии принадлежит определенное место и в конкретно-исторических штудиях. Причем ее роль заметно повышается, когда речь идет об изучении сложных, многослойных тем, не имеющих цельной, непрерывной историографической традиции. В таком случае историк оказывается перед проблемой поиска оптимальных путей исследования, а историография при этом не просто играет демонстрационную, орнаментальную или синтезирующую роль, а прежде всего выполняет важную методологическую функцию. К таким вполне можно отнести и заявленный в данном случае сюжет, оптимальный путь знакомства с которым удалось определить именно с помощью различных историографических приемов.

Наверное, трудно спорить с тем, что для изучения, как ни странно, мало освоенной социальной истории Украины первой половины XIX в. одним из ключевых понятий, позволяющих наиболее ёмко отразить основное содержание эпохи, может служить концепт «крестьянский вопрос». Проблематизируясь, он также может выступать в качестве инструмента исторического анализа. Попутно замечу, что важность приема маркировки эпохи с помощью ключевого понятия, изучение ключевых понятий, концептов, определенного набора идей, которые доминируют в интеллектуальной жизни целого поколения, ряда поколений или даже исторической эпохи и воспринимаются как ее репрезентанты,

не только подчеркивается в научной литературе. Такой подход вполне успешно реализуется¹.

Употребление этого словосочетания в современном исследовательском поле не является результатом самостоятельных выводов, наблюдений историка над известным кругом источников, а лишь результатом принадлежности к определенной историографической традиции, или определенному дискурсу, или субдискурсу. В таком случае подобные термины уже наполнены понятийным содержанием и выполняют роль методологической функции. Однако, несмотря на широкое употребление в литературе, необходимо отметить, во-первых, определенную размытость этого понятия, во-вторых, – хронологическое совпадение процесса формирования «крестьянского вопроса» в Российской империи и рефлексии по этому поводу. Поскольку же в эпоху Просвещения все проблемы начинали решать в научно ориентированном стиле, и реформаторы, и противники реформ действовали и мыслили под эгидой науки. Одним из проявлений этого были различные записки, которые, во-первых, «работали» на обсуждение и решение конкретных задач, во-вторых, – становились составляющими элементами историографического процесса изучения «крестьянского вопроса». То есть, они были и частью реформ, и уже их историографией. В этом их полифункциональность, необходимость учета которой не вызывает сомнений.

На ключевых этапах истории России и Украины, этапах обострения социальной проблематики (подготовка реформы 1861 г., революция 1905 г., другие социальные сдвиги) крестьянский вопрос бытовал в разных терминологических упаковках – «аграрный вопрос», «аграрно-крестьянский вопрос», «крестьянская проблема», «земельный вопрос». Его обсуждение, особенно в дореформенную эпоху, приобретало политическую, публицистическую актуальность, что во многом определяло и интенсивность, и направленность его как научной проблемы. Все это затрудняет для исследователей создание аналитической структуры крестьянского вопроса в качестве рабочей гипотезы, построение которой ста-

---

¹ Селунская Н.А. Интеллектуальная история, история концептов, итальянистика // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 22. С. 16–33.

новится возможным только на основе историографического анализа. При этом смысл историографических экскурсов заключается не столько в поисках лакун, которые доказывают необходимость, право на изучение тех или иных сюжетов, сколько в получении в результате анализа «сплава» информации, оценок, подходов, которые представляются ценностными, даже в работах с явным идеологическим окрасом.

Анализ становления и развития крестьянского вопроса как исследовательской проблемы требует привлечения достаточно значительного количества литературы, поскольку расположение его не только в научных, но и в жизненных пространствах Российской империи настолько уникально, что, пожалуй, не имеет аналогов. Ведь и проблемы общественного мнения, и тайных обществ, и экономики, и военного дела, и реформирования государства, и многие другие тесно связаны с вопросом, который задевал абсолютное большинство населения безотносительно социального, сословного, этнического происхождения. Это не может не повлиять на формирование информационной, в том числе историографической, основы исследования.

Решение историографических задач осложняется и неразрывностью крестьянского и дворянского вопросов. Соединение их не случайно. Еще в период активного обсуждения и попыток решения крестьянского вопроса, в середине XIX в., такое единство хорошо осознавалось, что подтверждается и источниками. В частности, активный деятель реформы 1861 г. Г.П. Галаган воспринимал проблему не иначе как «вопрос крестьянско-помещичий»². П.И. Капнист, пытаясь определить «главные предметы», которые обсуждались в прессе в 1862 г., в своем обзоре в первую очередь выделил «крестьянский» и «дворянский вопрос»³. Анализируя публицистику 60–70-х гг. XIX в., В.Г. Чернуха вторым по значению для тогдашнего общества ставила «дворянский вопрос», обсуждение которого началось еще накануне 1861 г., преимущест-

---

² Институт рукописи Национальной Библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. III. № 11092. Л. 2 об.

³ *Капнист П.И.* Краткое обозрение направления периодических изданий и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам за 1862 г. СПб., 1862.

венно как части проблемы эмансипации. Приобретая в пореформенный период самостоятельное значение, он оставался органично связанным как с крестьянской, так и с аграрной проблемой в целом, а также с проблемой сословий⁴. Свидетельством осознания единства этих вопросов может быть и целый ряд работ конца XIX–XX вв. Очевидно это и для современных историков. «Можно сказать, что крестьянский вопрос и дворянство – это две стороны одной медали», – отметила Р.А. Киреева, подчеркивая тесную связь и переплетение исторических судеб двух ведущих сословий аграрного общества⁵. Итак, изучать их можно только понимая, что «их прошлое, стоя в тесной связи, представляет одну общую картину. Их нельзя разделить. Они тогда только обрисуются рельефно на тусклом фоне своего прошедшего, когда будут стоять рука об руку»⁶.

Смысловая и терминологическая неопределенность требует также более четкого понимания содержательного наполнения понятия «крестьянский вопрос», что невозможно без глубокой историографической проработки и применения ряда приемов.

Знакомство с энциклопедиями, которые хотя и упрощенно, но рафинировано отражают свойственные эпохам представления о фактах, явлениях, людях, показало удивительную на первый взгляд ситуацию: ключевой вопрос общественной жизни второй половины XVIII–XIX вв. оказывается настолько размытым, аморфным, что создается впечатление о непонимании его генезиса и структуры. И первое впечатление оказывается не совсем адекватным. Оно связано в значительной степени со сложностью, многогранностью самого понятия, различными трактовками и подходами к освещению и вписыванию крестьянского вопроса в смысловые и дисциплинарные контексты. В частности, в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона достаточно места для «крестьянского вопроса» нашлось в статье «Крестья-

---

⁴ Чернуха В.Г. Проблемы внутренней политики в русской публицистике 60–70-х гг. XIX в. // *Общественная мысль в России XIX в.* Л., 1986. С. 136.

⁵ Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004. С. 379.

⁶ В – цкий Н. Очерки дореформенного быта в Полтавском побережье // *Киевская старина.* 1896. Июль-август. С. 124.

не»⁷. Подобный материал в других энциклопедиях размещен в статьях «Аграрный вопрос»⁸. В указателе С.Л. Авалиани, кроме рубрик «История крепостного права», «Крестьянское право и крестьянские учреждения», «Община и общинное землевладение», отдельно выделены «Аграрный и крестьянский вопрос»⁹. Формулировка понятия в одном предложении в статье «Крестьянский вопрос» в «Большой советской энциклопедии» подана с отсылкой к более обширной – «Аграрный вопрос»¹⁰.

Показателен в этом плане и один из первых историографических, скорее библиографических, очерков, которым начинается монография В.И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Интересно, что после замечания об отсутствии отдельной работы по истории крестьянского вопроса, ученый среди своих предшественников сначала назвал А.В. Романовича-Славатинского и его монографию «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права», поскольку тот одним из первых соединил дворянскую и крестьянскую проблему. Без претензий на целостный обзор почти столетней дискуссии по крестьянскому вопросу, в специальном подразделе «Историческое развитие идеи освобождения крепостных крестьян путем борьбы аболиционистов и крепостников» на «скудном материале» здесь был начертан его силуэт¹¹. Достойными внимания В.И. Семевский считал также исследования А.И. Ходнева о Вольном Экономическом Обществе, работу И.И. Иваню-

---

⁷ Крестьяне // Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. XVI. Коялович-Кулон. С. 659–725.

⁸ Кузнецов Б.П., Котовский Г.Г., Луцкий Е.А. Аграрный вопрос // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 171–194; Долбилов М.Д. Аграрный вопрос // Общественная мысль России XVIII – начала XX вв. Энциклопедия. М., 2005. С. 11–15.

⁹ Авалиани С.Л. Библиографический указатель литературы по истории крепостного права, крестьянскому и аграрному вопросу, переселенческому делу и землеустройству // Известия Одесского библиографического общества. 1913. Т. 2. Вып. 5. С. 230–240; 1914. Т. 3. Вып. 3. С. 162–182.

¹⁰ Крестьянский вопрос // Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. Конда-Кун. С. 406; Аграрный вопрос // Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 1. А-Антовы. С. 193–197.

¹¹ Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 369–398.

кова «Падение крепостного права в России», его же труд о графе М.С. Мордвинове, большое исследование А.П. Заблоцкого-Десятовского о графе П.Д. Киселеве и др.

Уже этот перечень наглядно демонстрирует широту тематического спектра, необходимого при освещении крестьянского вопроса, который, кстати, самим историком определялся не так уж и широко: «вопрос об ограничении и уничтожении крепостного состояния в собственном смысле этого слова». Это предполагало говорить в первую очередь «лишь об изменении быта помещичьих крепостных крестьян»¹², что вызвало возражения В.И. Ключевского. В рецензии на эту монографию-диссертацию он отмечал, что под крестьянским вопросом или «крепостным вопросом», нужно понимать «всю совокупность затруднений, какие создавались крепостным правом». Этот вопрос, по мнению ученого, был сложным узлом, сплетенным из многих частных вопросов – политических, юридических и экономических, а именно: «об ответственности владельцев перед государством за крепостные души, о границах его прав на личность и труд крепостного, о поземельном обеспечении крепостных крестьян, о добровольном законодательном регулировании взаимных отношений обеих сторон и т. д.». К тому же «каждый из этих вопросов вызывался соответствующими затруднениями в крепостном владении, и каждый имел свою историю»¹³. Еще шире ставил проблему Н.И. Кареев, для которого «крестьянский вопрос – вопрос о крестьянском сословии»¹⁴. Значительное сюжетное разнообразие видим и в многотомном издании к 50-летию юбилею Великой реформы¹⁵. Показательно, что и современные исследователи обнаруживают отсутствие «бесспорности» и «разногласию противоположных мнений» в трактовках крестьянского вопроса не только у современников аграр-

---

¹² *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. III–LIII.

¹³ *Ключевский В.О.* Отзыв об исследовании В.И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.» // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 272–273.

¹⁴ *Кареев Н.И.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. Историческая диссертация. М., 1879. С. 218.

¹⁵ Великая реформа 19 февраля 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 1–6.

ных реформ в России, но и у «многочисленных поколений историков» при этом, помещая в заглавие «крестьянский вопрос», а в тексте оперируя только понятием «аграрный вопрос»¹⁶.

Итак, даже беглый взгляд на трактовку крестьянского вопроса позволяет предварительно выявить, во-первых, широкое присутствие в нем «дворянской составляющей», во-вторых, фактическое отождествление с такими понятиями, как «аграрный вопрос», «крепостное право», «крепостное вопрос», «положение крестьян», «крестьянство», «крестьянская проблема», «крестьянское дело», «аграрно-крестьянский вопрос», «крестьянско-аграрный вопрос», «история крестьянства». Это не упрощает решение историографических задач, поскольку круг литературы, касающейся основной проблемы необходимо расширять за счет исследований по истории крестьянства, дворянства, реформы 1861 г., социально-экономической, общественно-политической истории и в общероссийском, и в украинском измерениях, с акцентом на истории Украины преимущественно дореформенной поры.

Терминологическая множественность, употребление понятий в качестве синонимов, нечеткость их содержательного насыщения осложняют и определение отправной точки историографического анализа. В исторической литературе в этом отношении также нет единодушия. Предполагаю, что разногласия проявляются не только в связи с отличием конкретно содержательного определения крестьянского вопроса, но и из-за разницы идейных, методологических позиций авторов. Но поскольку специфика историографического обзора данной темы видится не только, даже не столько в отслеживании движения исторической мысли, но и в попытке представить историографический образ(ы) крестьянского вопроса (хотя бы в его идеологической ипостаси) для построения собственной аналитической модели, важно в первую очередь не углубление в тонкости историографического процесса, не стремление «пробираться сквозь заросли интерпретаций»¹⁷, а выделение ценностной информации, которая так или иначе отражает процесс

---

¹⁶ Христофоров И. Момент истины? Первая российская революция и крестьянский вопрос // Российская история. 2016. № 4. С. 91.

¹⁷ Філіпович М. Смертельна загроза чи нові перспективи? (Про постмодернізм в історіографії) // Український гуманітарний огляд. 2008. Вип. 13. С. 13.

постановки и обсуждения ключевых проблем дворянством Украины. В качестве своеобразных маркеров при этом могут выступать, во-первых, уровень интенсивности изучения крестьянского вопроса, во-вторых, – доминанты изучения. Внимание же преимущественно направляется на момент его постановки, восприятия научной мыслью, т. е., на выявление эмпирической базы, фиксацию традиций исследования и их трансляцию, на маргинальные моменты, но имевшие нереализованный эвристический потенциал.

Довольно эффективным для решения таких задач может оказаться такой прием, как реконструкция историографических образов. Он был апробирован мной еще в кандидатской диссертации (правда это вызвало нарекания одного из моих оппонентов, который позже и сам начал успешно его применять). И если тогда приходилось говорить о неразработанности теории историографического образа, то сейчас не стоит долго останавливаться на его содержательном наполнении, поскольку как на теоретическом, так и на прикладном уровне этот подход успешно применяется¹⁸. Скажу лишь, что помимо чисто информационных (выявление кто, когда, что, как и почему сказал, например, о дворянстве или крестьянстве Украины), такой подход позволяет решать и задачи более адекватного восприятия хода развития общественной мысли и места в этом потоке представителей того же дворянства.

С какого бы момента не начинать историографию темы, очевидным оказывается хронологическое совпадение процесса формирования крестьянского вопроса в России и рефлексии по этому поводу. Если рассуждать в категориях историографического образа, можно сказать, что прижизненный, мемориальный и научно-критический периоды в данном случае почти совпадают. Научное изучение проблемы испытывало «живой нерв» обсуждения, что в свою очередь не могло происходить без учета ее научной проработки. Итак, как бы ни строилась периодизация историографиче-

---

¹⁸ Болдирь С.П., Чернов Е.А. Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания // Українська історична наука на порозі ХХІ століття: Харківський історіографічний збірник. Х., 1997. Вип. 2. С. 91–102; Посохов С. Образ // Історіографічний словник. Х., 2004. С. 179–182; *Он же*. Образи університетів Російської імперії другої половини ХІХ–початку ХХ століття в публіцистиці та історіографії. Х., 2006.

ского процесса, первые его этапы будут относиться преимущественно к вненаучному дискурсу. При этом критерием научности может выступать не столько уровень рефлексии, сколько ее цель и смысл. И тут исследователя подстерегают «подводные течения», особенно относительно этапов обострения социальной проблематики, поскольку, как уже отмечалось, часто именно политическая, публицистическая актуальность определяла интенсивность и направленность изучения крестьянского вопроса как научной проблемы.

Это связано также со спецификой самого крестьянского вопроса. Он не требует искусственной общественной легитимации. В отличие от других сюжетов, будь то, например, причины и характер войны под предводительством Б. Хмельницкого, история казачества, бой под Бородино или что-то другое, крестьянский вопрос никак не может отойти в прошлое, на него всегда смотрели и смотрят как на актуальный вопрос современности, независимо от того, с какой точки осуществляется обзор. Поэтому этот «вечно живой» (во всяком случае для восточноевропейского пространства) вопрос относится к таким, которые способны превращать исследователя из простого наблюдателя в следователя или исторического судью, от чего предостерегал еще В.О. Ключевский, говоря об опасностях изучения «близкой» истории, в явлениях которой невольно отыскивается собственная биография¹⁹. Не удержусь тут от довольно обширной цитаты из черновых материалов к «Курсу русской истории» об особенностях изучения периода, который «совпадает с началом живых поколений», т. е. первой половиной XIX в., не только потому, что это может быть ключом к пониманию особенностей историографического освоения крестьянского вопроса в наиболее активный период его формулирования, но и учитывая актуальность этих соображений для современных историков: «Этим изменяется отношение к нему (дореформенному периоду. – *Т.Л.*) изучающего. В его явлениях невольно ищешь своей биографии, следишь за зарождением общих условий своего личного существования. Здесь источник нового интереса, усиленного стимула для мышления, но и источник

---

¹⁹ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 363.

нового искушения для мысли. Начинаешь чувствовать себя близким или отдаленным участником наблюдаемых явлений, если не их деятелем, то их жертвой. Этот психологический момент, приводящий в процесс изучения, усиливая его энергию, вместе с тем создает для него и некоторую научную опасность, особенно в суждениях об исторических лицах»²⁰.

Но каким бы «близким» ни казалось прошлое, взгляд на любую тему связан с элементами исторической ретроспекции. Однако, в данном случае следует говорить об усложненном ее варианте. Речь идет не только о привычном, так сказать, естественном уровне ретроспекции, но и о том, что именно реформа 19 февраля 1861 г. определила ее судьбу. Отношение современников к этому событию как к эпохальному не могло не отразиться на «мемориальной» фазе и на дальнейшей историографической традиции. Мысли, подобные высказанным И.С. Аксаковым: «19-м февраля 1861 года начинается новое летоисчисление русской истории», звучали довольно часто как непосредственно после реформы, так и у первых ее историков. Например, в редакционном предисловии к юбилейному изданию «Великая реформа» ее авторы, известные ученые рубежа XIX–XX вв. А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов и В.И. Пичета писали: «У англичанина был 1642 год, у француза 1789, у немца 1848, у итальянца 1859. У русского не оказалось ничего, кроме 1861»²¹. Неслучайно в советской историографии новый формационный этап начинался именно с 1861 г. М.Н. Покровский писал о «легенде 19 февраля», которая начала складываться даже не с самого дня реформы, а раньше. Она была «...на пути превращения феодальной России в централизованную монархию ...последним и самым важным этапом»²². Такое восприятие события не может не влиять на исходные методологические позиции исследователя историографии тем подобного рода, поскольку все, что связано с Великой реформой, становится доминантой в изучении крестьянского вопроса в любых его аспектах.

---

²⁰ См.: *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 363.

²¹ *Дживилегов А.К., Мельгунов С.П., Пичета В.И.* От редакции // Великая реформа. Т. 1. С. III.

²² *Покровский М.Н.* Крестьянская реформа. [X.], 1926. С. 149.

Размышляя над проблемой систематизации и периодизации историографической основы темы и учитывая ангажированность исторической науки социальной, общественной проблематикой в разное время, в данном случае наиболее уместным для анализа представляется применение экстерналистских схем, поскольку именно «внешняя», политическая ситуация детерминировала проблему, особенно в XX в., особенно в нашем интеллектуальном пространстве. Сравнивая французскую и русскую историческую науку XX в. и отмечая в качестве главного отличия последней невозможность сохранения историографической преемственности, А.Я. Гуревич объяснял это в первую очередь именно вненаучными факторами: «Приходится констатировать ряд жесточайших потрясений, спровоцированных не столько внутренним развитием науки, сколько вмешательством в судьбы историков и исторического знания сил внешних и враждебных»²³. Подобных наблюдений над ситуацией в отечественной исторической науке в недавней историографии можно встретить довольно много.

Подкрепляют убеждение двигаться именно таким путем и работы мексиканского историографа Карлоса Антонио Агирре Рохаса, который, анализируя историографический процесс XX в., выделил четыре стадии развития современной исторической науки, очерчивая каждую «внешними факторами»²⁴. Это позволяет использовать априорную относительно историографического процесса периодизацию, попутно в очередной раз обостряя и одну из болевых проблем теории историографического процесса – взаимодействия экстерналистских и интерналистских факторов.

Предлагая «внешнюю» схему для историографического анализа, необходимо одновременно учитывать и рассуждения, подобные высказанным, например, Аленом Герро, которые могут быть своего рода методологическим ориентиром: «Если социальный контекст действительно играет важную роль в мыслительном про-

---

²³ Гуревич А.Я. Позиция вненаходимости // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 126.

²⁴ Агирре Рохас К.А. Западная историография XX века в свете концепции *Longue durée* // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2002. № 9. С. 13–14; *Он же*. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. С. 35–68.

цессе, на котором основывается научное знание любого общества, то эта роль меняется вместе с идеологической конъюнктурой. В одних случаях создаются условия, тормозящие или искажающие интеллектуальную деятельность, в других – наоборот, они благоприятствуют развитию гуманитарных наук и даже способствуют их значительному подъему. Эта связь определяет не все: область исторической мысли имеет и собственные полюса напряжения. Она сама во многом подобна социальной и социально-идеологической сфере и, будучи ее частью, сохраняет некоторую автономию организации; поэтому внешняя обусловленность исторической мысли сочетается с постоянной эволюцией ее собственной структуры»²⁵.

Однако априорные историографические схемы, то есть выделенные на основе «внешнего» фактора периоды, могут быть дополнены не только «образами истории», но и «образами историографии», то есть логики развития науки или логики дискурсов. Здесь стоит, однако, иметь в виду и «нечувствительность» историографии к социально-политическим процессам, и инерционность не только научной мысли, но и связанную с ней институциональную инерционность.

Учитывая сюжетно-тематическое разнообразие, логика исследования диктует необходимость первоочередного обращения к историко-историографическому материалу для выявления того, как в современном историографическом дискурсе освещаются узловые моменты историографии крестьянского вопроса, какие его аспекты являются ключевыми, а также для определения степени историографической проработки украинских сюжетов, в том числе и во избежание повторов. Систематизация здесь может осуществляться по жанровому принципу: специальные историографические работы по крестьянскому вопросу; обзоры, помещенные во введениях к монографиям, в специальных историографических разделах; историко-источниковедческие очерки; обобщающие историографии по социальной проблематике и истории общественной мысли, которые касаются необходимых для данной темы аспектов; очерки по истории исторической науки. При этом,

---

²⁵ Герро А. Фьеф, феодализм, феодализм. Социальный заказ и историческое мышление // Одиссей. Человек в истории. 2006. М., 2006. С. 77–78.

применяя метод случайной выборки, делая основной упор на наиболее поздние, на наиболее значимые историографические и библиографические обзоры, не стремясь к полноте охвата, не пытаясь выставить оценки, необходимо осознавать, что один и тот же историографический материал может быть интерпретирован исследователем, который самостоятельно работает в той или иной конкретной проблематике, даже под противоположным углом зрения.

Поскольку подавляющее большинство привлеченных историко-историографических обзоров принадлежит советским исследователям, которые аграрную историю рассматривали, во-первых, с точки зрения социально-экономических отношений в марксистско-ленинском понимании их сущности и, во-вторых, с точки зрения освободительного движения в России, возникает проблема анализа материала в соответствии с собственными исследовательскими потребностями. Убеждена, что социально-антропологически ориентированные историки могут в этом историографическом наследии найти новое содержание. Соответственно, историографические штудии позволяют отнестись к этим материалам не только как к источникам по историографии, но и как к таким, которые несут в себе значительный потенциал информации, еще не подверженной историографической обработке.

Учитывая различное отношение современных историков к советской историографии, хочу подчеркнуть, что она нуждается в перепрочтении. Нигилизм здесь не только нравственно, методологически некорректен, но и, выражаясь языком «научной экономики», не рентабелен в нашей «системе производства». Здесь должна состояться нормальная утилизация советского историографического наследия для того, чтобы не отвергнуть «вместе с ее мифами ее подлинные обретения»²⁶. Но дело не только в прагматизме и не в том, чтобы отдать дань прошлому. По сути, как бы кому не хотелось, советскую историческую науку невозможно отбросить потому, что это просто невозможно сделать. Она стала органикой историографического процесса.

Прагматический подход к решению проблемно-историографических задач диктует необходимость обращения к различным

---

²⁶ *Ястребицкая А.Л.* Историография и история культуры // *Одиссей. Человек в истории.* 1992. М., 1994. С. 71.

указателям. Конечно, добросовестный исследователь якобы не должен прибегать к «библиографическому методу», который обычно ограничивается фиксацией историографического факта, а потому используется как вспомогательный. Но в данном случае оказывается, что это не только экономия сил и энергии исследователя, но и эффективный содержательный метод, который позволяет, даже не углубляясь в тексты, в общем наметить образ крестьянского вопроса. Обнадеживающими тут могут быть замечания П.А. Зайончковского, который, анализируя аннотированный перечень российских библиографических изданий, отметил, что подобные указатели, помимо прочего, свидетельствуют также о степени изученности тех или иных проблем и вопросов²⁷.

Замечу, что при изучении особенностей социального взаимодействия в одном из украинских регионов в дореформенный период²⁸ именно указатель известного российского библиографа В.И. Межова²⁹ в значительной степени помог не только определиться с структурой крестьянского вопроса, но и лучше понять ход его дальнейшего историографического усвоения. Обосновывая возможность решения историографических задач библиографическим путем, необходимо обратить внимание на уникальность этого труда, выполненного не столько в жанре традиционной библиографии, сколько в жанре исторической аналитики. Библиограф здесь выступает не столько фиксатором, сколько тонким, чувствительным аналитиком избранной проблемы (темы), располагая позиции не столько по названиям, которые не всегда точно отражают содержание, сколько именно по содержанию, очень часто раскрывая его в аннотациях. При этом составитель не разделял библиографию, скажем, на научную и ненаучную, а шел за смыс-

---

²⁷ Зайончковский П.А. «История СССР. Аннотированный перечень русских библиографий, изданных до 1965 года» / сост.: М.Л. Борухина, Г.А. Главацких, Л.М. Маслова, С.М. Мейлер, В.В. Филагина. М., 1966. 427 с. // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 166.

²⁸ Литвинова Т.Ф. «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII – в першій половині XIX ст. (ідеологічний аспект). Дніпропетровськ, 2011. 732 с.

²⁹ Межов В.И. Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границею. 1764–1864. СПб., 1865. XIII, 422 с.

лом публикаций, несмотря на удаленность исследуемого от автора периода, на характер издания (публицистический, научный, художественный и т. д.), направляя свое внимание, прежде всего, на факт отражения крестьянского вопроса в головах образованной публики.

Систематизируя огромный материал и размышляя над различными подходами (хронологический, алфавитный, по месту публикации), В.И. Межов, на счастье, остановился на четвертом, разбив библиографию на тематические отделы и подотделы, каждый из которых был посвящен тому или иному «частному вопросу». Тем самым составитель не только облегчил труд исследователей и всех, кто захочет обратиться к этому изданию за справкой, к чему и стремился, а фактически безупречно выполнил работу по структурированию самого крестьянского вопроса, представив его не идеальную, а реальную модель. Поскольку в рамках отдельных структурных частей был задействован и хронологический принцип, каждая составляющая крестьянского вопроса таким образом представлялась «в историческом своем ходе и развитии»³⁰.

Весь библиографический массив был распределен по языковому принципу между двумя количественно неравнозначными отделениями – труды на русском и иностранных языках. Первое отделение состояло из девяти разделов, каждый из которых содержал рубрики и подрубрики, обозначенные большими и маленькими буквами. Уже их названия достаточно красноречиво показали восприятия крестьянского вопроса в широком и узком смысле понятия.

Показательно, что только седьмой раздел был определен как «Собственно крестьянский вопрос в России». Сюда попали различные официальные и «частные» материалы, которые непосредственно касались преддверия реформы 1861 г. и ее проведения, наделения земель, административного устройства освобожденных крестьян, их обязанностей, выкупных платежей, поземельного кредита, ипотеки, земских и сельских банков и т. п. Здесь же помещались статьи о положении мелкопоместных дворян, о дворянских выборах, мировых посредниках и о многих других дворянско-крестьянских проблемах. Непосредственно с Великой рефор-

---

³⁰ *Межов В.И.* Крестьянский вопрос в России. С. VIII.

мой связан и восьмой раздел «Хроника крестьянского вопроса», где, наряду с сообщениями об объявлении царского манифеста в той или иной губернии и торжествах по этому поводу, поставлены статьи, заметки, письма, рассказы из мест о ходе дела, о реакции основных контрагентов и т. п.

Первые шесть разделов, не отнесенные к «собственно» крестьянскому вопросу, как раз и демонстрируют его во всей полноте, которая подкрепляется и численно. Большее количество позиций указателя – около двух тысяч – размещена именно в этих разделах. Здесь видим исследования по истории крепостного права в России, в том числе и дискуссии по поводу его начал, в частности, между Н.И. Костомаровым и М.П. Погодиным, по истории хозяйства и быта дворян и крестьян, публикации древних актов, документов, проектов относительно крепостного и поместного права. К первому историческому разделу также отнесены и персоналогические заметки, некрологи. Кроме этого специального раздела, исторические материалы включались в различные рубрики, посвященные отдельным аспектам крестьянского вопроса, что свидетельствует о глубоко историзированном отношении к проблеме, понимание ее неслучайности, органической укорененности в ткань народной жизни и о восприятии его общественным мнением. Включение в указатель работ по истории крестьянского вопроса в других странах Европы и рабства в Америке демонстрирует осознание универсальности проблемы, которая не была исключительно российской.

Выделив во второй раздел «Статистику крестьянского вопроса», В.И. Межов разместил здесь публикации, которые так или иначе относились к этому жанру. Списки помещиков, материалы ревизий, их обзоры и основанные на них исследования, труды демографического характера, в том числе и по отдельным регионам, к тому же сведения о количестве поместий, дворянства, крестьянства в целом и различных категорий крепостных в частности, о крестьянских повинностях, стоимости вольнонаемного труда, земледельческой продукции, задолженности помещиков перед государственными кредитными учреждениями, а также земледельческая и сельскохозяйственная статистика, обзоры и описания имений, статистические обзоры хода крестьянского дела, начиная с

ноября 1857 г., к тому же программы хозяйственно-статистических описаний, рецензии на статистические труды, в частности, А. Тройницкого, – все это не прошло мимо внимания библиографа.

Насколько актуальны в российском обществе были проблемы частного и общинного землевладения и землепользования, свободного и принудительного труда и их влияния на промышленность, торговлю, функционирования помещичьих имений, крестьянского, дворянского, фермерского хозяйства свидетельствуют сотни позиций четвертого («Вопрос о свободном (наемном) и обязательном (барщинном труде)») и пятого («О разных видах пользования и владения землею») разделов. Кроме материалов исторического характера, здесь представлен широкий спектр самых неожиданных на первый взгляд сюжетов в разной жанровой обработке – от крупных фундаментальных исследований до писем в редакции, коротких реплик в дискуссиях, которые особенно активно велись на страницах газет и журналов на рубеже 50–60-х гг. XIX в. в ходе обсуждения Крестьянской реформы. Кстати, в отдельном третьем разделе («Литература и библиография крестьянского вопроса, периодические издания по крестьянскому вопросу») были не только перечислены специальные периодические издания и содержащие отдельные рубрики для обсуждения крестьянского вопроса, но и фактически представлена библиография библиографии, то есть, указатели статей в различных журналах того времени, обзоры «мнений», литературы на эту тему в России и Польше и т. д. Надо сказать, что такого рода библиографические материалы присутствуют почти в каждой структурной части.

Наибольшим по объему из разделов, которые, по мнению В.И. Межова, прямо не относились к крестьянскому вопросу, оказался шестой – «Теоретические статьи по крестьянскому вопросу». Количество позиций – около 650, распределенных, как отметил составитель, по точкам зрения: богословская, философская, экономическая, социальная, государственная, бытовая, сельскохозяйственная, педагогическая, нравственная и другие, свидетельствует, с одной стороны, о чрезвычайном интересе к подобным проблемам, о широком контексте, в который включалось крестьянское дело, с другой – о достаточно глубокой, серьезной по тем временам проработке различных аспектов ключевого для России вопроса.

Интересно, что «крестьянский вопрос с точки зрения педагогической и нравственной», как заметил библиограф в предисловии, непосредственно к теме не относился. Но он считал необходимым поместить статьи, посвященные этим проблемам из-за того, что они отражали стремление общества к эмансипации крестьян от невежества, в котором они находились. Более того, материалы относительно народного воспитания, распространения письменности, сельских училищ, земледельческих и других профессиональных школ, медицинских знаний и медицинского образования, подготовки сельских учителей, роли женщины в народном образовании, языка обучения, например, в юго-западном крае, по истории различных образовательных учреждений, а также относительно состояния нравственности, искоренения пороков, в первую очередь пьянства, улучшения быта, гигиены и т. п. составляли половину позиций теоретического раздела.

Аннотации, иногда довольно пространные, к публикациям, особенно к тем, названия которых мало, о чем говорят, достаточно красноречиво демонстрируют многообразие мнений, представленных публично. Итак, трибуну получали как сторонники, так и противники эмансипации, как сторонники вольнонаемного, так и принудительного труда, как те, кто выступал за освобождение крестьян с землей, так и без нее, как обвинители народа (крестьян) в безнравственности, так и защитники его. Причем широкая презентация материалов дискуссий, иногда довольно ожесточенных, по разному поводу показывает включение в проблему «крестьянский вопрос» и славянофилов, и западников, и консерваторов, и либералов, и эмансипаторов, и крепостников, то есть, всего идейного спектра общественного мнения в равных объемах. А отдельный девятый раздел первого отделения «Крестьянский вопрос в поэзии и искусстве» еще и дополнительно демонстрировал художественно-творческую сторону отражения и осмысления крестьянского вопроса. И пусть здесь было всего около шестидесяти позиций, но сам факт фиксации таких источников как стихи, песни, гравюры, картины, рисунки с натуры, медальоны, медали, памятные знаки об освобождении крестьян, медали за труд в этом деле, особые знаки для должностных лиц из крестьян, знаки членам комиссии по крестьянским делам в Царстве Польском, мировым

посредникам с описанием их вида можно считать заявкой на тотальный охват этой проблемы.

«Украинские» материалы, то есть те, которые вышли из-под пера авторов из любого украинского региона или касались их, представлены в указателе десятками позиций. Но они специально не выделялись даже в первой главе, где отдельно были представлены публикации не только по зарубежью, но и по Прибалтике, Финляндии, Царству Польскому. Хотя здесь и были указаны статьи В. Юзефовича о хозяйственных отношениях в Правобережной Малороссии XVI в. (№ 75), Д. Мордовцева по истории крестьян юго-западной Руси того же времени (№ 72) и полемика Н. Костомарова с последним (№ 73, 74), историческое описание анонимного автора, скрывшегося за криптонимом Д.Т., быта помещичьих крестьян Подолии, Волыни, Украины до введения инвентарной реформы, которое было опубликовано в 1859 г. отдельной брошюрой (№ 71).

Такую ситуацию можно было бы и объяснять, но лучше, отступая от этой обширной работы В.И. Межова, обратить внимание на его небольшую библиографию, изданную без предисловия и каких-либо объяснений еще в 1861 г. в журнале «Основа». Здесь не указаны ни мотивы ее составления, ни принципы отбора позиций, поэтому трудно сказать, чем руководствовался и что стремился продемонстрировать читателям этого журнала составитель. Но без преувеличения эта «Библиография вопроса о улучшении быта помещичьих крестьян в Южнорусском крае с 1857–1860»³¹ может восприниматься не только как подготовка к будущим подобным изданиям этого автора, но и считаться первой, да фактически и последней попыткой таким образом представить наработки в изучении крестьянского вопроса на украинских землях. Хотя библиограф, скорее всего, был далек от украинофильских предпочтений, тем более представлений о соборности Украины, территориальное измерение темы в то время могло не только представлять интерес для издателей журнала, но и быть определенным ориентиром, поскольку записи указателя касались как всех украинских регионов Российской империи, так и Галичины, входившей в со-

---

³¹ *Межов В.И.* Библиография вопроса об улучшении быта помещичьих крестьян в Южнорусском крае с 1857–1860 // *Основа*. 1861. Март. С. 85–98.

став Австрии. К сожалению, эта работа еще молодого специалиста обойдена не только историками, но и библиографами. Почему-то не обращают на нее внимания и украинские историографы, хотя, по моему мнению, вместе с подобной работой 1858 г. также тогда еще молодого А. Лазаревского³², она засвидетельствовала начало дифференциации историографии по линии русская – украинская, хотя бы в ее «областническом» измерении.

Возвращаясь к большому труду В.И. Межова 1865 г., дополненному преимущественно газетным и журнальным материалом в указателе 1873 г.³³, нужно сказать, что перед нами не только наиболее полная на тот момент библиография по проблеме, но и историографическая «модель» крестьянского вопроса, своеобразная исследовательская программа, которая в таком масштабном и системном виде сих пор не реализована. Эта «программа» свидетельствует о глубоком понимании сложности, многослойности проблемы, что, к сожалению, теряется в дальнейшем. Это говорит о далеко не поступательном движении в освоении крестьянского вопроса, что лишний раз подтверждает нелинейность, прерывистость историографического процесса.

---

1. *Авалиани С.Л.* Библиографический указатель литературы по истории крепостного права, крестьянскому и аграрному вопросу, переселенческому делу и землеустройству // Известия Одесского библиографического общества. 1913. Т. 2. Вып. 5. С. 230–240; 1914. Т. 3. Вып. 3. С. 162–182.

2. *Агирре Рохас К.А.* Западная историография XX века в свете концепции *Longue durée* // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2002. № 9. С. 12–29.

3. *Агирре Рохас К.А.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008.

4. Аграрный вопрос // Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 1. А-Анто. С. 193–197.

---

³² *Лазаревский А.М.* Указатель источников для изучения Малороссийского края. СПб., 1858. Вып. 1.

³³ *Межов В.И.* Земский и крестьянский вопросы. Библиографический указатель книг и статей, вышедших по первому вопросу с самого начала введения в действие земских учреждений и ранее, по второму с 1865 г., вплоть до 1871 г. СПб., 1873.

5. *Болдирь С.П., Чернов Е.А.* Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания // Харківський історіографічний збірник. Х., 1997. Вип. 2: Українська історична наука на порозі ХХІ століття. С. 91–102.
6. *В – цкий Н.* Очерки дореформенного быта в Полтавском побережье // Киевская старина. 1896. Июль-август. С. 113–132.
7. Великая реформа 19 февраля 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 1–6.
8. *Герро А.* Фьеф, феодальность, феодализм. Социальный заказ и историческое мышление // Одиссей. Человек в истории. 2006. М., 2006. С. 77–113.
9. *Гуревич А.Я.* Позиция внаходимости // Одиссей. Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 122–130.
10. *Дживелегов А.К., Мельгунов С.П., Пичета В.И.* От редакции // Великая реформа 19 февраля 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 1. С. III–XVI.
11. *Долбилов М.Д.* Аграрный вопрос // Общественная мысль России XVIII–начала XX вв. Энциклопедия. М., 2005. С. 11–15.
12. *Зайончковский П.А.* «История СССР. Аннотированный перечень русских библиографий, изданных до 1965 года» / сост.: М.Л. Борухина, Г.А. Главацких, Л.М. Маслова, С.М. Мейлер, В.В. Филагина. М., 1966. 427 с. // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 164–166.
13. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. III. № 11092.
14. *Капнист П.И.* Краткое обозрение направления периодических изданий и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам за 1862 г. СПб., 1862.
15. *Кареев Н.И.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. Историческая диссертация. М., 1879.
16. *Киреева Р.А.* Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004.
17. *Ключевский В.О.* Отзыв об исследовании В.И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.» // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 271–276.
18. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 363.
19. Крестьяне // Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. XVI. Коялович-Кулон. С. 659–725.
20. Крестьянский вопрос // Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. Конда–Кун. С. 406.

21. *Кузнецов Б.П., Котовский Г.Г., Луцкий Е.А.* Аграрный вопрос // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 171–194.
22. *Лазаревский А.М.* Указатель источников для изучения Малороссийского края. СПб., 1858. Вып. 1.
23. *Литвинова Т.Ф.* «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII – в першій половині XIX ст. (ідеологічний аспект). Дніпропетровськ, 2011.
24. *Межов В.И.* Библиография вопроса об улучшении быта помещичьих крестьян в Южнорусском крае с 1857–1860 // Основа. 1861. Март. С. 85–98.
25. *Межов В.И.* Земский и крестьянский вопросы. Библиографический указатель книг и статей, вышедших по первому вопросу с самого начала введения в действие земских учреждений и ранее, по второму с 1865 г., вплоть до 1871 г. СПб., 1873.
26. *Межов В.И.* Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границею. 1764–1864. СПб., 1865.
27. *Покровский М.Н.* Крестьянская реформа. [X.], 1926.
28. *Посохов С.* Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX століття в публіцистиці та історіографії. Х., 2006.
29. *Посохов С.* Образ // Історіографічний словник. Х., 2004. С. 179–182.
30. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 369–398.
31. *Селунская Н.А.* Интеллектуальная история, история концептов, италинистика // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 22. С. 16–33.
32. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1.
33. *Філіпович М.* Смертельна загроза чи нові перспективи? (Про постмодернізм в історіографії) // Український гуманітарний огляд. 2008. Вып. 13. С. 9–29.
34. *Христофоров И.* Момент истины? Первая российская революция и крестьянский вопрос // Российская история. 2016. № 4. С. 90–96.
35. *Чернуха В.Г.* Проблемы внутренней политики в русской публицистике 60–70-х гг. XIX в. // Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986.
36. *Ястребицкая А.Л.* Историография и история культуры // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 69–71.

**Украинская историография
второй половины XVIII – начала XX вв.:
проблемы конструирования**

Представлены конкурирующие проекты репрезентации истории украинской исторической науки. Показано, что традиционные подходы базируются на представлениях о непрерывности, линейности, эксклюзивности зарождения и развития национальной исторической науки доминируют в современных историографических нарративах и дидактической практике. Они опираются на теорию украинского национального возрождения и творческое наследие М.С. Грушевского, Д.И. Дорошенко и М.И. Марченко. Раскрываются познавательные возможности регионального и культурологического подходов в историографических исследованиях. Утверждается, что обновление стратегии презентации истории украинского историописания представляется возможным путем расширения и усложнения предметного поля дисциплинарной историографии: с одной стороны, в направлении исследования исторической культуры общества в целом, а с другой, путем привлечения всей совокупности исторической интеллектуальной продукции, произведенной на почве региональных историографических ареалов.

Ключевые слова: национальная историография, украинская историография, историческая культура, региональная историография, образы истории исторической науки, колониальный дискурс.

O.I. Zhurba

**Ukrainian historiography the second half
of the eighteenth – early twentieth centuries:
problems design**

The competing projects of Ukrainian historiography representation are described. The author shows that traditional approaches, which base upon ideas of continuity, linear development, exclusiveness of genesis and development of the Ukrainian historical science predominate in contemporary historiographical narratives and didactics. They base upon the theory of Ukrainian national revival and intellectual heritage of M.S. Hrushevskii, D.I. Doroshenko and M.I. Marchenko. Epistemological opportunities of regional and culturological approaches

to historiography studies are revealed. The author states that it is possible to renew the strategy of the history of Ukrainian historiography presentation by widening of the subject of disciplinary historiography and by making it more complex: on the one hand by studying the general historical culture of the society, on the other hand by attracting the totality of historiographical intellectual production, produced on the ground of regional historiographical areas.

Key words: national historiography, Ukrainian historiography, historical culture, regional historiography, images of history of historical science, colonial discourse.

Состояние современного профессионального цеха украинских историков, понимаемого как пространство производства и потребления академического интеллектуального продукта, представляет предмет особого и еще не скорого анализа. Для такого спокойного, взвешенного, контекстуального изучения, еще не сложились необходимые условия. Трудно, пребывая внутри процесса, будучи связанным множеством этических, познавательных, корпоративных ограничений, находясь под воздействием общественно-политических баталий, острых идеологических дискуссий, сохранять возвышенную отстраненность и академическую взвешенность. Поэтому, вовсе не претендуя на исчерпывающую полноту, остановлюсь лишь на том, как конструировался образ украинского национального историописания модерного времени и каким он видится нынче. Представляется, что это важно не только для выявления этапов и содержательного наполнения динамики исторического знания, реконструкции коллективной биографии своеобразного интеллектуального пространства. Презентации прошлого профессионального цеха историков обладают (или рассчитывают на то, что обладают) мощным консолидирующим, дидактическим, мировоззренческим и этическим потенциалом, способным существенно повлиять на формирование современного состояния исторического сообщества, на определение траекторий его развития и, в конечном счете, на конструирование адекватной исторической памяти. Осуществленные как бы изнутри цеха, они могут рассматриваться также и как один из эффективных инструментов (шурфов) изучения исторической и историографической культуры.

Проблема, вынесенная в заголовок, нуждается в определенном смысловом наполнении понятия «национальная историогра-

фия», многозначность, многослойность и изменчивость которого в целом и каждой из его составляющих, требует отдельного разбора. В данном же случае, под «историографией» понимается история исторической науки, ответственная за воссоздание коллективной биографии цеха в самом ее широком смысле: от персоналогического и институционального, до методологического и источниковедческого ракурсов.

Со второй частью понятия – значительно сложнее. И если «историография» в нашем случае объемлет дисциплинарное целое (сциентистское пространство, профессиональное сообщество, его научные и этические идеалы), то определение «национальная» – разрывает эту целостность на сегменты, критерии выделения которых определяются изменениями семантической нагрузки термина «нация» («национальный») на протяжении многовековой практики его применения.

Особенно остро проблема переконструирования «национального» встала в конце XX в., когда новоопределяющиеся политические сообщества постсоветского пространства сформировали мощный запрос на новые национальные истории, вызвавшие потребность в переосмыслении и истории самой исторической науки. Ответы на эти вызовы были разные, но принципиально поставленный вопрос не позволял уклониться от решения ключевой проблемы национализируемых историографий: поиска границ, критериев и механизмов разделения между «нашей», «ненашей», «своей», «чужой» исторической наукой как внутри воображаемой биографии сообщества, так и вовне.

Обращу внимание, что процедура «национального» размежевания существенно повлияла и на методологические приоритеты. В украинском варианте, в несколько упрощенном виде, это можно описать как безоглядное бегство от советского (российского) канона историописания в глубокое научное «вчера», к образцам творчества и исторического мышления отцов-основателей украинского движения и соответствующего способа саморепрезентации – от П. Кулиша до М. Грушевского¹. Именно поэтому

---

¹ Об этом см.: *Журба О.И.* Мир историка. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плену «украинского нацио-

одной из животрепещущих проблем цеха остается и до сего дня вопрос о том, возможен ли в начале XXI в. украинский гранд-нарратив, опирающийся на идеи украинофильства и способы писания истории конца XIX – начала XX в. и, в то же время, соответствующий современным общественным вызовам и профессиональным стандартам. Ответы на него в острой дискуссии на страницах ведущего профильного журнала колебались в крайне широком диапазоне: от клятв в верности сакральному наследию научных предков и к поиску компромиссных вариантов (ироничное – «украинский национальный постмодернизм») до решительного отказа идти по единственно верному пути и признания стратегии национального гранд-нарратива полным анахронизмом².

И хотя, вопрос об историографическом нарративе так остро и открыто не ставился, он оказался в естественной зависимости от поисков путей писания коллективной биографии нации как «воображаемого сообщества». Эти наблюдения касаются не только украинского историописания.

В первые послесоветские годы многие российские историки стыдливо «раскаивались» в «соучастии» в конструировании имперской истории: либеральные ценности и «политкорректность»

нального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка. Омск, 2013. Вып. 8. С. 123–164.

² Ясь О.В. Традиції великих історичних нарративів у світлі культурних епох кінця XVIII–XX ст. // Український історичний журнал (далее – УІЖ). 2012. № 5. С. 6–38; Галушко К.Ю. В пошуку common sense: про дискусію з приводу національного гранд-нарративу // УІЖ. 2013. № 1. С. 4–23; Майборода О.М. «Національна історія» заслуговує бути більш живою ніж мертвою // УІЖ. 2013. № 1. С. 24–28; Тлочко О.П., Касьянов Г.В. Національні історії та сучасна історіографія: виклики і небезпеки при написанні нової історії України // УІЖ. 2012. № 6. С. 4–24; Потульніцький В.А. Щодо дослідницьких пріоритетів у справі створення нового академічного синтезу української історії в контексті історії світової // УІЖ. 2014. № 1. С. 4–20; Ададуров В.В. Теоретичні засади та методологія вписування української історії в європейський контекст (погляд історика-всесвітника) // УІЖ. 2013. № 2. С. 4–23; Горенко О.М. Український метанаратив в епоху пропаганди. 2014. № 2. С. 4–23; Плохій С.М. Якої історії потребує сучасна Україна? // УІЖ. 2013. № 3. С. 4–12; Магочий П. Конструювання, чи реконструювання: як повинна виглядати «майбутня історія України» // УІЖ. 2013. № 4. С. 4–7; Відянецький С.В., Мартинов А.Ю. Національні історії в метанаративі процесу глобалізації: з європейського досвіду // УІЖ. 2013. № 6. С. 4–17.

не позволяли посягать на прошлое имперских национальных окраин. А поэтому нередко изучение истории Российской империи и российской исторической науки сжималось до рамок границ современной Российской Федерации. Так, в приветственном слове к участникам Всероссийской научной конференции «Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни», состоявшейся в Пензе в июне 1995 г. С.О. Шмидт, вполне серьезно обосновывал целесообразность географически ограничить пространство научных усилий участников собрания современными границами Российской Федерации³, исключая таким образом из российского провинциального бытия колоссальный пласт своеобразной региональной русской культуры в иноэтнической среде, пласт, без которого невозможно представить целостную культурно-историческую панораму последних трех веков.

Также сложно адекватно представить культурное пространство империи и ее регионов без их равноправного культурного, интеллектуального, историографического взаимодействия, продуктом которого в значительной степени и стали национальные проекты XIX в., рожденные совсем не в седой древности, а ставшие одним из многочисленных конкурирующих интеллектуальных предложений, порожденных общественным и профессиональным спросом. Представляется, что особенно это актуально не столько при рассмотрении отношений украинских регионов и имперского центра, в историографическом освоении которых имеются определенные наработки, сколько при постановке проблемы внутри- и межрегионального взаимодействия, при том условии, что за всеми его акторами признается «своя правда», а само это взаимодействие не будет рассматриваться исключительно через телеологическую и ретроспективную оптику.

Историки других приобретших независимость держав, конструируя новый национальный исторический нарратив, досадный, но неопровержимый факт пребывания в составе империи нередко утилизировали для легитимации политической самостоятельности и историографической самодостаточности, адаптируя

---

³ Шмидт С.О. Вступительное слово // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни: матер. III Всерос. науч. конф. (Пенза, 25–29 июня 1995 г.). Пенза, 1996. Кн. 1. С. 10–24.

и широко используя для местных надобностей входившие в моду колониальный и постколониальный дискурсы.

Таким образом, национализация имперского исторического и историографического пространства, разворачивающаяся еще с середины XIX в., так же как и господствовавшие представления о некоей гомогенной реальности, организуемой центральной властью, поставили под угрозу понимание целостности, многообразия, многоуровневости, сложности, взаимозависимости бесчисленных акторов имперской истории и ее исторической науки, включая и периферийные зоны.

Особенно неотвратимо эта угроза осознается на всех уровнях дидактической практики, которая, повинувшись законам жанра, вынуждена выписывать линейные схемы непрерывного, прогрессивного и эксклюзивного развития, уверенно ведущего к достижению очередной светлой цели.

Необыкновенно наглядно, в прямом смысле визуально, внеконтекстуальные репрезентации прошлого можно наблюдать, листая исторические атласы Украины, где ее территория нередко очерчивается исключительно рамками современных границ, вне исторического пространства тех государств, частью которых эти земли долгое время являлись. Поэтому опасность, что гротескный образ «глобуса Украины» (как, впрочем, и «глобуса России») и разворачивающейся на его просторах самодостаточной истории, для нынешнего поколения может превратиться не столько в географическую, сколько в историографическую реальность⁴.

В области изучения и представления истории исторического знания на украинских землях второй половины XVIII – начала XX вв. означенные тенденции заметны, прежде всего, в учебных курсах и крупных монографических исследованиях⁵. Тут доми-

---

⁴ Литинова Т.Ф. «Глобус России» не должен превратиться в историографическую реальность // Диалог о книге «Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.)» Игоря Христофорова // Российская история. 2013. № 4. С. 178–181.

⁵ См.: Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996. 295 с.; Коцур В.П., Коцур А.П. Історіографія історії України. Чернівці, 1999. 520 с.; Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII – початок XX століття). Київ, 2000. 256 с.; Калакура Я.С. Українська історіографія: курс лекцій. К., 2012. 512 с.

нирует эмансипаторский образ «угнетенного» историописания, которое, освобождаясь от порабощения, запретов и преследований, «отвоевывает» украинскую историографическую территорию от ее «незаконного» захвата российским и польским историческим сознанием и наукой.

Понятно, что при таких подходах в изучении истории исторического знания ключевым заданием становилось выявление и сепарация «своего национального» в общественной, духовно-культурной и научной жизни. Исходя же из того, что процесс украинизации, как способ самоидентификации историков и выделения соответствующей этнографической территории, стартовал только с середины XIX в., а его результаты в общем объеме историописания занимали маргинальное место, то напряженное сосредоточение на поисках национального, отнимая много сил и времени, приносило откровенно незначительный результат, качественно искажало масштабы и динамику интеллектуального состояния.

В то же время и современные российские презентации истории исторического знания имперского периода в целом отлично обходятся не только без соответствующих украинских сюжетов, но и без провинциального великороссийского историописания, вполне удовлетворяясь поверхностными подходами к репрезентации исторической мысли и ее функционирования. Поверхностными не столько в смысле не глубокого и легковесного, а, прежде всего, как способа осмысления процессов «по верхам», когда в поле зрения попадают самые крупные явления, выдающиеся мыслители, крупнейшие образовательные центры, важнейшие специализированные издания. При всей очевидной оправданности и прагматичности такого подхода, особенно в дидактической практике, не менее очевидным оказывается и то, что в таком случае мы не всегда имеем дело с тем, что определяет «норму», а значит, можем утрачивать возможности уяснить качество той интеллектуальной и историографической почвы, которая вызывала к жизни эти «поверхностные объекты».

В последнее время неудовлетворенность таким положением привела к тому, что исследования имперской истории, внутриимперских взаимоотношений по линии «центр – провинция» получили новое дыхание во многом благодаря актуализации, освое-

нию и адаптации к российскому материалу исследовательских стратегий, связанных с понятиями «внутренняя колонизация» и «региональная история». При всей своей близости, обусловленной фокусированием на периферии и отношениях по поводу периферии, что, безусловно, предполагает отказ от герметизации познавательных стратегий, их использование нуждается, на мой взгляд, не только в осознании возможностей открывающихся путей и раздвигающихся горизонтов, но и в понимании ограничений, которые могут накладываться как самими этими подходами, так и тем материалом, к которому они применяются.

Не отказывая в продуктивности концепту «внутренней колонизации», особенно для «изучения культурных стратегий, которые вырабатываются имперским руководством, контрэлитами колонизованных народов и культурными элитами империи»⁶, следует не упускать из виду ряд важных обстоятельств. Прежде всего, того, что подходы к изучению периферийной культуры (в том числе исторического знания), прошлого в целом, опирающиеся на концепт «внутренней колонизации», нацеливают на рассмотрение идей и практик навязывания центром своего культурного дискурса: «Внутренняя колонизация определяется как применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства»⁷.

Но если при рассмотрении политико-правовых процессов говорить о таком навязывании возможно, то при изучении социальной жизни такая оптика уже дает сбой, оказывается не в состоянии приносить безупречную эвристическую «добавленную стоимость». Так, например, сам факт разработки при проведении крестьянской реформы особенного Положения для отдельных украинских регионов (как, впрочем, и других местных Положений) свидетельствует не столько о централизаторском дискурсе, навязываемом региональной элите, сколько о достаточно мощном

---

⁶ Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: НЛЮ, 2012. С. 22.

⁷ Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России... С. 12.

давлении местного дворянства на центральную власть, заставившем ее усваивать и принимать аргументы «колонизированного» региона⁸.

Малоубедительной представляется аргументация сторонников и популяризаторов «внутриколониальных исследований», рисующих достаточно грустную перспективу использования этого инструмента: «Мы стремимся, чтобы в рисуемой нами картине имперского прошлого нашлось бы место для жертв и агентов колониализма и внутреннего и внешнего»⁹. Воображение рисует театр военных действий, где в непримиримой схватке сошлись армии, одна из которых будет вынуждена встать на колени, а другая – получит заслуженные лавры. И хотя поле битвы – тоже площадка для взаимодействия, но, при такой постановке, возможности представить ситуацию нормального, разностороннего, разноровневого взаимопроникновения, взаимной «интеграции», при которой все стороны способны слушать и слышать или же, во всяком случае, пытаются прислушиваться друг к другу, растворяются и исчезают в блестящих лучах теоретической конструкции, ориентированной на поиск «жертв и агентов»¹⁰.

При этом забывается, что именно в процессе взаимодействия формируется неповторимый колорит собственно российского имперского дискурса, порожденного встречей и взаимовлиянием культур, расположенных не только на вертикальной оси, но и в горизонтальной плоскости, которые напрямую не связаны с решающим навязыванием проектов центральной власти, господствующего социального или национального сообщества. Так, совсем не центральная власть определяла характер и механизмы

---

⁸ Литвинова Т.Ф. «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України і селянське питання наприкінці XVIII – у першій половині XIX століття (ідеологічний аспект). Дніпропетровськ, 2011. 732 с.

⁹ *Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И.* Внутренняя колонизация России... С. 23.

¹⁰ *Шаталов Д.* Тут внутри: как филологи пишут историю (размышления над и по поводу образа украинского казака в современной российской гуманитаристике). [Рец. на кн.: Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: НЛО, 2012. 960 с.] // *Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі.* Дніпропетровськ, 2014. С. 333–348.

взаимодействия украинских губерний Российской и Австрийской империй, создавшего потенциал реализации украинского проекта в условиях жесткой интеллектуальной конкуренции. Более того, усилия центральной власти, направленные на историческую легитимацию «русскости» Юго-Западного края и Новороссии путем всяческого поощрения исследований регионального прошлого, самыми яркими воплощениями которых была деятельность Киевской археографической комиссии и Одесского общества истории и древностей, создали интеллектуальные, организационные и собственно познавательные предпосылки для малороссийской историографической экспансии, создавшей условия для трансформации регионального, в том числе и исторического самосознания в этническое¹¹.

Если же речь заходит о взаимодействии разнородных культурных практик в общеимперских рамках, то можно предположить, что оно обусловлено наличием уже сложившихся форм локальных культурных сообществ, готовых, готовящихся или же вынужденных вырабатывать готовность к такого рода коммуникациям. Достаточно отчетливо это просматривается на уровне региональных историографий (региональных историографических ареалов), региональной исторической культуры конца XVIII – начала XX вв. Под «исторической культурой» в данном случае понимается значительно расширенное под воздействием культурологических подходов поле сциентистской историографии как истории не только исторического знания/познания, а производства, потребления и функционирования исторического в определенной культурной среде в целом¹².

Поэтому, как ни экзотически звучит понятие «украинская имперская историография», охватывающее этнокультурные и интеллектуальные просторы в рамках региональной культуры императорской России, – обозначаемое им явление заслуживает особого внимания. Действительно, почему образованные элиты разо-

---

¹¹ Журба О.И. Историографическая экспансия» как инструмент формирования национальной историографии // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2015. № 4. С. 140–146.

¹² Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / под. ред. А. Дмитриева. М., 2012. 551 с.

рванных историческими судьбами украинских территорий уже со второй половины XVIII и до начала XX вв. в целом вписывали (каждая специфически и своеобразно) свои малые Родины и их истории в общероссийский имперский контекст, а со второй трети XIX в., то есть почти синхронно, начали разворачиваться не только вертикальные, но и горизонтальные коммуникации, которые, в конечном счете, привели совсем не к консолидации с центром и соответствующими его стандартам способами усвоения прошлого, а к образованию альтернативных национальных историй, цементирующих историческое сознание близких географически, но некогда практически чуждых земель. Кроме этого, возникает вопрос, почему бурное развитие со второй половины XIX в. областничества, изучения истории множества имперских регионов, формирование историографических субрегионов, в большинстве случаев так и не стало основанием для национализации соответствующих образов истории. Например, почему бурное развитие северокавказского историописания не стало основанием для его национализации¹³, а изучение истории девяти южных губерний Российской империи, казалось бы, целиком вписывающееся в контекст изучения общероссийской истории, сформировало такой тип исторического сознания, который стал весомым фактором развала Российской империи и легитимизации украинского политического проекта.

Украинский историографический процесс, представляемый, с одной стороны, как монолитная самодостаточная целостность, а, с другой, игнорируемый как значимое явление имперского историописания, может быть переосмыслен под углом зрения регионального подхода.

Несмотря на его популярность, как среди российского, так и украинского профессионального сообщества, в большинстве работ «регион» присутствует как константная данность, как то, что составляет неизменно монолитное и нерушимое «целое». Такое понимание «регионального» представляется малопродуктивным с точки зрения эвристических и познавательных задач. Оно

---

¹³ Колесникова М.Е. Изучение Северного Кавказа в России во второй половине XVIII – начале XX в.: автореф. дис... д-ра. истор. наук. Ставрополь, 2011. 50 с.

стимулирует лишь экстенсивное иллюстрирование устойчивого «регионального» в его любом масштабе, что совсем не нацелено на выявление смыслов, мотивов, механизмов, соотношения статики и динамики процессов.

Новое понимание историографического региона связано с признанием эластичности сознания, в том числе и исторического, которое позволяло бы сообществу включаться в сложные синхронные иерархии, создавать системы множественных включенных и исключенных лояльностей, каждая из которых, развернувшись в полную силу, могла бы, при определенных обстоятельствах, сыграть решающую роль в его дальнейшей судьбе.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что для украинской интеллектуальной жизни и общественного движения с середины XIX в. и вплоть до начала XX в. ключевым оставалось задание утверждения не столько сепаратных тенденций относительно, в широком понимании «российского» и «польского», сколько преодоления отдельных региональных самосознаний, «склеивание» на их основе образа единой украинской этнической территории, единой этнической культуры, в том числе единого прошлого, настоящего и будущего, то есть задание «извлечения» местного территориального и этнического самосознания из иерархий «имперского» и включения их в структуры «общеукраинского».

Именно поэтому, к решению проблемы выбора инструментов для исследования и репрезентаций имперской интеллектуальной истории, включая взаимодействие исторической культуры имперского центра и его регионов, следует подходить с пониманием всей сложности этой задачи, требующей отказа от поиска универсальных линейных подходов, основательной адаптации известных теоретических конструкций к особенностям изучаемого материала.

Конструирование современного каркаса образа истории украинской национальной исторической науки завершилось к рубежу тысячелетий, прежде всего в упомянутых выше текстах В.В. Кравченко, И.И. Колесник и Я.С. Калакуры. При всем различии, они базировались на общей платформе теории украинского национального возрождения. Их ориентиром были, прежде всего, воплощающие эту теорию на историографическом материале обоб-

щаючі труди Д.И. Дорошенко¹⁴, представляючі емігрантське історіописання і робота відомого радянського українського історіографа М.И. Марченко¹⁵, ставша яким проявленням інтелектуального дисидентства часів хрущовської оттепелі. В той або іншій ступені до робіт сучасних історіографів відноситься характеристика, дана Г.В. Касьяновим домінуючому алгоритму сучасного українського історіописання: «Базові принципи, на яких будується сучасне стандартне історичне дослідження: еволюціонізм, детермінізм, ексклюзивність»¹⁶. Я б хотів додати: телеологічність і лінійність.

На теоретичному рівні ревизія «схеми М.С. Грушевського» пов'язана з освоєнням і адаптацією концепта «регіонального» в історіописанні України. Почате на дніпропетровській конференції 1995 р.¹⁷, його сучасне теоретичне осмислення, на мій погляд, найбільш цікаво представлено Я.В. Верменич¹⁸, І.И. Колесник¹⁹, Т.Н. Поповой²⁰, Е.А. Черновим²¹.

Мені також неодноразово доводилося висловлюватися по питаннях регіональної історіографії²² і навіть захищати диссер-

---

¹⁴ *Дорошенко Д.И.* Огляд української історіографії. Прага, 1923. 221 с.

¹⁵ *Марченко М.И.* Українська історіографія (з давніх часів до середини ХІХ ст.). Київ, 1959. 222 с.

¹⁶ *Касьянов Г.В.* Ще вмерла українська історіографія // Критика. 2002. № 4. С. 21.

¹⁷ Регіональне і загальне в історії: тези міжнародної наукової конференції, присвяченої 140-річчю Д.И. Яворницького та 90-літтю ХІІІ Археологічного з'їзду (Листопад 1995 р.). Дніпропетровськ, 1995. 328 с.

¹⁸ *Верменич Я.В.* Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. Київ., 2003. 519 с.

¹⁹ *Колесник І.І.* «Регіональне» як чинник формування української історіографії // Записки історичного факультета / Одеський державний університет. 1995. Вип. 1. С. 66–80.

²⁰ *Попова Т.Н.* Історіографічний процес в регіональному вимірюванні (теоретичний аспект) // VIII Всеукраїнська наукова конференція «Історичне краєзнавство і культура». Київ., 1997. Ч. 1. С. 199–200.

²¹ *Чернов Е.А.* Регіональна історія: досвід теоретичної інтерпретації // Харківський історіографічний збірник. 2006. Вип. 8. С. 38–48.

²² *Журба О.І.* Становлення української археографії: люди, ідеї інституцій. Дніпропетровськ, 2003. 316 с.; *Журба О.І.* Теоретичні проблеми української археографії // Модерна Україна. 2005. № 9. С. 152–172; *Журба О.І.* Регіональне історіописання другої половини ХVІІІ – першої половини ХІХ вв. в плену

тацию²³, которая превратилась в настоящую битву за право использовать региональные подходы в изучении и презентации отечественного историописания вообще²⁴.

Отказываясь от традиционных приемов, я предложил рассматривать становление национальной исторической науки как сложный, прерывный и асинхронный процесс формирования в рамках регионального имперского историописания такого набора интеллектуальных элементов, которые заложили основу становления системы перекрещивающихся, изменчивых и мерцающих современных историографических иерархий.

Результатом историографического районирования стало выделение малороссийского, слободского, новороссийского и правобережного культурно-историографических ареалов, в рамках каждого из которых прослеживался процесс **переосмысления** целей, мотивов, задач, способов, стилей, источников исторического познания прошлого, рождения на почве специфической интеллектуальной, в том числе и исторической культуры каждого из регионов такого специфического предмета изучения как история народа.

Именно в этом контексте истории регионов начали переосмысливаться, становясь «строительным материалом» для писания истории этноса. В результате образовывался новый тип исторического самосознания, в рамках которого традиционные региональные истории вынуждены были «отправляться искать» свое новое место в новых историографических иерархиях, одна из которых со второй половины 1830-х гг. в эмбриональном виде стала отдаленно напоминать такое интеллектуальное явление как украинская национальная историография.

Такие подходы были настороженно, если не враждебно встречены коллегами, упрекавшими меня в отрицании и разру-

---

«украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка. Омск, 2013. Вып. 8. С. 123–164.

²³ Журба О.І. Становлення української історіографії та історіографічний процес другої половини XVIII – першої половини XIX століття: автореф. дис. ... докт. істор. наук. Дніпропетровськ, 2004. 36 с.

²⁴ Стенограмма защиты моей докторской диссертации (10.03.2004). URL: <https://www.academia.edu/9990471/>.

шении целостности национальной истории и историографии²⁵. Однако, со временем мои аргументы и региональный подход как эффективный инструмент изучения интеллектуальной истории Украины второй половины XVIII – начала XX ст. стал братья на вооружение и наиболее квалифицированными из оппонентов. Так, профессор В.В. Кравченко, выступавший на моей защите с резко отрицательным отзывом, обвиняя диссертанта в подрыве целостности украинского историографического процесса, со временем стал активным сторонником регионального подхода как одного из ключевых методов изучения украинской истории и историографии²⁶.

Постановка проблемы историографического районирования переакцентировала исследовательские подходы с поиска механизмов формирования и функционирования украинской этнонациональной традиции на культурологическую оптику. В таком случае конкурирующие синхронные практики историописания приобретали равноправный статус и получали шанс на соответствующую репрезентацию как самоценные представители региональной исторической и историографической культур, а не только как враги-оппоненты украинского национального видения истории или, в лучшем случае, как историографические потоки, индифферентные к украинскому вообще. Так, например, в существующих репрезентациях украинской историографии отсутствуют имена таких крупных историков, как профессора Киевского, Новороссийского и Харьковского университетов И.В. Луцицкий, П.М. Билли, В.П. Бузескул, многих других специалистов, глубоко укорененных в региональную культуру и историографию. Причиной этого стало их безразличие к украинскому национальному проекту и расположение предметного поля профессиональных интересов вне прошлого собственно украинских земель. Десятки других

---

²⁵ *Гирич І.* Рец. на кн.: Журба О.І. Становлення української археографії та історіографічний процес другої половини XVIII–XIX ст. // Український археографічний щорічник. 2004. Вип. 8/9. С. 729–733; *Панакін Г.* Рец. на кн.: Журба О.І. Становлення української археографії та історіографічний процес другої половини XVIII–XIX ст. // Архіви України. 2004. № 4–6. С. 223–230.

²⁶ *Кравченко В.В.* Україна, імперія, Росія (вибрані статті з модерної історії та історіографії). Київ., 2011. 542 с.; *Кравченко В.В.* Харьков/Харків: столиця Пограниччя. Вильнюс, 2010. 358 с.

имен и тысячи текстов, выросшие в прямом смысле, на «нашей» культурной почве и определявшие интеллектуальное и духовное лицо «нашего» пространства, забыты или маргинализированы как «неукраинские», «антиукраинские», или «недостаточно украинские». В то же время, откровенно игнорируя принцип историзма, отказывая историкам в их самоидентификации, к «украинской историографии», начиная с М.С. Грушевского, безоговорочно причислялись, скажем, М.А. Максимович и А.М. Лазаревский, скептически оценивавшие задачи украинского движения и его деятелей и никогда с ним себя не связывавшие.

Обновление стратегии презентации истории украинского историописания представляется возможным путем расширения и усложнения предметного поля дисциплинарной историографии: с одной стороны, в направлении исследования исторической культуры общества в целом, а с другой, путем привлечения всей совокупности исторической интеллектуальной продукции, произведенной на почве региональных историографических ареалов.

И хотя новые интеллектуальные предложения кардинально не изменяют общую картину состояния историографических разработок, основанных преимущественно на «возрожденческом пафосе», и все еще не стали опорой для историографического синтеза, на пути их освоения наблюдаются важные, на мой взгляд, сдвиги. Они связаны с приходом нового поколения историографов, заявивших о себе за последнее десятилетие.

На мой взгляд, среди наиболее идейных, успешных и качественных выделяются монографии И.П. Куцего (Тернопольский национальный педагогический университет) и Ю.А. Киселевой (Харьковский национальный университет), написанные на основе кандидатских диссертаций, а также кандидатская работа А.В. Леоновой (Днепропетровский национальный университет)²⁷. Отмечу,

---

²⁷ *Куций І.П.* Рецепція національної історії в українській науково-історичній думці Галичини (1830-і-1894 рр.): автореф. дис... канд. іст. наук; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. Львів., 2004. 20 с.; *Куций І.П.* Українська науково-історична думка Галичини (1830-1894 рр.): рецепція національної історії. Тернопіль, 2006. 220 с.; *Кісельова Ю.А.* Становлення і розвиток історіографії як навчальної та наукової дисципліни в Імператорському Харківському університеті: автореф. дис... канд. іст. наук; Харк. нац. ун-т ім. В. Каразіна. Харків, 2014. 20 с.; *Кісельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в Імператорському Харківському універ-

что все эти историки воспитаны в разных украинских региональных культурных и историографических традициях, а потому поиски новых стратегий историографического исследования представляются неслучайными. Каждый из них по-своему, продемонстрировал профессиональную чуткость в выборе и темы, и методов изучения истории исторического знания/науки/культуры. Для всех них оказалось неприемлемым следовать проторенной дорогой.

Центральной проблемой в монографии И.П. Куцего стало формирование в XIX в. в таком особенном регионе как Галичина разнообразных версий «своей истории». Автор отмечает, что нет оснований считать галицких русинов XIX в. носителями сформировавшегося украинского национального самосознания. Оно вызревает только в начале XX в. как результат интеллектуального взаимодействия разнообразных версий национальных и общественно-политических идентичностей. И.П. Куций так обосновывает свою задачу: «На ранних этапах развития национального движения и научно-исторической мысли в Галичине западнославянский контекст доминировал над восточнославянским... Разделяем научные выводы исследователей, которые отрицают безальтернативность выбора галицкими русинами украинской национальной идентичности. Поэтому принципиально важным является выяснение обстоятельств, при которых галицкие русины стали частью модерной украинской нации, в частности, какую роль при этом сыграли процессы актуализации исторической памяти и создания научных концепций национальной истории. Отсюда вытекает необходимость детально исследовать как галицкая научно-интеллектуальная элита XIX в. воспринимала и трактовала национальную историю и в какой мере эти научно-исторические интерпретации влияли на общий ход национального движения галицких русинов и способ их национальной самоидентификации»²⁸. Автор рассматривает острую конкуренцию нескольких региональных версий «нашей истории», а также их взаимодействие с польской, российской, малороссийской.

ситеті. Харків, 2014. 252 с.; *Леонова О.В.* Історіографічний процес другої половини XIX – початку XX століття у регіональному вимірі (за матеріалами Слобідської та Південної України): автореф. дис... канд. іст. наук; Дніпропетр. нац. ун-т ім. Олеся Гончара. Дніпропетровськ, 2013. 20 с.

²⁸ *Куций І.П.* Українська науково-історична думка Галичини... С.6.

В корне отличное от традиционных представление об истории «нашей» исторической науки было продемонстрировано и в книжке Ю.А. Киселевой. Комплексное исследование становления историографии в стенах Харьковского университета органично вписывается в проблематику региональной историографии. С одной стороны, такая постановка позволяет отказаться от кумулятивистских, линейных моделей развития науки и сосредоточить внимание на локальных и темпоральных особенностях. С другой стороны, автор не рассматривает историко-историографический процесс в Харьковском университете как изолированный. Он вписывается в социокультурные, интеллектуальные, историографические контексты, рассматриваются его коммуникативные и профессионально-культурные составляющие, которые выходят далеко за пределы отдельного университета и закладывают основы общего процесса институционализации историографии. При рассмотрении процесса становления историографии как научной дисциплины для Ю.А. Киселевой проблема выделения национальной составляющей носит маргинальный характер. Образ «нашей» исторической науки приобретает тут контуры научной дисциплины, профессиональной среды историков, в оформлении которых на протяжении XIX – начала XX вв. принимали живое участие харьковские ученые, для которых в иерархиях самоидентификаций доминировали профессиональные, а не национальные критерии. Работы Ю.А. Киселевой становятся новым шагом на пути постановки проблемы формирования региональной исторической и историографической культуры и ее расположения в сложных иерархиях интеллектуальных, общекультурных и профессиональных исторических ландшафтов.

В наибольшей степени стратегиям региональной культурологической историографии близок проект О.В. Леоновой, который осознанно задумывался как альтернатива традиционным репрезентациям истории исторической науки, как апробация таких подходов. Была разработана и представлена модель исследования регионального историографического процесса, тесно связанного с исторической культурой общества, с историческими знаниями, которые функционируют на профессиональном, аматорском и быденном уровне. Это позволило выделить два специфических исто-

риографічних регіона – слобожанський (харківський) і новоросійський (южноукраїнський) – розглядати і порівнювати стан їх історичної культури як цілих живих організмів, рівноцінно взаємодіючих як всередині власних структур, так і вистраиваючи горизонтальні і вертикальні комунікації.

При всій своїй несхожості розглянуті роботи розривають цілісність дидактично виверених лінійних репрезентацій національного історіописання, їх герметичність і поверховність. В той же час, розробка проблем історії історичного знання як історичної культури суспільства з використанням прийомів історіографічного районування тільки починає розворачуватися, спротивляючись історіографічній інерції традиційного історіописання.

---

1. *Ададуров В.В.* Теоретичні засади та методологія вписування української історії в європейський контекст (погляд історика-всесвітника) // УІЖ. 2013. № 2. С. 4–23.

2. *Верменич Я.В.* Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. К., 2003. 519 с.

3. *Віднянський С.В., Мартинов А.Ю.* Національні історії в метанаративі процесу глобалізації: з європейського досвіду // УІЖ. 2013. № 6. С. 4–17.

4. *Галушко К.Ю.* В пошуку common sense: про дискусію з приводу національного гранд-нарративу // УІЖ. 2013. № 1. С. 4–23.

5. *Гирич І.* Рец. на кн.: Журба О.І. Становлення української археографії та історіографічний процес другої половини XVIII–XIX ст. // Український археографічний щорічник. 2044. Вип. 8/9. С. 729–733.

6. *Горенко О.М.* Український метанаратив в епоху пропаганди // УІЖ. 2014. № 2. С. 4–23.

7. *Дорошенко Д.І.* Огляд української історіографії. Прага, 1923. 221 с.

8. *Журба О.І.* «Історіографічна експансія» як інструмент формування національної історіографії // Вестник Омського університету. Історичні науки. 2015. № 4. С. 140–146.

9. *Журба О.І.* Становлення української археографії: люди, ідеї інституції. Дніпропетровськ, 2003. 316 с.

10. *Журба О.І.* Становлення української історіографії та історіографічний процес другої половини XVIII – першої половини XIX століття: автореф. дис. ... докт. істор. наук. Дніпропетровськ, 2004. 36 с.

11. *Журба О.І.* Стенограмма защиты моей докторской диссертации (10.03.2004). Режим доступа: <https://www.academia.edu/9990471/>.

12. *Журба О.І.* Теоретичні проблеми української археографії // Модерна Україна. 2005. № 9. С. 152–172.

13. *Журба О.І.* Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плену «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка. Омск, 2013. Вып. 8. С. 123–164.

14. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / под ред. А. Дмитриева. М., 2012. 551 с.

15. *Калакура Я.С.* Українська історіографія: Курс лекцій. Київ, 2012. 512 с.

16. *Касьянов Г.В.* Ще вмерла українська історіографія // Критика. 2002. № 4. С. 20–22.

17. *Кісельова Ю.А.* Становлення і розвиток історіографії як навчальної та наукової дисципліни в Імператорському Харківському університеті: автореф. дис... канд. іст. Наук. Харків, 2014. 20 с.

18. *Кісельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в Імператорському Харківському університеті. Харків, 2014. 252 с.

19. *Колесник І.І.* «Регіональне» як чинник формування української історіографії // Записки исторического факультета / Одесский государственный университет. 1995. Вып. 1. С. 66–80.

20. *Колесник І.І.* Українська історіографія (XVIII – початок XX століття). Київ., 2000. 256 с.

21. *Колесникова М.Е.* Изучение Северного Кавказа в России во второй половине XVIII – начале XX в.: автореф. дис... д-ра. истор. наук. Ставрополь, 2011. 50 с.

22. *Коцур В.П., Коцур А.П.* Історіографія історії України. Чернівці, 1999. 520 с.

23. *Кравченко В.В.* Україна, імперія, Росія (вибрані статті з модерної історії та історіографії). Київ, 2011. 542 с.

24. *Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996. 295 с.

25. *Кравченко В.В.* Харьков/Харків: столица Пограничья. Вильнюс, 2010. 358 с.

26. *Кущий І.П.* Рецепція національної історії в українській науково-історичній думці Галичини (1830 і–1894 рр.): автореф. дис... канд. іст. Наук. Львів, 2004. 20 с.

27. *Кущий І.П.* Українська науково-історична думка Галичини (1830–1894 рр.): рецепція національної історії. Тернопіль, 2006. 220 с.

28. *Леонова О.В.* Історіографічний процес другої половини ХІХ – початку ХХ століття у регіональному вимірі (за матеріалами Слобідської та Південної України): автореф. дис... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2013. 20 с.

29. *Литвинова Т.Ф.* «Глобус России» не должен превратиться в историографическую реальность // Диалог о книге «Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.)» Игоря Христофорова // Российская история. 2013. № 4. С. 178–181.

30. *Литвинова Т.Ф.* «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України і селянське питання наприкінці ХVІІІ – у першій половині ХІХ століття (ідеологічний аспект). Дніпропетровськ, 2011. 732 с.

31. *Магочій П.* Конструювання, чи реконструювання: як повинна виглядати «майбутня історія України» // УІЖ. 2013. № 4. С. 4–7.

32. *Майборода О.М.* «Національна історія» заслуговує бути більш живою ніж мертвою // УІЖ. 2013. № 1. С. 24–28;

33. *Марченко М.І.* Українська історіографія (з давніх часів до середини ХІХ ст.). Київ, 1959. 222 с.

34. *Папакін Г.* Рец. на кн.: Журба О.І. Становлення української археографії та історіографічний процес другої половини ХVІІІ–ХІХ ст. // Архіви України. 2004. № 4–6. С. 223–230.

35. *Плохій С.М.* Якої історії потребує сучасна Україна? // УІЖ. 2013. № 3.–С. 4–12.

36. *Попова Т.Н.* Историографический процесс в региональном измерении (теоретический аспект) // VIII Всеукраїнська наукова конференція «Історичне краєзнавство і культура». Київ, 1997. Ч. 1. С. 199–200.

37. *Потульницький В.А.* Щодо дослідницьких пріоритетів у справі створення нового академічного синтезу української історії в контексті історії світової // УІЖ. 2014. № 1. С. 4–20.

38. Регіональне і загальне в історії: Тези міжнародної наукової конференції, присвяченої 140-річчю Д.І. Яворницького та 90-літтю ХІІІ Археологічного з'їзду (Листопад 1995 р.). Дніпропетровськ., 1995. 328 с.

39. Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткінда, Д. Уффельмана, И. Кукина. М., 2012. 960 с.

40. *Глоцко О.П., Касьянов Г.В.* Національні історії та сучасна історіографія: виклики і небезпеки при написанні нової історії України // УІЖ. 2012. № 6. С. 4–24.

41. *Чернов Е.А.* Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. 2006. Вип. 8. С. 38–48.

42. *Шаталов Д.* Тут внутри: как филологи пишут историю (размышления над и по поводу образа украинского казака в современной российской гуманитаристике). [Рец. на кн.: Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Куклина. М., НЛЮ, 2012. 960 с.] // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі. Дніпропетровськ, 2014. С. 333–348.

43. *Шмидт С.О.* Вступительное слово // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всероссийской научной конференции (Пенза, 25–29 июня 1995 г.). Пенза, 1996. Кн. 1. С. 10–24.

44. *Ясь О.В.* Традиції великих історичних наративів у світлі культурних епох кінця XVIII–XX ст. // УІЖ. 2012. № 5. С. 6–38.

**История польско-немецких взаимоотношений XX в.
в работах Рихарда Брейера**

Статья раскрывает исторические взгляды видного германского историка Рихарда Брейера. Основной акцент сделан на истории германо-польских отношений в XX в.

Ключевые слова: история Германии, Вторая республика в Польше, немцы в Польше, национальный вопрос, историография, Институт имени Гердера.

S.V. Kretinin

**The history of polish-german relations of the
twentieth century in the works of Richard Breuer**

The article discloses historical views of prominent German historian Richard Breuer. The main emphasis is on the history of German-Polish relations in the twentieth century.

Key words: the history of Germany, the Second Republic of Poland, the Germans in Poland, the national question, historiography, Herder-Institut – Marburg.

Рихард Брейер (1917–1999) принадлежит к числу историков, формирование которых происходило в сложные годы между двумя мировыми войнами, на польско-германском пограничье. Этот факт во многом определил сферу и направленность его научного интереса.

Рихард Брейер родился в Петрограде в феврале 1917 г., где его семья временно проживала. Отец Рихарда Альберт (Альбрехт) был выходцем из старинного рода из Нижней Саксонии, представители которого переселились в Польшу. Альберт Брейер вместе с другим видным исследователем Адольфом Айхлером одним из первых взялся за историю немцев в Польше после 1918 г. В центре его интересов лежала история, этнография, краеведение немцев в Центральной (Средней) Польше, в частности, в Лодзи¹.

© С.В. Кретинин, 2017

---

¹ *Breyer A. Deutsche Siedlungen der Umgegend von Lodz. Lodz, 1935; Ders. Deutsche Gaue in Mittelpolen. Plauen im Vogtland: Wolff, 1935.*

А. Брейер получил так же известность как один из лидеров общественно-политического движения немцев в Польше. Одно время он даже примыкал к радикальной Младонемецкой партии Польши², однако при этом оставался лояльным польским гражданином. Еще в годы советско-польской войны 1920–1921 гг. он добровольцем вступил в армию Польской Республики.

В первый день Второй мировой войны А. Брейер, как офицер запаса польской армии, прибыл на сборный пункт в Кутно. Он так и не узнал, что был внесен в список лиц, подлежащих интернированию (вместе со старшим сыном Рихардом). 2 сентября А. Брейер был тяжело ранен во время налета люфтваффе, и 11 сентября скончался в варшавском госпитале. Он был похоронен в братской могиле в Варшаве, на военном кладбище, вместе с другими польскими офицерами. Р. Брейер утверждал, что его отец добровольно пошел на фронт³.

Таким образом, польско-немецкие отношения серьезно отразились на личной судьбе Рихарда Брейера, и в значительной степени обусловили его научный интерес.

Детские и юношеские годы он провел в Средней Польше, где получил среднее образование, а в 1936 г. поступил в университет в Варшаве, где начал изучать историю и германистику. Как и отец, Рихард был включен польскими властями в списки лиц, подлежащих интернированию, и 2 сентября 1939 г. он был этапирован в лагерь Береза Картузская⁴.

После освобождения Брейер короткое время учился в университете Бреслау, в сентябре 1940 г. был призван в ряды вермахта, и сражался во Франции, на Восточном фронте, в Италии. В апреле 1946 г. он был освобожден из советского лагеря для военнопленных, и депортирован в Западную Германию, в Нижнюю Саксонию. Здесь окончил Геттингенский университет, защитив в 1952 г. диссертацию на тему «Германо-польские отношения и немецкая

---

² См.: *Кретинин С.В.* Младонемецкое движение в Польше 1920–1930-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 4. С. 391–401.

³ *Breyer R.* Albert Breyer // *Ostdeutsche Gedenktage* 1989. S. 10–11.

⁴ *Кретинин С.В.* Немцы в Польше и политика нацистской Германии накануне Второй мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2. С. 168.

этническая группа в Польше в 1932–1937 гг.». Был многолетним сотрудником института им. Гердера в Марбурге (с 1961 г. – заместитель директора, а в 1966–1972 гг. – директор Института), в котором курировал направление по истории и культуре немецкого меньшинства в Польше. Стал соучредителем «Историко-краеведческой комиссии по Познани и немцам в Польше», с 1991 г. – ее председатель. Получил известность также как видный представитель землячества Вайхель-Варте⁵.

Таким образом, вся жизнь Рихарда Брейера была иллюстрацией по истории польско-немецких отношений. Брейер принадлежал к числу ведущих историков так называемого Изучения Востока («Остфоршунга») – особого направления в германской историографии, которое развивалось в Веймарской Германии с 1920-х гг., что было связано с общественно-политическим и научным интересам к потерянным «восточным территориям» и судьбам заграничных немцев. В основе методологии остфоршунга лежало исследование не истории государства, а история наций и народов. В первую очередь, это затрагивало роль немцев в истории Восточной и Юго-Восточной Европы, их взаимоотношения с местными славянскими и прочими негерманскими народами. В нацистской Германии историки ставили во главу угла культуртреггерскую роль немцев на востоке Европы, доказывали их превосходство над славянами.

Свои исследования в Геттингене Брейер проводил под руководством таких известных историков, как Райнхард Виттрам, Ганс Мортенс, Вернер Гонце и Вернер Маркерт. Последний стал научным руководителем Брейера по теме диссертации.

Маркерт получил известность как политически ангажированный историк и социолог, специалист по Восточной Европе и СССР. Был членом НСДАП и считался одним из авторов планов нацистов по обустройству «жизненного пространства» на Востоке, сотрудничал с украинскими националистами. Несмотря на то, что Маркерт был сотрудником абвера в годы войны, после 1945 г. он не был репрессирован в числе активных сторонников нациз-

---

⁵ *Rhode G. Richard Breyer // Ostdeutsche Gedenktage 1987. S. 32–35; Beiträge zur deutsch-polnischen Nachbarschaft. Festschrift für Richard Breyer zum 75. Geburtstag. Berlin, Bonn, 1992. S. 15–24.*

ма⁶. Более того, с 1948 г. он преподавал в Геттингенском университете, где и познакомился с Брейером.

Под научным руководством Маркерта Брейер и защитил диссертацию, которая была опубликована в 1955 г. в издательстве Хольцнер (Вюрцбург) в качестве третьего тома серии «Марбургских восточных исследований»⁷.

Эта работа стала одним из первых трудов западно-германского историка, посвященного ключевому периоду германо-польских отношений: от прихода Гитлера к власти и до кануна Мюнхенских соглашений 1938 г.

В центре исследовательского интереса Брейера находились те непростые моменты германо-польских отношений, которые он лично испытал. Это наложило отпечаток на его диссертацию.

Ключевой вопрос связан с внешнеполитической ориентацией Польши в 1930-е гг., перед которой стояла альтернатива: искать в лице гитлеровской Германии союзника для реализации своих великодержавных планов на Востоке, или же борьба против нацистской Германии.

Брейер стал основоположником историографической гипотезы о том, что после заключения польско-советского договора о ненападении 1932 г. польское руководство получило возможность для ревизии границы с Германией. После победы нацистов в Германии Польша и Пилсудский лично хотели провести превентивную войну (полицейскую операцию) против Германии, занять Данциг, Восточную Пруссию и Верхнюю Силезию, однако эта идея не получила одобрения в Париже и Лондоне.

Выводы Брейера были критически восприняты рядом других историков, которые критиковали его за ограниченный круг источников, в частности, отсутствие архивных документов⁸.

С современной точки зрения следует констатировать, что Брейер имел основания для своих заключений. Так, по данным Фе-

---

⁶ Internationales Biographisches Archiv 25/1965 vom 14. Juni 1965 // <http://www.munzinger.de>.

⁷ *Breyer R.* Das Deutsche Reich und Polen 1932–1937. Außenpolitik und Volksgruppenfragen. Holzner-Verlag, Würzburg, 1955.

⁸ См., напр.: *Kotowski A.* Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919–1939. Wiesbaden, 1998. S. 7.

дерального архива ФРГ нацистская агентура в конце мая 1933 г. с тревогой сообщали о пробной мобилизации вооруженных сил Польши⁹, о готовности поляков захватить Данцига¹⁰.

С другой стороны, еще в ноябре 1931 г. в высших кругах Польши и Германии обсуждалась возможность мирной ревизии границ. Так называемый «проект Пилсудского» предполагал расширение германской территории за счет передачи ей Торна и Бромберга, а также нейтрализации района Гдыни, за что Польша рассчитывала получить 3–4 млрд злотых, а также всю Литву и Мемель как балтийский порт¹¹.

Практически весь 1933 г. польское руководство рассматривало гитлеровскую Германию в качестве потенциального противника. По стране прокатилась волна антинемецких акций, в частности «Черное вербное воскресенье» 1933 г. в Лодзи. Оценки этого события Брейером так же воспринимаются в историографии критически. В частности, речь идет о виновных в погромах. Брейер исходил из того, что инициаторами антинемецкого выступления были радикальные сионистские и польские организации¹².

При этом Брейер обращал внимание и на деятельность немецких радикальных, пронацистских организаций, таких как Младонемецкая партия. Он указывал, что гитлеровцы попытались взять под свой контроль общественное движение польских немцев, в частности, в родной для Брейера Средней Польше. Но даже здесь не удалось создать единой прогерманской партии в лице «Союза немцев в Польше» во главе с сенатором Э. Хасбахом¹³.

Таким образом, диссертационное исследование Р. Брейера стало одним из первых трудов в западно-германской историографии, посвященных истории польско-германских отношений в 1930-е гг. Ее несомненным достоинством был тот факт, что проблемы была раскрыта с точки зрения немецкого национального

---

⁹ Bundesarchiv: Abteilung Reich und DDR zusammen mit Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR. Berlin. (BA). NS 43 / 30/ Fol. Bl. 457.

¹⁰ BA. NS 43 / 30/ Fol.1 Bl. 88.

¹¹ BA. NS 43 / 30/ Fol.1 Bl. 388.

¹² Breyer R. Op. cit. S. 250; Кретинин С.В. «Черное кровавое Вербное воскресенье» в Лодзи 9 апреля 1933 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–2 (63). С. 191.

¹³ Breyer R. Op. cit. S. 252–254.

меньшинства в Польше. Основным недостатком работы был тот факт, что Брейер мог опираться лишь на доступные ему опубликованные источники, и не имел доступа к документам германского МИДа. Тем не менее, он считается авторитетным специалистом по истории польско-германских отношений, а его выводы ретранслируются более поздними исследователями¹⁴.

Свои исторические штудии Брейер продолжил и развил в Институте им. Гердера в Марбурге, где опубликовал несколько работ, посвященных истории немецко-польских отношений¹⁵.

Одним из важных исторических сюжетов для Брейера были события сентября 1939 г., связанные с интернирование активистов немецкого меньшинства в Польше. Среди этих активистов был и сам Рихард, так что его исследования по этой теме носят автобиографический характер¹⁶.

Помимо собственно исторических исследований, с середины 1960-х гг. Брейер занялся активной общественно-политической деятельностью в интересах так называемых «изгнанных» немцев и их землячеств, созданных в Западной Германии. Сам Брейер был одним из лидеров Землячества Вайхель-Варте, и публиковал научно-популярные работы по теме потерянных «восточных территорий», границ по Одру и Нейсе, положению населения в тех землях, что оказались под управлением СССР (Восточная Пруссия) и Польской Народной Республики¹⁷. Эти публикации были выпол-

---

¹⁴ См.: *Roos H.* Geschichte der Polnischen Nation 1918–1978. Stuttgart, 1979. S. 131.

¹⁵ *Breyer R.* Die südpöußischen Beamten und die Polenfrage // Zeitschrift für Ostforschung. H. 4. 1955. S. 531–548; Einwohnerdichte in Polen, in der Freien Stadt Danzig sowie in Ost- und Mitteldeutschland nach den Volkszählungen in Polen am 9.12.1931, in Danzig am 18.8.1929 und im Deutschen Reich am 16.6.1933 / nach Vorschlägen von G. Ipsen berechnet und entworfen von R. Breyer und H. Schwalm. Marburg, 1955; Pommern / Bearb.: Richard Breyer. Marburg, 1955; Ders. Die kaschubische Bewegung vor dem Ersten Weltkrieg // Studien zur Geschichte des Preussenlandes: Festschrift für Erich Keyser zu seinem 70. Geburtstag / hrsg. von Ernst Bahr. Marburg, 1963. S. 327–341.

¹⁶ *Breyer R.* Die deutsche Volksgruppe in Polen und der Kriegsausbruch 1939 // Westpreußen Jahrbuch. Bd. 19. Münster, 1969. S. 5–13; Ders. Die Septemberereignisse 1939 in polnischer Sicht // Jahrbuch Weichsel-Warthe. 1969. S. 28–34.

¹⁷ *Breyer R.* Ostbrandenburg unter polnischer Verwaltung // Ostdeutschland unter fremder Verwaltung: 1945–1955. Frankfurt/M., 1959. S. 156–158; Ders. Carl Goerde-

нены в духе реваншизма, в частности, автор доказывал историческое право немцев на «восточные территории» и несправедливость границ по Одеру-Нейсе.

Однако основным направлением деятельности Брейера оставались исторические исследования, в том числе, организаторская работа в Институте им. Гердера в Марбуре и во главе «Историко-краеведческой комиссии по Познани и немцам в Польше».

По инициативе Брейера в Марбурге был создан архив по истории немцев в Польше, а так же в других странах Восточной Европы. В его основе оказались документы и материалы, собранные еще отцом Рихарда Брейера Альбертом, в том числе и его персональный архив¹⁸. Эти архивалии были и остаются важнейшим источником для исследователей, а сам Институт им. Гердера превратился в крупнейший научно-исследовательский центр.

Брейер привлек к работе в Институте многих известных историков, изгнанных из Польши, таких, как Готхольд Роде. Именно по заказу Историко-краеведческой комиссии по Познани и немцам в Польше Роде публикует одно из наиболее значимых сочинений: «Историю города Познани»¹⁹.

Роде и Брейер продолжали традиции «остфоршунга», приспособив их к новым политическим условиям. Основными компонентами, на которых они акцентировали внимание, стала «работа для нашего Востока» и антикоммунистическая пропаганда. Они продолжали оставаться на позициях немецкого культуртреггерства, остро переживая изгнание своих соотечественников с восточных территорий. При этом акцентировали внимание на том, что поляки сами стали жертвой экспансионизма Советского Союза, который насадил в Восточной Европе коммунистические режимы²⁰.

---

ler und die deutsche Ostgrenze // Zeitschrift für Ostforschung; 1964, H. 1/2. S. 198–208; Ders. Die Oder-Neiße-Linie bei Stettin // Recht im Dienste der Menschenwürde. Würzburg, 1964. S. 423–443; Ders. Ostpreußen unter sowjetischer Verwaltung. Anlagen zum Rundbrief, 1966.

¹⁸ Dokumentensammlung des Herder-Instituts (Marburg). DSHI. 100. Nachlass Albert Breyer.

¹⁹ Geschichte der Stadt Posen / Im Auftrag der Historisch-Landeskundlichen Komm. für Posen und das Deutschtum in Polen hrsg. von Gotthold Rhode. Neuendetsau: Freimund-Verl., 1953.

²⁰ См.: *Кретицин С.В., Некрасова Т.А.* Рец. на книгу: Экерт А. Между исследованием Востока и восточноевропейской историей. К биографии историка Гот-

В этом ключе были выдержаны сочинения Брейера 1970–1980-х гг., посвященные, в частности, современной общественно-политической обстановке в Польше. В центре внимания автора были проблемы польской историографии, управленческая реформа, реакция на избрание папой римским кардинала Карела Войтылы²¹.

В 1981 г. Брейер вышел на пенсию, но продолжал принимать активное участие в работе Института им. Гердера, много публиковался. Его последние работы посвящены общим вопросам истории Польши, ее немецкого национального меньшинства и т. п.²² Умер Рихард Брейер в 1999 г.

---

1. Beiträge zur deutsch-polnischen Nachbarschaft. Festschrift für Richard Breyer zum 75. Geburtstag. Berlin, Bonn, 1992.

2. *Breyer A.* Deutsche Siedlungen der Umgegend von Lodz. Lodz, 1935.

3. *Breyer A.* Deutsche Gaue in Mittelpolen. Plauen im Vogtland: Wolff, 1935.

4. *Breyer R.* Carl Goerdeler und die deutsche Ostgrenze // Zeitschrift für Ostforschung; 1964, H. 1/2.

5. *Breyer R.* Die Septemberereignisse 1939 in polnischer Sicht // Jahrbuch Weichsel-Warthe. 1969.

6. *Breyer R.* Ostpreußen unter sowjetischer Verwaltung. Anlagen zum Rundbrief, 1966.

7. *Breyer R.* Albert Breyer // Ostdeutsche Gedenktage 1989.

8. *Breyer R.* Das Deutsche Reich und Polen 1932-1937. Außenpolitik und Volksgruppenfragen. Holzner-Verlag, Würzburg, 1955.

хольда Роде (1916–1990). Оснабрюк, 2012. 330 с. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 2. С. 120–125.

²¹ Verwaltungsreform in Polen 1975 / [Hrsg. vom Johann-Gottfried-Herder-Inst., Marburg an der Lahn. Bearb. von Richard Breyer]. Marburg an der Lahn, 1975; Zur Rolle der Geschichte im heutigen Polen / Johann-Gottfried-Herder-Inst. [Bearb. von Richard Breyer]. Marburg an der Lahn, 1976; Der Papst polnischer Nation: zum Widerhall seiner Wahl in Ostmitteleuropa / Johann-Gottfried-Herder-Inst. [Bearb. von Richard Breyer]. Marburg an der Lahn, 1979.

²² Erfahrung und Zeugnis der Deutschen aus Polen // Richard Breyer. (Hrsg.). Berlin, 1987; *Breyer R.* Die Deutschen in Polen: ein historischer Überblick. Lüneburg, 1989; *Breyer R., Kenéz C.J.* Das russische Teilgebiet 1815 bis 1914 // Land der großen Ströme: von Polen nach Litauen. Berlin, 1996. S. 282–340

9. *Breyer R.* Die deutsche Volksgruppe in Polen und der Kriegsausbruch 1939 // Westpreußen Jahrbuch. Bd.19. Münster, 1969.
10. *Breyer R.* Die Deutschen in Polen: ein historischer Überblick. Lüneburg, 1989.
11. *Breyer R.* Die kaschubische Bewegung vor dem Ersten Weltkrieg // Studien zur Geschichte des Preussenlandes: Festschrift für Erich Keyser zu seinem 70. Geburtstag / hrsg. von Ernst Bahr. Marburg, 1963.
12. *Breyer R.* Die Oder-Neiße-Linie bei Stettin // Recht im Dienste der Menschenwürde. Würzburg, 1964.
13. *Breyer R.* Die südpreußischen Beamten und die Polenfrage // Zeitschrift für Ostforschung. H. 4. 1955.
14. *Breyer R.* Ostbrandenburg unter polnischer Verwaltung // Ostdeutschland unter fremder Verwaltung: 1945 – 1955. Frankfurt/M., 1959.
15. *Breyer R., Kenéz C.J.* Das russische Teilgebiet 1815 bis 1914 // Land der großen Ströme: von Polen nach Litauen. Berlin, 1996.
16. Bundesarchiv: Abteilung Reich und DDR zusammen mit Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR. Berlin. (BA). NS 43 / 30/ Fol.
17. Der Papst polnischer Nation : zum Wiederhall seiner Wahl in Ostmitteleuropa / Johann-Gottfried-Herder-Inst. [Bearb. von Richard Breyer]. Marburg an der Lahn, 1979.
18. Dokumentesammlung des Herder-Instituts (Marburg). – DSHI. 100. Nachlass Albert Breyer.
19. Einwohnerdichte in Polen, in der Freien Stadt Danzig sowie in Ost- und Mitteldeutschland nach den Volkszählungen in Polen am 9.12.1931, in Danzig am 18.8.1929 und im Deutschen Reich am 16.6.1933 / nach Vorschlägen von G. Ipsen berechnet und entworfen von R. Breyer und H. Schwalm. Marburg, 1955.
20. Erfahrung und Zeugnis der Deutschen aus Polen // Richard Breyer. (Hrsg.). Berlin, 1987.
21. Geschichte der Stadt Posen / Im Auftrag der Historisch-Landeskundlichen Komm. für Posen und das Deutschtum in Polen hrsg. von Gotthold Rhode. Neuendettelsau: Freimund-Verl., 1953.
22. Internationales Biographisches Archiv 25/1965 vom 14. Juni 1965 // <http://www.munzinger.de>.
23. *Kotowski A.* Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919-1939. Wiesbaden, 1998.
24. Pommern / Bearb.: Richard Breyer. Marburg, 1955.
25. *Rhode G.* Richard Breyer // Ostdeutsche Gedenktage 1987.
26. *Roos H.* Geschichte der Polnischen Nation 1918–1978. Stuttgart, 1979.

27. Verwaltungsreform in Polen 1975 / [hrsg. vom Johann-Gottfried-Herder-Inst., Marburg an der Lahn. Bearb. von Richard Breyer]. Marburg an der Lahn, 1975.

28. Zur Rolle der Geschichte im heutigen Polen / Johann-Gottfried-Herder-Inst. [Bearb. von Richard Breyer]. Marburg an der Lahn, 1976.

29. *Кретинин С.В.* «Черное кровавое Вербное воскресенье» в Лодзи 9 апреля 1933 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2 (63).

30. *Кретинин С.В.* Младонемецкое движение в Польше 1920–1930-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 4. С. 391–401.

31. *Кретинин С.В., Некрасова Т.А.* Рец. на книгу: Экерт А. Между исследованием Востока и восточноевропейской историей. К биографии историка Готхольда Роде (1916–1990). Оснабрюк, 2012. 330 с. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 2. С. 120–125.

32. *Кретинин С.В.* Немцы в Польше и политика нацистской Германии накануне Второй мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2.

ПАМЯТЬ ИСТОРИКА И ИСТОРИК В ПАМЯТИ

Н.П. Матханова

**«Все, что личная моя память
сохранила о прошлом...» (воспоминания
историка П.Г. Васенко о детстве)**

Рассматриваются воспоминания известного русского историка и археографа П.Г. Васенко (1874–1942). Они были написаны во Владимире, где репрессированный по «академическому делу» историк находился на поселении. В воспоминаниях описывается история семьи, детство автора и его родителей. Это воспоминания историка, отдающего себе отчет, что он создает источник для будущих исследований.

Ключевые слова: воспоминания, историография, «Академическое дело», П.Г. Васенко, история детства.

Н.П. Matkhanova

**"All that's personal, my memory
retained about the past..." (memories
of the historian P.G. Vasenko on the child)**

The paper considers Memoirs P.G. Vasenko (1874–1942). He was a Russian historian and a specialist in the field of archaeography. The Memoirs were written in Vladimir where the memoirist lived after serving his sentence as a participant of the “Academic case”. The Memoirs describe family history and author’s and his parents childhood years. The author of Memoirs, being a historian, realized that he was producing a source for future studies.

Key words: memoirs, historiography, academic case, P.G. Vasenko, history of childhood.

Платон Григорьевич Васенко (1874–1942) известен своими трудами по истории России XVI–XVII вв. и публикациями исторических источников; в последние годы было довольно много написано о его работах и его вкладе в развитие отечественной исторической науки¹. А.В. Сиренов опубликовал предпоследнюю работу историка – «Мелочи прошлого быта»². Наиболее подробно о судьбе и работах П.Г. Васенко рассказано в ряде статей В.В. Митрофанова³. Он же первым ввел в научный оборот ряд документов Васенко, а также письма Платона Григорьевича к С.Ф. Платонову, опубликовал переписку П.Г. Васенко с директором Литературно-

---

¹ *Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. / Археография и источниковедение Сибири. Вып. 21. Новосибирск, 2001. С. 6; *Покровский Н.Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: в 3 т. Т. I. М., 2007. С. 89–93, 99, 104; *Серов Д.О.* Васенко П.Г.: Материалы к библиографии (1899–1929) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 4. М., 1992. С. 419–423; *Сиренов А.В.* От издателя // Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта: Анекдотические факты из жизни «высокопоставленных» лиц, артистов, происшествий театрального мирка, духовных академиков, профессоров и других ученых, педагогов, директоров учебных заведений / предисл., подг. текста, комментарии А.В. Сиренова. СПб., 2004. С. 3–6; *Сиренов А.В.* Степенная книга. История текста. М., 2007. С. 32–37; *Солодкин Я.Г.* П.Г. Васенко (К истории изучения русской публицистики XVI–XVII веков в Санкт-Петербургском университете) // Российские университеты в XVIII–XX веках. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 130–133; *Солодкин Я.Г.* П.Г. Васенко (Основные направления исследовательской деятельности) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2002. № 5 (29). С. 89–91; *Усачев А.С.* К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. 2005. № 4 (22). С. 28–29; *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. СПб., 2010. С. 36–42.

² *Васенко П.Г.* Мелочи прошлого быта: Анекдотические факты из жизни «высокопоставленных» лиц, артистов, происшествий театрального мирка, духовных академиков, профессоров и других ученых, педагогов, директоров учебных заведений / предисл., подг. текста, комментарии А.В. Сиренова. СПб., 2004.

³ *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко (творческие и личные взаимоотношения) // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 155–166; *Митрофанов В.В.* П.Г. Васенко о «Сказании Авраамия Палицына» (подг. к публ. и комм.) // Исторический архив. 2009. № 6. С. 207–211; *Митрофанов В.В.* Историка трагической судьбы: П.Г. Любимиров и П.Г. Васенко // История и историческая память. Вып. 5. Саратов, 2012. С. 185–201.

го музея В.Д. Бонч-Бруевичем⁴ и «Воспоминания о моей жизни и прошлом быте»⁵. К сожалению, в этих публикациях оказался ряд пропусков и ошибочных прочтений, в том числе и имеющих существенное значение. Переиздавая текст воспоминаний в 2015 г., публикатор сократил число ошибок, но не сумел избежать их (в том числе и имеющих существенное значение), приводя к тому же собственные комментарии вперемешку с примечаниями автора⁶. В 2014 г. была осуществлена научная публикация воспоминаний П.Г. Васенко отдельной книгой⁷ (далее сноски на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц).

Известно, что воспоминания и письма историков имеют свою специфику, обусловленную их профессиональной принадлежностью, наличием в тексте профессионального анализа описываемых лиц и событий⁸. Анализируя и содержание десяти томов

---

⁴ Митрофанов В.В. «Иначе же мне грозит в будущем голодная смерть...»: факты из жизни и творчества П.Г. Васенко во время административной ссылки в г. Владимире // Клио. 2012. № 10 (70). С. 127–132.

⁵ Митрофанов В.В. «Желание передать будущему поколению...»: П.Г. Васенко и его «Воспоминания» // Клио. 2013. № 2 (72). С. 3–8; № 7 (78). С. 27–33; № 11 (83). С. 24–30; 2014. № 1 (85). С. 3–11; № 2 (86). С. 7–17; № 3 (87). С. 15–23; № 4 (88). С. 5–13. С 2014 г. под названием «Воспоминания о моей жизни и прошлом быте».

⁶ П.Г. Васенко: Из творческого наследия (Исследования. Воспоминания. Переписка): материалы / вступ. ст., сост., публ. В.В. Митрофанова. Нижневартовск, 2015.

⁷ Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / предисл., подг. текста, коммент. Н.П. Матхановой, отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2014.

⁸ Приймак Н.И. Россия начала XX века в мемуарах историков // Плехановские чтения. Исторические судьбы России. СПб., 1999. С. 59–62; Корзун В.П., Свешиников А.В., Мамонтов М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков). Омск, 2003. С. 3–36; Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006; Приймак Н.И. Россия начала XX века в мемуарах историков // Плехановские чтения. Исторические судьбы России. СПб., 1999. С. 59–62; Гришина Н.В. «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в. // Мир историка:

серии «Мир историка», и тематическое пространство современной историографии, В.П. Корзун и ее коллеги и соавторы отметили: «В рамках антропологического поворота, преодолевая “безлюдность” истории науки, мы стремились актуализировать биографический жанр в единстве с творчеством и жизнью историка, как в большом социуме, так и внутри профессионального сообщества»⁹. В ряде статей и публикаций и в этом, и в других изданиях повествуется о биографиях и семьях историков, об условиях и контексте их вхождения в науку, издаются их воспоминания и письма¹⁰.

В отличие от многих других историков-мемуаристов, П.Г. Васенко не успел осветить ни истории своего образования и творческого становления, ни отношений с учителями и коллегами, ни тех серьезных общественно-политических событий, современником которых он был. Нет в них и таких характерных для мемуаров историков черт, как размышления о прошлом и настоящем, попытки оценок и научного анализа описываемого¹¹. Но при внимательном прочтении становится ясно, что автор – историк. История семьи вписана им в историю страны, упоминания о конкретных фактах, учреждениях, лицах сопровождаются пояснениями. Называя того или иного из своих предков, Васенко приводит сведения об исторических деятелях и событиях, с которыми тот был связан. В тексте воспоминаний и, особенно, в авторских примечаниях постоянно даются объяснения забытым многими реалиям исчезнувшей жизни. Во введении к тексту имеется очень важное

историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск, 2009. С. 152–177; и др.

⁹ Корзун В.П., Бычков С.П., Крих С.Б. Современное историографическое общество и его поиски на страницах «Мира историка» // Мир историка. Вып. 10. Омск, 2015. С. 22.

¹⁰ Корзун В.П. «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной) // Мир историка. Вып. 4. Омск, 2008. С. 455–499; Гришина Н.В. «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в. // Там же. Вып. 5. Омск, 2009. С. 152–177; Богомазова О.В. «Маленький сын большого отца»: фрагменты к биографии Б.В. Ключевского // Там же. Вып. 7. Омск, 2011. С. 43–62; и др.

¹¹ Приймак Н.И. Россия начала XX века в мемуарах историков. С. 59–62; Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков. С. 2.

замечание: «...в изложении я буду стремиться к самой добросовестной и, поскольку в силах человеческих, объективной передаче событий, как они мне помнятся и представляются» (с. 36). Как историк и источниковед, он явно понимал невозможность объективности и достоверности в подобном повествовании.

Первоначальный замысел («“Воспоминания” мои, – писал он, – охватят время с начала XIX столетия по конец 1917-го года») позволяет предположить, что в результате могли быть созданы «“большие” мемуары, в которых был бы целостно описан весь жизненный путь ученого»¹². Для этого у Васенко были все основания.

Творческая судьба П.Г. Васенко до революции складывалась вполне успешно: ученик профессора С.Ф. Платонова, в 1896 г. он с золотой медалью окончил Петербургский университет, был оставлен «при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории», в 1905 г. защитил диссертацию на степень магистра. С 1898 по 1913 г. Васенко преподавал в различных средних учебных заведениях, затем был профессором в Училище правоведения, преподавателем и профессором Историко-филологического института при Петроградском университете, читал лекции в Морском кадетском корпусе. С 1913 по 1917 г. состоял членом Ученого Комитета Министерства народного просвещения, в 1906 г. стал членом Археографической комиссии. В 1914 г. П.Г. Васенко имел чин статского советника, несколько орденов¹³.

К 1917 г. Васенко заслужил прочную профессиональную репутацию в научных кругах, опубликовал лучшие свои труды. Грозные события революционных лет переломили его научную и личную жизнь. Он терял одно место работы за другим, отчаянно ну-

---

¹² *Мяжков Г.П., Сальникова А.А.* Мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» и становление отечественной автобиографистики историка // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, 2002. С. 84.

¹³ *Серов Д.О.* Васенко П.Г.: Материалы к библиографии (1899–1929). С. 419–420; *Сиренов А.В.* От издателя; *Митрофанов В.В.* Историк трагической судьбы: П.Г. Любомиров и П.Г. Васенко. С. 190–191; *Матханова Н.П.* Судьба и мемуарное наследие П.Г. Васенко // Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте. С. 5–34.

ждался, умерла его вторая жена София Владимировна – выпускница Высших Женских курсов, писательница, помощница и соавтор, дети болели из-за голода и отсутствия лекарств, письма Платона Григорьевича к С.Ф. Платонову с просьбами о помощи производят поистине трагическое впечатление. Но благодаря учителю к концу первого послереволюционного десятилетия Васенко удалось наладить почти сносное существование: в 1929 г. он служил в Библиотеке Академии наук хранителем рукописного отделения, решением Комиссии по улучшению быта ученых был включен в «высшую группу “А” (выдающиеся ученые) научных работников», что обеспечивало относительно приличный паек. «Академическое дело», разгром гуманитарных научных учреждений Академии наук привели к новому трагическому повороту в судьбе П.Г. Васенко. Вслед за С.Ф. Платоновым и другими выдающимися русскими историками он был уволен, арестован и, как сам он писал 6 июня 1933 г. В.Д. Бонч-Бруевичу, «осужден с 15/IV 1930 г. на 10-ть лет в концлагерь – Соловки». Из того же письма видно, что Васенко был досрочно освобожден в марте 1933 г. и переведен на поселение во Владимир (с. 232).

Несмотря на тяжелейшие условия, и здесь Платон Григорьевич пытался работать. Конечно, заниматься собственно научной работой возможности не было. Но создание воспоминаний тоже было интеллектуальным занятием. Первым по времени сочинением, написанным в ссылке, было собрание «анекдотических фактов» из жизни разных людей, опубликованное А.В. Сириновым в 2004 г. Вторым – «Воспоминания о моей жизни и прошлом быте». Оба они появились благодаря покровительству В.Д. Бонч-Бруевича – известного советского государственного и партийного деятеля, в то время занимавшего должность директора Литературного музея. СобираТЕЛЬСКАЯ и просветительная деятельность Бонч-Бруевича не вписывается в стереотипные представления о «твердокаменном большевике», ее направленность и размах показывают, что он прекрасно понимал необходимость сохранения «осколков прошлого»¹⁴. В первом обращении к нему П.Г. Васенко указыва-

---

¹⁴ *Матханова Н.П.* Директор Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевич: помощь репрессированным историкам // Анциферовские чтения – 2014. М., 2015.

ет: «Я не знаком с Вами, но ... много слышал о Вашей благорасположенности» от коллег В.И. Срезневского и Ф.И. Покровского (с. 232). Известно, что другой политический ссыльный, известный историк В.Г. Дружинин, также репрессированный по «Академическому делу» и живший после выхода из лагеря в Ростове, тоже написал свои «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» по предложению В.Д. Бонч-Бруевича и тоже получал от него «гонорары», хотя и «очень скромные»¹⁵.

Мотивы создания воспоминаний П.Г. Васенко объяснил сам. На первой же странице он писал: «Приступаю к этим своим записям по обстоятельствам и побуждениям двух родов: внешним и внутренним. Досуг, вынужденный отчасти отсутствием в данное время и при данной обстановке подходящей мне по специальности или силам деятельности, отчасти полуинвалидностью, и необходимость какого-нибудь подспорного заработка». Это были «внешние» стимулы, «внутренние» же обозначены так: «Желание передать будущему поколению, зафиксировав на бумаге, все, что личная моя память сохранила о прошлом ныне быте и что, по моему мнению, представляет некоторый, пусть незначительный, общий интерес, стремление трудиться, пока позволяют мои силы, на любимом мной литературном поприще» (с. 35–36). Из писем Васенко к Бонч-Бруевичу становится понятно, что почти полное отсутствие средств к существованию было, действительно, одним из самых серьезных факторов, побуждавших его к работе. В то же время знакомство с текстом показывает, насколько важным было и стремление уйти от окружавшей беспросветной действительности, мысленно вернуться в счастливое, навсегда исчезнувшее прошлое. Думается, что этот мотив все еще недооценивается исследователями автобиографий. В отличие от многих воспоминаний, в рассматриваемом тексте ни разу не встречается обращение к собственным детям, хотя у Платона Григорьевича были к этому времени взрослые сын и три дочери и маленькая внучка. Мемуары адресованы потенциальным читателям, которые, как он

---

¹⁵ *Смирнова Т.Г.* В.Г. Дружинин и Археографическая комиссия // Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): материалы научных чтений 5 февраля 2010 г. СПб., 2010. С. 37; *Чебанов В.Д.* Последние годы В.Г. Дружинина // Там же. С. 165.

надеялся, все же будут интересоваться бытом и жизнью прошлой эпохи.

Вероятно, воспоминания П.Г. Васенко должны были стать классической автобиографией, но автор не успел или, точнее, не смог по не зависевшим от него обстоятельствам завершить свой труд. Мы имеем лишь его начало: рассказ о предках и родственниках и раннем детстве. В значительной части текста автор является одновременно и рассказчиком, и героем (основной признак автобиографии, по мнению Ф. Лежена). Но Васенко пишет о себе не как о личности, а как о члене семьи, его текст – это история семьи. Подобный подход был довольно распространенным и, вероятно, естественным для менталитета русских мемуаристов, но этот тезис нуждается в дополнительном изучении и подтверждении.

Повествование имеет довольно четкую структуру, ведется внешне объективно, но пронизано теплыми эмоциями.

Работа над воспоминаниями велась по продуманному плану. Во введении к ним автор писал: «“Воспоминания” мои охватят время с начала XIX столетия по конец 1917-го года. Начальная часть их при этом будет сперва чрезвычайно краткой и отрывочной, а затем при переносе действия в столицу и по мере приближения рассказа к временам моей личной жизни станет делаться полнее и обстоятельнее» (с. 36). Две первые части – «Что рассказали мне мать и отец о прошлом моей старшей родни до их брака» и «Моя семья до моего поступления в гимназию» – были написаны, отосланы в Государственный Литературный музей и сохранились в его архиве (с. 244). Работа над третьей и четвертой частями – «Мои гимназические годы» и «Университет» – велась (с. 244), но они не были отправлены Бонч-Бруевичу и, скорее всего, не сохранились, а, может быть, и не были закончены. В 1942 г. П.Г. Васенко, так и не дождавшись разрешения вернуться в Ленинград, погиб во Владими́ре – по сведениям потомков, попав под колеса автомобиля¹⁶.

При работе над воспоминаниями автор, очевидно, ориентировался на известные ему и опубликованные до конца 1920-х го-

---

¹⁶ Рыляков В.Н. Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей. Библиографический справочник. 2-е изд., испр. и доп., СПб., 2005. С. 52; Матханова Н.П. Судьба и мемуарное наследие П.Г. Васенко. С. 27.

дов аналогичные сочинения, в более позднее время он был лишен возможности следить за литературой – ни в лагере, ни во владимирской ссылке для этого не было условий.

Основное содержание первой части – повествование о предках и рассказы родителей об их детстве. Это явно были «отшлифованные многочисленными повторами семейные предания»¹⁷. Включение их в текст автобиографии было весьма распространенным в классических сочинениях подобного рода.

Из отцовского детства представлены только два рассказа о его «резвых проделках» в раннем детстве на родной Полтавщине, ничего нет о семейной жизни отца и матери «Грицка Васенка» и довольно кратко говорится о его учебе в Морском кадетском корпусе. Рассказ о приезде отца в Петербург и поступлении в Морской корпус пронизан юмором и весьма неправдоподобен. «Привез Грицка один из соседей деда по имени, какой-то отставной генерал. Привезя мальчугана в столицу, помещик, не откладывая дела в долгий ящик, на другой же день по прибытии, отправился с своим юным спутником в Морской корпус, где и сдал его с требуемыми документами. Сам же распростился с Грицком Васенком и удалился из Корпуса, не сказав никому своей фамилии и городского адреса». Мальчик, неважно подготовленный дома, провалил экзамены, и его хотели отправить домой. Администрация корпуса стала выяснять, кто его привез. Далее вполне серьезно процитирован забавный диалог, из которого выяснилось, что мальчик не знает ни фамилии своего спутника, ни адреса, где они остановились. После беседы, вероятно, показавшей некие способности Васенко, директор решил все же принять того в корпус (с. 40–41). Трудно поверить, чтобы тринадцатилетний сын офицера не знал фамилии соседа-генерала, да еще после многодневного путешествия с ним из Полтавы в Петербург. Очевидно, этот рассказ часто повторялся в семье, и сын либо не задумывался о его правдивости, либо не хотел подвергать сомнению и анализу одну из семейных легенд.

---

¹⁷ *Солодянкина О.Ю.* Детство с гувернерами и гувернантками (русские дворяне в конце XVIII – первой половине XIX в.) // *Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века)*. М., 2012. С. 319.

Больше (по объему примерно в три раза) в мемуарах говорится о ранних годах матери, о ее семье, учебе и т. д. Это вызвано не только естественным для семейных обычаев того времени обстоятельством, что отец был занят по службе и мало времени уделял детям. Преобладание материнских историй объясняется и тем, что еще в бытность Платона Григорьевича ребенком родители расстались и дети остались с матерью. Внешне автор пытается придерживаться объективного тона, но не скрывает, что душой он был на стороне матери. Кроме того, и в более поздние годы мать вплоть до смерти жила в семье П.Г. Васенко. Не могло не сказаться и понимание мемуаристом гендерных различий. Если обучение мальчика и юноши было обязательным, то серьезная учеба девочки в 1840–1850-е годы все еще оставалась относительно редким явлением, почему ей и уделено больше внимания.

Приводится несколько конкретных эпизодов из раннего детства матери. Два из них, относящиеся к началу 40-х гг. XIX в., свидетельствуют о нравах, царивших в доме прадеда. «Старик держал в повиновении и страхе всю семью своего сына Александра, жившую с ним, а также и всю близкую родню. Исключение составляла только маленькая его внука, моя мать, Сашенька». Властный, «не терпевший от других людей противоречий», Тарас Григорьевич «баловал ее, мирволил к ней». Однажды девочка захотела унести любимую ложечку деда. «Старшие стали ее уговаривать, усовещивать, страшить “дедушкой”. Сашенька стояла на своем». И дед ласково разрешил взять ложечку. В другой раз девочка сначала обещала деду остаться у него ночевать, а потом отказалась. Тогда «старшие» опять пригрозили, что «дедушка рассердится». Но дед не рассердился и «очень ласково простился с своей... любимицей» (с. 50–51). В обоих приведенных случаях «милостивое отношение» к ребенку вызывало удивление у окружающих, боявшихся грозного деда. По социальному статусу семья принадлежала к средним городским слоям, но в ней царили вполне патриархальные нравы, не вызывавшие, кстати, ни удивления, ни осуждения внука. Страх взрослых, вполне самостоятельных людей перед больным и беспомощным стариком («после удара, постигшего его в 1839-м году,... дар речи ему вернулся не вполне; а по дому Тарас Григорьевич передвигался, ползая на карачках» (с. 18),

готовность исполнять любые его капризы не столько из любви и уважения, сколько по привычке покоряться его воле – все это было типично скорее для семей более низкого статуса.

На конкретных примерах обрисован характер матери, проявившийся уже в раннем детстве, и семейные нравы. Ее отец во время одного из запоев поссорился с тещей и выгнал ее из дома. Саша была очень привязана «к своей кроткой, любящей и ласковой бабушке», поэтому ее изгнание так подействовало, что девочка тяжело заболела и в бреду упорно требовала вернуть бабушку. Пришлось протрезвевшему отцу отправиться на поклон к теще и умолять ее вернуться (с. 58–59). Довольно подробно говорится об учебе матери в «школе-пансионе» Луизы Чупати (Чупатти), пансионах Рош, Зверевой и особенно Е.Х. Грау, которое и окончила А.М. Васенкова, охарактеризованы личности начальниц, порядки и уровень преподавания.

Структура рассказов о детских годах родителей однотипна. Каждому из них предшествует повествование о предках, затем приводится несколько эпизодов из раннего детства и более подробно говорится об учебе. В тексте нет ощущения большой временной дистанции. Конечно, есть указание на исчезновение некоторых реалий, встречаются своеобразные метки: «в те времена», «тогда», «раньше» и т. д. Повествование ведется от третьего лица и несколько отстраненно, хотя и равнодушно. Особенно тепло говорится о детстве матери. Автор не только любит ее, он и гордится ею: настойчиво подчеркивает ее природные способности, стремление к знаниям, успешную сдачу экзамена «на звание домашней учительницы» и, наконец, создание собственной небольшой школы, что увенчало самостоятельную карьеру – редкое для шестидесятых годов явление.

Вторая часть, состоящая из двух глав, названа «Моя семья до моего поступления в гимназию». В первой главе («Моя семья до моего рождения») преимущественно говорится о жизни родителей, их заботе о детях, отношениях друг с другом и со старшими родственниками, и – хотя немного – о детстве старших брата и сестер. В нее включены собственно «детские» сюжеты о шалостях брата Николая и сестры Доры (Теодоры), много внимания уделено учебе, причем не только брата, но и сестер, их успехам и неудачам.

Как и в рассказах об учебе родителей, освещаются порядки в учебных заведениях – 6-й классической мужской гимназии, где учился брат, и особенно гимназии В.П. Стеблин-Каменской, ученицами которой были сестры. Внимание к этим вопросам естественно для П.Г. Васенко, многие годы преподававшего в женских гимназиях и Женском педагогическом институте.

Собственное детство стало основной темой второй главы («Первые годы моей жизни и быт нашей семьи до поступления моего в гимназию»). Изложение построено по хронологическому принципу и охватывает время с 1874 до 1883 г. В него включен ряд сюжетов, типичных для рассказов о детстве. Часть их основана на воспоминаниях старших родственников. Так, описано несколько «злключений»: младенец чуть не захлебнулся во время крещения «вследствие неопытности священника», игравшие с ребенком в отсутствие взрослых сестры уронили на него связку тяжелых ключей, в другой раз они же забавляли восьмимесячного брата «зажженной стеариновой свечой... и одна капля его попала» в правый глаз. Это событие имело тяжелые последствия: «глаз с тех пор стал слабее, чем другой; затем он понемногу начал скашиваться, – сперва чуть-чуть, к 50-ти годам сильнее; теперь же совершенно скосился на левую сторону и почти ничего не видит» (с. 159–160). Очевидно, полуслепота Васенко стала одной из причин его гибели.

Есть еще одно замечание, также относящееся не к детскому, а к взрослому периоду жизни, и имеющее весьма серьезное значение. К словам «был я довольно крупным младенцем и годов до двух очень полным, по словам некоторых моих близких родных, даже толстым мальчуганом» сделано примечание: «Со мной, очень узкокостным (в деда с материнской стороны) были отливы и приливы худобы и полноты; до 2-х лет я был толстым; затем стал худеть и до 13-ти лет был очень худощавым; с 13-ти лет стал сильно полнеть и к 17 годам был очень полным; затем снова “сдал”, был “жиденьким” студентом и вообще до 34 лет был крайне худ (3 п[уда] 37 ф[унтов] при почти высоком росте – 2 арш[ина] 7 ½ в[ершков] = 177 с[антиметров]), в 10-ть месяцев первой брачной жизни прибавил пуд; во время годового вдовства сбавил 20 ф[унтов], затем к 1917 году дошел до 7 п[удов]; к 1918 году к июлю – весил 4 пуда, затем до ареста (в 1930 г.) весил 5 пудов. Теперь ве-

шу 4 пуда» (с. 159). В абсолютно, казалось бы, личной и даже избыточной информации обнаруживается глубокий смысл. Колебания веса во взрослом возрасте очевидно отражают изменения в образе жизни и влияние трагических событий. Само собою напрашивается предположение, что Платон Григорьевич специально отметил эту взаимосвязь.

Рассказы о своем раннем детстве, как и о чужом (родителей, брата и сестер) – это воспоминания других. Они сохранялись в семье, как это обычно и бывает. Но под умелым пером автора (Васенко, как и многие историки, владел искусством письма), они превращены в яркие образные сцены. С 1877 г., т. е. с трех лет, – писал Платон Григорьевич, – «начинаются у меня более отчетливые, сначала, как вспышки во мраке забвения, воспоминанья» (с. 171), теперь уже собственные.

Дальнейшее описание более последовательно, полно и детально. Освещены почти все типичные для воспоминаний о детстве моменты: роль родителей и других родственников и отношения с ними, няни, игры и игрушки, первые книги, поездки, в частности, на дачу, смена квартир, посещения театра и т. д. Конечно, подробно останавливается автор на потрясшем всю семью горе – болезни и смерти брата Гриши: «Для меня лично смерть брата была большим горем: я потерял любимого товарища детских игр и забав, первого друга детства» (с. 189).

В связи со смертью брата на страницах воспоминаний вновь появляется тема, казалось бы, чуждая истории детства, – тема кладбищ. Впервые она возникла в описании повседневной жизни семьи матери и летних поездок за город – в гости или на кладбище. Упомянув о том, где именно Васенковы хоронили своих родных, автор замечает, что в 1855 г. М.Т. Васенков «купил несколько мест на Пещерских мостках» Волкова кладбища (с. 81). Далее Платон Григорьевич выступает уже в роли историка и бытописателя: характеризует порядок размещения могил на Волковом кладбище, петербургский обычай выезжать на кладбища «летом с закуской, самоваром, водочкой», сравнивает его с выездами западноевропейских горожан «на траву» и объясняет тем, что «тенистое кладбище давало много зелени» (с. 81–82). Демократизация дачной жизни петербуржцев к концу XIX в. привела к распростране-

нию обычая выезжать летом за город на все более широкие городские слои¹⁸. Стремление людей к удовлетворению естественной рекреационной потребности выражалось и в так называемых загородных гуляньях, но, оказывается, удовлетворять ее можно было и таким необычным способом, как поездки на кладбища. Вспоминал об этом явлении и композитор Б.В. Асафьев, относя его к временам своего детства, концу 1880-х – началу 1890-х гг.¹⁹

Из типичных для воспоминаний о детстве тем присутствует и описание болезней. Кроме подробного рассказа о тяжелой и трагически кончившейся болезни любимого брата, о них говорится довольно бегло, хотя автор и отмечает присущую ему мнительность. Перечислены многие детские болезни: корь, скарлатина, дифтерит, перенесенный Николаем, удаление гланд у Веры. Добрым словом помянуты врачи и особо – «специальный» детский врач, первый в России профессор-педиатр Н.И. Быстров (с. 173).

Другие детские впечатления были более радостными, и в их воспроизведении в большей степени проявляется стремление передать ощущения ребенка. Одним из ярких событий стало посещение на Рождество 1879 г. «грандиозной ёлки» у знакомых. Наряду с самой ёлкой, которая (в отличие от домашней) «была и огромна, и особенно богато, притом красиво, разубрана», запомнились подарки – замечательные игрушки: большой картонный «разборный корабль-пароход» к которому прилагались «из картона же сделанные, матросы, капитан, штурман и т. д., пассажиры, багаж, волны, морские растения». Такой же «зоологический сад, в котором было до ста клеток с зверями или отдельных зверей – из картона на деревянных подставках, фигурки сторожей, посетителей, касса» (с. 180). Подобная ситуация весьма типична, «в мемуарах многих авторов воспоминания о рождественских приготовлениях воплощают тему счастливого детства. При этом детально описываются малейшие подробности давних праздников, помнятся все игрушки»²⁰.

---

¹⁸ Конечный А.М. Дачный быт Петербурга в начале XX в. // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 444–474.

¹⁹ Асафьев Б.В. О себе и своем // Воспоминания о Б.В. Асафьеве. Л., 1974. С. 319.

²⁰ Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. СПб., 2008. С. 30.

Из любимых игрушек упомянута еще «почтенных размеров будка, стоя у которой с большим игрушечным ружьем в руках», мальчик «изображал часового» (с. 197). Как и полагалось сыну офицера, Платон был несказанно рад, получив ко дню рождения «несколько фантастическую форму кавалерийского полковника: каску, китель с офицерскими пуговицами и густыми полковничьими эполетами, серебряные аксельбанты, лядунку, шпоры и оловянную саблю» (с. 207).

Из поездок запомнились паломничество в Шлиссельбург, «на поклонение местной Казанской иконе Божией матери» (с. 181) и особенно путешествия на полтавский хутор к родственникам отца. Подробно запечатлена жизнь на даче в Коломягах, куда семья ездила несколько лет подряд. Здесь Васенко вновь выступает в роли бытописателя. Дачная жизнь – тема, занявшая больше всего места в тексте, относящаяся к собственным детским воспоминаниям автора. Поскольку поездки в Коломяги – дачный поселок, ставший затем пригородом Ленинграда, а ныне включенный в городскую черту Петербурга, продолжались много лет, описание его основано не только на детских впечатлениях. Охарактеризовано местоположение, расположение улиц, состав дачников, местных жителей и торговцев, облик дач и т. д. Больше всего внимания уделено развлечениям – танцам, концертам, спектаклям, играм.

Обычная и даже обязательная составляющая часть любых воспоминаний о детстве представителей сколько-нибудь обеспеченных семей конца XIX – няни и прислуга вообще. Специфика офицерских семей заключалась в том, что неизменными, а порой и единственными представителями прислуги были денщики, у моряков – вестовые. Нередко они служили в доме по многу лет, были в курсе всех дел и отношений и становились почти членами семьи. Таким у Васенко был молодой вологжанин Афанасий Москвин, прослуживший около семи лет, научившийся «вежливому обхождению с господами» (а первоначально позволявший себе выражаться при барыне непечатными словами), ставший «заправским поваром» и привыкший посещать театр (чтобы не тратить на билет, приходилось наниматься помощником осветителя).

Только после рождения третьего ребенка решились взять хотя бы подходящую женщину, которая сначала приходила толь-

ко для «большой стирки», а затем стала своей в доме. Но настоящей няни, занимавшейся преимущественно детьми, не было до перехода отца на службу в петербургскую речную полицию, что существенно улучшило материальное положение семьи. Но именно об этой настоящей няне Платон Григорьевич написал лишь несколько строк, вспомнив о рассказанных ею сказках. Гораздо большее место в его жизни и, соответственно, воспоминаниях, занимала Е.А. Тидеман – пожилая знакомая матери, приходившая посидеть с детьми. О ней написано, хотя порой иронически, но с искренним теплом. В эмоциональной жизни мемуариста она, вероятно, заняла место отсутствующей бабушки (обе они, и со стороны матери, и со стороны отца, не дожили до рождения младшего внука).

Большую роль в жизни детей играл дед со стороны матери. В молодости страстный игрок, склонный к запоям, вспышкам гнева и даже деспотическим поступкам, в старости он любил и баловал внуков, играл с ними, заступался за наказанных перед родителями, рассказывал разные истории, сопровождал в поездках. От него в семье зародилась любовь к театру, он дарил детям книги, а Платону подарил экземпляр «Истории» Карамзина, который тот хранил почти всю жизнь.

Отношение матери к детям описывается как образцовое: она заботилась об их здоровье; защищала от подлинных и мнимых обидчиков; наказывала провинившихся; сначала сама учила детей, потом следила за их учебной работой. А.М. Васенко была «сторонницей трудового начала», но не одобряла педагогического приема, существовавшего в знакомой семье, где помощь детей по дому «вознаграждались несколькими копейками, чтоб дети привыкли “зарабатывать”». Она же «считала, что в семье должно быть даровое сотрудничество детей» (с. 157). Как это было принято в интеллигентной среде, дети рано умели читать, их водили в театры, на концерты, в библиотеку. Посещение общедоступной библиотеки, выбор менее дорогого, но позволявшего брать больше книг абонемента, – это тоже характерно для интеллигенции. Говоря о воспитании и образовании сестер, автор особо останавливается на обучении их музыке. В семье любили музыку, посещали концерты и театр, было приобретено фортепиано, а затем и кабинетный рояль.

По статусу отца семья Васенко была дворянской и офицерской, но в воспоминаниях зафиксированы черты, более характерные для интеллигенции и среднего чиновничества. Но крайне необычным для людей этого круга, а тем более для жены капитан-лейтенанта и петербурженки было занятие «молочным хозяйством». Были куплены и помещены в большом пустом сарае во дворе съемной квартиры три коровы, нанята прислуга, которая должна была кормить, поить и доить их. Молоко шло не только на питание детей, но и на продажу, что давало доход. Это продолжалось около четырех лет и проданы коровы были только в связи с переездом на другую квартиру. Конечно, такое редкостное явление не могло не произвести сильного впечатления, и Васенко пишет: «Я помню рассказы матери о коровах, помню и самих коров, которых иногда кармливал хлебом с солью, ... эти животные много занимали мое внимание и воображение в детстве». К этому рассказу есть любопытное примечание. Корм для животных назывался дома «мяска» или месиво, но мальчик воображал, что «“мяска” – это особое “специфическое” питательное растительное вещество». Васенко замечает: «мое недоразумение со словом “мяска” характерно для детской психологии и лингвистики» (с. 163). Это внешне незначительное примечание говорит о внимании к подобным вопросам – редком для 1930-х гг., когда создавались воспоминания.

С понятной для 1930-х гг. осторожностью говорится о такой важной и в то же время привычной стороне жизни, как соблюдение церковных обрядов и вообще отношение к религии. «В церкви... мать бывала редко; но все мы ежегодно говели» (с. 200), не раз она вместе с детьми отправлялась на богомолье в окрестности Петербурга – в Колпино и Шлиссельбург, где находились «чтимые» иконы. «При переезде на дачу, а с дачи на зимнюю квартиру приглашался священник для водосвятного молебна. На Рождестве и Пасхе приезжал к нам протоиерей Наумов». Автор не скрывает своего искреннего уважения к этому «ученому протоиерею», магистру богословия и своему духовнику (с. 200). Он отмечает, что более других членов семьи «тяготел к церковности» старший брат Николай, который позже «ушел в монахи по особому случаю» (с. 201). Подробнее о его судьбе предполагалось рассказать в последней части воспоминаний.

Детство Платон Васенко провел в Петербурге, и история его детства – это, прежде всего, городская, петербургская история, хотя в тексте, как уже упоминалось, довольно много говорится и о жизни на даче и в полтавском имении. Из собственно городских впечатлений мальчику запомнились переезды с одной квартиры на другую, Летний сад, вблизи которого семья жила два года. Из впечатлений от городской повседневности отсутствуют типичные воспоминания о дворах и улицах, транспорте и торговле²¹. В то же время, обращаясь к поездкам за город, автор неоднократно упоминает сначала кареты, а затем дилижансы и пароходы, подробно описывает лавки и разносчиков в Коломягах. Памятным для Васенко оказалось посещение семьей со всеми детьми знаменитой (самой дорогой тогда, – замечает автор) фотографии Бергамаско зимой 1878–1879 г. (с. 172). В более старшем возрасте важными событиями в городской, как, впрочем, и в дачной жизни, становились посещения театра – это вообще было обычно для детских воспоминаний о городской жизни²². Театр любили многие старшие родственники, начиная с деда, включая мать и старших брата и сестер. Вообще в воспоминаниях о детстве П.Г. Васенко довольно много сообщил о своих интересах, вкусах, склонностях, сложившихся в детском возрасте. Он с шести лет любил, а с восьми и умел танцевать (с. 186), примерно с тех же лет регулярно слушал музыку – и во время семейного музицирования, и на концертах, – и ходил в театр.

Главной же страстью стало чтение, ради него мальчик «всегда готов был забыть все на свете» (с. 199). Читать он научился очень рано, и даже замечал: «Я не помню себя неграмотным» (с. 179). Книги, как и театр, любил и дед, от которого внуку достались «одно из довольно ранних изданий Карамзинской “Истории Государства Российского”, с ключом [примечаниями] к ней Строева» (с. 54), шеститомник Пушкина и «Басни» Крылова (эту книжку дед дарил всем внукам по достижении ими семи лет).

---

²¹ *Фельдштейн О.И.* Формирование городской идентичности: детство в Петербурге и Москве во второй половине XIX – начале XX в. // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 121, 125, 126.

²² Там же. С. 129.

П.Г. Васенко перечислил множество прочитанных им еще до гимназии детских книг, имевшиеся в доме журналы. Самое важное замечание о прочитанном: «С особым же наслаждением я еще до гимназии зачитывался (и прочитал ее полностью) “Историей Государства Российского” Карамзина с примечаниями, что и определило, быть может, мой вкус к русской истории» (с. 200). Оглядываясь в далекое прошлое, Васенко вспоминает, что в семье его ценили и даже считали вундеркиндом: у него была блестящая память, он очень много читал и помнил прочитанное.

Классифицируя мемуары о дореволюционном детстве, созданные в советское время, исследователи делят их на «миф о “потерянном рае” и утраченном в революцию “золотом веке” дворянского ребенка», модель «детства как “счастливой невозвратной поры”», и “анти-детство”, – тяжелое, полное трудов, лишений и утрат»²³. Понятно, что это противопоставление, как всякая попытка обобщения и классификации, неизбежно упрощает более разнообразную, сложную и богатую картину, предстающую в реальных текстах. В то же время воспоминания Васенко очевидно укладываются в нее, а изображенное в них предстает результатом стремления автора вернуться в мир «золотого детства». Для человека, пережившего крушение научной и педагогической карьеры, перенесшего концлагерь и ссылку, – для такого человека былая благополучная жизнь представлялась особенно счастливой, а погружение в нее – своеобразным утешением.

Воспоминания о детстве Васенко написаны не просто о «золотом детстве». Они создавались в совершенно иную эпоху и во многом в иной стране. Для таких людей, как автор, «русское детство до 1917 г. “принадлежало стране, культуре и обществу, однажды исчезнувшим и никогда более не возрожденным”»²⁴. Взгляд на прошлое как бы через переломные, трагические события, над ними, невольно выхватывал самое лучшее в том исчезнувшем мире.

Пережитые лишения и страдания повлияли на отбор и воспроизведение всплывавшего в памяти и в некоторых вполне кон-

---

²³ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 49; Балина М.Р. Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // Детские чтения. 2012. № 1. С. 43.

²⁴ Сальникова А.А. Российское детство... С. 48.

кретных моментах. К ним относится пристальное внимание человека, пережившего голод во время Гражданской войны и после нее, к пресловутому «продовольственному вопросу». Слишком подробно, непривычно для описываемого времени, рассказывается о еде: количестве, рационе, отдельных блюдах. Характерные замечания: «Мои родители вообще старались кормить детей здоровой, обильной и питательной пищей»; «Детям полагалось вне обеда кипяченое молоко, каши, булки с маслом, яйца всмятку»; «Питанье семьи, особенно детей, было и раньше достаточное и приличное» (с. 136, 149); «Летом 1873 года наша семья поехала на станцию Елизаветино, ... мы сохранили о ней впечатление как о земле “обетованной”. Было изобилие ягод (особенно земляники), грибы... росли чуть не у самой дачи. Молочные продукты поражали своим качеством и дешевизной. Так, бутылка сливок, в которых “ложка стояла”, стоила всего лишь 15 копеек» (с. 155). Как и в нескольких других случаях, в примечаниях проведено сравнение с более близким ко времени создания текста положением: «Много лет спустя, в 1929 году я провел лето с семьей в этой местности... Конечно, не было прежней дешевки, жило много дачников, но... ягод, грибов, хорошего молока было много» (с. 156). Так через много лет и блокадники уделяли особое, пристальное внимание теме еды.

Рассматриваемое в настоящей статье произведение не зря названо «Воспоминаниями о моей жизни и прошлом быте». На первых страницах автор специально отмечал, что хочет зафиксировать все запомнившееся «о прошлом ныне быте», так как это «представляет некоторый, пусть незначительный, общий интерес» (с. 36). Не просто иным, а практически противоположным был, например, подход историка и политического деятеля С.П. Мельгунова, который писал: «Я вовсе не собираюсь описывать свои детские годы. В них не было ничего такого, что могло бы представить бытовой интерес, т. е. не было специфической среды, выделявшейся из обычного»²⁵. Нет столь подробного описания быта и в воспоминаниях историков А.М. Гревса и Н.И. Кареева²⁶. Не

---

²⁵ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 25.

²⁶ Гревс И.М. Детство // Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / авт.-сост. О.Б. Вахромеева.

случайно такое же, как Васенко, если не большее внимание к тому, что позже стали называть повседневностью, проявляла в своих воспоминаниях о детстве и отрочестве этнограф В.Н. Харузина²⁷. Ее мемуары «сознательно ориентированы на частную жизнь, в них лишь изредка проскальзывают отзвуки исторических событий»²⁸. Оба автора и члены их семей стали жертвами репрессий и боялись писать о более опасных и серьезных вопросах.

Такое внимание к бытовой стороне жизни, в современной терминологии – к истории повседневности, могло быть вызвано многими обстоятельствами. Среди них – скрытый протест против насаждавшегося вульгарного социологического подхода. Кроме того, в годы Первой мировой войны Васенко был активным деятелем Историографической комиссии Татьянинского Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий и в этом качестве руководил собиранием воспоминаний беженцев, наполненных преимущественно как раз сведениями бытового характера²⁹.

В мемуарах прошедшего через ГУЛАГ П.Г. Васенко нет ни одного упоминания об этом трагическом периоде его жизни, ни малейшего намека на лагерь. В то же время в примечаниях к основному тексту есть несколько мест, указывающих на тяжелые обстоятельства его жизни в послереволюционной России. Например, он указывает, что только «благодаря самоотверженной, героической жизни и работе» третьей жены Марии Дмитриевны Сапожниковой «держится... семья в течение нескольких последних лет» (с. 35). В другом месте говорится об аресте в 1930 г. и резком (со 112 до 64 кг.) похудании за 1917–1918 гг.

С нескрываемой гордостью перечисляет Васенко заслуги своих предков, их звания и награды. В этих рассказах нет ни тени смущения или извинения, не говоря уже об осуждении, хотя отец

СПб., 2004. С. 8–57; *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / подг. текста, вступит. ст. и коммент. В.П. Золотарев. Л., 1990.

²⁷ *Харузина В.Н.* Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. М., 1999.

²⁸ *Керимова М.М., Наумова О.Б.* Предисловие // Там же. С. 12.

²⁹ *Матханова Н.П.* Бюро печати Татьянинского комитета и собирание воспоминаний беженцев // Сибирь и войны XIX–XX веков: материалы Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 8–10 июня 2014 г.). Новосибирск, 2014. С. 105–112.

его к концу службы был генерал-майором, управляющим петербургской речной полицией и капитаном над петербургским коммерческим портом³⁰, – в советское время все это было почти что составом преступления. Автор, недавно досрочно выпущенный из лагеря и находившийся в ссылке, всячески избегал каких-либо политических высказываний и оценок, но из текста все же видно его подлинное отношение к прежней жизни и прежним порядкам. Само по себе очевидное одобрение реалий прошлой, царской России, уже могло выглядеть как некая скрытая оппозиция.

Воспоминания П.Г. Васенко – это воспоминания историка, автор вписывает себя как личность в культуру и историческую эпоху, маркируя себя как «человека из другой эпохи»³¹. Но в центре его повествования – не исторические события, а бытовая, обыденная и обычная жизнь. Оно позволяет иначе взглянуть и на научные работы Васенко: как исследователь он занимался не только политической историей, но и историей быта, особенно в последних своих статьях³², и в первом сочинении мемуарного (или почти мемуарного) характера³³.

Рассматриваемое произведение имеет значение и для истории детства в России – одного из бурно развивающихся направлений исторической науки, тем более, что 1880–1890-е гг. являются периодом, наименее изученным и наименее обеспеченным источниками³⁴. Оно включает факты и наблюдения, почти не встречающиеся или встречающиеся очень редко в других источниках. Не

---

³⁰ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 417. Оп. 5. Д. 467. Послужной список Г.А. Васенко.

³¹ Нуркова В.В. Феномен автобиографической памяти: взгляд психолога // Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: Феномен детства в воспоминаниях. М., 2001. С. 35.

³² Васенко П.Г. Двенадцатый год: Очерк истории Отечественной войны, СПб., 1911; *Он же*. Условия быта промысловых рабочих Российско-Американской компании (в начале XIX в.) // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4, ч. 2. С. 27–30; *Он же*. Рабочие на постройке Уссурийских и Амурских железных дорог и участие каторжан в работах // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 6–7. С. 155–160.

³³ Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта: Анекдотические факты...

³⁴ Кухер К. Размышляя о подходах к изучению истории детства в России XIX в. // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 76.

менее важно и то обстоятельство, что они написаны профессиональным историком, отдававшим себе отчет, что он создает исторический источник, ушедшая жизнь описана подробно, с любовью, знанием деталей и пониманием значения их письменной фиксации. На содержание мемуаров косвенное влияние оказала трагическая биография репрессированного автора.

---

1. *Асафьев Б.В.* О себе // Воспоминания о Б.В. Асафьеве. Л., 1974. С. 317–508.

2. *Балина М.Р.* Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // Детские чтения. 2012. № 1. С. 43–66.

3. *Богомазова О.В.* «Маленький сын большого отца»: фрагменты к биографии Б.В. Ключевского // Мир историка. Вып. 7. Омск, 2011. С. 43–62.

4. *Васенко П.Г.* Рабочие на постройке Уссурийских и Амурских железных дорог и участие каторжан в работах // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 6–7. С. 155–160.

5. *Васенко П.Г.* Условия быта промысловых рабочих Российско-Американской компании (в начале XIX в.) // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4, ч. 2. С. 27–30.

6. *Васенко П.Г.* Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / предисл., подг. текста, коммент. Н.П. Матхановой, отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2014.

7. *Васенко П.Г.* Двенадцатый год: Очерк истории Отечественной войны, СПб., 1911.

8. *Васенко П.Г.* Мелочи прошлого быта: Анекдотические факты из жизни «высокопоставленных» лиц, артистов, происшествий театрального мира, духовных академиков, профессоров и других ученых, педагогов, директоров учебных заведений / предисл., подг. текста, коммент. А.В. Сиренова. СПб., 2004.

9. *Гревс И.М.* Детство // Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / авт.-сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 8–57.

10. *Гришина Н.В.* «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск, 2009. С. 152–177.

11. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / подг. текста, вступит. ст. и коммент. В.П. Золотарев. Л., 1990.

12. Керимова М.М., Наумова О.Б. Предисловие // Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет / вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. М., 1999. С. 5–14.
13. Конечный А.М. Дачный быт Петербурга в начале XX в. // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 444–474.
14. Корзун В.П. «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной) // Мир историка. Вып. 4. Омск, 2008. С. 455–499.
15. Корзун В.П., Бычков С.П., Крих С.Б. Современное историографическое сообщество и его поиски на страницах «Мира историка» // Мир историка. Вып. 10. Омск, 2015. С. 12–28.
16. Корзун В.П., Свеишиков А.В., Мамонтов М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков). Омск, 2003. С. 3–36.
17. Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. СПб., 2008.
18. Кухер К. Размышляя о подходах к изучению истории детства в России XIX в. // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 76–88.
19. Матханова Н.П. Бюро печати Татьянинского комитета и соби- рание воспоминаний беженцев // Сибирь и войны XIX–XX веков: мате- риалы Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 8–10 июня 2014 г.). Новосибирск, 2014. С. 105–112.
20. Матханова Н.П. Директор Государственного литературного му- зеея В.Д. Бонч-Бруевич: помощь репрессированным историкам // Анци- феровские чтения – 2014. М., 2015.
21. Матханова Н.П. Судьба и мемуарное наследие П.Г. Васенко // Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте. С. 5–34.
22. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003.
23. Митрофанов В.В. «Желание передать будущему поколению...»: П.Г. Васенко и его «Воспоминания» // Клио. 2013. № 2 (72). С. 3–8; № 7 (78). С. 27–33; № 11 (83). С. 24–30; 2014. № 1 (85). С. 3–11; № 2 (86). С. 7–17; № 3 (87). С. 15–23; № 4 (88). С. 5–13. С 2014 г. под названием «Воспоминания о моей жизни и прошлом быте».
24. Митрофанов В.В. «Иначе же мне грозит в будущем голодная смерть...»: факты из жизни и творчества П.Г. Васенко во время админи- стративной ссылки в г. Владимире // Клио. 2012. № 10 (70). С. 127–132.

25. *Митрофанов В.В.* Историки трагической судьбы: П.Г. Любомиров и П.Г. Васенко // История и историческая память. Вып. 5. Саратов, 2012. С. 185–201.
26. *Митрофанов В.В.* П.Г. Васенко о «Сказании Аврааима Палицына» (подг. к публ. и комм.) // Исторический архив. 2009. № 6. С. 207–211.
27. *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко (творческие и личные взаимоотношения // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 155–166.
28. *Мягков Г.П., Сальникова А.А.* Мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» и становление отечественной автобиографистики историка // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель: материалы Первой Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, 2002. С. 83–87.
29. *Нуркова В.В.* Феномен автобиографической памяти: взгляд психолога // Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: Феномен детства в воспоминаниях. М., 2001. С. 30–46.
30. П.Г. Васенко: Из творческого наследия (Исследования. Воспоминания. Переписка): материалы / вступ. ст., сост., публ. В.В. Митрофанова. Нижневартовск, 2015.
31. *Павловская С.В.* Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX вв.: автореф. дисю ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006.
32. *Покровский Н.Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: в 3 т. Т. I. М., 2007. С. 89–119.
33. *Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. / Археография и источниковедение Сибири. Вып. 21. Новосибирск, 2001. С. 3–43.
34. Послужной список Г.А. Васенко // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 417. Оп. 5. Д. 467.
35. *Приймак Н.И.* Россия начала XX века в мемуарах историков // Плехановские чтения. Исторические судьбы России. СПб., 1999. С. 59–62.
36. *Рыхляков В.Н.* Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей. Библиографический справочник. 2-е изд., испр. и доп., СПб., 2005.
37. *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.
38. *Серов Д.О.* Васенко П.Г.: Материалы к библиографии (1899–1929) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 4. М., 1992. С. 419–423.

39. *Сиренов А.В.* От издателя // Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта: Анекдотические факты из жизни «высокопоставленных» лиц, артистов, происшествий театрального мирка, духовных академиков, профессоров и других ученых, педагогов, директоров учебных заведений / предисл., подг. текста, коммент. А.В. Сиренова. СПб., 2004. С. 3–6.
40. *Сиренов А.В.* Степенная книга. История текста. М., 2007.
41. *Смирнова Т.Г.* В.Г. Дружинин и Археографическая комиссия // Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): материалы научных чтений 5 февраля 2010 г. СПб., 2010. С. 27–40.
42. *Солодкин Я.Г.* П.Г. Васенко (К истории изучения русской публицистики XVI–XVII вв. в Санкт-Петербургском университете) // Российские университеты в XVIII–XX вв. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 130–133.
43. *Солодкин Я.Г.* П.Г. Васенко (Основные направления исследовательской деятельности) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2002. № 5 (29). С. 89–91.
44. *Солодянкина О.Ю.* Детство с гувернерами и гувернантками (российские дворяне в конце XVIII – первой половине XIX в.) // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 318–340.
45. *Усачев А.С.* К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. 2005. № 4 (22). С. 28–29.
46. *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. СПб., 2010.
47. *Фельдштейн О.И.* Формирование городской идентичности: детство в Петербурге и Москве во второй половине XIX – начале XX в. // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 117–137.
48. *Харузина В.Н.* Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет / вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. М.М. Керимовой, О.Б. Наумовой. М., 1999.
49. *Чебанов В.Д.* Последние годы В.Г. Дружинина // Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): материалы научных чтений 5 февраля 2010 г. СПб., 2010. С. 162–168.

**Осип Львович Вайнштейн:
к истории одесского периода в жизни ученого***

Предпринята попытка биографической реконструкции одесского периода жизни ученого. Автором впервые введены неизвестные ранее источники из фондов Государственного архива Одесской области, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины и Государственного архива Российской Федерации, а также новые материалы личного происхождения. Акцент сделан на вопросы становления ученого-историка в интеллектуальной и социокультурной атмосфере Одессы первой трети XX в. Проанализированы сферы его деятельности: научно-исследовательской, педагогической, научно-организаторской, выявлены причины судьбоносных поворотов в условиях общественно-политических трансформаций 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: биографическая реконструкция, историк, медиэвистика, Одесса, Новороссийский университет, одесский период, СССР, научное сообщество, всеобщая история.

V.V. Levchenko

**Ossip Lvovich Weinstein:
the history of the Odessa period in the life of a scientist**

There is the article which was undertaken the endeavor of a biographical reconstruction of the Odessa period in the life of a scientist. The author introduced previously unknown archival sources from funds of State archive of Odessa region, the Central state archives of Supreme bodies of power and administration of Ukraine and the State archive of the Russian Federation and new materials of personal origin, ego-documents. The emphasis was made on the development of the scientist-historian in the intellectual and cultural atmosphere of the Odessa of the first third of the twentieth century. The scope of its activities was analyzed. In particular: research, pedagogical, scientific

---

© В.В. Левченко, 2017

---

* Материалы для статьи собраны благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group в рамках благотворительной программы Charities Aid Foundation «Еврейские сообщества»).

and organizational, the causes of the fateful twists in the conditions of social-political transformations in the 1920–1930.

Key words: biographical reconstruction, historian, medieval studies, Odessa, Novorossiysk University, the Odessa period, of the USSR, the scientific community, global history.

В современной историографии Осип Львович Вайнштейн (1894–1980) по праву считается крупным ученым, которого отличает широта научных интересов – медиевистика, историография, методология истории, проблемы новой и новейшей истории¹. Он является автором единственного обобщающего труда по истории медиевистики в Восточной Европе и, во многих отношениях новаторского, справочно-библиографического пособия в этой области исторической науки². Несмотря на наличие научной литературы, посвященной педагогической и научной деятельности О.Л. Вайнштейна, одесский период его жизни остается практически неизученным. При этом Одесса играет важную роль в формировании и становлении его как ученого, определении тематики научных исследований, вхождении в научное пространство в качестве талантливого, многопланового и целеустремленного историка с большим профессиональным потенциалом. При изучении одесского периода в биографии О.Л. Вайнштейна особую роль играет анализ социокультурной ситуации первой трети XX в. – эпохи, кардинально изменившей устройство государства, в котором он родился и рос, устои повседневной жизни общества, окружавшего его, что, безусловно, повлияло на формирование личности и жизненных приоритетов молодого человека.

Биографическая историография позволяет условно выделить две составляющие. Первая из них включает специальные работы, которые освещают жизненный путь и творческое наследие историка: биографические статьи юбилейного формата, памятные статьи и некрологи, документальные штудии, в которых исследованы

---

¹ *Алексеев-Попов В.С.* Осип Львович Вайнштейн (1894–1980) // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. 1980. М., 1982. С. 238.

² *Клюев А.И., Свешиников А.В.* Письма советских медиевистов к О.Л. Вайнштейну // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 443.

его научная и общественная деятельность, оценен вклад в развитие исторической науки и библиографистики; отдельные корпус составляют статьи научно-справочного характера в библиографических и энциклопедических изданиях³. Вторая – состоит из работ общего характера, посвященных разным аспектам истории интеллектуального пространства, актором которого он являлся: история высшей школы Одессы в 1917–1930-х гг.; история деятельности научно-исследовательских учреждений Одессы в 1920–1930-х гг. и анализа творчества их деятелей; разработка теоретических и практических основ развития исторической науки в СССР в 1920–1940-х гг.

Характерным является тот факт, что в период жизни О.Л. Вайнштейна в Одессе его научные изыскания не вызывали особого интереса со стороны ученых-историков, за исключением одной негативной, идеологизированной в контексте политических реалий начала 1930-х гг., рецензии одесских коллег⁴. В историо-

---

³ См.: *Алексеев-Попов В.С.* Осип Львович Вайнштейн (1894–1980) // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. 1980. М., 1982. С. 238–239; Памяти профессора О.Л. Вайнштейна (1894–1980) // Средние века. 1982. Вып. 45. С. 382; Осип Львович Вайнштейн // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 181; О.Л. Вайнштейн // Новая и новейшая история. 1981. № 2. С. 223; *Рамм Б.Я.* Научная и общественная деятельность Осипа Львовича Вайнштейна (1894–1980) // История и историки: историографический ежегодник. 1982–1983 / отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1987. С. 258–270; *Калуцька Л.П., Фрізман Г.В.* 3 історії радянської медієвістики (О.Л. Вайнштейн) // Вісник Харківського університету. Серія історія. Вып. 4, № 45. 1970. С. 18–22; *Корсакова Н.Л., Тутова А.Ф.* Научные труды О.Л. Вайнштейна // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 325–332; Вайнштейн Осип Львович // Наука и научные работники СССР. Ленинград: АН СССР, 1928. С. 54; Вайнштейн Осип Львович // Большая советская энциклопедия. 3-е изд.: в 30 т. Т. 4. М., 1971. С. 236; *Тоцький П.М.* Вайнштейн Осип Львович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник: в 4 т. Одеса: «Астропринт», 2000. Т. 2. С. 176–180; *Тоцький П.М.* Вайнштейн Осип Львович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Т. 2: А–І. Вид. др., доп. Одеса: «Астропринт», 2005. С. 196–200; *Тоцький П.М.* Вайнштейн Осип Львович // Енциклопедія Сучасної України. Т. 4: В–Вог. К., 2005. С. 26; *Левченко В.В.* Вайнштейн Йосип Львович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок ХІХ – середина ХХ ст.). Одеса: Друкарський дім, 2009. С. 84–87; *Левченко В.В.* Вайнштейн Йосип Лейбович // Дослідники історії Південної України: біобібліографічний довідник / упоряд. Ігор Лиман. Київ, 2016. Том 2. С. 78–82 і др.

⁴ *Герман, Сероглазов, Погорілий.* Професор Вайнштейн ревізує Маркса – Енгельса – Леніна в оцінці Паризької комуні // Чорноморська комунa. 1932. 17 березня.

графии советского периода отсутствуют полноформатные работы с оценкой научной деятельности О.Л. Вайнштейна. Замалчивание творчества ученого обусловлено его «преследованием» в период проведения советской властью политических кампаний в 1930-х – первой половине 1950-х гг. Подавляющее большинство ученых, которые попали в число «неудобных» историков в это время, подверглись разного вида методам репрессивной политики. Такая же судьба постигла и О.Л. Вайнштейна. Начиная со второй половины 1980-х гг. активизировались исследования ранее замалчиваемых тем, результатом которых стали монографии, сборники, диссертации и статьи по вопросам влияния тоталитарной системы на развитие исторической науки в СССР в 1930–1950-х гг., что и явилось определенным импульсом в появлении работ общего характера, в которых встречаем информацию, посвященную разным аспектам творческой деятельности О.Л. Вайнштейна.

Подъем исследовательского интереса к фигуре и творчеству О.Л. Вайнштейна приходится на 2000-е гг. Ученые из России и Украины обратились к сюжетам его биографии, к анализу научного творчества в области медиевистики, историографии⁵, появился

---

⁵ *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* Профессор О.Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (Из истории кафедры истории средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 5. СПб.: Алетея, 2005. С. 102–126; *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* *Cathedra medii aevi*. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 123 с.; *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* Университетские учебники и довоенная кафедра истории средних веков ЛГУ // История. Мир прошлого в современном освещении. Сб. науч. ст. к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / Под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 571–580; *Шаханов А.Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник 2004. М., 2005. № 1. С. 186–207; *Свешников А.В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х гг. // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Садретдинова, В.П. Корзун. Вып. 2. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. С. 78–111; *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества: монография. Омск, Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 408 с.; *Клюев А.И., Свешников А.В.* Письма советских медиевистов к О.Л. Вайнштейну // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 441–454; *Колеватов Д.М., Корзун В.П.* Историки в фокусе компании по борьбе с кос-

и ряд публикаций о первом – одесском периоде – в биографии историка⁶. Однако многие факты его биографии, научной и организационной деятельности на ниве педагогики, исторической науки, библиотечного дела, библиографистики, методологии 1920 – первой половины 1930-х гг. до сих пор не нашли достаточного освещения в научной литературе. Попытка восполнения данных пробелов осуществлена в данной статье.

Осип Лейбович Вайнштейн согласно записи в книге раввината города Бендер, родился 30 ноября⁷ (по григорианскому календарю 12 декабря⁸) 1894 г. в городе Бендеры Бессарабской губернии в семье мещан Лейбы Гершковича и Гинды-Леи Зельмановны Вайнштейн⁹. Имя Осип было дано ребенку для записи в метрике, а в повседневной жизни, согласно посемейному списку Городской управы Бендер, его называли Иосифом-Хаимом¹⁰. По социальному происхождению О.Л. Вайнштейн был выходцем из сословия мещан: его отец работал служащим в банке¹¹. По этни-

---

мополитизмом. Русская историография Н.М. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. С. 323–371; *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем. № 20. 2007. С. 24–62 и др.

⁶ См.: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.; *Полевицкова Е.В.* О.Л. Вайнштейн и изучение именных фондов Научной библиотеки ОНУ им. И.И. Мечникова в 1920-е гг. // Вісник Одеського національного університету. Серія: бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. Т. 12. Вип. 4. Одеса, 2007. С. 119–133; *Полевицкова Е.В.* О.Л. Вайнштейн как исследователь Воронцовского фонда Научной библиотеки Одесского университета // Рукописна та книжкова спадщина України. К., 2007. Вип. 12. С. 376–390; *Попова Т.Н.* К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т. 12. Одесса: Симекс-принт. 2013. С. 27–76; *Вольфшун Л., Галчева Т.* Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. Вып. 77 (3-4). 2016. С. 162–175 и др.

⁷ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 22. Д. 102. Л. 1; Оп. 5. Д. 2124. Л. 33, 35.

⁸ Быгующие в научной литературе даты рождения О.Л. Вайнштейна 23 ноября (5 декабря) и 24 ноября (6 декабря) не являются достоверными.

⁹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 35.

¹⁰ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 34.

¹¹ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 138. Л. 1.

ческому происхождению – он принадлежал к евреям. Прожив первые более пяти лет в Бендерах, в 1900 г. он переезжает в Одессу¹², где получает начальное образование в народной школе, затем продолжает учебу в частной мужской гимназии М.М. Иглицкого, а в 1912 г., в семнадцатилетнем возрасте, поступает в 6 класс частной мужской гимназии И.Р. Раппопорта. Учился он в этой гимназии три учебных года до окончания полного курса обучения. По окончании 8 класса 22 мая 1915 г. получил свидетельство Министерства народного просвещения (МНП) с отличными оценками («пять») по всем предметам (закон еврейской веры, русский язык и словесность, математика, математическая география, физика, природоведение, история, география, немецкий язык, французский язык, философская пропедевтика, законоведение), кроме латинского языка, по которому была выставлена оценка «четыре». Полученное свидетельство давало ему право на поступление в университет на одинаковых условиях с учениками, прошедшими полный курс правительственной мужской гимназии¹³.

Летом того же года О.Л. Вайнштейн решает воспользоваться данным ему правом и в возрасте 20 лет поступает на историко-филологический факультет ИНУ. Для реализации этого желания, в его случае, одного свидетельства об окончании гимназии было недостаточно. Значительной преградой на пути достижения цели обучения в университете была регистрация в призывном списке 1915 г. и обязательное отбывание всеобщей воинской повинности. По всей видимости, не желая быть призванным в ряды воинских частей Российской армии в период военной компании Первой мировой войны, 22 июня 1915 г. он объявляет Бендерскому мещанскому старосте о желании отбыть воинскую повинность вольноопределяющимся и из призывного списка 1915 г. исключается¹⁴ с отсрочкой поступления на воинскую службу до 1 октября (начало осенней призывной кампании) 1915 г. для поступления в высшее учебное заведение¹⁵. Таким образом, О.Л. Вайнштейн получил шанс избежать тягот воинской службы.

---

¹² ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 15. Л. 46.

¹³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 10–10 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 34.

¹⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 36.

31 июля 1915 г. О.Л. Вайнштейн подает прошение на имя ректора Императорского Новороссийского университета Д.П. Кишенского о принятии в число студентов исторического отделения историко-филологического факультета, прилагая при этом оригиналы и нотариально засвидетельствованные копии (свидетельство об окончании гимназии, метрическое свидетельство, свидетельства о звании и о явке к исполнению воинской повинности, 10 фотографических карточек). С целью убеждения администрации ИНУ в его огромном желании попасть в число студентов вуза он подает дополнительное прошение (см. приложение 1), которое, скорее всего, и сыграло важную роль в его жизни. Среди большого числа пометок красного и синего цветов карандашом имеющих на прошении от 31 июля 1915 г., отдельно выделяются две надписи фиолетового цвета нанесенными штампеями. Первая надпись, размещенная ровно по центру в верху листа бумаги гласит – «Зачислен сверх нормы», а вторая надпись, находящаяся по диагонали в левом верхнем углу листа с пробелами в некоторых местах текста из-за отсутствия чернил, следующего содержания – «...зачисляется в число студентов Новороссийского университета по явке, взносе платы и гонорара» от 6 сентября 1915 г.¹⁶. Следовательно, за 24 дня до истечения срока отсрочки обязательного поступления на воинскую службу О.Л. Вайнштейн был зачислен в число студентов ИНУ на контрактных условиях сверх лицензионной нормы набора студентов на 1 курс историко-филологического факультета. Поступление О.Л. Вайнштейна в ИНУ для получения высшего образования способствовало решению важной проблемы, которая стояла перед ним в условиях Первой мировой войны. Равно как и большинству его сверстников, в случае не поступления в число студентов вуза, ему грозило выполнение воинской повинности на правах вольноопределяющегося. Понятное дело, что 20-летнему молодому человеку с отличным средним образованием, желающему продолжить обучение и реализовать себя в условиях мирного существования, совсем не прельщало участие в военных действиях с возможным летальным исходом. Как следствие, уже на следующий день после принятия 6 сентября 1915 г.

---

¹⁶ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 13.

администрацией ИНУ решения о его зачислении в студенты – 7 сентября он подает прошение ректору ИНУ с просьбой выдать удостоверение подтверждающее, что он является действительным студентом для предоставления его в Воинское присутствие¹⁷. В тот же день 7 сентября 1915 г. он внес оплату в размере 25 руб. за слушание лекций в осеннем полугодии 1915/1916 учебного года¹⁸. Данным ему судьбой шансом стать студентом и избежать участия в военных действиях Первой мировой войны О.Л. Вайнштейн воспользовался сполна.

Студентом историко-филологического факультета ИНУ О.Л. Вайнштейн стал в 1915 г. К обучению О.Л. Вайнштейн подошел серьезно, с полной ответственностью. Максимально возможно он присутствовал на всех занятиях, вовремя оплачивал гонорары за лекции всех курсов, которые были предусмотрены учебными планами историко-филологического факультета. За время обучения в ИНУ (1915–1919) О.Л. Вайнштейн присутствовал на аудиторных занятиях ведущих преподавателей факультета – П.М. Бицилли (общий курс истории средних веков, история средних веков, история итальянского города, просеминарий по всеобщей истории), Б.В. Варнеке (история Рима), С.Г. Вилинского (введение в историю русской литературы), М.И. Гордиевского (введение в философию), А.П. Доброклонского (история христианской церкви, история русской церкви), А.Л. Коцейовского (история Востока, религия Египта), В.Э. Крусмана (общая теория истории, история новых веков, история Венеции), В.Ф. Лазурского (история средневековой литературы, старофранцузский язык), Н.Н. Ланге (психология, история древней философии, история новой философии), И.М. Малинина (логика, педагогика), М.И. Мандеса (история Греции), Н.Л. Окунева (история искусства эпохи Ренессанса), С.Д. Пападимитриу (история Византии), М.Г. Попруженко (история славян, история южных славян), А.И. Томсона (введение в языковедение), Е.П. Трифильева (русская историография, русская история), А.В. Флоровского (просеминарий по русской истории), Е.Н. Щепкина (новейшая история)¹⁹.

---

¹⁷ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 11.

¹⁸ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 31.

¹⁹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–2, 6–10; Оп. 5. Д. 2124. Л. 3–8.

В первые дни обучения на историко-филологическом факультете О.Л. Вайнштейн познакомился с молодым преподавателем П.М. Бицилли (в 1911 г. был избран приват-доцентом). Это знакомство началось в осеннем полугодии 1915/1916 учебного года, когда он читал лекции по общему курсу истории средних веков²⁰, и продолжалось в очной форме, до января 1920 г., времени отъезда П.М. Бицилли из Одессы. В осеннем полугодии 1916/1917 учебного года О.Л. Вайнштейн встречался с П.М. Бицилли на занятиях по общему курсу истории средних веков, истории итальянских городов и просеминарии по всеобщей истории²¹. В весеннем полугодии 1916/1917 учебного года он слушал лекции П.М. Бицилли, посещал практические занятия по истории средних веков, истории итальянского города и просеминарий по всеобщей истории²². В осеннем и весеннем семестрах 1917/1918 учебного года он посещал лекции и практические занятия П.М. Бицилли по истории средних веков²³, зачет по которым получил 4 июня 1918 г.²⁴. Результатом этого длительного и плодотворного научного знакомства стало написание О.Л. Вайнштейном на 3 курсе сочинения на тему «Начало раскола во Францисканском ордене в освящении новейшей литературы» (согласно записям в дипломе и зачетном свидетельстве), за которое в 1918 г.²⁵ он был удостоен факультетом золотой медали²⁶, работу рекомендовали к публикации в «Записках» ИНУ²⁷, а сам он получил право быть оставленным при факультете для подготовки к профессорскому званию. Из эпистолярного наследия П.М. Бицилли известно, что он гордился работой своего студента: «...он у меня написал превосходную работу о начале Францисканского ордена» и вообще за его человеческие ка-

---

²⁰ ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 149. Л. 8; Оп. 5. Д. 2124. Л. 7.

²¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 4–5.

²² ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 149. Л. 6–7; Оп. 5. Д. 2124. Л. 3.

²³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–2, 9–10; Оп. 5. Д. 2124. Л. 8.

²⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 21 об.–22, 23 об.–24.

²⁵ ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 15. Л. 47.

²⁶ ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 146. Л. 1; Д. 149. Л. 3 об.

²⁷ Сочинение О.Л. Вайнштейна не было опубликовано, скорее всего, из-за сложной финансовой ситуации. Последний XIV том «Записок» ИНУ вышел в 1917 г.: Коцеиовский А.Л. Тексты пирамид. Том I // Записки ИНУ ИФФ (Одесса). 1917. Вып. XIV. 160 с.

чества давал ему высокую оценку: «...превосходный, деликатный, скромный и многое способный понимать человек»²⁸.

На сегодня исследователям неизвестно содержание текста этой работы О.Л. Вайнштейна, что не дает возможность проанализировать и оценить ее с позиций современной исторической науки. Но выявленное нами в архивных материалах и впервые опубликованное полное название темы сочинения дает основание для констатации нескольких фактов. Во-первых, растиражированное в научной литературе название сочинения «Начало раскола во францисканском ордене»²⁹ не соответствует действительности. Причиной этой неточности стал сам автор, который во многих анкетах и автобиографиях указывал еще более сокращенный вариант названия своего труда, например, в автобиографии от 18 февраля 1927 г. – «Раскол во францисканском ордене»³⁰. Его научный руководитель также грешил неточностью в указании названия сочинения, скорее всего в целях сокращения времени и места на бумаге, часто указывая укороченное название работы – «О начале Францисканского ордена»³¹. При этом без упоминания слова «раскол» кардинально меняется представление о ее содержании. Во-вторых, полное название первого научного труда О.Л. Вайнштейна указывает на то, что его научные интересы в студенческие годы были сфокусированы не конкретно на медиевистику, а на историографию медиевистики, которая со временем стала одной из магистральных сфер его научных исследований. В-третьих, тема сочинения дает основания утверждать, что формирование его как ученого-историка проходило не «...в области новой истории...»³², а истории средних веков западноевропейских стран, что стало одной из доминирующих тем в его последующих научных исследованиях. В-четвертых, именно история францисканства была темой научных приоритетов П.М. Бицилли, который 22 мая 1917 г.

---

²⁸ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к „независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 57–58.

²⁹ Дякин В.С. К 70-летию О.Л. Вайнштейна // Новая и новейшая история. 1965. № 1. С. 178; Рамм Б.Я. Указ. соч. С. 258.

³⁰ ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 15. Л. 46–47.

³¹ Галчева Т.Н., Голубович И.В. Указ. соч. С. 57.

³² Алексеев-Попов В.С. Указ. соч. С. 238.

в качестве магистерской диссертации защитил монографию «Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века)»³³, за которую ему была присвоена ученая степень магистра всеобщей истории. В-пятых, частое посещение на протяжении первых 3 курсов обучения О.Л. Вайнштейном аудиторных занятий П.М. Бицилли по истории средних веков (общий курс истории средних веков, истории итальянских городов, лекции и практические занятия по истории средних веков) и выбор темы сочинения по историографии средневековья подтверждают и усиливает тезис, что роль и влияние на становление О.Л. Вайнштейна как ученого-историка оказал именно П.М. Бицилли, а не Е.Н. Щепкин.

Обратимся к фактам.

Е.Н. Щепкин вернулся на историко-филологический факультет, когда О.Л. Вайнштейн был студентом 3 курса. Согласно предложению МНП Е.Н. Щепкин был утвержден и. д. экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории 4 мая 1917 г.³⁴, а к занятиям приступил с началом 1917/1918 учебного года. Осенью 1917 г. О.Л. Вайнштейн и познакомился с Е.Н. Щепкиным во время лекционных и практических занятий по новейшей истории³⁵. Научные интересы Е.Н. Щепкина лежали в области новой и новейшей истории, а О.Л. Вайнштейн тяготел к истории средневековья. Над подготовкой текста сочинения О.Л. Вайнштейн работал на протяжении 1917 г., в 1918 г. его успешно защитил и получил золотую медаль. Так, что научным руководителем этой работы Е.Н. Щепкин не мог быть. В период 1917–1920 гг. внимание Е.Н. Щепкина было пристально сконцентрировано на общественно-политической деятельности и менее всего на научно-педагогической³⁶. Сам О.Л. Вайнштейн со временем об этом писал так: «...первоначально верный последователь идеалистической «объ-

---

³³ *Бицилли П.М.* Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Записки Императорского Новороссийского университета историко-филологического факультета. Одесса, 1916. Вып. XII. 389 с.

³⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 11. Д. 13. Л. 172.

³⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–2, 9–10; Оп. 5. Д. 2124. Л. 8.

³⁶ Подробнее об этом периоде жизни Е.Н. Щепкина см.: Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920): Биобиблиографический указатель / сост.: И.В. Максименко, В.В. Самодурова; науч. ред. Т.Н. Попова; авторы вступ. ст. И.В. Максименко, Т.Н. Попова; Библиогр. ред. М.А. Подрезова. Одесса, 1998. 129 с.

ективной» школы Ранке, он к началу XX в. переходит на позиции позитивизма, а в последние годы жизни, к сожалению, не оставившие следов в его научном наследии, становится марксистом и членом Коммунистической партии»³⁷. В тоже время О.Л. Вайнштейн практически во всех анкетах и автобиографиях (за исключением одной от 18 марта 1949 г.³⁸)³⁹ пишет, что, будучи студентом, он работал в семинарах Е.Н. Щепкина и П.М. Бицилли⁴⁰ (именно в такой последовательности он всегда указывал их имена). Позволим себе предположить, что это было связано с местом и ролью Е.Н. Щепкина в политической, общественной, административной жизни Новороссийского университета и структуре управления высшей школой Одессы.

30 апреля 1919 г. О.Л. Вайнштейн подал прошение руководству историко-филологического факультета о выдаче ему зачетного свидетельства с просьбой указать в нем зачетные дисциплины за семь семестров⁴¹ (при общих восьми). Возможно подобный шаг О.Л. Вайнштейн сделал после принятия решения об окончании обучения или при переводе в другой вуз. На заседании факультета 24 мая 1919 г. 18 преподавателей (среди них были П.М. Бицилли и Е.Н. Щепкин) приняли решение «отложить» рас-

---

³⁷ *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. Москва-Ленинград: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. С. 318.

³⁸ Научная библиотека Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Библиографический отдел. Картотека личных дел профессорско-преподавательского состава ОНУ. Папка «В».

³⁹ В анкете собственноручно заполненной 18 марта 1949 г. О.Л. Вайнштейном имя П.М. Бицилли отсутствует. Данный факт мы связываем с нарастающими в научной среде оборотами политической кампании по борьбе с космополитизмом и негативным отношением советской власти к появившемуся после Второй мировой войны попыткам возвращения эмигрантов 1917–1920-х гг. Именно в 1946, 1947 и 1948 гг. П.М. Бицилли подавал ходатайство на предоставление ему и его жене гражданство СССР (во всех случаях было отказано). Историографию о подаче ходатайств П.М. Бицилли на получение гражданства СССР см.: *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (К 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Вып. 16. Брянск: Ладомир, 2014. С. 149–157.

⁴⁰ ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 15. Л. 47.

⁴¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 149. Л. 5.

смотрение данного прошения. Интересный факт, что следующим пунктом на этом заседании было принято решение о единогласном избрании П.М. Бицилли профессором по кафедре всеобщей истории⁴².

По прошествии недели – 31 мая 1919 г., на следующем заседании историко-филологического факультета, П.М. Бицилли выступает с заявлением «...об усилении преподавания всеобщей истории» на факультете. На что 14 преподавателей, в том числе П.М. Бицилли и Е.Н. Щепкин, принимают две резолюции следующего характера: «1) Отложить решение вопроса об усилении преподавания по кафедре всеобщей истории до времени более благоприятного для объявления конкурса факультетом; 2) Ныне же на основании заявления П.М. Бицилли зачислить К.В. Флоровскую приват-доцентом, на что она приобрела право два года назад»⁴³. На этом же заседании рассматривалось прошение О.Л. Вайнштейна о выдаче ему зачетного свидетельства за восемь семестров⁴⁴, которые составляли полный курс четырехлетнего обучения в университете. Данное прошение получило положительное решение Совета факультета с резолюцией – «Выдать зачетное удостоверение (справку) по новой форме»⁴⁵. Весьма вероятно, что в апреле 1919 г. О.Л. Вайнштейн, наблюдая сложное положение в стране во всех сферах жизнедеятельности, планировал уйти из университета или перевестись в другой вуз, но в ситуации с недостатком преподавателей по кафедре всеобщей истории П.М. Бицилли и Е.Н. Щепкин смогли убедить талантливого студента продолжить обучение в университете с последующим получением места среди профессорских стипендиатов.

Представление П.М. Бицилли на заседании Совета факультета «...об оставлении при университете в качестве профессорского стипендиата по кафедре всеобщей истории О.Л. Вайнштейна» было рассмотрено 17 июня 1919 г. (13 статья). Присутствующие на заседании согласились с представлением П.М. Бицилли, устным

---

⁴² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2560. Л. 47, 50 об.–51.

⁴³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2560. Л. 53–54.

⁴⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 149. Л. 4; Оп. 4. Д. 2560. Л. 54 об.

⁴⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2560. Л. 55.

заявлением и. д. ординарного профессора кафедры русской истории Е.П. Трифильева⁴⁶, который выступил в поддержку молодого ученого, и приняли решение согласиться с представлением «...ходатайствовать о назначении г. Вайнштейну стипендии в обычной норме»⁴⁷. Вопрос об утверждении О.Л. Вайнштейна профессорским стипендиатом был решен положительно. Это удостоверяла резолюция председателя СКВУЗ Е.Н. Щепкина от 12 июля 1919 г. на выписке из протокола заседания историко-филологического факультета⁴⁸. Таким образом, Е.Н. Щепкин сыграл важную роль в жизни О.Л. Вайнштейна но не в вопросе выбора приоритетной темы научных исследований в исторической науке, а в первую очередь как председатель СКВУЗ, как высокий чиновник в структуре управления высшей школы Одессы, способствующий его зачислению в число профессорских стипендиатов.

Решение вопроса относительно оставления О.Л. Вайнштейна при университете для подготовки к профессорскому званию дало положительный результат, но трудности для молодого ученого на этом не закончились. 23 августа 1919 г. Одесса была занята Добровольческой армией под командованием генерала А.И. Деникина. За несколько дней до этого большевики покинули город. Новая власть вернула все порядки и устои Российской империи, в том числе и структур управления высшей школой. Вследствие этого 21 августа 1919 г. на заседании Совета историко-филологического факультета статья 13 заседания факультета от 17 июня 1919 г. относительно оставления О.Л. Вайнштейна при университете в качестве профессорского стипендиата была отменена⁴⁹. Его протеже – Е.Н. Щепкин 24 августа 1919 г. был арестован контрразведкой Добровольческой армии по обвинению в государственном преступлении и находился в Одесской тюрьме до 25 января⁵⁰. Судьба П.М. Бицилли в это время сложилась иначе. Он продол-

---

⁴⁶ Подробнее о нем см.: *Попова Т.Н.* Из истории Новороссийского университета: Е.П. Трифильев. К 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения. Вып. 9. Брянск: Изд-во БГУ, 2007. С. 42–62 и др.

⁴⁷ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2560. Л. 59 об.–60; Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 7. Л. 46–47.

⁴⁸ ГАОО. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

⁴⁹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2560. Л. 67, 69.

⁵⁰ ГАОО. Ф. Р-3832. Оп. 1. Д. 19. Л. 16 об.

жал преподавать в университете и принимать магистерские экзамены. В конце января 1920 г. перед вступлением в Одессу большевиков из города вместе с отступающими частями белой армии выехала многочисленная группа преподавателей, среди которых был и П.М. Бицилли. С установлением 7 февраля 1920 г. в Одессе советской власти, с 23 февраля все вузы были национализированы и вошли в ведомство подотдела Высшей школы Одесского губернского отдела народного образования (Губнаробраз), который с 28 февраля возглавил Е.Н. Щепкин.

С 1920 г. начался принципиально новый этап в жизни О.Л. Вайнштейна. 22 февраля 1920 г. Губнаробраз издал приказ «О восстановлении в своих правах всех лиц преподавательского персонала», которые были уволены со времени вступления белогвардейцев в Одессу⁵¹. Соответственно этому приказу 20 марта 1920 г. на заседании Правления Новороссийского университета слушали представление историко-филологического факультета об отмене решения от 21 августа 1919 г. относительно О.Л. Вайнштейна. Факультет на заседании 27 (14) февраля 1920 г. по предложению профессора Е.Н. Щепкина постановил считать О.Л. Вайнштейна профессорским стипендиатом по кафедре всеобщей истории согласно постановлению факультета 17 июня 1919 г.⁵². При этом также определили выдавать ему стипендию в общем порядке с 27 февраля 1920 г.⁵³.

Окончание О.Л. Вайнштейном университета и продолжение научной деятельности в институте профессорских стипендиатов пришлось на новый этап (1919–1922) в системе высшего образования УССР. В это время на фоне политического коллапса с растущим экономическим кризисом высшая школа Одессы была трансформирована из централизованно-имперской в автономно-региональную, вследствие чего летом 1920 г. Новороссийский университет был реорганизован в сеть профильных институтов. На протяжении 1920-х гг. высшая школа УССР находилась в состоянии перманентной реорганизации. Система исторического образования и исторической науки, сложившаяся в Российской импе-

---

⁵¹ ГАОО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2560. Л. 116–117.

⁵³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1147. Л. 3.

рии, никоим образом не соответствовала запросу советской власти, с первых дней своего существования предпринявшей радикальные изменения в этой области и приступившей к разрушению действующей системы высшего исторического образования, открытием доступа в вузы рабочей и крестьянской молодежи, политизируя ее содержание.

Институт профессорских стипендиатов О.Л. Вайнштейн проходил на протяжении трех лет в трех вузах⁵⁴. Первым из них был Новороссийский университет (1919–1920). После его закрытия в 1920/1921 учебном году вошел в состав ОГОИ⁵⁵ как оставленный для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории⁵⁶. Последний год (1921/1922 учебный год) в статусе оставленного для подготовки к профессорскому званию О.Л. Вайнштейн числился в ОИНО до 1 декабря 1922 г.⁵⁷

В период 1920–1922 гг. кроме получения минимальной материальной помощи как профессорский стипендиат О.Л. Вайнштейн искал возможности для дополнительного заработка. Так, в период 1920–1922 гг. в трудовой школе № 28⁵⁸ преподавал историю и политэкономии⁵⁹. 21 июня 1920 г. подал заявление в Одесский областной архив с просьбой предоставить место в архиве по его специальности для принятия участия в разработке местных архивов⁶⁰. Но в архиве ему не удалось получить должность. Ока-

---

⁵⁴ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.; Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 35. Л. 29 об.

⁵⁵ Одесский гуманитарно-общественный институт был образован летом 1920 г. путем слияния историко-филологических и юридических факультетов Новороссийского университета и Одесских высших женских курсов, с присоединением Одесского высшего международного института и экономического факультета Одесского политехнического института. Фактически существовал с 1 июля 1920 г. до 1 сентября 1921 г. В это время являлся основным наследником трансформированного Новороссийского университета. Подробнее см.: *Левченко В.В.* Одесский гуманитарно-суспільний інститут (1920–1921): до питання спадкоємності традицій університетської освіти // Записки історичного факультету. Вип. 19. Одеса, 2008. С. 207–216.

⁵⁶ ГАОО. Ф. Р-849. Оп. 3. Д. 5. Л. 1–1а.

⁵⁷ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВ). Ф. 166. Оп. 3. Д. 349. Л. 11 об.

⁵⁸ ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 15. Л. 47; Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 35. Л. 29 об.

⁵⁹ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 138. Л. 1 об.

⁶⁰ ГАОО. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

завшись не принятым на работу в облархив в 1920 г. через два года – в 1922 г. он оказался единственным из всего числа профессорских стипендиатов, кого оставили в структуре ОИНО. В 1922/1923 учебном году он работал заведующим историческим кабинетом⁶¹, а с 1923 по 1930 гг. по очереди занимал должности внештатного преподавателя (1923–1925, 1926–1930) и профессора (1925–1926)⁶².

За семь лет работы в ОИНО О.Л. Вайнштейн читал курсы лекций по средневековой, новой и всеобщей истории. С 1 ноября 1923 г. он был преподавателем (15 разряда, самого низшего среди педагогического состава вуза) по всеобщей истории (2 часа в неделю) на историческом отделении факультета профессионального образования. Его учебная нагрузка была самой минимальной среди всего педагогического состава вуза. Например, у его коллег К.П. Добролюбского и В.И. Селинова (оба 16 разряда) было соответственно 14 и 8 часов в неделю общей нагрузки⁶³. В следующем учебном году (1923/1924) читал лекции по всеобщей истории средневековья (по 2 часа в неделю в каждом триместре) на 2 курсе секции словесно-исторических наук факультета профессионального образования⁶⁴ и по всеобщей истории на 2 курсе факультета социального воспитания (по 2 часа в неделю в каждом триместре)⁶⁵. Только в 1925/1926 учебном году О.Л. Вайнштейну существенно увеличивают нагрузку, и он получает до 6 академических часов в неделю. На 1 и 2 курсах отделения общественных наук факультета профессионального образования читает курс средневековой истории⁶⁶. В 1926/1927 учебном году для 42 студентов 1 общего курса факультета профессионального образования он вел курс «Средневековье» (общее количество часов – 96, при показателе успеваемости – 32 успешно и 10 неуспешно), для

---

⁶¹ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.

⁶² См.: *Левченко В.В.* Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту / відп. ред. В.М. Хмарський, наук. ред. Т.Н. Попова. Одеса, 2010. С. 288.

⁶³ ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1214. Л. 111–112; Оп. 3. Д. 349. Л. 121.

⁶⁴ ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 349. Л. 139–140.

⁶⁵ ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 430. Л. 1–1 об.

⁶⁶ ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 5. Д. 567. Л. 346.

49 студентов еврейского сектора факультета социального воспитания – курс «История Запада» (общее количество часов – 170, с показателем успеваемости 35/14), а также вместе с К.П. Добролюбским для 121 студента 2 курса факультета социального воспитания читал лекции по «Истории классовой борьбы на Западе» (общее количество часов – 324, с показателем успеваемости – 112/9)⁶⁷. В этом же учебном году на рабфаке он читал общий курс «История классовой борьбы» (8 часов в неделю)⁶⁸. Общая индивидуальная нагрузка в 1926/1927 учебном году составила более 600 часов аудиторной работы. В этом же учебном году сверх нагрузки также читал курс лекций по истории Турции для 22 студентов семинара повышенного типа для изучения «Экономическо-социальной истории Украины XIX–XX веков», руководителем которого был профессор М.Е. Слабченко⁶⁹. В 1927/1928 учебном году читал лекции по курсам «История Западной Европы» и «История классовой борьбы на Западе»⁷⁰. Эти же дисциплины он вел и в последующие годы работы в ОИНО.

Одновременно с плодотворной преподавательской деятельностью О.Л. Вайнштейн уделял значительное количество времени научно-исследовательской и научно-организаторской работе. В период 1920-х – начала 1930-х гг. он являлся действительным членом пяти научно-исследовательских обществ – Одесской комиссии краеведения при Украинской академии наук (1923–1930), Одесского филиала Всеукраинской научной ассоциации востоковедов (1926–1930), Одесского научного общества при Украинской академии наук (1926–1930), Общества историков-марксистов при Коммунистической академии наук (Москва, с 1926 г.), Института марксизма-ленинизма (с 1928 г.) и секретарем Библиографического семинара при Одесской центральной научной библиотеке⁷¹. Из трех выше перечисленных одесских научных обществ самое

---

⁶⁷ ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 168. Л. 21–24 об.; Д. 1006. Л. 10, 17.

⁶⁸ ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 1006. Л. 56–57.

⁶⁹ ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 585. Л. 5, 17, 22. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 583. Л. 2, 21 об.

⁷⁰ ЦГАВОВ. Ф. 166. Оп. 6. Д. 168. Л. 8; ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 17. Л. 134–136; Д. 583. Л. 8–9.

⁷¹ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.

деятельное участие О.Л. Вайнштейн принял в Одесском филиале Всеукраинской научной ассоциации востоковедов, действительным членом историко-этнологического отдела (председатель А.И. Томсон) он числился с 18 марта 1926 г. За четыре года членства в ассоциации он выступил с тремя докладами (28 января 1928 г. – «Французские торговые колонии на Леванте при старом порядке и в период Французской революции», 30 марта 1929 г. – «Восток в западноевропейской литературе эпохи колониальной экспансии», 29 октября 1929 г. – «Турция в старой западноевропейской литературе»)⁷² и по результатам одного из них опубликовал статью⁷³. В двух других научных обществах, а ни в Одесской комиссии краеведения при УАН⁷⁴, а ни в Одесском научном обществе при УАН⁷⁵ он не принимал деятельного участия. Позволим себе предположить, что в этих двух научных объединениях он не принимал участия из-за не пересечения его научных исследований с их профильными проблематиками. В первом случае – это краеведческая тема, во втором – исследования в области украинской культуры.

В конце 1926/1927 учебного года О.Л. Вайнштейна приглашали в качестве действительного члена войти в состав нового научного учреждения. Согласно предложению Правления Укрнауки от 23 мая 1927 г. при Одесском институте народного хозяйства планировалась организация Одесской научно-исследовательской кафедры марксизма-ленинизма⁷⁶, состоящая из трех секций (экономических наук, философско-социологическая, истории). Кафедру

---

⁷² Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства. Одеська філія. 1926–1930. Одеса, 1930. С. 7, 17.

⁷³ *Вайнштейн О.Л.* Французские торговые колонии на Леванте при старом порядке и в эпоху революции // Новый Восток: журнал Научной ассоциации востоковедения СССР. Кн. 25. 1929. С. 216–235; Кн. 26–27. 1929. С. 210–235.

⁷⁴ Вісник Одеської комісії краєзнавства при ВУАН. Ч. 1. 1924. С. 2, Ч. 2–3. 1925. С. 3, 116.

⁷⁵ См.: Звіт про діяльність «Одеського наукового при Українській академії наук товариства». Одеса, 1927. 16 с.; Звіт про діяльність Одеського наукового товариства за 1928–29 академічний рік. Одеса, 1930. 20 с.; Історія Національної академії наук України. 1924–1928. Документи і матеріали. К.: НБУВ, 1998. С. 339–343.

⁷⁶ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 56. Л. 45.

должен был возглавить харьковский профессор М.И. Яворский. Одним из четырех действительных членов секции истории планировалось избрать О.Л. Вайнштейна. В проекте состава сотрудников кафедры примечательными выглядят несколько фактов. Во-первых, из 14 сотрудников, которые как предполагалось должны были войти в состав кафедры, 11 человек были членами КПБУ и только 3 – беспартийными (О.Л. Вайнштейн, И.И. Герлих, К.П. Добролюбский)⁷⁷. Во-вторых, в штат кафедры планировалось пригласить 8 преподавателей из ведущего вуза Одессы – ОИНО, в том числе и О.Л. Вайнштейна. В-третьих, в составе планировавшейся кафедры не было ни одного представителя дореволюционной генерации ученых, даже тех, кто воспринимали историческую науку с позиций марксизма (А.Г. Готалов-Готлиб и др.). В-четвертых, в состав кафедры не был включен одесский историк 1920-х гг. М.Е. Слабченко, который считался ведущим историком-марксистом в Одессе и причислял себя к таковым в историософском понимании этого значения, а не идеологическо-политическом. Идея создания этой кафедры была не реализована.

Во второй половине 1920-х гг. марксистское учение активно входило в исследовательский опыт современных историков. Структуры и формы организации развития исторической науки находились в процессе реорганизации. Одним из механизмов в формировании марксистского облика исторической науки в конце 1920-х гг. должна была стать Первая Всесоюзная научная конференция историков-марксистов в Москве, созванная на 27 декабря 1928 г. В ответ на приглашение от Коммунистической академии при ЦИК СССР от 19 ноября 1928 г. руководство ОИНО 21 декабря 1928 г. предоставило мандат на участие в конференции О.Л. Вайнштейну вместе с К.П. Добролюбским и Я.Е. Меерзоном с правом совещательного голоса. Единственный мандат с правом решающего голоса был отдан М.Е. Слабченко⁷⁸.

Переломным годом в развитии советской историографии первых лет стал 1929 г., когда официальный руководитель исторической науки в СССР М.Н. Покровский объявил об окончании

---

⁷⁷ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 56. Л. 44–44 об.

⁷⁸ ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 682. Л. 15, 17; Д. 742. Л. 16.

«периода мирного сожительства» с учеными дореволюционной школы, что привело к началу «чисток» в рядах историков. Вследствие этого в конце 1920-х гг., в условиях утверждения тоталитарного режима, ситуация в сфере высшего образования и науки начала кардинально меняться – усиливалось давление на ее представителей. Подозрения, наветы, обвинения, аресты и постоянный контроль со стороны власти стали неотъемлемой частью жизни многих преподавателей и ученых, особенно дореволюционной генерации. Одним из методов решения этой проблемы была очередная трансформация высшей школы Одессы. Летом 1930 г. ОИНО был реорганизован в три новых вуза: Физико-химико-математический институт, Институт социального воспитания, Институт профессионального образования.

С реорганизацией ОИНО О.Л. Вайнштейн продолжил педагогическую деятельность в других вузах Одессы. В 1930/1931 учебном году он работал по совместительству⁷⁹ профессором 2 категории на кафедре всеобщей истории (заведующий кафедры К.П. Добролюбский) исторического отделения социально-экономического факультета Одесского института профессионального образования (ОИПО)⁸⁰. С 29 мая 1931 г. он уже числился профессором кафедры всеобщей истории и истории народов СССР (заведующий кафедры К.П. Добролюбский), что было следствием присоединения к кафедре всеобщей истории (3 преподавателя) кафедры истории народов СССР (2 преподавателя) с целью рационального распределения кабинетов и укрепления руководства кафедр. Преподаватели объединенной кафедры читали лекции по дисциплинам – история первобытной культуры, история феодализма, история промышленного капитала и империализма, история народов СССР⁸¹. О.Л. Вайнштейн преподавал историю Запада⁸². На 1932/1933 учебный год он был утвержден по кафедре социально-экономического факультета ОИПО в качестве штатного профессора по истории периода капитализма⁸³. ОИПО просуществовал недолго – три

---

⁷⁹ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

⁸⁰ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.–21.

⁸¹ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 1. Л. 72 об.–73.

⁸² ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁸³ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 26. Л. 19; Д. 34. Л. 4.

учебных года. Уже 14 февраля 1933 г. по вузу был издан приказ о создании комиссии для разработки проекта о его реорганизации⁸⁴. В ОИПО деятельности О.Л. Вайнштейна руководство вуза дало положительную характеристику: «Научно-квалифицированный сотрудник, в общественной работе принимает активное участие»⁸⁵. В следующем году эта фраза была дополнена фразой «...общественно марксист»⁸⁶.

Летом 1933 г. на базе ОИПО и Физико-химико-математического института был открыт Одесский государственный университет (ОГУ). С первого года его существования в нем не было предусмотрено открытие исторического факультета. Поэтому О.Л. Вайнштейн как и большинство других историков ОИПО перешли на работу в Одесский украинский педагогический институт (ОУПИ), созданный на основе Одесского института социального воспитания (1930–1933). В новом вузе О.Л. Вайнштейн проработал в 1933–1935 гг. Во время работы в ОУПИ в 1934 г. он был утвержден НКП УССР в научном звании профессора⁸⁷.

Лишь в 1934 г. в структуре ОГУ появился в качестве самостоятельной единицы исторический факультет. Он состоял из пяти кафедр: истории СССР, истории Украины, истории древнего мира и археологии, истории средних веков, новой и новейшей истории. Кафедру истории средних веков в 1934–1935 гг. возглавлял О.Л. Вайнштейн⁸⁸. В мае 1935 г. на первой научной сессии ОГУ, среди подготовленных историческим факультетом трудов были отмечены работы профессоров О.Л. Вайнштейна, И.Д. Сероглазова, К.П. Добролюбского, И.П. Шмидта⁸⁹. Как видим и в этом вузе О.Л. Вайнштейн зарекомендовал себя с лучшей стороны.

После отъезда О.Л. Вайнштейна из Одессы кафедра истории средних веков ОГУ долгое время оставалась вакантной. С сентяб-

---

⁸⁴ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.

⁸⁵ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 35. Л. 31.

⁸⁶ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 35. Л. 30.

⁸⁷ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–13.

⁸⁸ Історія Одеського університету за 100 років (1865–1965). К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1968. С. 336.

⁸⁹ Шмідт І.П., Склярук Д.І. Перша наукова сесія // Чорноморська Комунa. 1935. 12 травня.

ря 1936 г. кафедрой истории средних веков в составе лишь одного преподавателя заведовал профессор Н.Н. Розенталь, который к тому же был ее единственным работником. После событий Большого террора 1937–1938 гг. его отстранили от заведования кафедрой. На март 1940 г. партийные контролеры отмечали, что на факультете не хватает преподавателей по средним векам и древней истории. По состоянию на 1941 г. кафедра средних веков не имела заведующего, хотя при этом указывалось, что на факультете есть три аспиранта, которые специализировались в этой области исторической науки⁹⁰. Таким образом, с отъездом О.Л. Вайнштейна в Ленинград *alma mater* одесских историков долгое время оставалась без специалистов в сфере медиевистики.

Одновременно с преподаванием в ОГУ с 1934 г. О.Л. Вайнштейн также работал в Одесском немецком педагогическом институте (ОНПИ). Преподаванию в этом вузе способствовал его высокий уровень знания немецкого языка⁹¹. 1 сентября 1934 г. приказом по ОНПИ он был утвержден руководителем кафедры «Всемирной истории»⁹² (встречается вариант написания как «История вселенной»)⁹³. В 1934/1935 учебном году он также временно занимал вакантную должность заведующего кафедрой истории, большевизма, Украины, народов СССР⁹⁴. В организационный период налаживания деятельности вуза О.Л. Вайнштейн проявил себя как способный организатор учебного процесса. За определенные заслуги администрация вуза дала ему характеристику следующего содержания: «Квалифицирован как профессор. Очень хороший педагог. Внепартийный»⁹⁵. К О.Л. Вайнштейну как равно и еще к 6 заведующим кафедр из 12 существовавших в вузе кафедр, не было претензий со стороны администрации ОНПИ в начале первого учебного года (1934/1935) по вопросам наличия рабочих

---

⁹⁰ О научной работе историков Одессы и Киева // Историк марксист. 1941. № 6. С. 140.

⁹¹ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁹² ЦГАВОВ. Ф. 331. Оп. 1. Д. 567. Л. 19 об.; ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

⁹³ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁹⁴ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 17, 27; Д. 35. Л. 9.

⁹⁵ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 14. Л. 18, 22.

учебных планов и программ, индивидуальных планов преподавателей, составления списка рекомендованной литературы, проведения проверки работы членов кафедры, организации исторического кабинета, участие кафедры в социалистическом соревновании за звание лучшей кафедры и т. п.⁹⁶. Об этом директор института заявил 25 октября 1934 г. на совещании представителей учебной части вуза с заведующими и секретарями кафедр, заведующими кабинетами⁹⁷. За добросовестное исполнение своих обязанностей руководство вуза неоднократно отмечало «ударную» работу О.Л. Вайнштейна – 5 ноября 1934 г. и 31 января 1935 г.⁹⁸.

Одесский период жизни О.Л. Вайнштейна отмечен его деятельностью как в высшей школе, так и в библиотечной сети. Начиная с сентября 1923 г. и до 1935 г. О.Л. Вайнштейн работал в структуре двух ведущих библиотек Одессы. Сначала в Центральной научной библиотеке Одессы (1923–1930) как основном рабочем месте, а затем в Одесской государственной библиотеке (1930–1935) по совместительству. В 1920-е гг. ОЦНБ была основным рабочим местом О.Л. Вайнштейна, где он последовательно занимал должности библиотекаря (1 сентября 1923 – 1924)⁹⁹, заведующего библиографическим отделом (1924–1927)¹⁰⁰, ученого секретаря, заместителя директора, и. о. директора (5 месяцев в 1930 г.). После трансформации библиотечной сети Одессы в ОГНБ (постановление СНК УССР 1 августа 1930 г.) с 16 сентября 1930 г. историк стал работать по совместительству на должности заместителя директора¹⁰¹ (1930–1935)¹⁰². За время работы О.Л. Вайнштейна в ОЦНБ под руководством директора С.Л. Рубинштейна наблюдается тенденция налаживания плодотворной работы библиотеки в разных направлениях. Например, в 1924–1925 гг. был организован межвузовский библиотечный семинар¹⁰³. В 1925 г. началась работа по

---

⁹⁶ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 11. Л. 29, 34, 41.

⁹⁷ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

⁹⁸ ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 138. Л. 3–4.

⁹⁹ ГАОО. Ф. Р-1724. Оп. 1. Д. 31. Л. 2, 3.

¹⁰⁰ ЦГАВОВ. Ф. 331. Оп. 5. Д. 740. Л. 26–27; ГАОО. Ф. Р-1724. Оп. 1. Д. 49.

Л. 90.

¹⁰¹ ГАОО. Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 794. Л. 49.

¹⁰² ГАОО. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 138. Л. 1 об.

¹⁰³ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.

«восстановлению прерванных научных связей и обмена изданиями» с библиотеками и научными учреждениями Парижа. Руководство этой работой было поручено заведующему библиографическим отделом – О.Л. Вайнштейну¹⁰⁴. Именно по линии основной работы в библиотеке в 1927 г. он совершил заграничную командировку¹⁰⁵ в Париж, отчет о которой направил в Укрнауку 16 ноября 1927 г.¹⁰⁶. Состоялось налаживание издания научного периодического издания по приоритетным направлениям исследований библиотечных сотрудников – «Праці Одеської центральної наукової бібліотеки» (было издано 3 тома). 30 января 1928 г. С.Л. Рубинштейн подал уполномоченному Упрнауки в Одессе просьбу дать разрешение на проведение научных командировок в пределах СССР научным сотрудникам библиотеки на основании их заявлений. В этом списке также фигурировало имя О.Л. Вайнштейна, который планировал научную командировку в Москву и Ленинград сроком на три месяца с целью продолжения проведения научной работы в области библиографии и для завершения обработки материалов по истории Великой французской революции в библиотеках (Публичной и Академии наук), а также в Институте Маркса и Энгельса и в архиве бывшего Министерства иностранных дел¹⁰⁷. В итоге основным направлением деятельности библиотеки стало превращение ее из книгохранилища в активного актора общей системы образования в стране, что придало ей значимости и поставило на высокое место среди научно-исследовательских учреждений, изучавших вопросы библиотековедения, книговедения и библиографии. Важную роль в налаживании деятельности библиотеки в 1920-х гг. сыграл и О.Л. Вайнштейн.

Третьей составляющей профессиональной деятельности О.Л. Вайнштейна на протяжении его жизни, в том числе и в одесский период являются научные исследования. Данные о его интеллектуальном наследии опубликованы¹⁰⁸, но нами были выяв-

---

¹⁰⁴ ГАОО. Ф. Р-1724. Оп. 1. Д. 49. Л. 66.

¹⁰⁵ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 56. Л. 88.

¹⁰⁶ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 35. Л. 29.

¹⁰⁷ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 80. Л. 15.

¹⁰⁸ Корсакова Н.Л., Тутова А.Ф. Указ. соч.

лены еще две изданные работы¹⁰⁹, которые дополняют библиографию научных трудов историка. Также реестр научных трудов О.Л. Вайнштейна может дополнить хрестоматия «Классики марксизма о рабочем движении в Англии», подготовленная совместно с С.Я. Боровым и К.П. Добролюбским, но только после документального подтверждения о ее издании. На сегодня мы можем о ней упомянуть исходя из списка трудов С.Я. Бороваго, поданного вместе с другими документами в 1935 г. на присуждение ученой степени кандидата исторических наук, из которого узнаем, что приблизительно в 1933–1934 гг. (предыдущая позиция списка датирована 1933 г.) им в соавторстве с К.П. Добролюбским и О.Л. Вайнштейном была подготовлена и сдана в печать в издательство «Партвидав» хрестоматия «Классики марксизма о рабочем движении в Англии»¹¹⁰.

Одесский период в жизни О.Л. Вайнштейна в первой половине 1930-х гг. не был гладким. В 1932 г. его работы по Парижской коммуне были подвергнуты острой критике со стороны одесских коллег из числа партийных-выдвиженцев¹¹¹. После обсуждения письма И. Сталина в журнале «Пролетарская революция», общество историков-марксистов обвинило своего члена О.Л. Вайнштейна в пропаганде антиленинской схемы Парижской коммуны. Отмечалось, что в его лекциях не хватает марксистско-ленинской методологии и предлагалось снять с работы как такого, что он окончательно «не разоружился»¹¹². После покаянного выступления на заседании Одесского отделения Общества историков-марксистов¹¹³, он был прощен приверженцами развития

---

¹⁰⁹ *Вайнштейн О.Л.* Революційні організації Парижу у період першої облоги (До питання про генезис Комуні 1871 р.) // Прапор марксизму. 1928. № 2. С. 167–190; *Вайнштейн О.Л.* Селянські повстання в середні віка // Молода гвардія. 1935. 8 червня, 10 липня.

¹¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р9506. Оп. 70. Д. 121. Л. 29.

¹¹¹ *Герман, Сероглазов, Погорілий.* Професор Вайнштейн ревізує Маркса – Енгельса – Леніна в оцінці Паризької комуні // Чорноморська комунa. 1932. 17 березня.

¹¹² *Петровський Е.* Кадрова ситуація на історичному факультеті Одеського державного університету в 1930-х роках // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вип. 13. К., 2005. С. 264.

¹¹³ *Боровой С.* Воспоминания. М.-Иерусалим, 1993. С. 138.

исторической науки «на основе марксистско-ленинско-сталинских идей». В дополнение к проблемам профессионального характера в это же время у него появились неприятности в личной жизни – развод с женой¹¹⁴. Данными относительно даты его вступления в брак и кто была его супруга, мы на сегодня не располагаем. Известно, что в 1925 г. на его иждивении находились жена, отец 66 лет и мать 57 лет¹¹⁵, а в период с 27 ноября 1927 г.¹¹⁶ по 18 февраля 1931 г.¹¹⁷ на его иждивении находились жена и мать.

О.Л. Вайнштейн покинул Одессу зрелым ученым с сформировавшимися научными интересами, влюбившимся в науку на всю свою жизнь. С.Я. Боровой вспоминал, что Осип Львович «...поражал своею работоспособностью, прямо таки одержимостью, с которой отдавался науке. До конца своей жизни... он накапливал знания и продолжал с жадностью трудиться. Не будет преувеличением сказать, что он был самым начитанным историком в нашей стране»¹¹⁸. Можно смело сказать, что О.Л. Вайнштейн любил науку больше в себе, чем себя в науке, что заслуживает большого уважения и почитания.

Данный биоисториографический очерк – первая попытка реконструкции истории одесского периода в жизни О.Л. Вайнштейна. Последующий анализ документальной базы, научной литературы и интеллектуального наследия историка позволит выйти на более высокий уровень осмысления значимости этого этапа в судьбе Осипа Львовича Вайнштейна – ученого и человека.

---

¹¹⁴ Боровой С. Воспоминания. М.-Иерусалим, 1993. С. 138.

¹¹⁵ ГАОО. Ф. Р-1724. Оп. 1. Д. 49. Л. 90.

¹¹⁶ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

¹¹⁷ ГАОО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 35. Л. 29.

¹¹⁸ Боровой С. Воспоминания. М.-Иерусалим, 1993. С. 138.

Приложения¹¹⁹

Приложение 1 Прошение¹²⁰ О.Л. Вайнштейна ректору ИНУ¹²¹

Его превосходительству
господину ректору
Императорского Новороссийского университета

окончившего курс гимназии
И.Р. Раппопорта в Одессе
Осипа Лейбова Вайнштейна¹²²

Прошение

Еще с самого начала военных действий мои двоюродные братья Шлема, Рефуль и Нухим¹²³ Рафаловичи были отправлены на передовые позиции. Нахождение первого из них на действительной службе удостоверяет прилагаемый документ. Во время прохождения мною гимназического курса Шлема Рафалович¹²⁴ оказывал мне существенную материальную поддержку¹²⁵. В настоящее же время, когда моя тетка, вдова, с уходом трех сыновей на военную службу лишилась почти всяких средств к существованию, она принуждена прибегать к моей помощи. Таким образом, я, добывая себе средства к существованию уроками, принужден одновременно помогать двум семьям – семье Рафаловичей и своей собственной. В случае не поступления в университет, мне тоже придется уйти на военную службу, и две семьи будут оставлены почти во власти голода. Поэтому, я покорнейше прошу принять во внимание указанные мною обстоятельства при вопросе о зачислении меня в университет.

Осип Вайнштейн

---

¹¹⁹ В представленных документах правописание подано в соответствии с орфографией и пунктуацией источников. Все уточнения и коррекция авторского текста отмечены квадратными скобками.

¹²⁰ Прошение написано на бумажном листе серо-желтого потускневшего цвета формата А4 черными чернилами, ровным каллиграфическим подчерком.

¹²¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2124. Л. 12.

¹²² «Осипа Лейбова Вайнштейна» подчеркнуто карандашом серого цвета.

¹²³ «...Шлема, Рефуль и Нухим...» подчеркнуто карандашом синего цвета.

¹²⁴ «...Шлема Рафалович...» подчеркнуто карандашом синего цвета.

¹²⁵ «...материальную поддержку» подчеркнуто карандашом синего цвета.

Приложение 2
Заявление¹²⁶ П.М. Бицилли от 31 мая 1919 г. в историко-филологический факультет Новороссийского университета об оставлении О.Л. Вайнштейна при университете для подготовки к научной деятельности¹²⁷

В историко-филологический факультет
Новороссийского университета
П.М. Бицилли

Заявление

В истекшем месяце окончил Новороссийский университет по историческому отделению историко-фил[ологического] факультета студент Осип Львович Вайнштейн. За все время своего пребывания в университете О.Л. Вайнштейн работал, пользуясь моей помощью и советами; в истекшем академическом году он представил факультету свою работу на предложенную мною тему по истории францисканского ордена; за эту работу он по отзывам проф[ессора] Е.Н. Щепкина и моему был награжден золотой медалью и работу его факультет постановил напечатать (в главной ее части) в Записках нашего университета. Мне известно, что и в настоящее время О.Л. Вайнштейн усиленно занимается научной деятельностью, сосредоточив свою работу на проблемах «раннего ренессанса» романских стран, и я могу удостоверить, что уже и сейчас он обладает как в специально заинтересовавшей его области, так и в области медиевистики, вообще, далеко необычной для университетского абитуриента начитанностью. На практических занятиях и на экзаменах О.Л. Вайнштейн проявлял те же качества, какие обнаружили и в его медальной работе: ясность мысли, историческое чутье, умение разбираться в сложных научных вопросах, точность и добросовестность в передаче усвоенного. О.Л. Вайнштейн свободно читает на главнейших новых языках, старыми владеет настолько, что до сих пор не встречал особых¹²⁸ затруднений при работе над средневековыми латинскими, старофранцузскими и староитальянскими памятниками. На основании сказанного я имею честь просить факультет оставить О.Л. Вайнштейна при универ-

---

¹²⁶ Заявление написано на бумажном листе желтого потускневшего цвета формата А4 синими чернилами.

¹²⁷ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2714. Л. 31.

¹²⁸ Слово дописано сверху над словосочетанием «встречал затруднений».

ситете для подготовки к научной деятельности по кафедре всеобщей истории.

П. Бицилли. 31 V [1]919.
присоединяюсь
проф[ессор] Е.Н. Щепкин [подпись]

---

1. *Алексеев-Попов В.С.* Осип Львович Вайнштейн (1894–1980) // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. 1980. М., 1982. С. 238–239.

2. *Бицилли П.М.* Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Записки Императорского Новороссийского университета историко-филологического факультета. Одесса, 1916. Вып. XII. 389 с.

3. *Боровой С.* Воспоминания. М.; Иерусалим, 1993. 384 с.

4. *Вайнштейн О.Л.* Французские торговые колонии на Леванте при старом порядке и в эпоху революции // Новый Восток: журнал Научной ассоциации востоковедения СССР. Кн. 25. 1929. С. 216–235; Кн. 26–27. 1929. С. 210–235.

5. *Вайнштейн О.Л.* Революційні організації Парижу у період першої облоги (До питання про генезис Комуни 1871 р.) // Прапор марксизму. 1928. № 2. С. 167–190.

6. *Вайнштейн О.Л.* Селянські повстання в середні віка // Молода гвардія. 1935. 8 червня, 10 липня.

7. *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Ленинград: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. 372 с.

8. *Вольфцун Л., Галчева Т.* Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. Вып. 77 (3-4). 2016. С. 162–175.

9. *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к „независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Изд-во Солнце, 2015. 320 с.

10. *Герман, Сероглазов, Погорілий.* Професор Вайнштейн ревізує Маркса – Енгельса – Леніна в оцінці Паризької комуни // Чорноморська комуна. 1932. 17 березня.

11. *Калуцька Л.П., Фрізман Г.В.* З історії радянської медієвістики (О.Л. Вайнштейн) // Вісник Харківського університету. Серія історія. Вип. 4, № 45. 1970. С. 18–22.

12. *Клюев А.И., Сवेशников А.В.* Письма советских медиевистов к О.Л. Вайнштейну // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 441–454.

13. *Колеватов Д.М., Корзун В.П.* Историки в фокусе компании по борьбе с космополитизмом. Русская историография Н.М. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. С. 323–371.
14. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем. № 20. 2007. С. 24–62.
15. *Корсакова Н.Л., Тутова А.Ф.* Научные труды О.Л. Вайнштейна // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 325–332.
16. *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* Профессор О.Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (Из истории кафедры истории средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 5. СПб.: Алетея, 2005. С. 102–126.
17. *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* Cathedra medii aevi. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 123 с.
18. *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* Университетские учебники и довоенная кафедра истории средних веков ЛГУ // История. Мир прошлого в современном освещении: сб. науч. ст. к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 571–580.
19. *Левченко В.В.* Одеський гуманітарно-суспільний інститут (1920–1921): до питання спадкоємності традицій університетської освіти // Записки історичного факультету. Вип. 19. Одеса, 2008. С. 207–216.
20. *Левченко В.В.* Вайнштейн Йосип Львович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок ХІХ – середина ХХ ст.). Одеса: Друкарський дім, 2009. С. 84–87.
21. *Левченко В.В.* Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту» / відп. ред. В.М. Хмарський, наук. ред. Т.Н. Попова. Одеса, 2010. 428 с.
22. *Левченко В.В.* Вайнштейн Йосип Лейбович // Дослідники історії Південної України: біобібліографічний довідник / упоряд. Ігор Лиман. Київ, 2016. Том 2. С. 78–82.
23. *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (К 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Вып. 16. Брянск: Ладомир, 2014. С. 149–157.
24. *Петровський Е.* Кадрова ситуація на історичному факультеті Одеського державного університету в 1930-х роках // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вип. 13. К., 2005. С. 260–273.
25. *Полевщикова Е.В.* О.Л. Вайнштейн и изучение именных фондов Научной библиотеки ОНУ им. И.И. Мечникова в 1920-е гг. // Вісник

Одеського національного університету. Серія: бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. Т. 12. Вип. 4. Одеса, 2007. С. 119–133.

26. *Полевщикова Е.В.* О.Л. Вайнштейн как исследователь Воронцовского фонда Научной библиотеки Одесского университета // Рукописна та книжкова спадщина України. К., 2007. Вип. 12. С. 376–390.

27. *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.

28. *Попова Т.Н.* Из истории Новороссийского университета: Е.П. Трифильев К 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения. Вып. 9. Брянск: Изд-во БГУ, 2007. С. 42–62.

29. *Попова Т.Н.* К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т. 12. Одесса: Симекс-принт. 2013. С. 27–76.

30. *Рамм Б.Я.* Научная и общественная деятельность Осипа Львовича Вайнштейна (1894–1980) // История и историки: историографический ежегодник. 1982–1983 / отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1987. С. 258–270.

31. *Свешников А.В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х гг. // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Садретдинова, В.П. Корзун. Вып. 2. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. С. 78–111.

32. *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества: монография. Омск, Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 408 с.

33. *Тоцький П.М.* Вайнштейн Осип Львович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник: в 4 т. Одеса: «Астропринт», 2000. Т. 2. С. 176–180.

34. *Тоцький П.М.* Вайнштейн Осип Львович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Т. 2: А–І. Вид. др., доп. Одеса: «Астропринт», 2005. С. 196–200.

35. *Тоцький П.М.* Вайнштейн Осип Львович // Енциклопедія Сучасної України. Т. 4: В–Вог. К., 2005. С. 26.

36. *Шаханов А.Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник 2004. М., 2005. № 1. С. 186–207.

37. *Шмідт І.П., Склярук Д.І.* Перша наукова сесія // Чорноморська Комуна. 1935. 12 травня.

38. Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920): Библиографический указатель / сост.: И.В. Максименко, В.В. Самодурова; науч. ред. Т.Н. Попова; авторы вступ. ст. И.В. Максименко, Т.Н. Попова; библиогр. ред. М.А. Подрезова. Одесса, 1998. 129 с.

**Идейное наследие М.М. Щербатова
в дооктябрьской историографии:
проблема «консервативно-либерального дуализма»**

На материале работ русских мыслителей и ученых-гуманитариев (статьи А.И. Герцена, С.В. Ешевского, А.Г. Брикнера, В.А. Мякотина и А.А. Кизеветтера) рассматривается проблема истоков и процесс формирования историографического образа М.М. Щербатова как основоположника и идеолога русского дворянского консерватизма в дооктябрьской историографии, в том числе различные идентификации («консервативная» и «либеральная») его социально-политической программы. Первым интерпретатором идейного наследия М.М. Щербатова стал А.И. Герцен, отметивший его резкую оппозиционность по отношению к режиму абсолютной монархии и генетическую близость к будущей славянофильской идеологии. Начиная с апологетических работ С.В. Ешевского и А.Г. Брикнера в историографии утверждается «либеральная» идентификация щербатовского мировоззрения. В.А. Мякотин заложил основы дуалистической («либерально-консервативной») трактовки взглядов М.М. Щербатова, выдвигая на первый план их либеральный компонент. Напротив, А.Н. Пыпин и А.А. Кизеветтер, основываясь на анализе идейного содержания утопии «Путешествие в землю Офирскую», приходят к выводу о преобладании в дуалистическом мировоззрении Щербатова консервативных элементов.

Ключевые слова: М.М. Щербатов; идейное наследие; дооктябрьская историография; консервативный; либеральный дуализм.

М.А. Rudnev

**The ideological heritage of M.M. Shcherbatov
in prerevolutionary historiography:
the problem of "conservative-liberal dualism"**

On the materials of the works written by the Russian thinkers and scientists (A.I. Gerzen, S.V. Eshevsky, A.G. Brickner, V.A. Miatkin, A.N. Pypin, A.A. Kizevetter) the problem of the origins and the process of the formation of M.M. Shcherbatov's "historiographical image" as the founder and ideologist of the Russian nobleman's conservatism and various identifications of his socio-political programme is

examined. A.I. Gerzen was the first interpretator of the Shcherbatov's ideological heritage. He asserted the strong opposition of M.M. Shcherbatov to the absolute monarchy regime and his genetic proximity to the future slavophile ideology. In the apologetical works of S.V. Eshevsky and A.G. Brickner the "liberal" identification of the Shcherbatov's worldview was presented for the first time. V.A. Miakotin founded the dualistic ("liberal-conservative") treatment of the Shcherbatov's views with emphasizing their liberal component. Contrary to these viewpoints A.N. Pypin and A.A. Kizevetter asserted the domination of the conservative elements in Shcherbatov's dualistic worldview basing on the analysis of his utopian novel "A voyage to the land of Ofir".

Key words: M.M. Shcherbatov; ideological heritage; pre-october historiography; liberal; conservative; dualism.

Одной из очевидных и «долгоиграющих» тенденций современного общественно-исторического сознания и системной идеологии в странах пребывавших в составе единого цивилизационного пространства Российской империи и Советского Союза (в первую очередь, в России и Украине), является пристальный и акцентированный интерес к эпохам максимальной политической мощи и «цветущей сложности» (К.Н. Леонтьев) их культурно-исторического бытия. Для сегодняшней России одной из таких «знаковых» и отчасти сакрализованных исторических эпох выступает время правления Екатерины II, почти с математической точностью охватывающее вторую половину «некалендарного» русского XVIII века.

Наряду с несравнимо более глобальными и весомыми внутривнутриполитическими и геополитическими процессами «золотой век Екатерины» ознаменован также первичной дифференциацией общественной мысли на два антагонистических и, в то же время, огранично взаимодополняющих направления: «просветительского» (прогрессистского) и консервативного, что, в свою очередь, означало обретение ею качественно нового, «полноценного» статуса и начало ее непрерывного (вплоть до 1917 г.) исторического бытия. При этом следует отметить особенно характерную для общественного сознания сегодняшней России непреходящую популярность и прямую идеологическую востребованность (в том числе на самом верхнем уровне политической элиты) идеологии оте-

чественного консерватизма дооктябрьского периода. Самым показательным и радикальным выражением подобной стратегической тенденции стало недавнее объявление его идейного и духовного наследия одной из мировоззренческих основ программы правящей политической силы – «партии власти» «Единая Россия».

В современной историографии (точнее, в научно-гуманитарном дискурсивном пространстве) и в более идеологизированном научно-публицистическом жанре обостренный закономерный интерес к историческому опыту русского консерватизма эпохи Империи реализуется главным образом в исследованиях персоналогического характера, посвященных жизненному пути и идейному наследию его основоположников и виднейших представителей. Одно из ключевых мест в ряду таких классиков и, что особенно важно, хронологическая «пальма первенства» принадлежит князю М.М. Щербатову (1733–1790) – одному из первых историков России, автору семитомной «Истории Российской» (1770–1791), выдающемуся публицисту и мыслителю. Следует отметить то очевидное обстоятельство, что историко-научное осмысление и оценка творческого пути Щербатова-историка представляет собой отдельную самодостаточную страницу историографической традиции. С другой стороны, проблема аналитической реконструкции историографического образа М.М. Щербатова в его главной для нас ипостаси фактического основоположника и первого идеолога первоначальной (докарамзинской) версии русского дворянского консерватизма – особенно на раннем этапе формирования этого образа в дооктябрьской исторической науке и интеллектуальном пространстве – предстает как одно из самых актуальных и результативных направлений исследовательской активности историографа общественной мысли. При этом очевидной причиной непреходящей научной актуальности интересующего нас проблемно-историографического сюжета можно считать относительную многочисленность (по тогдашним меркам) и жанрово-тематическое разнообразие его информационной базы (историографического материала), что открывает широкие возможности для его комплексного анализа на современном научно-теоретическом уровне.

Исходный момент генезиса рассматриваемой историографической традиции совпадает с первым этапом процесса станов-

ления истории русской общественной мысли как относительно самостоятельной исторической дисциплины, которая ведет свою «родословную» от работы А.И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851), совместившей в себе черты яростной революционной публицистики и научно-популярного трактата.

Поворотными пунктами формирования историографического образа М.М. Щербатова в общем контексте историографии русского консерватизма стали обращения к его идейному наследию в «Истории русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884) радикального «неославянофила» М.О. Кояловича (1828–1891) и в трехтомных «Очерках по истории русской культуры» видного историка «школы Ключевского», будущего лидера кадетской партии П.Н. Милюкова (1859–1943) – точнее, в их III томе под названием «Национализм и европеизм» (1899–1902), содержащем обзор истории общественно-политической мысли до XVIII в. включительно. Однако сколько-нибудь подробное рассмотрение «щербатовского сюжета» этих неисчерпаемо многогранных в сюжетно-тематическом отношении обобщающих трудов «технически» и методологически неуместимы в стандартный формат специальной научной статьи. Именно поэтому информационная база предпринятого нами аналитического обзора процесса формирования историографического образа Щербатова-консерватора вынужденно ограничена специальными «персонологическими» работами ученых-гуманитариев дооктябрьского периода.

Приступая к рассмотрению генезиса историографического образа М.М. Щербатова, следует учитывать наличие весьма редкого в подобных случаях специального проблемно-историографического исследования – обстоятельного обзора научной литературы, непосредственно посвященной князю Михаилу, во «Вступлении» к монографии И.А. Федосова «Из истории русской общественно-политической мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов» (М., 1967). Таким образом, современный историограф русского консерватизма обречен на всесторонний полемический диалог с этим известным советским историком, чья концептуальная позиция в значительной мере отражала ключевые парадигмы тогдашнего «марксистско-ленинского» научно-гуманитарного официоза.

Свой проблемно-историографический обзор И.А. Федосов вполне предсказуемо начинает со статьи С.В. Ешевского (1858 г.) – первой в хронологическом отношении специальной научно-публицистической работы, посвященной идейному наследию М.М. Щербатова, точнее, трактату «О повреждении нравов в России» – его самому идеологически острому, «неподцензурному» сочинению, впервые опубликованному в том же 1858 году в Лондоне А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Однако, признавая, в данном случае, формальную правоту советского историка, мы, со своей стороны, в качестве действительной – или, по меньшей мере, более аргументированной – «исходной точки» формирования историографического образа М.М. Щербатова рассматриваем герценовское предисловие к изданной в Лондонской вольной типографии уникальной книге, которая содержит в себе тексты «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и упомянутый историко-публицистический трактат князя Михаила. (Следует отметить, что, если произведение «первого русского революционера» было опубликовано лондонскими продолжателями его дела через 68 лет после выхода и немедленного запрета и конфискации в 1790 г. ее первого, авторского издания, то щербатовский неподцензурный памфлет печатался впервые).

Совершенно очевидно, что выбор А.И. Герценом и Н.П. Огаревым для резонансной публикации в их революционной эмигрантской типографии работ М.М. Щербатова и А.Н. Радищева (причем в одном книжном издании) определяется, в первую очередь, общей радикальной оппозиционностью этих непримиримых идейных оппонентов по отношению к екатерининскому режиму и политике «просвещенного абсолютизма». Об этом в крайне экспрессивном тоне было заявлено в первых строках герценовского предисловия (подписано псевдонимом «Искандер»), в свою очередь, представляющего собой выдающийся памятник революционной общественно-политической мысли и «освободительной» пропаганды на историческом материале.

По утверждению А.И. Герцена, М.М. Щербатов и А.Н. Радищев, афористически названные им «печальными часовыми у двух разных дверей», которые «как Янус глядят в противоположные стороны», «представляют собой два крайних воззрения на Россию

времен Екатерины» [2, с. V]. Что касается М.М. Щербатова, в чьем памфлетном сочинении он видит, прежде всего «строгий разбор дворцового разврата», то основоположник «русского социализма» при помощи хлестких эмоциональных метафор рисует яркую картину того, как «Щербатов, отворачиваясь от распутного дворца сего времени, смотрит в ту дверь, в которую вошел Петр I, и за нею видит чинную, чванную Русь Московскую» – и при этом «скучный и полудикий быт наших предков... кажется недовольному старику каким-то утраченным идеалом» [1, с. V]. Издатель щербатовского памфлета объявляет князя Михаила носителем «славянофильской точки зрения» (что в настоящее время может восприниматься лишь как сама собой разумеющаяся метафорическая ретроспекция), чье идейное становление совершалось «тем же путем», что и у аутентичных славянофилов – бывших друзей и идейных оппонентов «Искандера», определяемых им в данном случае как «часть московской молодежи» [1, с. VII]. Согласно эмоциональному герценовскому диагнозу, «раздавленная николаевским гнетом, не видя конца ему, не видя выхода – она прокляла петровский период, отреклась от него, и надела, нравственно и в самом деле – зипун» [1, с. VII].

Легко предположить, что А.И. Герцен, левый радикал и недавний западник (до 1848 г.), при всем своем тогдашнем обостренном неприятии многих конкретных форм петровской и екатерининской вестернизации, никоим образом не мог солидаризироваться с «историко-бытовым» традиционализмом М.М. Щербатова. «А так как объективной истины в этом возвращении к жизни, из которой мы выросли, нет, и она только взята назло, чтобы современники казнились, – отмечает «Искандер», – то К. (князь. – *М.Р.*) Щербатов часто впадает в противоречия и просто в ошибки» (в своей апологии допетровских нравов и культурно-бытовых форм – *М.Р.*) [1, с. VIII]. Разумеется, А.И. Герцен решительно отказывается «делить его негодование на женщин и девиц, что им лучше понравилось выезжать и одеваться, чем всю жизнь проводить в тюремном заключении отцовского или мужнина дома» [1, с. VIII].

В завершение своего предисловия к лондонскому изданию «Путешествия из Петербурга в Москву» и щербатовского историко-политического памфлета «Искандер» высказывает горячее

пожелание, чтобы его современники, представители русского «образованного общества», в преддверии грядущих Великих реформ и социально-политических потрясений «не шли вспять – как князь Щербатов и не предавались бы полному (? – *М.Р.*) отчаянию, как А. Радищев» [1, с. XIV].

Как уже было сказано, первой собственно «исследовательской» (точнее, научно-публицистической) работой об идейном наследии М.М. Щербатова стала статья видного историка-медиевиста С.В. Ешевского (1829–1865) «О повреждении нравов в России» (Неизданное сочинение кн. М.М. Щербатова)», впервые опубликованная в журнале «Атеней» (1858, № 3). По словам автора, непосредственным «информационным поводом» для ее написания стало недавнее (в 1855 г.) случайное обнаружение «бумаг» М.М. Щербатова, «каким-то чудом уцелевших от пропажи и от сырости» [2, с. 270]. (Говоря о «бумагах», С.В. Ешевский имеет в виду только лишь текст «О повреждении нравов в России», поскольку другие историко-политические и литературно-публицистические творения князя Михаила были ему неизвестны). Таким образом, анализ идейного наследия М.М. Щербатова основывается исключительно на этой поздней, фактически последней из его значительных работ (не считая заключительных томов «Истории России с древнейших времен»), написанной в момент апогея оппозиционности по отношению к екатерининской политике и режиму послепетровского абсолютизма в целом и явившейся своего рода «конечным результатом» весьма длительной и непростой мировоззренческой эволюции основоположника русского дворянского консерватизма. Соответственно, о какой-либо научной корректности и, тем более, о репрезентативности трактовки С.В. Ешевским щербатовского мировоззрения говорить не приходится.

Видный историк-медиевист, являвшийся приверженцем западнических взглядов, решительно отказывает «последователям современной... славянской (славянофильской. – *М.Р.*) школы» в праве «зачислить кн. Щербатова в число славянофилов до славянофильства», поскольку, по его убеждению, князь Михаил отнюдь «не принадлежал к числу безусловных защитников старины и ни сколько не желал бы уничтожить преобразования Петра Великого, в необходимости которых он был глубоко убежден» [2, с. 275].

Главным, системообразующим аспектом щербатовского мировоззрения С.В. Ешевский считает «верность аристократическому началу», которая «господствует во всех суждениях автора и дает им известное направление» или «аристократический принцип», который «сроднился со всеми убеждениями кн. Щербатова, составляя одно из их оснований» [2, с. 275, 289]. По утверждению историка-медиевиста, приверженность М.М. Щербатова «аристократическому принципу» имела достаточно абстрактный характер, распространяясь на различные, порой онтологически несовместимые друг с другом исторические формы государственного устройства: от Московского царства XVII ст. (эпоха трех первых царей из династии Романовых) до современного ему английского и шведского «конституционализма».

«Если нельзя было воскресить значение древних боярских родов в том виде, как рисовало его воображение автора в допетровской жизни России, кн. Щербатов не прочь был и от шведского образа правления, и от аристократии в том виде, как она являлась, например, в Англии», – констатирует С.В. Ешевский [2, с. 277]. Однако, вновь и вновь отводя от князя Михаила подозрение в «славянофильстве» (национально-культурном консерватизме), историк-западник решительно заключает, что в современном ему «олигархическом совете шведского дворянства кн. Щербатов почувствовал бы себя более в своей сфере, чем в боярской думе царя Алексея Михайловича» [3, с. 289].

Коснувшись проблемы резкой оппозиционности «позднего» М.М. Щербатова по отношению к екатерининской политике «просвещенного абсолютизма», С.В. Ешевский, имея в виду фактическое отсутствие на тот момент полноценной источниковой базы и, соответственно, оригинальных сведений о биографии и, тем более, об идейной эволюции князя Михаила, чистосердечно признает тот очевидный факт, что «надобно знать отношения кн. Щербатова к Екатерине II ближе, чем мы их знаем, чтобы понять, откуда именно идет такое неприязненное воззрение...» [2, с. 288].

Самым дискуссионным и, в целом, неадекватным концептуальным моментом статьи историка-западника представляется заключение о том, что основоположник русского дворянского консерватизма «не дожил... до того времени когда Александр I осу-

ществил большую часть (?! – *М.Р.*) его желаний» [2, с. 288]. С нашей точки зрения, М.М. Щербатова с гораздо большим основанием можно представить потенциальным идейным союзником его «младшего коллеги» Н.М. Карамзина (при всем очевидном несходстве их позиций относительно самодержавной формы правления), то есть непримиримым оппонентом административных реформ Александра I и М.М. Сперанского, в первую очередь – «всесословного» (не аристократического) характера замышлявшегося последним парламентского представительства, а также паллиативных проектов решения «крестьянского вопроса» (отмены или ограничения крепостной зависимости).

Важной вехой становления историографического образа М.М. Щербатова можно считать статью известного российского историка, профессора Дерптского университета А.Г. Брикнера (1836–1896) «Князь М.М. Щербатов как член Большой Комиссии 1767 г.» в «Историческом вестнике» (1881, № 10). Однако сюжетная проблематика брикнеровской работы, четко заявленная в заглавии, определила ее ярко выраженный фактографический характер и оставила «мало места» для сколько-нибудь репрезентативного, а тем более – исчерпывающего анализа идейного наследия основоположника русского дворянского консерватизма. Подробный рассказ о депутатской деятельности князя Михаила и изложение содержания написанного им наказа (от ярославского дворянства) А.Г. Брикнер сочетает с «суммарной субъективно-психологической оценкой его личности (характеристика И.А. Федосова). В частности, согласно его несколько витиеватуму заключению, «будучи слишком пристрастным партизаном (! – *М.Р.*) аристократии, чтобы годиться к участию в управлении делами вообще, Щербатов был как бы создан для роли вожака парламентской оппозиции», для того чтобы «временно применить к делу свои необычайные парламентские способности» [3, с. 219, 220]. С указанной «субъективно-психологической» оценкой соседствует вполне банальная общая характеристика М.М. Щербатова как мыслителя и общественного деятеля, «принадлежавшего... к истой аристократии и надеявшегося на восстановление прежнего значения последней и в государстве, и в обществе» [3, с. 227].

Отмеченный И.А. Федосовым «субъективный психологизм» брикнеровской трактовки депутатской деятельности и, отчасти,

мировоззрения М.М. Щербатова особенно отчетливо проявился в заключительной структурной части рассматриваемой статьи (VI. «Вопрос о крестьянах»), где основоположник русского дворянского консерватизма предстает «сторонником некоторых либеральных начал, защитником гуманности, благородно мыслящим человеком, филантропом» [3, с. 244]. Более того, касаясь известного депутатского выступления князя Михаила против «одиночной продажи крепостных крестьян» и «права купечества покупать крестьян вообще», дерптский историк характеризует его, ни много ни мало, как «защитника принципа свободы, прав человечества», чьи «филантропические воззрения... доходили до крайнего (! – *М.Р.*) либерализма» [3, с. 246]. В тогдашней (1767–68 гг.) позиции М.М. Щербатова по «крестьянскому вопросу» А.Г. Брикнер обнаруживает «веру в высокую нравственность своих собратий-дворян» и, соответственно, социальный оптимизм, который якобы «в этом отношении доходил до наивности», поскольку его мнение «оставалось гласом вопиющего в пустыне» [3, с. 247].

Подводя окончательные итоги депутатской деятельности князя Михаила, в том числе ее идеологических аспектов, А.Г. Брикнер в полной мере демонстрирует столь характерный для него «субъективный психологизм»: «Нельзя не признать в его деятельности ума, эрудиции, истинного благородства души; нельзя, однако, в то же время не сознаться в некоторой односторонности его взглядов» [3, с. 249]. При этом А.Г. Брикнер, которого с полным основанием можно считать апологетом М.М. Щербатова-просветителя, вынужден констатировать, что его герой, в конечном счете, оставался «защитником не интересов всего народа, а выгод (! – *М.Р.*) дворянского сословия» [3, с. 249].

Следующий, качественно новый этап формирования рассматриваемой проблемно-историографической традиции ознаменован изданием в 1896–1898 гг. в Санкт-Петербурге щербатовских «Сочинений» в двух томах. Именно данная публикация заложила основы всей актуализированной (опубликованной) источниковой базы исследования социально-политических взглядов князя Михаила. Одновременно выход первого собрания его сочинений стал самым очевидным «информационным поводом» для появления нескольких специальных научно-исторических работ персонологи-

ческого характера, которые можно расценивать как высшее достижение дореволюционной исторической науки в деле изучения идейного наследия М.М. Щербатова. Речь идет о журнальных статьях таких известных русских историков, в основном принадлежавших к леворадикальному и либерально-западническому направлениям, как В.А. Мякотин, Н.Д. Чечулин, А.Н. Пыпин и А.А. Кизеветтер.

Самой ранней из них и, одновременно, наиболее значимой в научном (идейно-концептуальном) отношении – в том числе, согласно компетентному заключению И.А. Федосова, – является работа В.А. Мякотина (1867–1937) под говорящим названием «Дворянский публицист Екатерининской эпохи», впервые опубликованная в народническом журнале «Русское богатство» (1896, № 2). Известный леворадикальный историк, будущий деятель партии народных социалистов закономерно характеризует М.М. Щербатова как одного из «представителей и поборников... интересов господствующего класса», «сурового и страстного критика русской жизни екатерининской поры с точки зрения дворянских интересов» [4, с. 108].

Наибольший интерес В.А. Мякотина вызывают щербатовские взгляды «на сущность государственной организации» или, другими словами, «теоретические воззрения его на государство», сформировавшиеся под очевидным и определяющим влиянием «западной литературы» (точнее, просветительской философии) [4, с. 123]. Исходя из этого леворадикальный историк обнаруживает у М.М. Щербатова целую «программу преобразований», которую, по его заключению, «трудно было бы назвать... программой консервативной» [4, с. 144].

Используя в качестве главного источника для реконструкции упомянутой программы элитаристскую утопию «Путешествие в землю Офирскую», В.А. Мякотин особо отмечает наличие в щербатовском идеальном государстве «основных законов и особого учреждения, призванного оберегать их ненарушимость, построение управления на началах законности и гласности», «охрану личной и имущественной безопасности граждан от произвола администрации и суда» – и приходит к крайне радикальному и дискуссионному, но вполне закономерному с формальной точки зрения выводу о том, что «все эти требования, предъявляемые к то-

гдашней России, скорее всего могли бы быть подведены под понятие умеренного либерализма...» [4, с. 144]. Конкретизируя свою характеристику «умеренно либеральной» программы М.М. Щербатова, леворадикальный историк вынужден признать ее неустрашимое внутреннее противоречие, которое можно определить как своеобразную идеологическую амбивалентность: «Отношения между властью и гражданами государства в представлении публициста покоились на началах некоторой, довольно умеренной, политической свободы и правомерности действий власти, но то и другое, свобода и законность находили себе лишь весьма узкую сферу приложения, применяясь в полном объеме лишь к высшей общественной группе» («дворянскому сословию») [4, с. 163–164].

Анализ идейного наследия М.М. Щербатова В.А. Мякотин завершает его суммарной афористической характеристикой как «соединения политического свободомыслия с узко сословным эгоизмом», результат синтеза «уроков западноевропейской теории с впечатлениями русской действительности в одно цельное, но узкое мирозерцание [5, с. 165]. Леворадикальный историк следующим образом раскрывает основную суть щербатовского «сословного эгоизма»: «В последнем итоге дворянство, освобожденное почти от всяких обязательств перед государством, получало в свое распоряжение если не все, то большую часть государственных сил и средств» [4, с. 164].

Именно начиная с мякотинской статьи для историка русско-го консерватизма и общественно-политической мысли XVIII в. – по крайней мере, для представителей дореволюционной и современной (постсоветской) историографии – особую актуальность обретает проблема соотношения консервативных и либеральных («просветительских») элементов в идейном наследии М.М. Щербатова. Что касается самого В.А. Мякотина, то, согласно убедительному заключению И.А. Федосова, в его трактовке «общий баланс... несомненно, в пользу либерализма Щербатова, то есть политические взгляды (щербатовский аристократический «конституционализм». – *М.Р.*), не поставленные в связь со взглядами социальными и экономическими, составляют основу общей оценки Щербатова» [5, с. 13]. Одновременно советский историк упрекает своего предшественника и оппонента в механическом «отделении... друг

от друга» двух частей щербатовской «программы» (ее социально-экономической и политической составляющих) и, соответственно, в недостаточном внимании к социальным, а также в полном игнорировании экономических взглядов князя Михаила, в результате чего основоположник дворянского консерватизма предстает умеренным либералом-конституционалистом [5, с. 12].

Второй значительной специальной работой, посвященной идейному наследию М.М. Щербатова и представляющей собой непосредственный отклик на выход первого тома его «Сочинений» в 1896 г., стала статья известного историка литературы, члена-корреспондента Академии Наук, будущего академика А.Н. Пыпина (1833–1904) «Полузабытый писатель XVIII в.», опубликованная на страницах «Вестника Европы» (1896, № 7). Опираясь на текстуальный анализ практически единственного значительного произведения князя Михаила – первой русской утопии «Путешествие в землю Офирскую» – либеральный литературовед приходит к выводу о неизбежной амбивалентности щербатовского мировоззрения, которое совместило в себе элементы традиционного русского консерватизма и «новейшей философии» XVIII в. (т. е. просветительских идей): «...по сложившимся у него политическим убеждениям, это был человек двойственный: с одной стороны – консерватор, любитель простой благочестивой старины; с другой – человек французского образования и до известной степени свободомыслящий человек» [6, с. 268]. Можно констатировать очевидное концептуальное сходство цитированной характеристики мировоззрения М.М. Щербатова с уже известной нам трактовкой В.А. Мякотина за одним немаловажным отличием: согласно версии А.Н. Пыпина, общий баланс между «умеренным либерализмом» и консерватизмом князя Михаила, скорее, в пользу последнего. «При всем отвлеченном сочувствии к благополучию людей, он в основе остается консерватором», – констатирует А.Н. Пыпин [6, с. 273].

Однако, признавая М.М. Щербатова «в полной мере консерватором», который вдохновлялся «древними обычаями», либеральный литературовед отмечает, что «его консерватизм не был все-таки консерватизмом людей старого века» (допетровской эпохи. – *М.Р.*), поскольку он «чувствовал потребность новых нравственных

начал для личной и общественной жизни» [6, с. 276]. Весьма примечательно, что А.Н. Пыпин, двоюродный брат Н.Г. Чернышевского и радикальный приверженец либерально-западнической идеологии, в качестве одного из важных факторов формирования щербатовского мировоззрения (точнее, его «либерально-прогрессивной» составляющей) называет кратковременную принадлежность к масонской ложе (не касаясь, однако, очень перспективной проблемы прямого влияния масонской идеологии на «офирский проект» князя Михаила).

Одной из самых очевидных тенденций освещения идейного наследия М.М. Щербатова в дооктябрьской историографии можно назвать преимущественный интерес к его элитаристской утопии «Путешествие в землю Офирскую». Ярким свидетельством этому служат специальные работы известных историков Н.Д. Чечулина (1863–1927) и А.А. Кизеветтера (1866–1933).

Чечулинская статья «Русский социальный роман XVIII века», впервые опубликованная в «Журнале министерства народного просвещения» (1900, № 1), очевидным образом выделяется на общем фоне соответствующей историографической традиции большей однозначностью трактовки и сравнительной резкостью оценочных характеристик щербатовского консерватизма. Так, по заключению Н.Д. Чечулина, М.М. Щербатову «совершенно недоступна была такая очевидная и бесспорная истина, как невозможность для государства дойти до твердого, хорошего финансового положения, пока весь строй его основан на подневольном крепостном труде и пока масса населения лишена многих важнейших прав» [7, с. 153]. Более того, Н.Д. Чечулин, избегая употребления каких-либо обобщающих историко-идеологических идентификаций наподобие «консерватизма», «либерализма» и т. п., в противоположность своим коллегам В.А. Мякотину и А.Н. Пыпину, по сути, решительно отрицает присутствие в «программе» М.М. Щербатова какой бы то ни было либерально-просветительской составляющей: «...если он – в чем сомнения нет – и желал ограничения абсолютной верховной власти, то вовсе не в силу признания за каждым гражданином права на известное участие в государственных делах, и вовсе не с целью обеспечить личную свободу каждого от возможных злоупотреблений этой властью, а исключительно в ин-

тересах вельмож, высших представителей родовой аристократии» [7, с. 160]. При этом Н.Д. Чечулин инкриминирует князю Михаилу неспособность «возвыситься до представления о истинной (? – *М.Р.*) свободе, хотя бы даже для представителей одного... привилегированного класса...» [7, с. 161]. Однако столь суровая оценочная характеристика щербатовской «программы» аргументирована, с нашей точки зрения, несколько легковесно – указанием на тотальную и жесткую регламентацию частной жизни офицеров дворян в сочетании с их «широкими политическими правами» [7, с. 161]. Следует заметить, что подобная регламентация представляет собой «родовой признак» любой литературно-философской утопии – как элитаристской, так и, в несравнимо большей степени, «социалистической» (эгалитарной), начиная от платоновских «Законов» и «Государства», – и хотя бы поэтому не может служить полноценным аргументом в дискуссии о характере социально-политической «программы» основоположника русского дворянского консерватизма, деятельность которого приходится на вторую половину XVIII века.

Последним в хронологическом ряду значительным («хрестоматийным») исследованием идейного и творческого наследия М.М. Щербатова в дооктябрьской историографии стала объемная статья известного историка «школы Ключевского», активного деятеля кадетской партии А.А. Кизеветтера (1867–1933) «Русская утопия XVIII столетия», опубликованная в сборнике его малоформатных работ «Исторические очерки» (М., 1912). Исходным концептуальным тезисом этой статьи стала характеристика князя Михаила как «красноречивого идеолога основного процесса нашей социальной истории XVIII столетия – создания дворянской привилегии на основе крепостного крестьянского труда» [8, с. 30].

Вполне предсказуемую в его устах экспрессивную оценку социально-политического строя в «утопической фантазии» М.М. Щербатова («полицейское государство, наделенные всеми грозными орудиями правительственной репрессии, и общество, разбитое на отчужденные друг от друга классы с вельможной олигархией наверху и бесправной массой рабов внизу», причем с олигархией «обособленной и замкнутой, наделенной преимуществами и поставленной впереди народа») кадетский историк со-

чета с признанием того очевидного обстоятельства, что «Щербатов ухитряется ввести и в эти рамки некоторые элементы правового государственного порядка» [8, с. 43].

Соответственно, А.А. Кизеветтер задается вопросом о том, «каким же образом соединились в мировоззрении Щербатова столь разнородные тенденции, каким образом рьяный защитник односторонних дворянских привилегий вдруг становился на всеословную точку зрения, говоря об организации основных законов своего идеального государства», – вопросом, в решении которого, по его словам, «и заключается... ключ к уразумению исторического значения политической теории Щербатова» [8, с. 43]. По утверждению И.А. Федосова, именно в статье А.А. Кизеветтера «еще резче формальное противопоставление социальных взглядов Щербатова его политическим взглядам» (чем у его коллег В.А. Мякотина и А.Н. Пыпина) [5, с. 14].

В основании «всей политической теории Щербатова» кадетский историк обнаруживает «коренное внутреннее противоречие», обусловленное тем обстоятельством, что офирская утопия (которая в данном случае выступает единственным предметом его исследовательского внимания) «сплелась из предчувствия новых жизненных форм и безотчетного (? – *М.Р.*) пристрастия к некоторым привычным формам, завещанным екатерининской России историческим прошлым» [8, с. 55]. При этом главное свидетельство отмеченного предчувствия М.М. Щербатовым «новых жизненных форм» или, точнее, его перехода на «всесловную точку зрения» А.А. Кизеветтер усматривает в том, что автор «Путешествия в землю Офирскую» «продвигает выборное начало и в среду центральной (! – *М.Р.*) администрации, последовательно проводя его до самых верхних ступеней последней» [8, с. 49]. (Речь идет о выборном (сословно-представительском) характере «Вышнего правительства» – высшего органа управления и суда в Офирской земле). Таким образом, в трактовке кадетского историка князь Михаил предстает убежденным приверженцем «замены коронной бюрократии общественным представительством» [8, с. 49].

«Рассматривая эту (политико-правовую. – *М.Р.*) часть Щербатовской утопии, – отмечает А.А. Кизеветтер, – интересно следить за тем, как постепенно умеряются излюбленные автором олигар-

хические тенденции» [8, с. 49]. «Заплатив им щедрую дань проектированием верховного совета», основоположник дворянского консерватизма, по утверждению А.А. Кизеветтера, «распространяет затем требование общественного самоуправления на все без различия свободные слои населения, одинаково включая сюда и рядовую дворянскую массу, и купечество, и мелкое мещанство» [8, с. 49]. Согласно несколько неожиданному заключению А.А. Кизеветтера, «кое-какими (? – *М.Р.*) чертами Щербатовская схема напоминает нам изящно-стройную схему Сперанского, развитую в его знаменитом плане государственного преобразования» [8, с. 49].

Возвращаясь к диагностированному им неизбывному внутреннему противоречию между социально-экономическими взглядами и политической «программой» М.М. Щербатова, кадетский историк констатирует, что «наиболее страстный апологет дворянской привилегированности строил ее защиту» «на очень зыбком теоретическом фундаменте» [8, с. 56]. Согласно его сакраментальному риторическому вопросу, разве «те самые учреждения, которые проектировал Щербатов для своего идеального государства... не должны ли были уравнивать, в конце концов, природные свойства людей всех состояний и тем самым уничтожить ту основу дворянских привилегий, которая в глазах Щербатова оправдывала их существование» [8, с. 56]. «Но неосуществимость этой утопии, – отмечает кадетский историк, – обуславливалась не теми ее элементами, которые были обращены к будущему, а как раз теми, которые представляли собой сделку между будущим и прошедшим» [8, с. 56]. (Совершенно очевидно, что под разными элементами щербатовского мировоззрения А.А. Кизеветтер имеет в виду максимально акцентированное им умозрительное противоречие между крайне продворянскими («олигархическими») социальными взглядами и антиабсолютистской («конституционной») политико-философской «программой» князя Михаила.

Подводя предварительные итоги осмысления и интерпретации идейного наследия князя Михаила в русской дооктябрьской историографии, стоит процитировать заключительный тезис из справочной статьи С.В. Польского «Щербатов Михаил Михайлович» в фундаментальном энциклопедическом словаре «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века» (М., 2010), пред-

ставляющего собой, без преувеличения, «последнее слово» или, по крайней мере, поворотный момент в развитии современной российской историографии дооктябрьского консерватизма.

По заключению С.В. Польского, «оценивая мировоззрение Щербатова, историки конца XIX – начала XX в. (А.Н. Пыпин, В.А. Мякотин, П.Н. Милуков и др.) причисляли его, несмотря на наличие в его сочинениях либеральных идей, скорее к консерваторам» [9, с. 606]. (Таким образом, в представленной упомянутыми историками «дуалистической» трактовке щербатовского мировоззрения (антитеза его антиабсолютистской «политической программы» и продворянских социально-экономических взглядов) С.В. Польской смещает концептуальный «центр тяжести» в сторону ее консервативной («социальной» составляющей). Можно лишь солидаризироваться с аксиоматичным аргументом современного российского историка общественной мысли в пользу подобной интерпретации «первоначального» историографического образа князя Михаила, а именно – с его напоминанием о том, что «социально-экономические взгляды Щербатова были охранительными по отношению к существовавшей крепостнической системе, но не применительно к режиму абсолютной монархии» [9, с. 606].

Завершая разговор об истоках и раннем этапе формирования и развития историографического образа Щербатова-идеолога, следует констатировать то очевидное обстоятельство, что в советской научно-гуманитарной литературе вплоть до середины 1980-х годов практически безраздельно доминировала однозначная «консервативно-охранительная» идентификация его социально-политических взглядов, и при этом варьировалась лишь ее радикальность (по шкале «консерватизм-охранительство-реакционность»). Вместе с тем идейно-концептуальное наследие дооктябрьской историографии во многом повлияло на формирование альтернативного подхода к идейному наследию князя Михаила, а именно – его «либеральной (конституционалистской)» интерпретации, которая впервые прозвучала еще в предперестроечное время в поворотной для рассматриваемой нами историографической традиции полемической статье С.А. Егорова «М.М. Щербатов о преобразовании государственного строя в России», опубликованной в журнале «Советское государство и право» (1985, № 2).

Разумеется, всесторонний анализ развития и трансформации историографического образа Щербатова-идеолога в советской и новейшей российской исторической науке является потенциальной сверхзадачей для отдельной проблемно-историографической работы, а в конечном итоге – в совокупности с предпринятой нами аналитической реконструкцией его дооктябрьской «предыстории» – должен стать одним из ключевых структурных элементов будущего обобщающего исследования историографии русского «допартийного» консерватизма эпохи Империи.

---

1. *Герцен А.И.* Предисловие // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание / под ред. М.В. Нечкиной, Е.Л. Рудницкой. М., 1985. С. III–XIV.

2. *Ешевский С.В.* По поводу неизданного сочинения М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России» // Ешевский С.В. Сочинения по русской истории. М., 1900. С. 269–290.

3. *Брикнер А.Г.* Князь М.М. Щербатов как член «Большой комиссии» 1767 г. // Исторический вестник. 1881. № 10. С. 217–249.

4. *Мякотин В.А.* Дворянский публицист екатерининской эпохи (князь М.М. Щербатов) // Мякотин В.А. Из истории русского общества. Этюды и очерки. 2-е изд. СПб., 1906. С. 102–166.

5. *Федосов И.А.* Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М., 1967. 260 с.

6. *Пытин А.Н.* Полузабытый писатель XVIII века // Вестник Европы. 1896. № 11. С. 264–305.

7. *Чечулин Н.Д.* Русский социальный роман XVIII века («Путешествие в землю Офирскую г. С. швецкого дворянина» – сочинение князя М.М. Щербатова) // Журнал министерства народного просвещения. 1900. № 1. С. 115–166.

8. *Кизеветтер А.А.* Русская утопия XVIII столетия // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 29–56.

9. *Польской С.В.* Щербатов Михаил Михайлович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 602–607.

Л.А. Сидорова

Эстетическая позиция и научное творчество древневолюционных и советских историков

Статья посвящена исследованию проблемы различия эстетического восприятия живописи различными поколениями российских историков с целью определения влияния эстетических позиций на более широкий круг личных и профессиональных предпочтений.

Ключевые слова: российские историки, живопись, эстетическая позиция, научное творчество.

L.A. Sidorova

Aesthetic attitude and scientific creativity of the pre-revolutionary and Soviet historians

The article is devoted to the problem of differences of aesthetic perception of painting from different generations of Russian historians to determine the influence of aesthetic positions in a broader range of personal and professional preferences.

Key words: Russian historians, painting, aesthetic position, scientific creativity.

Решение важнейшей историографической задачи – объективного и всестороннего анализа и интерпретации созданных историками трудов – требует от историографа знания особенностей времени их создания, существовавшего на тот момент уровня развития исторической науки, ее направлений и школ, особенностей сообщества историков в целом и индивидуальности отдельного исследователя. Без понимания того, как и почему из-под пера историка вышел именно такой текст, невозможно в полной мере оценить само его содержание.

Поэтому важно привлечь внимание современных исследователей к изучению духовного мира ученых-историков как одному из методов постижения их творческой лаборатории, что, в свою очередь, необходимо для глубокого понимания всего научного наследия. Это в значительной степени увеличивает возможности выявить или подтвердить на новом материале идейные основы про-

фессиональной деятельности историков, которые они редко формулировали в своих работах.

Историки, оставившие свой след в развитии русской и советской исторической науки, обладали обширной сферой интересов, в первую очередь гуманитарных, в которую входили, в том числе, художественная литература и искусство. Если влияние художественных произведений, в стихах и прозе, на творчество историков уже отмечалось в историографии¹, то роль различных видов искусств в формировании и деятельности историка как исследователя практически не изучена. В полной мере это относится к живописи.

В этой связи в статье рассмотрен ряд разбросанных по эгодокументам видных представителей русской и советской исторической науки частных впечатлений, которые у них оставил просмотр отдельных живописных полотен и художественных выставок.

Знакомство с лучшими работами западноевропейских и русских художников пополняли личностный и исследовательский потенциал русских и советских историков. Среди них были не только подлиннные знатоки и ценители живописи, но и люди, обладавшие даром художника. В молодые годы известный историк С.В. Бахрушин, например, учился у художника и графика В.Н. Мешкова², и тот уговаривал его оставить занятия исторической наукой и посвятить себя искусству. Художником Сергей Владимирович не стал, однако привычка зарисовывать свои мысли у него явно осталась. На полях записей, сделанных им на многообразных заседаниях, часто присутствуют графические наброски, отражавшие его мнение по обсуждавшимся вопросам³.

---

¹ См., напр.: *Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982; *Шмидт С.О.* Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений (1992) // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997; *Зверев В.В.* Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4; *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. М., 2012 и др.

² Мешков Василий Никитич, 1867/1868–1946. Русский советский живописец и график.

³ Дубровский А.М. Жизнь и графика историка // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков: сб. ст. и материалов. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 242.

Живопись настолько естественно и прочно входила в духовный мир многих историков, что имена художников и содержание их картин становились определениями, посредством которых они описывали свои впечатления от состояния природы, человеческих характеров и пр. Прогуливаясь летним воскресным днем по окрестным полям, перелескам, деревням, непревзойденный специалист по эпохе Петра Великого М.М. Богословский, арендовавший в 1915 г. дачу на Волге, любовался «красивыми великорусскими местами». Чтобы как можно точнее передать увиденное и не тратить слов попусту, Михаил Михайлович просто записал: «Пейзажи совсем в Нестеровском⁴ стиле»⁵.

Историки посещали знаменитые художественные собрания – Эрмитаж, Русский музей, Третьяковку, Музей изящных искусств, выставки современных им художников, в своих дневниках и письмах описывали мысли, вызванные тем или иным художественным полотном.

А.Е. Пресняков, в молодые годы проявлявший интерес к философско-религиозным взглядам Л.Н. Толстого, обнаружил созвучие между толстовскими идеями и живописью художника А.А. Иванова⁶, в первую очередь его знаменитым полотном «Явление Христа народу». 22 декабря 1889 г. он записал, что, «перенеся задачу изображения Христа с церковно-религиозной почвы на почву историческую, не умаляя несколько идеального его значения, Иванов первый в живописи дал содержательное произведение, полное новых идей, нового понятия о высшем идеале человеческом – Христе»⁷. В своих рассуждениях А.Е. Пресняков выступил против оценки картины известным художественным критиком В.В. Стасовым⁸, который, по мнению историка, «плохо понял Иванова», отказав мастеру в «великом мировом содержании»⁹.

---

⁴ Нестеров Михаил Васильевич, 1862–1942. Русский советский художник-живописец.

⁵ Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 67.

⁶ Иванов Александр Андреевич, 1806–1858. Русский живописец.

⁷ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 826.

⁸ Стасов Владимир Васильевич, 1824–1906. Русский художественный и музыкальный критик, историк искусства.

⁹ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 826.

Глубокие раздумья вызвало у А.Е. Преснякова увиденное им весной 1891 г. на выставке Академии художеств полотно Н.П. Шаховского¹⁰ «Христос в Гефсиманском саду».

Этот библейский сюжет принадлежит к числу наиболее востребованных в творчестве русских и западноевропейских художников. В нем повествуется об одном из ключевых эпизодов земной жизни Христа – описанной в Евангелиях молитве Иисуса в Гефсиманском саду. Моление о чаше, с точки зрения христианских богословов, является выражением того, что Христос имел две воли: Божественную и человеческую. Поэтому в его молитве сочетались упование «да минует Меня чаша сия» с готовностью исполнить Божественную волю и принять ожидавшее его страдание.

А.Е. Пресняков отметил, что художник «в картине своей схватил момент молитвы, наметил минуты выхода Христа из удрученного настроения, минуту умиления». «Лицо Спасителя, смягченное, носит еще следы слабости, – писал он, – но взгляд светлый, настроение отрадное. Христос победил»¹¹. Рассуждая об увиденном, историк задался вопросом: «Как понимать этот момент, что пережил Спаситель?» Отвечая на него, он обдумывал два возможных ответа – «Была ли это минута сомнения, минута “взгляда назад”?» или это была «просто минута слабости?»

О сомнении, считал А.Е. Пресняков, не могло быть и речи. «Христос не усумнился в деле своем: выйдя из пустыни на проповедь, он был тверд и покоен – таким он и остался в своих мыслях и чувствах», – писал Александр Евгеньевич. Доискиваясь до причин проявленной Иисусом слабости, историк видел их в том, что «его идеи слишком дисгармонировали с существующей организацией жизни». Продолжая свои рассуждения, А.Е. Пресняков сделал вывод, что «Христос не усумнился в выборе; но глубокая скорбь, острая боль охватила его. За что? За слово и дело любви вражда и месть?».

---

¹⁰ Шаховской Николай Павлович, 1850–1923. Русский живописец, окончил Петербургскую академию художеств. С 1890 г. – академик. Автор многих живописных работ, в том числе эскизов мозаик для Храма Спаса на крови в Петербурге.

¹¹ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 868.

По его мнению, в Гефсиманском саду «оптимизм Христа получил первый удар; вера в настоящую близость царствия Божия на земле пошатнулась». А.Е. Пресняков полагал, что это вызвало «момент», но, подчеркнул он, «только момент бессилия и слабости духа». Далее он писал, что «Христу надо было вернуть свое светлое настроение, умереть с ясным, любящим взором, с которым он учил людей. И вот, уединившись и не находя поддержки в учениках, он в молитве (meditation) поднял свое настроение, упокоился и вышел к врагам с радостным, ясным настроением»¹².

Раздумья А.Е. Преснякова затрагивали важные нравственные проблемы – выбора пути, твердости убеждений, допустимости компромисса и пр. Прочтение историком библейской темы, воплощенной в картине Н.П. Шаховского, находилось в русле приковавшего в то время его внимание учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилеи. В целом отношение к православным сюжетам как к источнику, помогавшему выбирать нравственные ориентиры в жизни, побуждавшему к размышлениям экзистенциального свойства, естественным образом проистекало из характера культуры русских историков «старой школы».

Полученный импульс от посещения художественной выставки вызвал у А.Е. Преснякова дальнейшие раздумья. Суждение, высказанное им неделю спустя, касалось его взглядов на отношения людей в обществе. Оно же показало, что его мысль продолжала кружить вокруг идей, навеянных философией Л.Н. Толстого. «Вражда! Вражда! Что может быть хуже вражды на почве мировоззрения, что может быть хуже взаимного непонимания, различия натур, различия исходных пунктов, противоположных оснований»¹³, – писал он 7 апреля 1891 г.

Главный акцент А.Е. Пресняков сделал на достижении согласия и уважения между людьми, отстаивавшими различные убеждения. Это свойство природы Александра Евгеньевича, по нашему мнению, было решающим в выборе им линии сотрудничества с советскими историками-марксистами.

Свидетельства о посещении им художественных собраний были достаточно многочисленными. Для петербуржца А.Е. Пре-

---

¹² Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 868.

¹³ Там же. С. 869.

снякова было в порядке вещей, приехав в Москву, два праздничных дня, как он выразился, «убить у Третьякова¹⁴»¹⁵.

Первый день сразу принес ему массу впечатлений. Хорошо зная экспозицию галереи, А.Е. Пресняков тут же заметил много новых приобретений русской и зарубежной живописи, сделанных П.М. Третьяковым. Особенно его заинтересовал показавшийся ему очень ценным этюд В.М. Васнецова¹⁶ для Киевского собора.

В.М. Васнецов в то время работал над росписью Владимирского собора в Киеве. Сюжетами для нее стали крещение Св. князя Владимира, крещение киевлян, Собор русских епископов и др. О каком именно этюде говорил Александр Евгеньевич, уточнить невозможно. Несомненно одно: к нему он подошел не как рядовой зритель, а как историк, которого заинтересовала предложенная художником трактовка важнейшего события в истории России. «Это вещь с научным интересом»¹⁷, – подчеркнул он, выразив твердое намерение еще раз вернуться к экспозиции.

Регулярное посещение таких собраний живописных полотен, как Третьяковская галерея, обнаруживало существование неподдельного внимания к классике и новациям в живописи. Причем о работах современных художников историки, что вполне понятно, чаще оставляли свои отзывы, чем о картинах мастеров прошлого. В целом, интерес к новому – свидетельство того немаловажного места, которое живопись, находясь в едином интеллектуальном потоке времени, занимала в духовной жизни многих историков.

В очередной раз побывав в Третьяковке летом 1909 г., А.Е. Пресняков заметил, что он сам «омодернился»¹⁸. Творчество

---

¹⁴ Третьяков Павел Михайлович, 1832–1898. Русский предприниматель, меценат, основатель Третьяковской галереи, переданной в собственность Москвы в 1892 г.

¹⁵ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 29 августа 1893 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 109.

¹⁶ Васнецов Виктор Михайлович, 1848–1926. Русский художник-живописец, архитектор, мастер исторической и фольклорной живописи. Работал над росписями Владимирского собора в Киеве. Эскизы к росписям (1885–1886 гг.) находятся в Третьяковской галерее.

¹⁷ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 29 августа 1893 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 109.

¹⁸ А.Е. Пресняков – Ю.П. Пресняковой. 5 июля 1909 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 634.

всех современных русских художников, «что старше Серова¹⁹», показалось ему «скучновато, за редкими исключениями»²⁰.

Отношение Александра Евгеньевича к работам художников-передвижников²¹ выявило изменение его восприятия русской реалистической живописи. Ранее, посетив академическую выставку, он с интересом отзывался о полотнах И.Е. Репина²² и И.И. Шишкина²³ – передвижниках, принятых в члены Академии художеств²⁴. Теперь же ему стало интереснее следить за творчеством И.И. Левитана²⁵. В нем А.Е. Пресняков увидел развитие художника «от передвижнического реализма к все большей субъективности и тонкости восприятия природы»²⁶.

Этот путь с неизбежностью должен был привести историка к увлечению импрессионизмом, что в действительности и произошло. Ознакомившись с коллекцией картин французских импрессионистов и постимпрессионистов, выставленной в Музее изящных искусств в Москве, А.Е. Пресняков живо на нее реагировал. «Есть Monet²⁷ – ясный, прозрачный, простой пейзаж. Сезанн²⁸, Дегаз²⁹ и всякие другие, беспокойно, талантливо ищущие своих

---

¹⁹ Серов Валентин Александрович, 1865–1911. Русский живописец и график, портретист.

²⁰ А.Е. Пресняков – Ю.П. Пресняковой. 5 июля 1909 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 634.

²¹ Передвижники – русские художники, входившие в образованное в 1870 г. в Петербурге по инициативе И.Н. Крамского, Г.Г. Мясоедова, Н.Н. Ге и В.Г. Перова Товарищество передвижных художественных выставок, созданное в противовес Академии художеств.

²² Репин Илья Ефимович, 1844–1930. Русский живописец, мастер портрета, исторических и бытовых сцен.

²³ Шишкин Иван Иванович, 1832–1898. Русский художник-пейзажист.

²⁴ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 18 ноября 1894 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 159.

²⁵ Левитан Исаак Ильич, 1860–1900. Русский художник, мастер «пейзажа настроения».

²⁶ А.Е. Пресняков – Ю.П. Пресняковой. 5 июля 1909 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 634.

²⁷ Моне Оскар Клод, 1840–1926. Французский живописец, один из основателей импрессионизма.

²⁸ Сезанн Поль, 1839–1906. Французский художник-живописец, постимпрессионист.

²⁹ Дега Эдгар, 1834–1917. Французский живописец-импрессионист.

путей в живописи. Это действительно богатое, сильное творчество»³⁰, – делился он своими впечатлениями с женой.

О французской живописи конца XIX – начала XX в. сохранились отзывы еще одного историка, Н.М. Дружинина. 14 августа 1922 г. он обстоятельно изложил свое мнение об увиденных им картинах, отдав предпочтение родоначальникам этого направления изобразительного искусства. «Живопись импрессионистов привела меня в восхищение, особенно некоторые полотна Моне, Ренуара³¹»³², – признался он.

Работы этих художников Н.М. Дружинин противопоставил картинам их младших товарищей по живописному цеху. «Завоевания Сезанна, Матисса³³ и Пикассо³⁴ не волнуют меня», – написал Николай Михайлович о последователях импрессионистов, создавших новые художественные течения – нео- и постимпрессионизм, символизм, кубизм и пр.

Однако идейно-колористические поиски отдельных мастеров французской живописи того периода оказались ему близки. Н.М. Дружинин выделил написанные на Таити картины П. Гогена³⁵, наполненные экзотикой, ароматами и ритмом незнакомой европейцам культуры. «Из новых художников мне больше всего понравился Гоген, с его творческим преображением первобытного мира, – отметил Николай Михайлович, назвав одно из выставленных полотен, которое более других остановило его внимание: – его картина “Под манговым деревом” зачаровывает»³⁶.

Творческая линия А. Матисса, предложившего зрителю мир ярких ритмических композиций, предельно насыщенной цвето-

---

³⁰ А.Е. Пресняков – Ю.П. Пресняковой. 15 июня 1909 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 624.

³¹ Ренуар Огюст, 1841–1919. Французский живописец-импрессионист, график и скульптор.

³² Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 103.

³³ Матисс Анри Эмиль Бенуа, 1869–1954. Французский живописец, график и скульптор.

³⁴ Пикассо Пабло, 1881–1973. Французский живописец, испанец по происхождению.

³⁵ Гоген Поль Эжен Анри, 1848–1903. Французский живописец.

³⁶ Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 103.

вой гаммы, узорчья и блеска роскошных ковров, тканей, ваз и других предметов, Н.М. Дружинина не захватила. «Матисс оставил меня равнодушным: его пышная красочность показалась мне бессодержательной и бездушной», – описал он свое восприятие, скорее всего, его полотна «Мастерская художника»³⁷.

Сложные чувства вызвали в нем проникнутые тонкими философскими переживаниями работы П. Пикассо, тоже, вероятно, увиденные им в московской коллекции – «Старый нищий с мальчиком» и «Девочка на шаре». «Пикассо, действительно, глубок и страшен, но ведь это – “труп красоты”»³⁸, – так характеризовал Н.М. Дружинин вызванные его картинами эмоции.

Вне всякого сомнения, то, как историки понимали изобразительное искусство, зависело от их индивидуальности и общей подготовленности к восприятию зрительных образов. Но бесспорен факт: в своем отношении к искусству они в определенной мере проявляли свои мировоззренческие позиции.

Можно предположить, что интерес историков к творчеству художников-импрессионистов находился в одном русле с их стремлением к обновлению отечественной исторической науки. Преодоление ее кризиса, о котором много говорилось на рубеже XIX–XX вв., поиск новых путей развития был созвучен протесту импрессионистов против академической живописи. Акцент на постановке общих проблем, на целостном видении, а не на прописывании отдельных деталей, отличавший импрессионистов и их преемников, совпадал со стремлением историков к созданию универсальной теоретической модели, объяснявшей развитие человечества.

В этой связи приведу небольшую запись из личного дневника М.В. Нечкиной, сделанную ею 27 ноября 1920 г., в период обучения в Казанском университете: «От меня бесконечно далек университет. Боюсь сказать, но я не люблю его. Это не совсем точно, конечно. Я бесконечно люблю его старое здание, колонны, темные длинные коридоры, библиотеки и мелькающие за стеклами корешки книг... Но я отношусь с холодной неприязнью к факульте-

---

³⁷ Полотно, созданное А. Матиссом в 1911 г., находится в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ранее – Музей изящных искусств) в Москве.

³⁸ Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 103.

ту, к профессорам, к манере преподавания и к общему его духу. ...Каста, мертвечина и личные счеты»³⁹.

Одновременно с поиском новых методологических подходов к изучению истории Милица Васильевна зачитывалась стихами поэтов «Серебряного века». 11 января 1921 г. она записала: «Я сейчас вся в Анненском⁴⁰. Буду писать доклад о нем в Союзе поэтов»⁴¹. Это поэтическое направление, если судить по дневнику М.В. Нечкиной, затмило для нее русский импрессионизм и модернизм в живописи, в противоположность тому, как, по словам А. Ахматовой, «парижская живопись съела французскую поэзию»⁴². Совпадение вектора научных и духовных запросов М.В. Нечкиной не было случайным, вне зависимости от того, на какой стороне был перевес – поэзии или живописи. Он отвечал характеру эпохи и личности историка.

Разочарование и неудовлетворенность «профессорской» исторической наукой привели М.В. Нечкину к экономическому материализму. «Я как будто прозрела. Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность»⁴³, – констатировала она.

В постреволюционной России марксизм все более обретал статус главной методологической основы исторических исследований. Осваивавшие и активно использовавшие его молодые историки-марксисты в своих работах и выступлениях постоянно подчеркивали свою приверженность этой социальной теории, заостряли внимание на проблемах классовости и формационности. И все же в их откликах на художественные произведения можно обнаружить интересные штрихи, раскрывающие важные нюансы отношения историков-марксистов к истории и окружавшей их действительности.

Интересное свидетельство о посещении в 1928 г. художественных выставок оставил в своих дневниках С.А. Пионтковский,

---

³⁹ «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной. М., 2013. С. 120.

⁴⁰ Анненский Иннокентий Федорович, 1885–1909. русский поэт, драматург, литературный критик.

⁴¹ «И мучилась, и работала невероятно». С. 123.

⁴² Ахматова А. Листки из дневника. Амедео Модильяни // Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 13.

⁴³ «И мучилась, и работала невероятно». С. 113–114.

принадлежавший, в отличие от А.Е. Преснякова или Н.М. Дружинина, к когорте советских историков-марксистов.

Запев к изложению полученных им впечатлений сразу настаивал отнюдь не на возвышенно-философский лад. «Ну, ходил на выставки, ну, ходил в театры, одним словом, на практике вкушал культурную революцию»⁴⁴, – с такой сентенции Сергей Андреевич начал излагать подробности своих культпоходов.

Из состоявшихся в тот год в Москве выставок, которых было, как написал С.А. Пионтковский, «тьма», он побывал на трех, в том числе на 2-й выставке Объединения художников – реалистов (ОХР)⁴⁵ и на выставке «X лет Красной Армии», организованной Ассоциацией художников революции (АХР)⁴⁶.

Эти два объединения российских художников, несмотря на их общую приверженность реализму, имели важные отличия. Художники АХР писали в стиле «героического реализма». Приоритет отдавался изображению революционного преобразования общества, его наиболее значимым и ярким моментам. Задача объединения формулировалась как служение пролетарской революции.

Содержание и сюжет картин художников АХР были непосредственно связаны с революцией и Гражданской войной и носили открыто классово-пропагандистский характер. Стоит заметить, что классовость трактовалась исходя из того, что, а не как, было изображено на полотне. Такое понимание цели творчества послужило поводом к выходу ряда художников из АХР и создания ими ОХР.

Члены нового объединения считали, что смысл произведения живописи не должен был быть ограничен сюжетом работы.

---

⁴⁴ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. и вступ. ст. А.Л. Литвина. Казань, 2009. С. 119.

⁴⁵ Объединение художников – реалистов (ОХР) возникло в январе 1927 г. из группы художников, входивших в Товарищество передвижников и Союз русских художников, после недолгого пребывания их в АХРР. Объединяло Москву и Ленинград. Первая выставка – 1927 г., Москва; вторая – 1928 г., Москва. Среди членов – В.К. Бяльницкий-Бируля, А.М. Васнецов, Л.В. Туржанский и др.

⁴⁶ Ассоциация художников революционной России (АХРР) образована в 1922 г. Первый председатель – П.А. Радимов. С 1928 г. стала называться – Ассоциация художников революции (АХР). В числе участников – И.И. Бродский, Б.М. Кустодиев, И.И. Машков, А.А. Рылов, А.А. Дейнека, К.С. Петров-Водкин, К.Ф. Юон и мн. др.

Они отстаивали возможность мастера рисунком, художественно-колористическими средствами передавать внутреннее содержание своего замысла, считая, что идейное наполнение картины не идентично изображенному на ней.

С.А. Пионтковскому, как воинствующему историку-марксисту, близка, что вполне закономерно, оказалась выставка Ассоциации художников революции, посвященная истории Гражданской войны. На ней он побывал четыре раза и назвал ее «самой замечательной». Особенно интересной она была, по его мнению, тем, что в ней проявилось «выступление нашего искусства, если не пролетарского, то выступление пролетариата в искусстве»⁴⁷.

Вместе с тем, Сергей Андреевич отметил, что не все выставленные картины имели должное классовое звучание: «Есть ряд батальных картин, которые при изменении подписей под ними могут быть выставлены на любой буржуазной выставке»⁴⁸. Этим работам он противопоставил несколько картин, «навечно исключительных нашей эпохой, нашими днями»⁴⁹.

Весьма снисходительно и даже как-то свысока отозвавшись о художниках, участвовавших в этой выставке: «Художники АХР не плохие мастера, совсем не плохие пейзажисты, есть даже личность у некоторых на них ставить социальные проблемы в искусстве», – С.А. Пионтковский выделил, тем не менее, «ряд напряженных, приковывающих к себе внимание не только своим содержанием, но и выполнением, мастерством, живописью гармоничных сильных картин»⁵⁰. Сами работы художников им названы не были, но, надо полагать, среди них не могли не оказаться «Оборона Петрограда» А.А. Дейнеки⁵¹ или «Смерть комиссара» К.С. Петрова-Водкина⁵², показанные на выставке.

Параллельно с неоднократным посещением выставки АХРовцев С.А. Пионтковский побывал на выставке живописцев

---

⁴⁷ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 119.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Дейнека Александр Александрович, 1899–1969. Советский живописец, график и скульптор.

⁵² Петров-Водкин Кузьма Сергеевич, 1878–1939. Российский и советский живописец, график, теоретик искусства, писатель и педагог.

ОХР⁵³. Сравнивая свои впечатления, он анализировал увиденное на них с двух позиций – художественной и классовой. «Там живопись, на ОХР, не плохая, мастера даже можно сказать хорошие живописцы, но при всем этом в пейзажах, лужках, закатах, коровках нет никакого содержания, отсутствие социального содержания»⁵⁴, – вынес свой вердикт С.А. Пионтковский.

Как и в случае с выставкой художников революции, историк не назвал конкретные работы, которые остановили его неблагоприятное внимание. Но, надо полагать, не могли не войти в это число пейзажи Л.В. Туржанского⁵⁵, одновременно реалистичные и импрессионистские, изображавшие преимущественно сельские пейзажи с лошадами, демонстрировавшие не богатство и яркость палитры, а возможности избранных немногих красок.

Более того, все увиденные полотна в представлении С.А. Пионтковского выглядели единым и чуждым ему, не эстетически, а идейно, потоком. «Они создают социально свои картины с содержанием контрреволюционным, враждебным нам»⁵⁶, – писал он.

С.А. Пионтковский соглашался признать профессионализм владения кистью художников ОХРа и их приоритет перед АХРовцами в художественности исполнения: «Быть может, живописцы ОХР, как живописцы, сильнее тех, кто принимает участие на выставке АХР»⁵⁷. Но их профессиональное искусство само по себе мало что значило в его глазах. Как и для большинства членов АХР, дидактическое содержание полотен было для него важнее их художественного воплощения, хотя, конечно, необходимо заметить, что многие художники обоих объединений имели хорошую профессиональную подготовку.

Конечный вывод С.А. Пионтковского, сделанный при сопоставлении обеих выставок, состоял в том, что «художники АХР пытаются идти в ногу с революцией и с большим трудом, но все же подошли к сознанию необходимости сочетания живописного

---

⁵³ Каталог 2-й выставки Объединения художников-реалистов. (Первый государственный университет). Издание ОХР. М., 1928.

⁵⁴ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 119.

⁵⁵ Туржанский Леонард Викторович, 1875–1945. Русский советский живописец.

⁵⁶ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 119.

⁵⁷ Там же. С. 119–120.

мастерства с социальным содержанием картины. А ОХРовцы застыли на той позиции, которую занимали реалисты и передвижники перед революцией»⁵⁸.

Но критические стрелы С.А. Пионтковский выпускал не только в сторону недостаточно «осоциализившихся» ОХРовцев. Забегая на несколько лет вперед, в 1931 г., приведем еще одну выдержку из дневника С.А. Пионтковского о посещении им персональной выставки К.Ф. Юона⁵⁹, входившего в Ассоциацию художников революции.

Его мнение о работах этого художника выявило еще одну, весьма важную, черту в его отношении к русским советским художникам. Идеино они подразделялись для него на своих и чужих. Чужим, в частности, оказался К.Ф. Юон. Характеризуя его как «исключительно сильного по краскам художника, мастера палитры», С.А. Пионтковский назвал его «просто подделывавшимся под наши требования Юоном»⁶⁰.

Обращение художника к революционной тематике расценивалось им как стремление «лучше подделаться под советскую власть», «приобрести своими картинами политическую благонадежность». «Он изумительно передает освещение, свет, таящий снег»⁶¹, – писал С.А. Пионтковский о работах мастера.

Но умение К.Ф. Юона передать краски, фактуру и воздух даже препятствовало, по мнению историка, идейной нагрузке полотен. Художнику был выставлен упрек, что «его интересует не столько тематика, сколько опять-таки проблема освещения, а, тем самым, пропадает социальный смысл картин»⁶². Вероятно, это могло относиться к известной работе К.Ф. Юона «Перед вступлением в Кремль в 1917 году. Троицкие ворота», написанной автором в 1927 г.

Продолжая свои рассуждения о приоритете идейно-классового момента в живописи, С.А. Пионтковский связал сам факт

---

⁵⁸ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 120.

⁵⁹ Юон, Константин Федорович, 1875–1958. Русский советский живописец, театральный художник, народный художник СССР (1950).

⁶⁰ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 423.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

создания этих объединений художников и проведенных ими выставок с существованием классовой борьбы в советском обществе. «Наличность этих двух выставок в замаскированной форме, но вновь подтверждает о продолжающейся борьбе двух укладов – старого, уходящего буржуазного, и нового пролетарского, социалистического»⁶³.

С сугубо классовой позиции подошел С.А. Пионтковский и к оценке живописных и графических работ, созданных вне реалистической традиции русского изобразительного искусства. В апреле 1931 г. он побывал на выставке группы советских художников «13»⁶⁴, которая проходила в актовом зале МГУ с 18 по 30 апреля. На ней были выставлены, в том числе, четыре зарисовки пером Д.Д. Бурлюка⁶⁵.

Присутствие работ «белогвардейского эмигранта, бывшего вождя российского футуризма», воспринимавшегося всеми в качестве главного участника выставки «13», особенно задело С.А. Пионтковского⁶⁶. Основным критерием оценки стала политика, а не художественные искания и их воплощение.

Футуризм⁶⁷ в русском искусстве не вызывал единодушной оценки и ранее. Были его ярые сторонники и не менее ярые противники, в том числе, конечно, и среди историков. Его появление в живописи было встречено, например, сатирой Саши Черного, любимого поэта историка Великого Октября И.И. Минца. В стихотворении «Рождение футуризма» (1912 г.) он писал:

---

⁶³ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 120.

⁶⁴ Группа получила свое название по числу участников выставки, организованной в Москве в 1929 г. В состав группы входили в основном художники-графики. Направление их творчества характеризовалось стремлением эмоционально воспроизвести современную действительность.

⁶⁵ Бурлюк Давид Давидович, 1882–1967. Поэт, художник, один из основоположников русского футуризма.

⁶⁶ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 423.

⁶⁷ Футуризм – авангардистские художественные движения 1910-х – начала 1920-х гг. в России. Проявилось в литературе и живописи. Самая характерная и радикальная группа – петербургская «Гилея» (Д.Д. Бурлюк, В.В. Хлебников, В.В. Маяковский и др.). Литература футуризма была связана с «левыми» течениями в изобразительном искусстве, особенно тесными были контакты «Гилеи» с группой М.Ф. Ларионова «Ослиный хвост».

*Художник в парусиновых штанах,
Однажды сев случайно на палитру,
Вскочил и заметался впопыхах:
«Где скипидар?! Давай – скорее вытру!»*

*Но, рассмотревши радужный каскад,
Он в трансе творческой интуитивной дрожи
Из парусины вырезал квадрат
И... учредил салон «Ослиной кожи»⁶⁸.*

Однако С.А. Пионтковский акцент сделал на политико-идеологическом прочтении полотен, выставленных в актовом зале университета. Признав, что представленные художники – «люди не без таланта», что «они знают искусство, знают краски, умеют их передавать», он считал их политически «глубоко враждебными» и «чуждыми современности»⁶⁹.

«Нельзя сказать, чтобы на их полотнах не пробивалась современность, она там есть, – отметил С.А. Пионтковский и тут же прибавил: – но в каком виде»⁷⁰. Эти работы, по его мнению, давали искаженное представление о советском обществе. Он был возмущен тем, как художники «13» изобразили фетиш революции – народ. Обобщив увиденное на выставке, С.А. Пионтковский не мог не заметить, что революционный народ был представлен в виде толпы. «Бесконечные контуры голов и кепок, над ними такие же красные флаги, идиотское, бесцельное движение»⁷¹, – вот что превалировало, по его мнению, в увиденных работах.

Как бы ни была значима предложенная художниками трактовка поднявшихся под революционными стягами людей, раскрытие изобразительными средствами феномена толпы, этот подход вступал в противоречие с пониманием народа в революции как организованной и целенаправленной силы, ведомой большевистской партией, который разделял в жизни и научной деятельности

---

⁶⁸ Русская поэзия конца XIX – начала XX века (дооктябрьский период). М., 1979. С. 186.

⁶⁹ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 423.

⁷⁰ Там же. С. 424.

⁷¹ Там же.

С.А. Пионтковский. Поэтому, выражая свое отношение к названному мотиву выставки, показавшемуся ему центральным, он был недоволен даже преобладанием в картинах не содержания, а идеи, что еще недавно казалось ему достоинством в работах АХРовцев.

По словам историка, «отсутствие индивидуального в изображении, переход к изображению одной идеи в ее чистом виде – это уход от действительности при сохранении реалистических форм, игра на красках при отрицании содержания картины, подчеркивание многоликости и безликости толпы, ее слепота и бесцельность».

Окончательное заключение С.А. Пионтковского выходило за границы и науки, и искусства, и демократии. «Это чисто контрреволюционное выступление группы художников, это – «Промпартия»⁷² в искусстве»⁷³, – таков был его, рефреном проходивший, предельно политизированный и идеологизированный вывод, в большей степени характеризовавший самого историка, его духовный мир и позицию в науке и жизни.

В случае с С.А. Пионтковским выпукло отразилась проблема взаимоотношений классической русской исторической науки, ставшей в условиях советской России «старой школой», с новой марксистской, пролетарской исторической наукой. Главный акцент был сделан на установлении приоритета классовости перед профессиональным мастерством историка.

Таким образом, рассмотрение небольшого сюжета, связанного с восприятием отечественными историками XX в. образов живописных произведений, раскрывает потенциал таких свидетельств для обогащения представлений о духовной и творческой биографии видных представителей российской и советской исторической науки.

---

⁷² Дело Промпартии – крупный судебный процесс в СССР по делу о вредительстве в промышленности, состоявшийся 25 ноября – 7 декабря 1930 г.

⁷³ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 424.

О моих Учителях

Мемуары Александра Смышляева – историка Древнего Рима, посвящены памяти его учителей на историческом факультете Московского государственного университета. Лучшие из них стали для него образцом не только как для преподавателя и историка, но и личности.

Ключевые слова: исторический факультет МГУ, семинары по Российской и всеобщей истории, моральные и профессиональные качества учителя, преподаватели и студенты.

A.L. Smyshliaev

About my Teachers

The memoirs of Aleksandr Smyshliaev, a historian of Ancient Rome, are devoted to memory of his lecturers in the historical faculty of Moscow State University. The best of them became for him a model not only of a lecturer and historian but also of a person.

Key words: historical faculty of MSU, seminars in Russian and Universal history, moral and professional qualities of a real Teacher, lecturers and students.

Прежде, чем говорить о своих университетских учителях, я должен рассказать о себе самом и об историческом факультете МГУ, иначе многое из того, о чем идет речь, останется непонятым.

Мой отец был преподавателем юридического факультета. Сколько я себя помню, мы жили в университетских домах – сначала в центре рядом со старыми зданиями МГУ, затем на Ленинских горах недалеко от Главного здания, а вторую половину жизни я провел в самом этом здании, где живу и сейчас. В детстве летние каникулы я проводил либо с родителями и их друзьями, преподавателями юридического факультета МГУ, либо в пионерлагере МГУ в Красновидово. Моими друзьями с раннего детства были дети преподавателей МГУ. И сейчас мои самые близкие друзья – преподаватели или выпускники его исторического факультета.

Я поступил на этот факультет в 1968 г., после его окончания учился в аспирантуре кафедры истории древнего мира и, защитив диссертацию, 18 лет работал там преподавателем. Да и теперь я по совместительству работаю в МГУ, хотя и не на историческом факультете. Моя покойная жена окончила биологический факультет МГУ и работала там много лет, а единственный сын учился на филологическом факультете. Так что моя alma mater – не отдельный этап моей жизни, а вся она целиком. Я, конечно, понимаю, что существует жизнь и вне университетской среды, но представляю ее с большим трудом.

Моя юность и лучшие зрелые годы связаны с историческим факультетом МГУ. Я решил поступать туда еще в шестом классе школы. Примерно с пяти лет мной овладела страсть к запойному чтению. После того как я одолел домашние библиотеки родителей и их друзей, мне удалось записаться в Ленинскую библиотеку, где тогда был отдельный зал для школьников, и в библиотеку Исторического музея. Я проводил там и в самом музее большую часть своего свободного времени. Благо, что до каждой из них от нашего дома можно было дойти за 10 минут.

Очень скоро я понял, что прочитать все в этих библиотеках мне не удастся. Волей неволей приходилось выбирать. Как оказалось, чаще всего я выбирал исторические романы и повести или научно-популярные книги по истории. Когда в шестом классе я записался в школьный исторический кружок и стал выступать там с докладами, со мной все уже было ясно.

И вот в чудесный июльский полдень я вышел из помещения в тенистый дворик на улице Герцена самым счастливым и гордым человеком на свете: профильный экзамен сдан на пять, и значит я без пяти минут студент. При конкурсе 15 человек на место было чем гордиться.

Мое счастье стало еще полнее во время учебы на факультете. Мне все нравилось и все удавалось. Все пять лет я получал только отличные оценки, не изнуряя себя и не прикладывая больших усилий. Причем в школе я, за исключением гуманитарных предметов, ни в чем особенно не блистал, и постоянно сидел дома из-за бесконечных простуд. Как только я поступил на факультет, я о них забыл.

На втором курсе я даже получил именную стипендию, но через год ее у меня отобрали под предлогом, что я мало занимаюсь общественной работой. Этого потребовали студенты, входившие в партийную организацию нашего курса, люди, представлявшие правящую партию во всей ее красе. Через много лет на встрече выпускников один преподаватель, принимавший экзамены на первом курсе, рассказал мне, что именную стипендию должны были отдать секретарю этой партийной организации. Однако ничего не получилось, поскольку рассказчика убеждали поставить ему правильную оценку, а он поставил заслуженную.

Факультетские преподаватели, видимо, чувствуя во мне родственную душу, относились ко мне очень хорошо, а некоторые из тех, кто помоложе, – даже по-дружески. Именно об этих людях, которым я столь многим обязан, мне и хотелось бы рассказать. Сразу оговорюсь, что о моем научном руководителе Василии Ивановиче Кузишине и преподавателях моей родной кафедры истории древнего мира, у которых я проходил специализацию и с которыми потом вместе работал, я здесь говорить не буду. Это отдельная большая тема. Рассказ пойдет о преподавателях, которые вели семинары в моей группе.

Мне нравились все виды занятий, но семинарские занятия по общим историческим дисциплинам – больше всех остальных. На каждом из первых трех курсов было по два таких семинара: один по истории отечества и один по всеобщей истории¹.

В первом семестре на каждом из этих семинаров обычно учили азбуке самостоятельного исследования: работе с историческими источниками и научной литературой по соответствующему периоду, а также правильному оформлению научной работы и в первую очередь – ее научного аппарата. Во втором – готовили и обсуждали доклады и курсовые работы. Каждый студент обязан был в течение года подготовить две письменные работы: в одном семинаре доклад, в другом по собственному выбору курсовую. Кроме того, надо было сделать устное сообщение о своей работе и принять участие в обсуждении работ своих товарищей, в том числе и в качестве официального рецензента.

---

¹ Был еще семинар по истории КПСС, но он не в счет, поскольку эта дисциплина не имела прямого отношения ни к истории, ни к какой-либо другой науке.

Эти семинары были самой важной составляющей общей исторической подготовки, поскольку именно на них готовили историков–исследователей. На них и на консультациях, связанных с подготовкой письменных работ, преподаватели имели возможность индивидуальной работы с каждым студентом². Здесь постигались (или не постигались) секреты профессионального мастерства. В составе семинарской группы было, как правило, не больше 12–15 человек³. Не все студенты регулярно посещали семинары, и не все из присутствующих добровольно на них выступали, поэтому, если человек хотел чему-то научиться, он мог этого добиться без всяких помех.

Таких семинаров, насколько мне известно, не было на других гуманитарных факультетах МГУ, а также и в других университетах. Ведь за пределами Москвы в университетах семинарские группы включали обычно 20–30 студентов и преподаватели не могли индивидуально работать с каждым из них. Таким образом, студенты–историки МГУ имели уникальные возможности для профессиональной подготовки, было бы только желание ими воспользоваться.

Занятия в семинаре, на котором в течение года студенты достаточно близко общались со своим преподавателем и имели возможность хорошо его узнать, могли способствовать не только обучению, но и воспитанию студентов, выработке у них верных жизненных ориентиров и ценностей. Разумеется, речь здесь идет о воспитании не словами, а делами, самим складом личности преподавателя. Надо еще учесть, что в те годы, когда я был студентом, к университетским преподавателям и ученым относились не так, как сейчас. В представлении многих из нас, стать одним из них означало добиться вершины жизненного успеха, войти в число небожителей.

Руководители семинаров пользовались значительной свободой в проведении своих занятий. Фактически они могли сами выбирать темы занятий и письменных работ и определять уровень требований к студентам и к себе. Люди, нацеленные исключительно

---

² Разумеется, не все студенты позволяли преподавателям реализовать такую возможность.

³ В моей группе нас было всего восемь.

но на научную и административную карьеру или желающие жить легко и работать без напряжения, могли просто отсиживать аудиторские часы, не проводить консультаций, принимать доклады в устном виде, не требовать от студентов ничего, кроме такой же имитации деятельности, которую практиковали они сами. Надо сказать, что людей такого склада, насколько я могу судить, было на факультете совсем немного. Большинство руководителей семинаров были грамотными, добросовестными тружениками и пользовались своей свободой во благо, а не во вред студентам. Наряду с ними встречались и преподаватели, стоявшие выше и так хорошего среднего уровня, люди, которых можно было назвать Учителями.

В этом отношении мне повезло. На первом курсе семинарские занятия по истории СССР периода феодализма⁴ у нас в группе вел Михаил Тимофеевич Белявский⁵. Ему было тогда лет 55–56, но выглядел он старше и тому, кто его не знал, мог показаться человеком суровым и не особенно общительным. Сам он о себе ничего не рассказывал, но со временем мы узнали, что, хотя из-за полученных на фронте тяжелых ранений он отличался не особенно крепким здоровьем, тем не менее, занимался не только наукой и преподаванием, но также вел большую общественную работу по охране памятников истории и культуры.

Свою работу в его семинаре мы начали с похода в Исторический музей. После общего знакомства с экспозицией каждый из нас получил задание подготовить для всей группы экскурсию по одному из залов, связанных с историей России. Мы должны были научиться использовать выставленные в зале экспонаты как источники по российской истории и культуре. Перед каждой экскурсией для всей группы нужно было провести ее для преподавателя в качестве своеобразной генеральной репетиции.

Мне достался зал на третьем этаже по истории и быту России XVIII века. Мы встретились с Михаилом Тимофеевичем около музея и стали подниматься на третий этаж пешком, поскольку лифт почему-то не работал. Третий этаж в Историческом музее по

---

⁴ Довольно странное название, но только на первый взгляд, поскольку социализм в его советском варианте и феодализм явления во многом сходные.

⁵ М.Т. Белявский (1913–1989), профессор исторического факультета МГУ, специалист по истории России XVIII века.

высоте то же самое, что шестой в обычном доме. Одолели два пролета, и он предложил отдохнуть. Я видел, как ему было тяжело: бледный с выступившей на лбу испариной он долго не мог перевести дыхание. Добрались до третьего этажа, и снова остановка, он опять вытирает платком пот и никак не может отдышаться. Наконец, вошли в зал, я провел для него экскурсию и получил подробные и очень интересные замечания. Под конец он окончательно выдохся, присел где-то в уголке и сказал: «Идите, меня ждать не надо». Спустя много лет, вспоминая этот эпизод, я думаю – сколько же сил и здоровья он потратил с одной только нашей группой, поднимаясь 16 раз по этой лестнице. И ведь никто от него этого не требовал. Ни с одним другим преподавателем мы в Исторический музей больше не ходили. Кроме походов в музей он несколько раз возил нас на экскурсии по Москве, причем не вместо, а после обычных занятий. Особенно запомнилась экскурсия в Коломенское и его рассказ о церкви Вознесения. Эти экскурсии были также не частью учебного плана, а его личной инициативой. Другие преподаватели экскурсий для нас не устраивали.

В первом семестре мы изучали на семинарских занятиях Русскую Правду. Вместе с ним мы разбирали отдельные статьи этого свода. Сначала один из нас читал текст статьи на древнерусском языке, затем с помощью преподавателя переводил его на современный русский язык, давал комментарий и отвечал на вопросы своих товарищей и преподавателя. После этого свой развернутый комментарий к этой статье давал Михаил Тимофеевич. Должен сказать, что чтение Русской Правды – это не самое увлекательное занятие на белом свете. Но чтение вместе с Михаилом Тимофеевичем было необыкновенно интересным. Для меня время летело незаметно. Казалось, что только началось занятие, а уже звенит звонок на перемену.

Спустя много лет на встрече с одной из одногруппниц мы вспоминали эти занятия, и я с удивлением узнал, что они казались ей невероятно скучными, и она не могла дождаться, когда же, наконец, прозвенит звонок. На историческом факультете она была человеком случайным, и по его окончании никогда больше историей не занималась.

Во время одного из занятий случился очень неприятный для меня эпизод. Одна из студенток решила прогулять это занятие и

попросила меня как старосту группы не отмечать в журнале ее отсутствие. Я, конечно, пошел ей навстречу. Обман преподавателя тогда (впрочем, как и сейчас) считался у студентов не столько грехом, сколько доблестью. Когда Михаил Тимофеевич вызвал ее отвечать, мой обман раскрылся. Он удивился: «Как же так? Ведь Вы сказали, что отсутствующих сегодня нет». Мне нечего было ответить. Он продолжал вести занятие, а после, не глядя на меня, подписал журнал. Не помню другого случая, когда мне было так невероятно стыдно. Я даже не мог заставить себя извиниться. Впоследствии он никогда меня не проверял, но я и сам никогда больше себе такого не позволял.

Во втором семестре Михаил Тимофеевич не только вел семинарские занятия, но и читал на нашем курсе лекции по истории России. Они также были удивительно интересными. После каждой из них его окружали студенты, задавали вопросы, спорили и долго не отпускали. Бывало, что он уходил из аудитории лишь тогда, когда звенел звонок на следующую лекцию. Не удивительно, что позднее многие сильные студенты, в том числе наш ленинский стипендиат Олег Омельченко⁶, выбрали его своим научным руководителем.

Разумеется, свою курсовую работу я писал в семинаре по истории России. Тема была очень интересная: «Указы Емельяна Пугачева как исторический источник». Свои замечания Михаил Тимофеевич сделал мне не в учебной аудитории, а у себя дома (видимо, он тогда не очень хорошо себя чувствовал). Он прокомментировал свои заметки на полях моей курсовой, ответил на мои вопросы, а затем отпечатал свой отзыв на машинке и вручил его мне. Это тоже было его удивительной личной особенностью: другие руководители семинаров чаще всего давали устный отзыв, а если письменный, то в виде нескольких строчек, написанных от руки на последней странице доклада или курсовой. Я думаю, что Михаил Тимофеевич хотел тем самым показать студенту, что его доклад или курсовая заслуживают столь же серьезного отношения, как и любая другая научная работа.

---

⁶ Олег Анатольевич Омельченко впоследствии стал профессором МГИУ, доктором юридических наук, специалистом по истории государства и права, а также по истории России XVIII века.

Своей манерой приема экзаменов Михаил Тимофеевич также отличался от всех остальных преподавателей. Во время подготовки к ответу на столе лежали учебники и монографии. Студент мог пользоваться не только ими, но и своим конспектом лекций. Тем не менее, отвечать на таком экзамене было ничуть не легче, а, может быть, и сложнее, чем на других. Нужно было убедить экзаменатора, что ты не только запомнил прочитанное, но и понял его смысл, что ты разобрался в причинах, взаимосвязи и последствиях тех событий, о которых ты рассказывал. После ответа по вопросам билета Михаил Тимофеевич показывал открытку с изображением какого-либо храма или фрески, и нужно было ответить, к какому времени относится это сооружение или изображение, в каком стиле оно выполнено и, в идеальном варианте, какой это именно храм или персонаж.

Позднее, когда я сам стал преподавателем, я пытался ввести что-то подобное на своих экзаменах, но у меня ничего не получилось. После сдачи экзамена мне хотелось подойти к Михаилу Тимофеевичу, поблагодарить его за все и сказать, что я никогда не забуду ни его занятий, ни полученных от него уроков, но я так и не решился. К счастью, у меня появилась эта возможность сейчас, через много лет после его смерти.

Еще раз мне очень повезло с преподавателями на III курсе в семинарах по Новой и Новейшей истории и по истории СССР периода социализма. Оба они были шестидесятниками – «новомировцами». Даже среди молодых преподавателей такие люди на нашем факультете встречались не часто.

Однажды из-за болезни профессора, читавшего нам лекции по Новой истории, крупного специалиста по Великой Французской революции, ему на замену прислали сравнительно молодого и не известного нам преподавателя. Он прочел нам лекцию о якобинской диктатуре. Эта тема была мне достаточно близка и интересна еще с первого курса. Я успел много прочитать и узнать об этой революции, якобинцах и якобинском терроре, поэтому меня трудно было чем-либо удивить. Но эта лекция была настолько непохожей на все, что можно было прочитать у советских историков, настолько глубокой по содержанию и блестящей по форме, что полностью захватила мое внимание. Я боялся пропустить хо-

тя бы единственное слово и испытывал почти эстетическое наслаждение. Этим удивительным лектором был Валериан Семенович Бондарчук⁷. Ему тогда не исполнилось и 40 лет, но казался он еще моложе, стройный, подтянутый, всегда строго одетый. Он не только был, но и выглядел интеллигентом самой высшей пробы.

Его семинары оказались не менее интересными, чем лекции. Он умел ставить перед студентами оригинальные вопросы, которые требовали нестандартного решения, развивали творческое мышление. Его собственные выводы и решения сначала казались парадоксальными, затем – единственно возможными. Мне особенно запомнился наш спор с ним о том, кто из двух императоров Франции был лучшим политиком: Наполеон I или Наполеон III. Как мне казалось раньше, это настолько очевидно, что тут и думать не о чем. Валериан Семенович побуждал нас думать над тем, что, на первый взгляд, выглядело очевидным. В беседах и спорах с ним мы чувствовали себя легко и просто, не столько как ученики, сколько как младшие коллеги. Его искренний интерес к предмету своих занятий передавался и нам.

В его семинаре мне достался доклад о великом заговорщике Огюсте Бланки. Я был очень увлечен этой темой и старался прочитать все, что было мне доступно. Он внимательно следил за моей работой, так же, как и за работой моих товарищей, и оказывал помощь, когда это было необходимо. Однажды на консультации он спросил меня, нет ли каких-нибудь проблем при работе над моей темой. Я ответил, что никак не могу найти ни в одной библиотеке статью А.З. Манфреда⁸ об Огюсте Бланки, – это была одна из ранних работ знаменитого ученого, опубликованная в каком-то редком издании. «Ничего страшного – сказал мне преподаватель – я позвоню Альберту Захаровичу и попрошу его отыскать эту статью у себя дома». Я был просто поражен этим предложением. Невозможно представить себе, что крупный ученый и очень занятой человек должен тратить свое время, чтобы помочь неизвестному ему студенту. Статью эту А.З. Манфред так и не смог у себя оты-

---

⁷ В.С. Бондарчук (1931–2011), доцент исторического факультета, заслуженный преподаватель МГУ, специалист по истории Италии Нового времени.

⁸ А.З. Манфред (1906–1976), профессор МГПИ и МГИМО, специалист по истории Франции Нового времени.

скую. Но этот эпизод все равно запомнился мне на всю жизнь, так же как и сам Валериан Семенович.

В том же самом учебном году семинар по истории СССР вел у нас Николай Васильевич Наумов⁹. В то время он являлся одним из самых молодых сотрудников исторического факультета, его преподавательский стаж насчитывал всего два или три года. Тем не менее, уже тогда это был, на мой взгляд, вполне зрелый и один из самых интересных преподавателей, который нисколько не проигрывал нашим корифеям.

Хотя он работал на одной из самых ортодоксальных идеологических кафедр¹⁰, в нем не было ни грана догматизма и идеологической зашоренности. Это человек в высшей степени творческий, эмоциональный, неравнодушный, историк глубочайшей эрудиции со своим собственным независимым отношением ко всем пертурбациям нашего недавнего прошлого.

Все эти замечательные качества очень ярко проявились на наших семинарах. Его занятия были не просто интересными, а удивительно увлекательными не только для нас, но и для него самого. Нередко звенел звонок, а мы никак не могли расстаться. Рассказывая о них, я вспоминаю афоризм (который любил повторять академик?) академика П.С. Александрова¹¹: «Студент – это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь». Николай Васильевич, сам человек очень увлеченный, умел увлечь и нас.

Темы его докладов и курсовых были обычно связаны с переломными драматическими событиями нашей истории. Я писал у него в семинаре курсовую работу по теме «Брестский мир». Меня поражали богатство исторических источников и скудость их интерпретации, несоответствие того, что я находил в источниках и узнавал на консультациях с нашим преподавателем, тому, что я мог прочитать в официальной советской историографии. Семинары и консультации Николая Васильевича были уроками незави-

---

⁹ Н.В. Наумов, профессор исторического факультета МГУ, специалист по истории и историографии Советского Союза.

¹⁰ Один из моих однокурсников очень метко назвал кафедру истории СССР периода социализма «историей КПСС в купальнике».

¹¹ Павел Сергеевич Александров (1896–1982), профессор механико-математического факультета МГУ, академик РАН, выдающийся советский математик.

симого мышления, основой для выработки своей собственной позиции по любой проблеме, которую мы пытались решить.

Со временем у меня установились очень хорошие личные отношения с Николаем Васильевичем как со старшим товарищем. Мы много беседовали и за пределами семинарской аудитории.

От него я узнал о советской истории много такого, чего тогда невозможно было найти ни в одной книге. Так, например, он рассказал мне, что день Красной армии – это праздник, основанный на мифе о том, что 23 февраля 1918 г. отряды Красной гвардии остановили немецкое наступление на Петроград. На самом деле, никаких боев в этот день не было. Германские войска перестали наступать по приказу собственного командования. Когда во время очередного рассказа мимо нас проходил по коридору инспектор нашего курса, рассказчик, не меняя интонации, спросил меня: «Не правда ли, сегодня чудесная погода?». Более искреннего, открытого, интересного собеседника трудно себе представить.

Николай Васильевич, так же как и Михаил Тимофеевич и Валериан Семенович, были и остаются для меня образцом ученого-исследователя и университетского преподавателя. В своей собственной преподавательской работе я старался следовать их примеру по мере своих сил.

Главное благо университетского образования заключается не только в том, что ты можешь учиться у лучших специалистов, но и в том, что ты можешь встретиться и общаться с замечательными людьми.

Семь удивительных встреч

Автор пытается реконструировать свой путь в науке, рассказывает о встречах с выдающимися учеными, повлиявшими на его становление в теоретическом и методологическом аспектах, делится основными результатами своей научной работы.

Ключевые слова: востоковедение, ассириология, календарь, хронопсихология, герменевтика.

V.V. Emelianov

Seven surprising meetings

The author tries to reconstruct his way in scholarship, tells of his meetings with prominent scholars who contributed to his formation in the theoretical and methodological aspects, shares the main results of his work.

Key words: oriental studies, assyriology, cultic calendar, psychology of time, hermeneutics.

I

Место моего рождения – Ленинград, Институт акушерства напротив университета. Где родился – там и пригодился. На редкость малое расстояние между рождением и судьбой. Только перейти дорогу. Живя в Петербурге-Ленинграде, невозможно не стать историком. Кругом дома, помнящие всех великих людей страны. Кругом музеи, хранящие память обо всех эрах истории человечества. Кем бы ты ни был по своей профессии – в Петербурге ты все равно историк. У тебя мироощущение историка.

Твое чувство пространства проецируется на чувство времени. Лет с четырех я знал, что мой год рождения это лунный год космической эры. В нашей эре пока было только четыре таких года: 1957-й (спутник), 1961-й (первый человек), 1965-й (человек в открытом космосе) и 1969-й (высадка на Луне). Знал и гордился. Чем? Совпадением великого времени с собой. Когда человек соотносит свою жизнь с жизнью всего человечества и пытается най-

ти в этой аналогии смысл – может быть, с этого и начинается в нем активное историческое сознание.

А с чего начинается сам человек? С культуры семьи, семейных ожиданий и врожденных способностей. Хотя, может быть, и раньше. На последних месяцах беременности мама читала «Исповедь» Жан-Жака Руссо, и впоследствии не раз говорила мне, что я родился со склонностью к философии из-за ее интереса к этой книге. Кто знает – может быть, на формирование человека влияет не только питание его матери во время беременности, но и круг ее чтения перед появлением ребенка на свет. Мама сперва читала книгу Цвейга о Бальзаке, а потом взялась за Руссо. Вот и вырос я трудолюбивым, многопишущим и склонным к длительным размышлениям над одним предметом.

С культурой семьи все было в порядке. Юная прабабушка бегала на концерты Шаляпина и получала от него пластинки с автографами. Когда умер дед, и семье отца стало нечего есть, – пластинки пришлось продать. Но отец до конца жизни пел арии с тех пластинок, благо и тембр его голоса походил на шаляпинский. Родители много читали, не пропускали премьер в БДТ и в акимовском Театре комедии, были постоянными слушателями концертов в филармонии. С трех лет я уже был в детском саду с преподаванием английского языка, в том же году впервые попал в театр, в четыре года быстро научился читать и никогда не читал по слогам. Семья сделала лучшее, что можно сделать для развития человека в раннем возрасте, – она наблюдала за развитием моих способностей, тихо поощряла их, хвалила за конкретные успехи и никогда не возлагала на меня чрезмерных надежд. По счастью, я ни дня не ходил у моих домашних в гениях или вундеркиндах, мною не хвастались друзьям, меня никто не превозносил. Это означает, что мои способности не противоречили семейным ожиданиям. Таких ожиданий просто не было. Мне предоставили выбирать любой путь, который станет возможен вследствие природных склонностей.

Как и у многих людей в раннем возрасте, у меня было несколько способностей, которые перебивали одна другую. Первая – это способность к музыке, которая сказалась в быстром овладении фортепиано и в хорошем оперном пении. Когда родители заметили мои музыкальные способности, то немедленно купили пианино и

наняли хорошего домашнего учителя музыки. Вторая моя очень ранняя черта – это способность к длительному размышлению над какой-либо проблемой. Мое сознание никогда не скакало от одного предмета к другому, я мог долгое время задерживаться на интересующих меня явлениях и их деталях, и в то же время контролировать себя в момент изучения чего-либо. Очень рано во мне возникла спокойная критичность, которая позволила трезво оценить особенности своего интеллекта. Оказалось, что у меня медлительный ум, трудно осваивающий все новое, но при этом способный углубляться в предмет до его основ. Что мой ум хочет не широты, а глубины. Что он очень тесно связан с опытом и интуицией, опирается на твердо установленные факты, а не на рассуждения, но при этом ему плохо даются абстракции пространственного типа и числовые упражнения. Пожалуй, первым объектом моего познания был я сам, и очень рано я понял про себя практически все. К семи годам я уже знал, что буду либо историком, либо филологом, поскольку мои способности к точным наукам и практической инженерии оставляют желать лучшего. Точно так же, несмотря на музыкальные способности, я никогда не хотел делать музыку своим основным занятием, поскольку находил в своей пианистической технике множество хоть и мелких, но очень досадных огрехов. Наконец, я понял про себя еще и то, что от природы у меня мало физических сил, и мне нужно каждый день правильно распределять свою энергию на полезные дела. Такова была эта вторая способность. Родители заметили ее, но поощрить не могли, она развивалась во мне сама. Третья и наиболее неожиданная – очень хорошая память на даты и факты, и особенно – почему-то на сроки праздников и на даты рождения людей. Бабушка купила мне книгу Виталия Бианки «Синичкин календарь», и я понял, что получил в руки что-то, что и в самом деле было подобно мне самому. Прошло много лет, и теперь я думаю, что субъект исследования должен соответствовать его объекту. Они должны встретиться друг друга и узнать. Так вот, когда я открыл книгу Бианки, то испытал острое желание понять, почему же в жизни синичек их поведение так жестко соотносится с определенным месяцем и временем года. Если есть такое соотношение – значит, существует некий порядок, в котором расположены все дела, и при-

чиной этого порядка является сама природа. Помимо книги Бианки, существовали в моей жизни и христианские праздники, справлявшиеся моими бабушками-староверками. Я участвовал в этих праздниках и точно так же задумывался над тем, чем обусловлены наши действия в определенный момент времени. И четвертая моя способность, также проявившаяся очень рано – литературная фантазия историософа. Я мог сочинять историю как прозой, так и стихами (сочинять в рифму никогда не было для меня трудным делом). Выдумывал целые города, страны, правителей, органы управления, деятелей культуры... И располагал все это в хронологическом порядке, который тоже был вымышленным. Хорошо писал сочинения – как на заданную, так и на свободную тему. Несколько раз получил даже пять с плюсом. Зная об этом, родители покупали мне детские энциклопедии, я читал их запоем вкупе с сочинениями русских классиков. Художественная литература поощряла мою фантазию, а энциклопедии тренировали методологию.

Эти четыре способности до 12 лет буквально разрывали меня на части. Я не знал, какой из них отдать предпочтение. Хорошо импровизировал на рояле, пел арии, писал стихи и истории выдуманных стран, читал исторические детские энциклопедии. Сперва поступил учиться в «английскую» школу, потом без экзаменов был взят в хоровое училище Капеллы им. Глинки, через год опять вернулся в «английскую» школу, участвовал в олимпиаде по истории музыки, написал работу по истории полифонии, за которую получил третье место на городском туре. Параллельно запоем читал философов, и особенно много – Маркса и Ленина. Интересовался биографиями большевиков и историей всех революций, читал биографии из серий ЖЗЛ и «Пламенные революционеры». Одним словом, старался успеть все узнать, все почувствовать...

Не знаю, как бы повернулась дальше жизнь, если бы не произошла первая из череды значительных для меня встреч. Еще в детском саду я познакомился с папой одного из ребят в моей группе. А когда я пошел в школу, то узнал, что он живет в соседнем доме. Папу моего товарища звали Юрий Абрамович Виноградов¹.

---

¹ Юрий Абрамович Виноградов (1931–2015) – историк-архивист, сотрудник Санкт-Петербургского отделения Архива Российской Академии наук. URL: http://ranar.spb.ru/files/visual/Vinogradov_nekrolog.pdf.

Он был сотрудником архива Академии наук и занимался наследием И.П. Павлова. У Юрия Абрамовича была самая настоящая библиотека – с картотекой и с тетрадами, где хранились сведения о взятых под роспись книгах. Книги из виноградовской библиотеки брали все дети из окрестных домов, в которых просыпалась страсть к чтению. А книги были очень серьезные: труды Ключевского, Вернадского, Скрынникова, Павленко, тома из серий ЖЗЛ и «Научные биографии». Сначала я стал постоянным читателем этой библиотеки, а потом почувствовал, что мне интересны в собрании Виноградова книги об истории России и Востока. Именно у Юрия Абрамовича я впервые взял почитать книги И.Ю. Крачковского² «Над арабскими рукописями» и В.М. Алексеева³ «Наука о Востоке». Кроме того, меня почему-то интересовала история полководцев, и особенно генералиссимусов. А у Виноградова на полках стояла вся энциклопедия Брокгауза и Ефрона, и, кроме того, рядом стоял полный Лярусс⁴, и в нем содержались статьи обо всех военных героях, которым было присвоено это звание. В 9 лет я составил полный каталог всех генералиссимусов мира. Это был, можно сказать, первый мой научный труд, еще за три года до работы о полифонии. А когда мне исполнилось десять, Юрий Абрамович сказал мне, что никто не описал захоронения востоковедов на территории Ленинграда, и спросил, не хочу ли я заняться учетом и описанием их могил. Я с радостью согласился и целых полгода занимался тем, что ездил по разным кладбищам и записывал участки, номера могил, делал описание памятников. Меня всегда сопровождал человек с фотоаппаратом, подряженный на эту работу от архива. Случайно ли все это было, думаешь теперь? Какая-то сила все время нацеливала меня на востоковедение... Но до полного осознания моей будущей профессии было еще много времени, и пришел я к ней как «в Москву через Владивосток».

Прямо по курсу был духовный кризис. Когда я в студенческие годы читал о нем у Соловьева и Флоренского, то всегда усмехался: как-то рановато он у меня произошел. У тех в 14–15 лет,

---

² Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) – арабист-филолог, историк арабистики, эфиопист.

³ Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) – китаист-филолог, историк китайской литературы.

⁴ Grand Larousse encyclopédique. Paris, 1960–1964.

а у меня в 11. А потом понял, что Соловьев и Флоренский не жили в обществе, где им говорили, что насилие это хорошо и что ради всеобщего блага нужно полностью исключить из мира часть людей. Я же к своим одиннадцати с половиной годам настолько «переел» сочинений Ленина, фильмов о нем, биографий Маркса, телепередач о пламенных террористах и коммунистах, что однажды почувствовал просто тошноту, а вслед за ней – такое отвращение к насилию и классовой борьбе, что стал верить в Бога.

А почему в Бога? Почему не в Человека в гуманистическом смысле? Потому что должна существовать высшая сила, которая создала всех – и совершенных, и несовершенных, и позволяет всем жить в одном мире. Ведь если есть богатые и бедные, умные и глупые, то это означает, что мир не может существовать без них. Убери кого-нибудь – или богача, или священника, или, наоборот, бедняка и атеиста – и всему миру станет плохо от неполноты, что-то в нем нарушится. Это и значит, что есть сила, которая удерживает мир в единстве всех его противоположностей. Иначе он был бы разрушен человеческим произволом. Эта сила больше человека. Даже самый совершенный человек захочет кого-то исключить из своей жизни. Кого-то разлюбит, с кем-то раздружится. А если у него в руках власть, то вполне возможно, что он захочет убить неприятных ему людей. И если он их убьет или изгонит из мира как-то иначе, то мир в целом потерпит ущерб. А ведь мир создан так, что никого из него исключать нельзя, иначе он перестанет быть миром как целостностью и прекратит работать как мир. Значит, мир создала сила, которая больше человека, для которой симпатии и антипатии имеют мало значения, а порядок и состав имеют большое значение, и именно она и есть Бог. И классовая борьба это орудие разрушения мира как целостности. Значит, она есть преступление перед миром. И дураки нужны, и умные нужны, и верующие, и безбожники, и музыканты, и люди, вовсе лишенные слуха. Таковы были мои мысли в 11 с половиной лет. И я отвратился от большевизма, стал верующим, но в церковь почти не ходил. Вместо этого я стал предаваться размышлениям.

Мои размышления всегда носили интуитивный характер. Я не строил предварительных схем, а шел от сильного впечатления, от чего-то, к чему чувствовал симпатию. И если такое впечатление было, то приступал к изучению этого феномена. Сперва таким

феноменом стал Бах, которого я одновременно играл и изучал. Потом им стал Высоцкий. Почему именно эти двое? Это был интуитивный выбор, рожденный сильным эстетическим впечатлением. Но тогда же я задал себе вопрос, а чем было вызвано само это впечатление? Проще всего было бы сказать, что в одном случае гармоническим строем музыкальных произведений, а в другом случае – воздействием ритма, стихов и голоса. Однако это чисто внешнее впечатление, а внешним я никогда не увлекался. За Бахом для меня сразу встала мистерия мира, в котором каждая тварь умирает и воскресает снова. Баха я понял как мистерию, хотя такого слова тогда не знал и употреблял слово «трагедия». Я чувствовал музыку Баха как голос самого Бога, находящегося по ту сторону сотворенного им мира. И точно таким же религиозным наполнением привлекли меня песни, а потом и стихи Высоцкого. Начав слушать его с четырех лет, я с годами понимал, что в этих песнях содержатся очень важные заповеди и в них очень точно проведена граница между Добром и Злом. Поделившись этой мыслью со сверстниками, я убедился в том, что они чувствуют так же, только не знали до сих пор, как сформулировать свое впечатление от Высоцкого. Он оказался духовным учителем целого поколения, рожденного в 60-е годы. Однако в его творчестве была заключена большая тайна, над которой я мучился и которую впоследствии сумел сформулировать для себя. Но об этом позже.

В возрасте двенадцати лет я впервые приехал в поселок Комарово и два месяца провел на базе отдыха сотрудников Академии наук. Туда же приехал к своим знакомым и Виноградов. Юрий Абрамович начал представлять меня разным интересным людям, и я постепенно стал вслушиваться в их рассказы о своей жизни. Среди обитателей комаровской базы были те, за которыми мне захотелось последовать. Вадим Александрович Ромодин⁵, Наум Михайлович Раскин⁶, Аркадий Павлович Григорьев⁷, Глафира Ни-

---

⁵ Вадим Александрович Ромодин (1912–1984) – историк-афганист и специалист по истории Средней Азии.

⁶ Наум Михайлович Раскин (1906–1986) – историк химии и минералогии XVIII века, автор биографий ученых, которые не имели портретов.

⁷ Аркадий Павлович Григорьев (1931–2011) – монголист и тюрколог, специалист по ордынским жалованным грамотам (ярлыкам).

колаевна Балашова⁸... Историки и востоковеды мирового уровня. Они рассказывали о своей учебе в гимназии, о вечерах поэт Игоря Северянина, о выступлении Блока в Большом драматическом театре, о публичных лекциях Бехтерева по поводу возможностей гипноза... И мне, конечно, все больше хотелось стать таким же, как они. С соседней дачи приходил Александр Леонидович Богородский, брат жены Василия Васильевича Струве⁹, к тому времени давно покойного. Он много рассказывал о своем родственнике и о его исследованиях по истории древнего Востока. Юрий Абрамович с удовольствием убедился, что я на правильном пути, поручил меня этим замечательным людям и уехал. Эта база в Комарове на Курортной улице, 33 стала моей землей обетованной. Я жил там едва ли не каждое лето вплоть до ее уничтожения в 1993 году. Именно там принято решение поступать на Восточный факультет. Там выучены первые 100 знаков новоассирийской клинописи. Там проклюнулась впервые та гипотеза, которая легла в основу моей кандидатской диссертации. Теперь на этом месте пустошь. Бараки базы снесли, много раз делили землю, одни бандиты убивали других. И вот вместо очага, вокруг которого выросло столько нынешних ученых и даже музыкантов – пустое место, руины... Печальный итог рыночного хозяйствования в научной сфере.

II

Мне часто приходится читать в мемуарах российских историков, что их обращение к прошлому было вызвано желанием уйти от настоящего, поскольку на них сильно давила советская идеология. И когда я об этом читаю, то думаю, как же мне повезло. Моему поколению не нужно было скрываться от эпохи, потому что она шла навстречу нашему развитию и не пыталась загнать нас в какие-то рамки. Конец 80-х годов – это полное крушение всего большевистского строя, чему я был очень рад, потому что давно уже, как сказал раньше, внутренне отвернулся от советского пути. Уходить в иллюзии прошлого мне тоже никогда не хотелось,

---

⁸ Глафира Николаевна Балашова – иранист, сотрудник Пянджикентского отдела Государственного Эрмитажа.

⁹ Василий Васильевич Струве (1889–1965) – историк Древнего Востока, египтолог и шумеролог.

и симпатичнее всех эпох мне всегда было то время, в которое я живу. Поэтому я поступал в университет, ведомый исключительно своим исследовательским интересом и ничем больше. При этом у меня никогда не было амбиций объяснителя мироустройства, как не было и амбиций энциклопедиста. Я просто думаю над проблемой, которая волнует лично меня, и хочу ее решить. И к моменту поступления в университет такая проблема у меня была: как появится литература? Возникла она примерно в 10-летнем возрасте. И на пути к ее решению я сменил множество самых разных объектов исследования.

Но вначале была вторая удивительная встреча. Зимой 1983 г. я увидел по телевизору, как чествуют литературоведа и писателя Виктора Борисовича Шкловского¹⁰, которому исполнилось 90 лет. Во мне возникло невероятное желание поговорить со Шкловским. Что это было? Не знаю. Чисто интуитивный порыв. У меня это бывало неоднократно. Вдруг представляю себе, что сейчас не могу жить без разговора с этим человеком. И мчусь на встречу, уговариваю свиту, пересекаю все препятствия. И вот 15 июля 1984 года я примчался в Переделкино, нашел квартиру Шкловского в двухэтажном доме писателей, переполошил его домашних своим визитом, и к вечеру состоялась наша встреча. Дальше цитирую по своему дневнику:

«Встреча длилась с пяти до шести часов вечера. Переделкино, улица Зеленый тупик. В.Б. внесли на руках Николай Панченко и Елизар Мальцев, потом вошла Варвара Викторовна, дочь. Усадили в кресло, дали в руку палку, слева сел спаниель. Приветствия и прощания опускаю. В.Б. говорил полупшепотом, многое переводили с губ.

– Сколько Вам лет?

– Пятнадцать.

– И откуда Вы?

– Из Ленинграда.

– Я тоже ленинградец... петербуржец... на том месте, где я родился, теперь метро "Площадь Восстания". Там еще церковь

---

¹⁰ Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – один из основателей формального метода в литературоведении, политический деятель 1910-х годов, писатель.

была... Я учился в университете, но не кончил... Там удивительные люди были. Шилейко, специалист по сумироакатскому языку. Он читал Гильгамеша, самую старую повесть в истории.

– Я читал. Это эпос.

– Это повесть, потому что там рассказывается о путешествии на плоту за новой жизнью. И герой меняется много раз...

– А там написано, что на лодке.

– Может быть. Но это только там на лодке, а вообще в новую жизнь отправляются на плоту.

– А почему Вы не окончили?

– Видите ли... тогда ... как и сейчас... было мало людей, умеющих думать заново, с чистого листа.

– Я хочу спросить. Вы много изучали Толстого. Нам в школе говорят, что он неприязненно относился к революции, а Ленин назвал его зеркалом русской революции. Как же на самом деле?

– Толстой знал, что революция – это не то, что может быть, а то, чего не может не быть. Он был мудрый человек и далеко видел... А Вы куда хотите поступать после школы?

– В университет. Хочу быть историком или филологом.

– А Вы Хлебникова читали?

– Нет.

– А кого из современных поэтов любите?

– Высоцкого.

– (улыбнулся и сказал что-то неразборчивое)... А я теперь только диктую... (показал на стопку кассет в углу)... Подарю... (достаёт "О теории прозы", надписывает, но почерка нет, видна лишь цифра 91 и вроде бы читается мое имя). Я желаю Вам и Ленинграду всего наилучшего. А как Вы узнали обо мне?

– По телевизору шли Ваши фильмы. А потом я стал читать книгу о Толстом.

Он кивнул и улыбнулся. Беседа шла в замедленном темпе. В.Б. говорил, иногда было понятно, иногда переводили. Молодыми в нем были только глаза».

В подаренной мне книге было несколько абзацев о Высоцком, которые продвинули мою мысль дальше. Кроме того, в ней было несколько абзацев о Гильгамеше, и я даже не представлял, насколько они впоследствии мне пригодятся. В разговоре было

упомянуто имя Шилейко и неведомый мне «сумироакатский» язык, который скоро станет моим главным делом. В общем, эта короткая встреча стала второй узловой встречей для всего, что произошло со мной потом.

Что же говорил Шкловский о Высоцком?

«Гамлета играл Владимир Высоцкий, которого по-разному, но внимательно любила Москва.

Можно сказать, что стихи Высоцкого часто говорят про жизнь «нет». В мире они поются так, что читатель или слушатель, как читатель великого нашего писателя, полузабытого Зощенко, понимал, что ему нужно вырасти и душевно переодеться».

«Не надо сердиться на людей, которые поют странные песни Высоцкого. Надо включить в эту музыку звук косы и сабли и ржанье лошадей.

Надо сказать людям – поэзия не суживает, а расширяет жизнь; и жизнь в быстром своем беге, своем напряжении сама очищает себя».

«Мы не всегда понимаем, что мы любим.

Актер, которого любят люди, зрители и незрители, может быть, слушатели, а может быть, просто современники, играл роль Гамлета, мудрого, главного человека, носителя мудрости трагедии. Он играл в очень незаметном костюме, он играл на ненарядной гитаре, играл просто, сидя на полу сцены. Но он был любим всеми, он был всеми замечен, потому что это был человек «не на своем месте». Это и есть герой»¹¹.

Шкловский здесь говорит очень неожиданные вещи, неожиданные особенно для литературоведа. Но они совпали с тем, как я сам еще до прихода к Шкловскому чувствовал песни Высоцкого. Автор и слушатель связаны друг с другом. Автор является не тем, кого ждали для того, чтобы понять. Чтобы его понять, нужно измениться самому слушателю. Автор расширяет жизнь, а слушатель душевно переодевается. Он переодевается, потому что прежняя одежда души ему не по размеру после того, что он услышал. В песнях автора обязательно есть звуки жизни, его голос и гитара изо-

---

¹¹ Шкловский Виктор. О теории прозы. М., 1983. Цит. по электронному изданию: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prose1983.htm>.

бражают сцены боя, войну как таковую. Автор – человек не на своем месте, а на месте всех, о ком поет. Он поет обо всех и в песнях страдает за всех. А это значит, что он и есть герой. И вот я думал над этими глубочайшими фразами Шкловского и пришел к выводу, что песни Высоцкого это не лирика, а эпос, причем функцией этого эпоса является мистерия преобразования личности слушателей. Автор говорит многими голосами, он говорит из разных времен, и больше всего его волнует сама ситуация конфликта, которая происходит одновременно и внутри персонажа, и вовне его. У меня быстро стал рождаться замысел, который воплотился в олимпиадное сочинение «Эхо войны в поэзии Высоцкого». Не буду писать, каким образом я доставал фотокопии черновиков всех военных стихов и песен из архива ЦГАЛИ, потому что это было дело подпольное. Но в моем распоряжении скоро оказалось все, что было написано Высоцким по поводу войны, и со всеми вариантами. Разумеется, моя работа заняла первое олимпиадное место по стране, а дело было в мае 1985 года, в канун 40-летия Победы, и диплом мне вручал во Дворце пионеров знаменитый блокадный журналист Лазарь Маграчев, соратник Ольги Берггольц.

Однако меня волновала отнюдь не моя победа, а совершенное открытие. Высоцкий как эпический поэт. Это значит – такой же, как Гомер, Вергилий. И муза Высоцкого-песенника на самом деле намного старше письменной литературы. Но при этом есть и стихи Высоцкого, преимущественно как раз лирические, которые вполне укладываются в литературные каноны. Значит, в одном человеке уместились две эпохи развития литературы. И поэзия песенная, эпическая, старше поэзии письменной¹². Так я пришел к своему основному вопросу: когда же появляется литература? И из чего она появляется? Одного Высоцкого для ответа было недостаточно. Нужно идти к истокам литературы как таковой.

И вот дальше произошла удивительная история, поучительная для источниковедов. Я начал устраивать объектам будущего исследования своего рода кастинг на соответствие одному-единственному правилу – быть записанными приблизительно то-

---

¹² Следы этой работы (увы, пропавшей в недрах олимпиадных комиссий, поскольку я не сделал с нее копию) отчасти присутствуют в статье «Мифологема льда в поэзии Высоцкого». URL: <http://lebed.com/2001/art2402.htm>.

гда же, когда их сочинили. Первой отсеклась Африка. Все фольклорные произведения этого континента записаны западными этнографами и не знают датировки, а эфиопская рукописная литература начинается уже как христианская и почти не имеет следов древности. Дальше я стал интересоваться классической филологией, но и тут меня ждало разочарование: оказывается, греческие источники известны нам преимущественно в средневековых списках. А если взять еврейскую Библию? Тоже плохо. Древнейший кодекс Библии датируется только X веком нашей эры. А между тем говорится, что Библия составлена чуть ли не в конце II тыс. до н. э. Можно ли верить этой датировке? Ведь прошло так много времени, что в текст могли намешать сочинений любой поздней эпохи. Арабская литература показалась мне наиболее привлекательной, потому что ее произведения, даже самые древние, были записаны максимум через 150–200 лет с момента их создания. Я понял, что мне нужно изучать доисламскую поэзию. И решил поступать на арабскую филологию.

III

Теперь я думаю, что не мог бы принять более верного решения. Целый год я ходил заниматься на малый Восточный факультет, где читали лекции ученики Анны Аркадьевны Долиной¹³. Параллельно писал второе олимпиадное сочинение, в котором реконструировал спектакль Театра на Таганке «Жизнь Галилея» и сопоставил его с вариантами пьесы Брехта. Это были очень важные оттенки опыта. Занимаясь на малом факультете, я читывал литературу по арабистике и по теории литературы. Работая над сочинением, я сидел в ленинградской Театральной библиотеке и читал десятки рецензий на любимовский спектакль, а потом нашел и фонограмму спектакля в архиве Театрального музея имени Бахрушина. Понятно, что при такой работе пришлось читать множество книг по истории и теории театра. За это сочинение я тоже получил первое место, и вручала мне диплом выдающийся театровед Наталья Ильинична Вайнберг. Но мне предварительно поставили одно условие: не упоминать в сочинении имя Любимо-

---

¹³ Анна Аркадьевна Долинина (род. 1923) – арабист-филолог, переводчик доисламской поэзии.

ва¹⁴, который тогда был лишен гражданства. Вот такой фарс! Написал работу о спектакле, но из сочинения вымарали имя режиссера.

Осенью 1986 г. я поступил на отделение арабской филологии. Тогда давали один дополнительный балл за олимпиады и один балл за окончание малого факультета. У меня были оба балла, я легко прошел. Но между экзаменами и поступлением, в самом конце августа, состоялась третья удивительная встреча, раскрывшая мне главную точку приложения моих сил в науке. Я случайно встретился с шумерологом Анатолием Георгиевичем Кифишиным¹⁵. Кифишин окончил отделение ассириологии в Ленинградском университете, но жил в Москве. Я видел его не больше 20 минут, но за эти 20 минут он успел мне объяснить, что основой культурной жизни Востока был ритуал, и что только через клинописные тексты можно понять, откуда вышла древнейшая литература. Арабская словесность слишком позднее явление и потому не будет хорошим объектом для решения этой проблемы. Мое состояние после этой встречи лучше всего передать словом «Эврика!» Все определилось. Наконец, я нашел абсолютно твердую точку приложения своих сил и свое место в жизни. Я понял это абсолютно ясно, и дальше оставалось только освоить клинопись.

Тем не менее, поступил-то я на арабскую филологию, а набор на ассириологию был только раз в пять лет и в тот год его не объявляли. Нужно было обживать в мире арабистики. И здесь начались большие трудности. Во-первых, оказалось, что у меня при полном отсутствии способностей к рисованию отсутствует и способность к копированию арабского алфавита. Мне стоило огромных усилий освоить написание всех вариантов арабской буквы и сливать все буквы в красивую вязь. Во-вторых, оказалось, что я имею очень плохие способности к разговорному языку. Фонетика поставлена прекрасно, говорю отлично, но с трудом понимаю быструю чужую речь: сказала медлительность моего ума. Кро-

---

¹⁴ Юрий Петрович Любимов (1917–2014) – основатель и главный режиссер (1964–2011) Московского театра драмы и комедии на Таганке. В 1984–88 гг. был лишен советского гражданства.

¹⁵ Анатолий Георгиевич Кифишин (род. 1935) – ассириолог, шумеролог, автор статей по географическим представлениям шумеров, по эстетике и ритуалам древней Месопотамии.

ме того, я плохо переношу жару, и длительное пребывание в арабском мире мне точно не грозит. Довольно быстро пришло осознание, что практическим востоковедом мне не быть никогда. Но я и не хотел. Меня постоянно звала проблема, из-за которой я и поступил в университет.

При распределении студентов по руководителям курсовых я сразу попал к Долининой, записался к ней еще и в кружок по художественному переводу. Я захотел писать курсовую по композиции касыды. Она обрадовалась такому желанию, потому что сама всю жизнь занималась доисламской поэзией. И Анна Аркадьевна принесла мне книгу, которая открыла моим первым робким шагам в науке более широкий путь. Это была англоязычная монография иракского литературоведа Инада Исмаила об истории касыды¹⁶. И во второй ее главе было дано сравнение древнеарабской поэзии с ассиро-вавилонской. Исмаил пишет, что начинать нужно оттуда. Он предполагает, что касыда, как и более древние сочинения семитских народов, была связана с обрядовыми текстами, и без изучения арабских обычаев ее сюжеты понять нельзя.

Я понял, что слова Кифишина совпали с мнением Исмаила: в основе литературы лежит ритуал! А когда двое ученых приходят к одним и тем же выводам, то стоит прислушаться. Тем более, что мне не терпелось начать изучать клинопись. Но прежде я решил прочитать все, что найду по истории шумеро-аккадской литературы. И оказалось, что только она и может пройти мой первоначальный кастинг: многие клинописные тексты (например, царские надписи) записывались тогда же, когда и создавались. Хотя, как я узнал уже впоследствии, очень большое число именно литературных текстов могло быть записано через много сотен лет после своего составления. Однако тогда я этого не знал, и самое главное – глубже спускаться было некуда, следовало остановиться здесь.

Знаки поначалу не давались совсем. Я мог их найти в тексте, но не мог нарисовать. Глагольные парадигмы шли с величайшим скрипом. Тем не менее, мне удалось самостоятельно выучить 100 простейших клинописных знаков и даже прочесть первые пять

---

¹⁶ Inad Ghazwan Ismail. *The Arabic Qasida: Its Origin, Characteristics, and Development to the End of the Umayyad Period*. Baghdad, al-Zahra' Press, 1978. В виде диссертации см. http://etheses.dur.ac.uk/8121/1/8121_5121.PDF?UkUDh:CyT.

строк надписи Синаххериба, которую читают в начале 1 курса. С таким багажом уже можно было становиться вольнослушателем на отделении ассириологии, тем более что первый курс набрали сразу на следующий год после моего поступления.

А потом была армия. Правда, всего год вместо двух. Во время службы в Петрозаводске я поддерживал свои знания аккадского и арабского языков. Учил сослуживцев-сержантов из Средней Азии Корану и арабским буквам, готовил начальство в военные академии по истории и обществоведению. За это получал увольнительные и ходил в библиотеку местного университета, где брал учебные пособия по восточным языкам. Между служебными делами переводил вавилонский диалог господина и раба и потихоньку писал сочинение, которое назвал «Господин и Раб как Воля и Рассудок: к разгадке вавилонского диалога». Уже через год это сочинение стало моей курсовой работой 3 курса, которую я представил на отделении ассириологии¹⁷.

Получив известие о скорой демобилизации, я твердо решил переводиться на отделение ассириологии кафедры истории древнего Востока. А это означало, что я перевожусь с филологического отделения на историческое, и мне следует сдать академическую разницу за два года по всем предметам. Набиралось 12 экзаменов и 4 зачета, на все мне дали полтора месяца. Ну что же, надо так надо! Было только две четверки, перевели.

Когда же я попал на кафедру истории древнего Востока, то некоторое время очень удивлялся. Привыкнув к кафедральной библиотеке, ко множеству преподавателей арабской кафедры и к высокой культуре филологического мышления профессоров-арабистов, я оказался на кафедре без помещения, всего с двумя преподавателями и с полным безразличием этих преподавателей к курсовым работам студентов. Занятия вели специалисты по экономике южной Месопотамии в Старовавилонский период¹⁸. Но я

---

¹⁷ *Емельянов В.В.* Предфилософская мысль древней Месопотамии (аспект воли и рассудка) // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. К 75-летию профессора М.Я. Корнеева. СПбГУ; 2002. С. 151–191. В дополненном виде: *Емельянов В.В.* Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003. С. 179–194.

¹⁸ Ростислав Антонович Грибов (1933–2001) – ассириолог, специалист по социально-экономической и военно-политической истории города Мари в Ста-

то хотел заниматься литературой, и даже больше – рассчитывал заниматься ритуалами древнего Ирака. Что делать? Выяснилось, что Игорь Михайлович Дьяконов¹⁹ ведет занятия для аспирантов в кабинете древневосточной филологии в Институте востоковедения...

IV

Игорь Михайлович Дьяконов. Четвертая удивительная встреча.

Поначалу я воспринимал его на фоне Гумилева²⁰ и как антитезу Гумилеву. А дело было так. 1986 год. Я прихожу на первый курс Восточного факультета, и месяца через полтора на доске с расписанием вижу два объявления. Первое: состоится диспут проф. географического факультета Л.Н. Гумилева с д.ф.н., сотрудником Института востоковедения Л.Н. Меньшиковым²¹, проф. Восточного факультета А.Д. Желтяковым²² и проф. В.Н. Гореглядом²³ о закономерностях исторического процесса. Второе объявление: в Доме ученых состоится публичная лекция проф. Гумилева о пассионарности. Никогда не забуду ни первого, ни второго высокого собрания.

На факультетском диспуте Гумилев раздел себя сам. Он буквально бравировал своим невежеством. И сказал он тогда дословно следующее: «Из всех языков я знаю только французский и немного фарси, и то писать по-французски не могу, потому что не помню, как там эти аксаны ставятся. Считаю, что можно быть специалистом по истории тюркских народов и без знания тюркских языков. Достаточно знать археологию и читать тома немецкой "Всемирной истории"». Минут двадцать он говорил про связь этнических

ровавилонский период. Сергей Георгиевич Кошурников (1960–2002) – ассириолог, специалист по экономике города Дильбата в Старовавилонский период.

¹⁹ Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999) – ассириолог, специалист по социально-экономической истории и языкам древнего Ближнего Востока, переводчик аккадской и древнееврейской литературы.

²⁰ Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) – историк и этнограф, автор монографий по истории кочевых народов Востока.

²¹ Лев Николаевич Меньшиков (1926–2005) – историк, филолог и переводчик китайской литературы.

²² Анатолий Дмитриевич Желтяков (1925–1989) – историк Турции.

²³ Владислав Никанорович Горегляд (1932–2002) – историк, филолог и переводчик японской литературы.

перемещений с пассионарностью. Потом полтора часа каждый его довод разбивали наши профессора. Ушел он совершенно побитый. Мы же, студенты-первокурсники, усвоили первый урок: для того, чтобы рассуждать об общем, нужно знать частности, а чтобы их знать – необходимо читать тексты в подлиннике.

На публичной лекции в Доме ученых яблоку негде было упасть. Телевидение, фотографии, газеты. Как раз тогда, осенью 86-го, официально был разрешен Н.С. Гумилев. Поэтому праздновали не столько публичное выступление сына, сколько возвращение отца из официального небытия. Лев Николаевич был наделен превосходным чувством юмора, он постоянно острил, перебегал памятью то к стихам и путешествиям отца, то к стихам матери, и все это в смеси с пассионарностью, с подходом к каким-то самодельным картам пассионарных волн... Народ в зале не помещался, радиотрансляция шла до выхода из здания. На лестнице сидели студенты, которые пытались конспектировать каждое слово. Тогда я понял, что Лев Гумилев – фигура публичная и популярная, и что сказанное им быстро распространяется в молодежной среде.

Некоторые студенты стали после той лекции бегать на его занятия на географический факультет. Он пускал всех. Помню, что с ним было очень просто. Он интересно рассказывал, объяснял проблемы трехсотлетней истории за пять минут, читал стихи, вспоминал анекдоты 20-х годов. Лекции были живые и веселые, а сам он – милый, обаятельный человек, желающий нравиться, актер в душе и поэт в мысли, – чрезвычайно врезался в память и слух (может, еще и потому, что обаятельно не выговаривал некоторые звуки).

А в ноябре все того же 86-го года на факультете появилось еще одно объявление: в Институте востоковедения состоится публичная лекция И.М. Дьяконова об ассирийском эпосе. Тогда в Институте работал прекрасный лекторий, каждый месяц выступали крупнейшие востоковеды, многие слушатели приходили с магнитофонами, и некоторые выступления удалось записать. Так вот, Дьяконов, каким я его увидел тогда, носил очки, курил, был сухой и костистый, взгляд его был презрителен и насмешлив. К такому лектору не очень-то подойдешь. Юмора на его лекции не было совсем. Но была какая-то – замеченная всеми – озабоченность истинностью произносимых им слов, сомнение, многоточие в конце

предложений. Суждение о датировке шестой таблицы эпоса о Гильгамеше далось ему с величайшим трудом. Сперва он стал говорить о новоассирийских копиях и вроде бы собирался датировать эту часть эпоса эпохой Ашшурбанапала. Но потом он заговорил о трех фрагментах из Ашшура. Два из них он видел и вполне возможно, что они написаны в конце II тысячелетия. А третий он не видел, только знает о его существовании. Поэтому лучше он вообще пока ничего о датировке говорить не будет. Потом Дьяконов стал читать отрывки из своего перевода. Читал с ручкой в руках. Прочтет несколько строк, остановится, что-то в книжке поправит – и снова читает. Чувствовалось, что напечатанное мало ему нравится на слух, и он на ходу переделывал перевод, проверяя звучание на аудитории. В перерыве этой двухчастной лекции Дьяконов много курил. Он стоял совершенно один на лестнице перед Зеленым залом. Вокруг него вроде бы существовали слушатели, но они не смели приближаться к нему на расстояние нескольких шагов. И так он стоял, курил, думал, и воплощал собою совершенное одиночество и непубличность. Это был первый раз, когда я видел его, не подозревая, сколько еще будет встреч. Но уже тогда во мне возникла эта самая антитеза двух лекторов, двух личностей в науке – Дьяконов и Гумилев, Гумилев и Дьяконов.

Гумилев работал на географическом факультете, а вот Дьяконова до конца 80-х годов в университет не пускали. Потом решили прочесть две публичных лекции по библеистике на филфаке (две прочел он, а еще две К.Б. Старкова²⁴). На кафедре истории стран Древнего Востока он не работал никогда. Учил аспирантов и всех желающих на бесплатных семинарах у себя в кабинете. И вот в 1989 г. наша студенческая группа присоединилась к одному такому семинару. Мы прочли под руководством Дьяконова²⁵ несколько важнейших текстов на аккадском и шумерском языках: I и VI таблицы аккадского эпоса о Гильгамеше, шумерскую эпическую песнь «Бильгамес и Хувава» и конусы царя Урукagina. Занятия с Дьяконовым были и филологической, и исто-

---

²⁴ Клавдия Борисовна Старкова (1915–2000) – семитолог, специалист по кумранским рукописям.

²⁵ В занятиях по шумерским текстам принимала участие шумеролог-лингвист Ирина Трофимовна Канева (род. 1935).

рической школой ассириологии. На них можно было много узнать о языке и социальной истории. Однако Дьяконов ничего не говорил о религии и тем более о ритуалах. Он почему-то связывал любую религию с собственным атеизмом (словно боялся, что его перевербуют в верующие), и потому не хотел думать даже о древних верованиях народов Востока.

Однако на четвертом курсе начались такие предметы, которые стояли довольно близко к интересовавшей меня теме. Прежде всего, это спецкурс Владимира Ароновича Якобсона²⁶ по законам Хаммурапи, три первые лекции которого отводились именно мировоззренческим вопросам и политической идеологии. Кроме того, в курсе лекций Вероники Константиновны Афанасьевой²⁷ по истории шумеро-аккадской литературы мы тоже получали немало информации по древним верованиям. Помимо этого, я нашел и прочитал книгу Игоря Сергеевича Клочкова²⁸ «Духовная культура Вавилонии»²⁹. Но речь в ней была преимущественно об этике. А мне хотелось информации о ритуалах.

И тут обо мне вспомнил Анатолий Георгиевич Кифишин. Он затеял издание многотомного труда под названием «Русский народный календарь. Антология первоисточников в 4-х томах». Задумка была оригинальная. Он решил сопоставить каждому славянскому празднику аналогичные праздники всех народов древнего мира. Получалась как бы энциклопедия календаря (а такой книги до сих пор нет нигде в мире!). Но каждый том состоял не только из статей, но и из переведенных древних текстов. Кифишин задействовал лучших московских специалистов (и в том числе Вадима Леонидовича Цымбурского³⁰, который перевел для

---

²⁶ Владимир Аронович Якобсон (1930–2015) – ассириолог, специалист по клинописному праву и дипломатическим отношениям на древнем Ближнем Востоке.

²⁷ Вероника Константиновна Афанасьева (род. 1933) – ассириолог, шумеролог, специалист по литературе и искусству Шумера, переводчик художественной литературы с шумерского и аккадского языков.

²⁸ Игорь Сергеевич Клочков (1944–2014) – ассириолог, специалист по аккадской литературе, переводчик художественной литературы с аккадского языка.

²⁹ Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983.

³⁰ Вадим Леонидович Цымбурский (1957–2009) – антиковед, хеттолог, специалист по италийским языкам, историк архаической Греции, впоследствии также политолог и историсоф.

этого издания трактат Цензорина о календаре, но впоследствии отдал его в «Вестник древней истории» из-за какого-то конфликта с составителем антологии)³¹. Мне, студенту третьего курса, Кифишин поручил перевод VI таблицы эпоса о Гильгамеше, который он предполагал разместить в первом томе, где говорилось о весенних праздниках и о священном браке. Я целый год корпел над переводом и комментарием (это параллельно с курсовой работой 4 курса, о которой скажу дальше). Ранее было сказано, что шестая таблица была прочитана мною в семинаре у Дьяконова, и потому она не была для меня новым текстом. Новым было само задание – сделать подстрочный перевод и комментарий к каждой строчке.

По прошествии года произошла история, которой я сам от себя не ожидал. Я отдал Кифишину текст перевода и комментария, но при этом сказал ему, что сомневаюсь в правильности расположения этой таблицы в весеннем томе антологии. Он спросил, почему. Я ответил, что в шестой таблице Гильгамеш отказывается от священного брака. А отказ от священного брака это мифологема, которая находится в оппозиции к самому священному браку. Отказ не может быть весенним событием. Скорее всего, он осенний, когда уже «нивы сжаты, рощи голы»³². Анатолий Георгиевич не терпел, чтобы с ним спорили. Мы расстались. Антология так и не вышла. Была возможность, были связи, но она не состоялась. И причина этого хорошо мне понятна: нельзя механически сопоставлять праздники древнего Ближнего Востока со славянскими и античными, как он делал. Нельзя насиловать исторические факты и логику. В этих регионах разный режим сельскохозяйственных работ, разлива рек и много чего еще. Хотя типологическое сходство некоторых праздников Ближнего Востока и славянского ми-

---

³¹ Цымбурский В.Л. Книга Цензорина и ее значение для истории античной культуры // Вестник древней истории 2 (1986). С. 221–230; *Цензорин*. Книга о дне рождения // Вестник древней истории 2 (1986). С. 230–237; Вестник древней истории 3 (1986). С. 224–237.

³² Так и оказалось. VI таблица эпоса соответствует VI месяцу Ниппурского календаря (август – сентябрь), который посвящен омовениям статуй Иштар в Реке священных ордалий. Это время очищения, в которое невозможны брачные отношения. Но об этом я узнал намного позже.

ра, обнаруженное еще Проппом³³ в «Русских аграрных праздниках»³⁴, заслуживает серьезного внимания.

V

С Кифишиным мы расстались. Никто из ленинградских коллег не мог помочь мне с изучением ритуалов. Но помогли книги. В восточном отделе Публичной библиотеки (ныне ОЛСАА РНБ) труды европейских ассириологов по ритуалам вавилонян и ассирийцев лежали с неразрезанными страницами³⁵. Я погрузился в каталоги этой библиотеки и скоро открыл для себя новый, таинственный мир. И теперь могу сказать, что я довольно рано ощутил свое преимущество перед множеством исследователей, занимавшихся одним предметом со мной. Это преимущество заключается в том, что я стал читать ассириологов XIX века, которых все последующие поколения забыли. В их работах я нашел перспективные идеи, которые стал развивать на новом, неведомом им материале. Существует стандартная обойма авторов, писавших примерно с 1930-х годов, которых знают современные ассириологи. Но тех, кто писал до Первой мировой, уже не знают совершенно. И авторов 1920-х годов тоже пропускают мимо внимания. А зря. Это были люди философски образованные и еще не испорченные специализацией. Они одинаково хорошо читали и по-аккадски, и по-сирийски, и по-арабски, и по-гречески, чего потом не случилось. Поэтому для них культура Ближнего Востока была целостной во всех своих проявлениях, именах и мифах от древности до позднего средневековья. Я понял, что нужно идти за ними. И та-

---

³³ Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970) – фольклорист, литературовед, автор формально-типологического анализа волшебной сказки и русских аграрных праздников.

³⁴ *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.

³⁵ *Campbell Thompson R.* Semitic Magic: Its Origins and Development. London, 1908; *Sayce A.* Babylonian Literature. London, 1877; *Zimmern H.* Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Leipzig, 1896–1901; *King L.W.* The Seven Tablets of Creation, or The Babylonian and Assyrian Legends concerning the Creation of the World and of Mankind. London, 1902; *Landsberger B.* Der kultische Kalender der Babylonier und Assyrer: I. Die altbabylonischen Lokalkalender. Leipzig, 1915; *Langdon S.* Babylonian Menologies and the Semitic Calendars. The Schweich lectures – 1933. London, 1935; *Thureau-Dangin F.* Rituels Accadiens. Paris, 1921; *Zimmern H.* Das babylonische Neujahrsfest. Leipzig, 1925.

кой путь оказался перспективным. В работах ученых старой школы оказался ключ к пониманию ритуала как символического поведения, выстроенного в определенном порядке. В их монографиях я обнаружил и текстологический анализ литературных текстов, выявляющий совпадение их формул с формулами ритуальных текстов. Теперь сомнения быть не могло: ритуалом является не только обряд как совокупность слова и действия, но и любой порядок расположения символов в пространстве и во времени.

После чтения классиков ассириологии XIX века мне открылось то, чего я раньше не замечал. В любой царской надписи существует порядок расположения формул не только от начала к концу, но и от верха к низу. Вверху располагается имя бога или его эпитеты, в серединной части – имя правителя, его должность и город, затем сообщается о построенном или посвященном объекте, а в самом конце стоит глагол действия. Нередко надпись заканчивается формулой проклятия. Ровно так же обстоит дело в клинописном заговоре: вверху всегда имя бога или священного предмета, затем идет сообщение о некоем происшествии, еще ниже – рецепт по устранению последствий этого происшествия, и в самом конце – проклятие демонов и их удаление от тела человека. Письменные тексты также являются ритуалами. И в любом литературном тексте, помимо его ритуальной композиции, можно увидеть следы обряда как действенного ритуала.

И вот когда мне пригодилась моя память на даты и праздники, вот когда стал актуален «Синичкин календарь»! Читая клинописные тексты, я всегда отмечал для себя все датировки событий и все случаи, когда текст привязан к определенному обряду. Оказалось, что литература, как и театр, родилась из ритуала. Дальше я начал разбираться с тем, чем обусловлен сам ритуал. И довольно быстро увидел, что ритуал существует не сам по себе, а в связи со временем, когда он проводится. Затем я установил такую же связь и для древней литературы. Она тоже невозможна без ритуального времени. А это ритуальное время связано с культовым календарем. Значит, нужно изучить сам этот календарь – и каждый месяц в отдельности, и все месяцы как единую систему.

Но вначале была вода. Я уже говорил, что мое мышление интуитивно. Иногда я не понимаю до конца, почему меня влечет

именно этот предмет. А потом приходит разгадка. Так вот, меня поманила вода в клинописных текстах³⁶. Трудно представить себе более расплывчатую тему. Однако я заявил своим преподавателям-историкам, что буду заниматься именно водой. Сперва меня интересовала мифологема двух источников, которая встречается во всей ближневосточной литературе – шумерской, вавилонской, угаритской, арабской. Один источник соленый, другой пресный, они либо сливаются, либо разделены, и их состояние характеризует состояние мироздания в целом. Написал курсовую на эту тему. В.К. Афанасьева была формальным руководителем, но на самом деле только недоуменно качала головой, потому что я ее озадачил самим предметом исследования. Она сказала мне, что следующий год у меня дипломный, и лучше всего взять какие-нибудь нечитанные тексты, сделать их транслитерацию, перевод и исторический анализ. Я кивнул головой и задумался.

Как всегда, помог случай. Просматривая издание религиозных текстов из Йельского университета, я наткнулся на автографии заговоров на освящение воды в храме. Так это же то, что мне нужно! И вода, и непрочитанные тексты. Собирать эти заговоры по разным изданиям было делом не из легких. Я набрал их больше 20 и сел за чтение клинописи. А надо сказать, что эти заговоры записаны преимущественно старовавилонским курсивом, в котором три разных знака LI, ŠAi TA иногда пишутся как один. Очень трудное для глаз и для понимания письмо! Параллельно я читал автографию новоассирийского ритуала на освящение воды, в котором произносились эти заговоры. Через год мне удалось соединить вербальную и актуальную части одного ритуала. Так я когда-то соединил пьесу Брехта, рецензии на спектакль Таганки и аудиозапись спектакля в одном исследовании. Здесь было очень похоже. Руководитель была довольна тем, что получилось, оппонентом моего диплома стала шумеролог-лингвист Ирина Трофимовна Канева, и защита работы под названием «Заклинание как часть шумерского обряда освящения воды»³⁷ прошла успешно.

---

³⁶ Емельянов В.В. Водное пространство месопотамского ритуала // Радловские чтения-2006: тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 13–16.

³⁷ Емельянов В.В. Шумерские заклинания консекрации в связи с пониманием святости у шумеров // Палестинский сборник. 1998. № 35. С. 39–60.

Через несколько месяцев после того, как я окончил университет, открылось издательство «Петербургское востоковедение»³⁸. Это была редкая удача. Молодой востоковед, конечно, не знает, куда примут и примут ли вообще его первые аспирантские публикации. Мне же никогда не приходилось об этом думать, потому что и статьи, и книги петербургских востоковедов с радостью брали в издательский план. Взяли и мою первую статью³⁹. Я еще не знал, что мне предстоит сделать с «Петербургским востоковедением» четыре монографии и с десяток статей. Но зато уже знал, что меня включили в список молодых и перспективных востоковедов, которым издатели раз в месяц платили стипендию, поощряя их труд в науке. Можно ли думать о моих покровителях (а впоследствии друзьях) без чувства глубокой благодарности!

Что же дальше? Дальше был интерес Дьяконова к моей работе и разговор с ним о перспективах. Хотя нет. Еще раньше включился мой внутренний критик и сообщил мне, что из заговоров на освящение воды я не смогу сделать диссертацию, потому что слишком мало материала. Кроме того, он мне сказал, что я до сих пор не понял главного – когда именно в календаре проводился этот ритуал. И пока я этого не пойму через какие-то другие тексты – лучше мне не продолжать эту тему. Наконец, он сообщил мне, что я рано радуюсь своему внешнему успеху. Ведь никто из моих старших коллег не является специалистом по шумерским заговорам, и потому я не могу быть уверен в том, что я вообще прочел и понял тексты правильно. Тогда я, вняв его голосу, перевел свой диплом на английский и послал его издателю шумерских заговорных текстов Яну ван Дейку⁴⁰ в Амстердам. Через несколько месяцев пришло долгожданное письмо Ван Дейка с поправками к моим транслитерациям, с новой литературой и с двумя экземплярами его ста-

---

³⁸ Руководителями издательства «Петербургское востоковедение» являются китаист Игорь Александрович Алимов (1964) и филолог-русист Ольга Ивановна Трофимова. Все работы петербургских ассириологов, написанные на русском языке, с 1992 г. выходили только в этом издательстве.

³⁹ *Емельянов В.В.* Шумерская литургия водосвятия по фрагментам ассирийского ритуала *mišri* (СТ XVII 38–41) // *Петербургское востоковедение*. 1993. № 4. С. 247–264.

⁴⁰ Ян Ван Дейк (1915–1996) – шумеролог, религиовед, издатель литературных и религиозных текстов на шумерском языке.

тьи «Шумерская религия»⁴¹. Один был предназначен для меня, а второй для Дьяконова, и на этом втором была хулиганская надпись: «Профессор Дьяконов! Имейте в виду, что шумеры умели не только считать баранов!».

Вот и появился повод поехать домой к Дьяконову. Я отвез ему экземпляр статьи Ван Дейка, он прочел надпись и воскликнул: «Что с него взять! Он же монах!» После этого разговор пошел о моей работе. Но я уже получил одобрение от крупнейшего знатока прочитанных мною текстов. Ошибок в моих чтениях было немного, правильных переводов, наоборот, достаточно, мой анализ композиции Ван Дейк принял полностью, и теперь мною овладело некоторое даже равнодушие к тому, что скажет по поводу моего диплома Дьяконов. Он же попросил меня... научить его читать шумерские заговоры. Оказывается, он никогда с ними не работал. Мне было забавно оказаться в положении мэтра. И я стал показывать Игорю Михайловичу, как читать эти тексты. Он был человек, любопытный ко всему новому. К тому же, в последнее десятилетие жизни его интересовала... скажем так, не религия, а социальная психология, частью которой он считал верования людей. Прежний атеизм куда-то отступал. Можно сказать, что мне повезло встретить на своем пути именно такого Дьяконова. Еще лет за десять до этого его интерес к моей теме был бы просто невозможен. Значит, невозможно было бы и наше общение на темы религии, заговоров и ритуалов.

В следующий мой приезд Игорь Михайлович усадил меня напротив стола, за которым сидел он сам. Положение под столом занял полноватый кот. Но там ему было холодно. Кот сперва жался, мялся под столом, потом посидел под креслом, и, наконец, прыгнул на колени к Игорю Михайловичу. Дальнейший наш разговор проходил под приятное мурлыканье. Дьяконов спросил меня, что же я понял из содержания прочитанных заговоров. Понятно, как их читать. Понятно, как они устроены. А каково их социально-историческое или социально-психологическое содержание? Я ответил, что из заговоров становится понятна вполне определенная ситуация. Человек постоянно подвергается атакам злых сил. На

---

⁴¹ *Van Dijk J.J.A. Sumerische Religion / Handbuch der Religionsgeschichte, Bd. 1. Göttingen, 1971. S. 431–496.*

его стороне находятся всего два духа-хранителя (шеду и ламассу), а против него – десятки демонических сущностей, которые хотят его ослабления и смерти. Святость человека, как и его чистота, – всегда явление временное. Она достигается сложными усилиями, состоящими из очищения тела через прием лекарственных средств и окропление водой (либо воскурения ароматных смол), а также из магических процедур по изгнанию демонов. И поскольку в заговорах эти демоны перечисляются как конкретные носители головной боли, глазной боли, зубной боли, боли в животе и т.д., то речь идет о заболеваниях, вызванных как вирусными инфекциями, так и болезнями внутренних органов⁴². Оказывается, здесь нет ничего фантастического. В общем-то, они называли демонами то, что мы называем инфекциями или вирусами. Но постоянное ожидание этих демонов усиливало тревожность человека, приводило к невротическому состоянию, которое компенсировалось все возрастающим количеством обрядов и магических формул. И дальше я сказал, что хотел бы понять, когда именно, в какие периоды года люди ожидали особенно активного нападения демонов. То есть, в какие сезоны и месяцы увеличивалась эта тревожность, когда нужно было особенно часто окропляться святой водой и окуриваться смолами. Игорь Михайлович, послушав мой ответ, сказал: «Это действительно социальная психология. И похоже, что вы приходите к тому же выводу, который я сделал в книге об архаических мифах⁴³. Это связь религии с физиологией... Ну, а о чем же будет ваша диссертация?»

К такому вопросу я, признаться, не был готов. И начал говорить что-то не очень вразумительное. Дьяконов, конечно, сразу это заметил. И предложил мне написать сочинение о моей будущей диссертации страниц на 15–20 машинописи. Дал на него неделю. Я написал очень абстрактное сочинение под названием «Идеология общинной знати Раннединастического периода». Там было глав десять, если не больше. И когда я принес сей опус Дьяконову, то он гениально им распорядился. Внимательно прочитав сочинение, он сказал мне: «А теперь так. Вы берете карандаш и

---

⁴² Емельянов В.В. О магических формулах в заговорах древней Месопотамии // Ш. Фоссе. Ассирийская магия. СПб., 2001. С. 197–210.

⁴³ Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.

начинаете связывать пункты каузальной связью. И так вы составляете причинно-следственные связи по всему плану работы. Затем вы ищете тот пункт, без которого невозможны каузальные связи всех остальных. Последовательно зачеркиваете производные пункты, пока карандаш не доходит до основного. Вот представление о боге. А оно возможно само по себе? Бог это личность? Нет. А от чего он зависит? Так, теперь царская идеология. Она сама по себе или от чего-то зависит, чем-то обусловлена? Да, она обусловлена. Чем? И вот так вы сидите и рисуете. Сперва стрелки к пунктам. А потом все зачеркиваете и оставляете одно, от которого зависит все остальное». Минут через пятнадцать остался незачеркнутым только календарь, и от него отходили стрелки ко всем остальным главам. Жертвы сами по себе? Нет. Они приносятся к определенным дням. Боги сами по себе? Тоже нет. Они действуют только в определенные месяцы года. А царская идеология равняет царя с весенним героем, победившим хаос, или с жертвенным героем, которого оплакивают летом. То есть, куда ты ни пойдешь, всюду время определяет порядок и человеческих действий, и функций божеств. Дьяконов посмотрел на мой листок и сказал: «Значит, писать будете про календарь».

Через год после окончания университета я поступил в аспирантуру к Дьяконову. Но еще раньше состоялась моя встреча с египтологом Олегом Дмитриевичем Берлевым, также работавшим в секторе древнего Востока Института востоковедения⁴⁴. Никогда не видел таких синих глаз! Мы разговорились о сходствах и различиях шумерской и египетской культур. Я рассказал Берлеву, что четыре года учил египетский, могу читать Тексты Пирамид и надписи на жертвенниках, читал и хрестоматию Матье. Жертвенники я читал потому, что там упоминалась освященная вода. Потом читал тексты об отверзании уст и очей, поскольку в клинописи тоже есть этот обряд. И Тексты Пирамид нужны мне были для сопоставления ритуалов и заговоров разных культур в эпоху ранней бронзы. Берлев неожиданно взял меня на какой-то свой духовный баланс. Он заказывал для меня книги по ассириологии, которые только-только поступили в Институт, он приносил мне

---

⁴⁴ Олег Дмитриевич Берлев (1933–2000) – египтолог, специалист по социальной структуре Египта в эпоху Среднего царства.

из дому издания египетских текстов и статьи по египтологии. Он рассказывал мне и о некоторых своих идеях в области истории египетской религии. Учил делать карточки и учитывать источники. Он говорил, что исследование не окончено, пока не учтен последний источник и не прочтена вся научная литература. Если ты знаешь новый источник, но не можешь его достать – обязательно напиши, что знаю, но не прочитал. Иначе выйдет конфуз. И еще многому учил меня Олег Дмитриевич Берлев. С ним я не чувствовал своего одиночества в Институте востоковедения. Это была пятая удивительная встреча.

Как же писать диссертацию по календарю? Где брать источники? И тут мне снова повезло. Как раз в тот год, когда я поступил в аспирантуру к Игорю Михайловичу, начали одна за другой выходить монографии о календарях древнего Ближнего Востока⁴⁵. И в них были указания на пояснительные тексты, в которых есть комментарии на названия и на обряды месяцев⁴⁶. Я понял, что нужно ухватываться за эту новую группу текстов, собирать все публикации автографий, самостоятельно читать всю клинопись в них и анализировать данные. Самые ранние комментарии датировались концом II тыс. до н. э. и были написаны двумя видами письма: хорошим аккадским языком и неграмотным шумерским. Понятно, что аккадский в них был изначальный, а на священный шумерский переводили потом. Самые поздние пояснения составлены после Александра Македонского в конце IV в. до н. э. И когда я стал вчитываться в эти тексты, то быстро понял, во-первых, связь помесячных обрядов с сюжетами уже известных мне литературных текстов, а во-вторых, – связь и календаря, и литературы с астрономическими наблюдениями⁴⁷. У меня сразу выстроилась система тройного сравнения данных: ритуал – литературный сюжет – созвездие. Диссертация писала себя сама, и писала она себя три года. Но каждый день этих трех лет был напол-

---

⁴⁵ *Cohen M.E.* The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993; *Sallaberger W.* Der kultische Kalender der Ur III-Zeit. Bd. I-II. Berlin; New York, 1993.

⁴⁶ *Livingstone A.* Mystical and Mythological Explanatory Works of Assyrian and Babylonian Scholars. Oxford, 1986.

⁴⁷ Теперь эта идея реализована в книге: *Cooley J.L.* Poetic Astronomy in the Ancient Near East. Winona Lake, Indiana, 2013.

нен такой работой, что я помню не события своей жизни, а текст, над которым работал в определенном сезоне года. Мне очень повезло, что я женился именно в этот период. Моя жена – коллега-шумеролог, специалист по старошумерским царским надписям⁴⁸. В беседах с ней оттачивалась каждая деталь диссертации.

Через три года я принес Игорю Михайловичу готовую диссертацию. Он при мне начал ее читать. Потом сказал, что ему нужны примерно две недели на проверку всей работы. Через две недели Дьяконов сказал: «Надо же, получилось! А я думал – что он мне напишет?» Потом он попросил меня пересказать результаты своими словами. Сделать это было нетрудно, потому что перед моими глазами стояла вся семантическая система ниппурского культового календаря⁴⁹. Я сказал, что ситуация здесь очень похожа на то, о чем я раньше читал в заговорах. Есть постоянный конфликт между силами света и силами тьмы, между живыми и мертвыми. Этот конфликт вечен, он не может быть совершенно устранен. И в нем четыре позиции. Весна это время преобладания света и живых над тьмой и мертвыми. Лето это время, когда победители-живые отправляются в путешествие в мир мертвых, и сперва там умирают, а потом оживают и одерживают победу. Сила жизни проникает в мир мертвых. Осень это время договора между сторонами, когда между ними существует равновесие и они судят друг друга. Зима это время выхода сил тьмы на землю и их торжества в мире живых. Зима приводит к торжеству хаоса, и с этим хаосом должен бороться весенний герой в начале нового цикла времени. Попутно я выяснил, когда нужно набирать воду для освящения и особенно активно отбиваться от демонов. Это период с октября по февраль – сезон дождей, сильного ветра и холода, когда в землю, воду и воздух попадает большое количество инфекции. Воду набирают для освящения именно в октябре, и запасаются этой обеззараживающей водой на весь предстоящий период болезней⁵⁰. Но

---

⁴⁸ Гаврилова Ю.Б. Сакральные формулы царских надписей Урукагины // Петербургское востоковедение. 2002. № 10. С. 230–245.

⁴⁹ Емельянов В.В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999.

⁵⁰ Впоследствии моя догадка была подтверждена в работе: Ambos C. Der König im Gefängnis und das Neujahrsfest im Herbst. Mechanismen der Legitimation des babylonischen Herrschers im 1. Jahrtausend v. Chr. und ihre Geschichte. Heidelberg, 2009. Bd. II. Textbearbeitungen. Автор работы обнаружил прямое указание на то,

эта деталь оказалась частностью, хотя для меня самого она была ответом на вопрос, который мучил еще с диплома. Целое же в том, что семантика ниппурского календаря получила отражение в двух других системах – в 12 таблицах аккадского эпоса о Гильгамеше и в 12 знаках зодиака. Большинство образов зодиака связаны именно с месяцами календаря. Нетрудно заметить, что Телец (шум. Небесный Вол) восходит в месяц выведения упряжки волов на пахоту, Весы восходят именно в том месяце, когда бог Солнца и бог планеты Сатурн устраивают суд над людьми, а последние три созвездия связаны с водой, как с ней связаны и последние месяцы календаря. И зимой, и тремя последними созвездиями зодиака управляет бог воды Эа. Все это означает, что созвездиям названия давались не из-за их внешнего сходства, как думали греки, а по ассоциации с климатическими событиями, происходившими на земле. Именно календарный ритуал привел к тому образу неба, который вслед за шумерами увидели греки и который видим сегодня мы.

Кроме того, стала понятна месопотамская диалектика времени. С одной стороны, существует вечный круг, из которого не вырваться. С другой стороны, есть Гильгамеш, который хочет выйти за этот круг, потому что выйти за него и означает стать бессмертным⁵¹. Но Гильгамеш попадает в ловушку: вместо выхода из круга времени он в конце текста возвращается вместе с солнцем к его начальной точке. Уходит из Урука юношей и возвращается в него пожилым человеком, утратившим надежду на бессмертие. Значит, Гильгамеш со своей темой бессмертия – это антропологизация календаря, и он мог появиться только в такой цивилизации, где вся жизнь вписана в круг времени. А человеческий разум бунтует против естественного хода вещей, против ритуала и всякого неизменного порядка. Однако бунтовать-то он бунтует, но безуспешно. В этом и трагедия месопотамского человека, который в своем отношении ко времени и к миру был Гильгамешем.

В общем, удалось понять немало. Однако я не верил и теперь не верю в то, что перспективная идея может прийти в голову

что набирание воды для освящения происходит в месяц Ташриту (сентябрь-октябрь).

⁵¹ Эта диалектика более подробно разобрана теперь в книге: Емельянов В.В. Гильгамеш. Биография легенды. М., 2015 (ЖЗЛ, Малая серия).

только одному человеку. Нет, она всегда посещает нескольких, причем в разных временах. Поэтому меня мучил вопрос о предшественнике. И тут мне неожиданно помог мой заветный девятнадцатый век. Оказалось, что сразу после выхода первого издания эпоса о Гильгамеше в 1872 г. английский ассириолог Генри Раулинсон (1810–1895) выдвинул гипотезу о связи таблиц эпоса с месяцами вавилонского календаря и со знаками зодиака. Но сделал он это в популярном журнале, а не в научной статье⁵². А француз Франсуа Ленорман (1837–1883) более подробно сопоставил вавилонский календарь и эпос в книге 1874 г.⁵³. Теперь же я провел такое сопоставление на гораздо более раннем материале – шумерском. И у меня получилось то же самое. Однако книгу Ленормана я нашел⁵⁴, а про Раулинсона тогда не знал. И я сделал в диссертации своим предшественником именно Ленормана⁵⁵.

Игорь Михайлович немного покрутил мою рукопись в руке, потом неожиданно вынул оттуда главу «Категория МЕ и весенние праздники». Отложил в сторону. И сказал: «Вот из этого вы когда-нибудь сделаете докторскую. Но я не увижу». Так и произошло.

За год до защиты кандидатской диссертации я впервые приехал на Всемирный конгресс ассириологов. Он проходил в Праге и назывался «Интеллектуальная жизнь на древнем Ближнем Востоке»⁵⁶. Большая часть докладов была посвящена именно тому, чем

---

⁵² *Rawlinson H.C. Thezdzubar Legends // Athenaeum. No. 2354 (1872). P. 735.*

⁵³ *Lenormant F. Les premières civilisations. Vol. 1. Paris, 1874. P. 78–79.*

⁵⁴ Как я ее нашел – отдельная удивительная история. В доме журналиста и писателя Игоря Степановича Мальского (1957–2004) я случайно увидел книгу Зинаиды Александровны Рагозиной (1835–1924) «История Халдеи с отдаленнейших времен до возвышения Ассирии» (СПб., 1902). И в этой книге были целых два раздела со ссылками на книгу Ленормана (с. 362–366).

⁵⁵ В 2010 г., работая в библиотеке Гейдельбергского университета, я случайно обнаружил в архиве этой библиотеки диссертацию: Çagırgan Galip. *The Babylonian Festivals* (Ph.D., University of Birmingham, 1975). Автор работы погиб в мотоциклетной аварии, не успев опубликовать свой труд. Но он был моим самым близким по времени предшественником по теме исследования. Ссылку на его диссертацию я встречал в публикациях его учителя В.Дж. Лэмберга (1926–2011), но саму ее увидел только спустя много лет после выхода монографии о ниппурском календаре.

⁵⁶ *The Intellectual Life of the Ancient Near East. Papers Presented at the 43rd Rencontre assyriologique internationale Prague, July 1-5, 1996. Prague, 1998 (RAI 43).* URL: https://www.eisenbrauns.com/ECOM/_4SU165KCA.HTM.

я и занимался. И именно там я оказался в окружении молодых ученых моего поколения, интуитивно почувствовавших смену научной конъюнктуры. От социально-экономической и военно-политической истории научный авангард разворачивался в сторону психологии религии. Я влился в коллектив своих сверстников, и тогда понял, что избранный мною путь является прогрессивным. Даниэль Швемер⁵⁷, Клаус Амбос⁵⁸, Аннета Сколь⁵⁹, Джан-Пьетро Базелло⁶⁰, Амар Аннус⁶¹ – мои ровесники и коллеги по направлению. Когда я излагал в их кругу свои идеи, то для них они были совершенно естественными. Никто не удивлялся. Примерно тогда же я узнал о нефизическом законе Макса Планка, который формулируется так: «Новые идеи торжествуют не потому, что молодым удается в чем-то убедить пожилых специалистов, а потому, что молодым они понятны сразу, а пожилые умирают». Когда же в наши ряды специалистов по календарю и ритуалу влились гораздо более молодые силы, то я окончательно понял, что существую в перспективном общем тренде, который поддерживается следующими поколениями ассириологов.

На мою защиту Игорь Михайлович не пришел, потому что уже стала прогрессировать та болезнь, которая через два года свела его в могилу. Оппонентами были мой университетский учитель клинописи Ростислав Антонович Грибов и эфиопист Севир Борисович Чернецов⁶². Грибов говорил что-то невнятное, тема диссертации не была ему близка. А Чернецов, хоть и не ассириолог, понял мою работу даже лучше, чем я сам. Он сказал: «Эта диссертация представляет собою кассу с кармашками. Сейчас в ней уже ле-

---

⁵⁷ Даниэль Швемер (1970) – ассириолог, специалист по культурам богов погоды в религиях древнего Ближнего Востока, по вавилонским и хеттским заговорам против болезней и колдунов.

⁵⁸ Клаус Амбос (1974) – ассириолог, специалист по строительным и новогодним ритуалам.

⁵⁹ Аннета Сколь (1970) – ассириолог, шумеролог, специалист по сновидческим текстам и весеннему новогоднему ритуалу.

⁶⁰ Джан-Пьетро Базелло (1974) – ассириолог, эламитолог, специалист по эламскому календарю и праздникам.

⁶¹ Амар Аннус (1974) – ассириолог, специалист по культу Нинурты и по «шаманской» традиции Адапы.

⁶² Севир Борисович Чернецов (1943–2005) – африканист, специалист по истории, филологии и этнографии Эфиопии.

жат некоторые карточки. Но касса будет пополняться автором всю жизнь». Во мне опять послышалось «Эврика!»

VI

После защиты кандидатской диссертации я почувствовал свое одиночество в России. Меня пригласили в Санкт-Петербургский университет, где открывалась кафедра философии и культурологии Востока. Но древневосточного отделения там не было, и мне предложили читать общие курсы по культуре Ближнего Востока от древности до раннего ислама. Впоследствии на кафедре было открыто арабское отделение, и мне поручили читать со студентами арабо-мусульманские философские тексты. На кафедре древнего Востока продолжали учить социально-экономической истории, и потому места для меня там не нашлось. Уехать я не мог по семейным обстоятельствам, хотя было приглашение в Мюнхен от профессора Эдцарда⁶³. В это довольно глухое для меня время, когда стали остывать и силы Игоря Михайловича, я решил послать свою диссертацию и пару статей Владимиру Николаевичу Топорову⁶⁴. Топоров быстро откликнулся. Сперва завязалась переписка, а потом я приехал к нему в Москву. И это шестая удивительная встреча, существенно изменившая характер моей работы.

Устная речь Топорова была гипертекстом. Она изобиливала придаточными предложениями и параллельными экскурсами. Сразу сказав, что ему близко направление моей работы, он продолжил так: «У Вас был предшественник в России. С этими текстами и сюжетами работал Вольдемар Казимирович Шилейко⁶⁵, о стихотворениях которого у меня где-то есть оттиск статьи, который был

---

⁶³ В начале 2000-х гг. в составе международного коллектива ассириологов, приглашенного профессором Томасом Кеммерером, я подготовил в Тарту двух специалистов. Пеэтер Эспак защитил диссертацию по культу Энки, а Владимир Сазонов – по ассирийской царской титулатуре. Позднее у меня обучались языкам и клинописи белорусские студенты Виталий Бартош и Екатерина Берзон, также ставшие коллегами.

⁶⁴ Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) – филолог-индоевропеист, специалист по литературе и религии славянских и балтийских народов.

⁶⁵ Вольдемар Казимирович Шилейко (1891–1930) – ассириолог, шумеролог, издатель клинописных текстов и переводчик художественной литературы с шумерского и аккадского языков.

вторым мужем Ахматовой и который существенно повлиял на всех акмеистов, но не своей поэтикой, а содержанием своей научной работы и той информацией, которую он им сообщал. Вообще Шилейко это часть того текста в русской литературе, который можно в определенной степени назвать ближневосточным текстом, как есть египетский текст, есть арабский текст, индийский и так далее». Месопотамский текст русской литературы? О, это была еще одна «эврика» моей жизни! Как же я до сих пор не задался вопросом о возможном влиянии древней Месопотамии на русскую культуру? Это означало, что нужно издавать сперва архивы переводов и статей самого Шилейко⁶⁶, а затем браться за исследование о месопотамско-русской трансториической связи⁶⁷. Кроме того, Топоров очень хотел вовлечь меня в сборник по структуре заговоров и ритуалов. И это ему удалось. Сперва я прочел в секторе типологии Института славяноведения доклад, а потом моя статья была принята в сборник⁶⁸. Владимир Николаевич стал и одним из рецензентов моей докторской диссертации. Она неразрывно связана с его светлым именем.

Умер Дьяконов. А во мне постепенно разворачивалась именно та тема, которую он предсказал, выпуская меня на защиту кандидатской. Категория МЕ и ее связь с весенними праздниками⁶⁹. Весна не существует без МЕ, победа молодого героя над хаосом без МЕ невозможна. Злодей, представляющий хаос, погибает, потому что не имеет МЕ. Царская власть, «царственность», относится к числу МЕ, на описании ее странствий основаны все «Царские списки» шумеров. Без МЕ невозможны ремесла и навыки, черты характера и музыкальные инструменты. Что же такое МЕ?

Как раз в конце 1990-х годов ассириология получает в свои руки мощнейший новый инструмент – электронные базы данных

---

⁶⁶ Что и было реализовано благодаря помощи семьи Шилейко: Ассирио-вавилонский эпос / пер. с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. Издание подготовил В.В. Емельянов. СПб., 2007.

⁶⁷ Это исследование пока существует в виде серии статей в сборниках «Летней школы по русской литературе».

⁶⁸ Емельянов В.В. О некоторых шумерских ритуалах весеннего периода / Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 23–51.

⁶⁹ Емельянов В.В. Шумерский календарный ритуал (категория МЕ и весенние праздники). СПб., 2009.

по клинописным текстам⁷⁰. Это и словари, и фотографии тысяч табличек, хранящихся в разных музеях. По сути, наша наука приобретает виртуальную ипостась. Именно это обстоятельство позволило мне за сравнительно короткий срок в шесть лет собрать все известные контексты с употреблением существительного ME и сделать подробный анализ этих контекстов, коих оказалось 783. Параллельно я читал этнографическую литературу по весенним праздникам. И эти два занятия привели работу к неожиданным результатам.

Шумерская основа ME связана с глаголом *me* «быть-являться», т. е., это нечто, что только что проявилось и теперь есть. ME как существительное имеет широчайший набор аккадских эквивалентов, из которых понятнее всего «желание», «потенция», «власть», «слово, приказ», «обряд, порядок». Становится понятно, что основа ME связана с желанием овладеть неким объектом и с представлением желаемого в сознании, в наречении его словом. Если не будет потенции – не будет желания, не будет желания – не будет и обладания, не будет обладания – не будет власти, не будет власти – не будет порядка. Дальше я узнал, что словом ME могут также обозначаться жертвы, приносимые в храм. Отсюда ясно, что источником силы богов становится та сила, которая передается через продукты и поглощается ими во время священной трапезы. Если эта сила достаточна – город благоденствует, если она избыточна – город господствует, если она мала или отсутствует – город терпит бедствие или захватывается врагом. Но категория ME не существует сама по себе. Она связана с тремя календарно-ритуальными ситуациями. Первая ситуация – отсутствие ME во время потопа. А в календаре временем потопа является зима, один из месяцев так и называется Тебету «потопление». Любая катастрофа в принципе объясняется отсутствием необходимого числа ME в храмах и голоданием богов. Вторая ситуация – весна перед Новым годом, когда совершается ритуальное путешествие статуи бога на лодке с дарами в храм своего отца. Отец принимает продукты, а взамен дает сыну или дочери ME, обеспечивающие наступление Нового года и победу над возможным противником, который захочет задержать это наступление и нарушить порядок

---

⁷⁰ Их полный каталог можно видеть по адресу: www.sumerian.org.

времен. Третья ситуация – победа над силами хаоса и священный брак. Это полная реализация МЕ как сексуальной и воинской энергии, ведущей божество к победе, а мир к обновлению. Вся схема означает, что бытие в представлении шумеров есть обладание священной силой, которая получается от богов в обмен на продукты. И ни боги, ни тем более цари не могут быть создателями мира, если они не получили в свое распоряжение эту силу.

Как-то прихожу я к В.Н. Топорову с очередными материалами по МЕ. Он внимательно их изучает, смотрит мои версии этимологии этого слова, и внезапно говорит: «Это могла быть доречевая частица... У нее может не быть этимологии, потому что такое сочетание звуков вообще могло родиться до человеческой речи». Потом в отзыве на мою докторскую по МЕ он напишет то же самое. Доречевая частица... Дальше я начал думать, и неожиданно понял, что, поскольку среди аккадских значений шумерского МЕ есть «желание», то само это слово могло быть у высших животных звуком, выражающим желание получить что-то. Например, кошки говорят «мяу» только тогда, когда чего-то очень хотят. Они бегут с этим звуком навстречу нашим мискам с едой, или навстречу нам, желая погладиться. И я подумал, что, должно быть, в древних языках есть такие глаголы, которые невесть откуда взяты, и в которых нет понятных корней, а все они состоят из чего-то типа «мяу» или «му».

Предчувствия меня не обманули. Когда я открыл аккадский словарь, то сразу же и обнаружилась основа настолько странная, что ее занесли в словарь под звездочкой. **mâ'u* (*mu'âu*) «to be willing, to want»⁷¹. Его парадигма напоминает вдвойне неправильный глагол, форма претерита от него *im(u(w)a* «он захотел». Но какие консонанты образуют здесь корень, кроме первого *m*, – нельзя сказать точно. Однако интереснее всего то, что на выражение желания здесь всего один контекст, а на отказ от желания – сорок остальных. Человек не хочет серебра, бог отказывается принимать молитву, один человек не желает слушать и понимать другого. То есть, это «мяу» употребляется, в основном, тогда, когда речь идет о «не-мяу» относительно ранее желаемого объекта. От этого гла-

---

⁷¹ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Vol. M 1. P. 435.

гола, взятого с частицей отрицания *la*, образовался потом глагол *letū* «не хотеть». То есть, «не-мявкать».

Страшно подумать, на какую глубину хотел увести исследование Топоров. И понятно, что на этой глубине я был бы совершенно беспомощным, поскольку не являюсь антропологом, этологом или нейрофизиологом. Поэтому я отказался от введения «мяу-гипотезы» в диссертацию, и без того изобиловавшую сложным материалом. Вместо топоровского обращения к биосемиотике я решил провести критику всей предшествующей теории весенних праздников, принятой в этнологии после Фрэзера. Казалось бы, и так понятно, что от Фрэзера до наших дней прошло много времени, и многое в его построениях устарело. Но критика была необходима совсем из-за другого. Фрэзер и многие его последователи из числа религиоведов (в частности, Элиаде) утверждали, что весной проводился обряд убийства старого вождя и замена его на молодого. Тем самым насилие над предком возводилось в принцип смены временных циклов. Мне важно было нанести удар по этой ошибочной идее, которая прекрасно встраивалась в один ряд с идеей Маркса о «насилии как повивальной бабке истории» и с учением Фрейда об «эдиповом комплексе» мужского сознания. В основу всех трех гипотез были положены данные древних текстов от середины II тыс. до конца I тыс. до н. э. Я понял удивительную вещь: исследователи приходят к выводам, опираясь на древние данные, которые известны только в период их жизни, и тем самым распространяют на свою эпоху представления доступной им древности⁷². Им недоступна рефлексия данных, находящихся археологическим пластом ниже, потому что те еще не раскопаны и не обработаны. И они считают данные своего пласта максимальной архаикой человечества. Источник ошибки в европейской теории насилия как двигателя общественного развития – неполнота сведений о древнем мире. До середины II тыс. правитель или молодой весенний бог никогда не борется со своим предком, в текстах эпохи ранней бронзы вообще нет ни одного мифологического сюжета о победе над старшим. Тем более невозможна там

---

⁷² Более подробно об этом: *Емельянов В.В.* Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 46–57.

идея убийства сакрального царя, потому что царь в эпоху бронзы не является самостоятельным носителем сакральности. Он подчиняется священной силе типа МЕ или египетской МААТ⁷³, от наличия которой зависит само существование мирового порядка. Это означает, что, опустившись на пласт ниже, мы не можем увидеть, что источником развития является насилие над предком. Напротив, источником жизни, созидания, развития в ранних государствах Месопотамии и Египта было желание встроиться в порядок и овладеть опытом предков.

Мою докторскую диссертацию коллеги читали полтора года. По истечении этого срока встал вопрос о научном консультанте и оппонентах. Роль консультанта мужественно принял на себя историк права Владимир Аронович Якобсон. На предзащите он очень точно сказал, что темой диссертации является клинописная герменевтика, т. е. то, как носители клинописной грамотности пытались объяснить себе, что такое МЕ и как с помощью этих МЕ боги управляют мирозданием. Это не история в привычном смысле и не филология в лингвистическом смысле, а именно что-то, находящееся между историей познания и герменевтикой. Первым оппонентом диссертации стала Нэлли Владимировна Козырева. Известный специалист по социально-экономической истории городов южной Месопотамии, она критически проанализировала методологию работы с источниками, но, к сожалению, не могла ничего сказать по содержанию исследования.

Параллельно с докторской я написал две небольшие книжки. Первая из них была научно-популярной⁷⁴ и описывала шумерскую культуру по источникам, появившимся уже после книги Крамера⁷⁵ на ту же тему⁷⁶. В ней мне удалось описать шумерскую модель мира и дать новую классификацию текстов и жанров шумерской литературы⁷⁷. Вторая книжка также была издана в научно-попу-

---

⁷³ Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999.

⁷⁴ Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2001, 2003 (Мир Востока, 2-е изд.).

⁷⁵ Сэмюел Ной Крамер (1897–1990) – ассириолог, шумеролог, историк шумерской литературы.

⁷⁶ Kramer S.N. The Sumerians: Their History, Culture, and Character. Chicago, 1963.

⁷⁷ В исторической и искусствоведческой части книги были собраны все достижения петербургской ассириологической школы. Однако по ошибке коррек-

лярной серии, но по сути не была популярной. Она посвящена терминологии и классификации ритуалов в древней Месопотамии⁷⁸. В ней я дал переводы наиболее значительных ритуалов, разобрал их композицию и структуру и установил их связь с некоторыми произведениями шумеро-аккадской литературы. Надо сказать, что книги на эту тему за рубежом нет до сих пор.

VII

Топоров умер через месяц после моей докторской защиты. Я снова остался один. Получил приглашение на Восточный факультет, где стал обучать ассириологов на кафедре семитологии и гебраистики и руководить магистерской программой «Религии народов Азии и Африки». Коллеги за рубежом поддерживали литературой, приглашали на конференции, присылали новые тексты, но ведь хотелось собеседника... Вместо собеседника в моих руках неожиданно оказалась книга французского психолога Поля Фресса⁷⁹ «Психология времени»⁸⁰, и я понял: прежде, чем строить исследование дальше, нужно отдать себе отчет, кем ты стал после докторской. Внутренний критик сказал мне: ты историк, но, согласишься, ты все-таки странный историк. Предмету, которым ты занимаешься, еще не обучают в университетах как чему-то особому и отдельному. Историк экономики или политики изучает факты, т. е. события, дела, деятельность людей в целом. То, что происходит, случается – его хлеб. Филолог изучает слова людей. Историк философии изучает идеи, которые приобрели форму логической системы. А ты изучаешь то, что было в истории мысли до философии, в преддверии философии. Можно ли сказать, что ты изучаешь историю религии? На первый взгляд, можно. Ритуалы, мифы, заговоры, праздники формально проходят именно по этому ведомст-

---

тора из текста убрали кавычки и построчные ссылки, оставив только библиографию в конце книги (удалось спасти только некоторые ссылки в ее последней части). Это дало повод человеку, далекому от ассириологии, обвинить меня в плагиате. См. *Яйленко В.П.* Плагиат – очерк шумерского искусства // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 22. МГТУ, 2008. С. 658–664.

⁷⁸ *Емельянов В.В.* Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003 (Мир Востока).

⁷⁹ Поль Фресс (1911–1996) – психолог, специалист по экспериментальной психологии, основатель хронопсихологии.

⁸⁰ *Fraisse P.* Psychologie du temps, Paris, 1967.

ву, либо же их числят по ведомству этнографии. Но дело в том, что сами древние люди Ближнего Востока не знали, что такое религия и этнография. Они жили, руководствуясь особым символическим поведением и помещая свое социальное бытие в священное для них пространство-время. И вот их символическое поведение, спровоцированное природным миром и порождающее определенные производные модели мира, как раз является твоим основным предметом. Это можно определить как когнитивное изучение пред-философской истории мысли. Но можно определить и как изучение социальной психологии, о чем давно уже твердил тебе Дьяконов. При таком подходе у изучаемого объекта не бывает неверного суждения, поскольку каждое суждение исторически или природно обусловлено. Задача исследователя – в том, чтобы научиться понимать связи между предметами и категориями так же, как их понимали древние люди. Это нужно для реконструкции их системы смыслопорождения⁸¹. А ведь эта система позволила им получить важные научные открытия, создать основы права и великую литературу. Значит, она перспективна для современного человека тем, что при ее освоении может вторично дать плоды уже в современной цивилизации.

Аккомпанементом таким моим мыслям стали публикации многочисленных монологов, медицинских предписаний и личных гороскопов, связанных с календарными ритуалами⁸². Несколько лет назад составила целая команда филологов, которые стали систематически публиковать в сети новые клинописные таблички на тему соотношения ритуалов, отрезков времени и судьбы человека в Месопотамии II–I тыс.⁸³. И вал публикаций привел к каче-

---

⁸¹ На этом пути большое методологическое значение имеет исследование: Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М., 2001.

⁸² Недавно вышла в свет работа, в которой предлагается математическая запись ритуалов жертвоприношения с целью выявления их грамматики: Meshel N.S. The Grammar of Sacrifice. A Generativist Study of the Israelite Sacrificial System in the Priestly Writings with A 'Grammar' of Σ. Oxford, 2014. Вполне возможно, что мы работаем накануне компьютерной формализации всех ритуальных процедур, что существенно сблизит язык и ритуал (об их глубинном родстве догадывались еще индийские специалисты по грамматике).

⁸³ Теперь эти тексты закладываются в базу данных www.ccp.yale.edu.

ственно новому пониманию этой проблемы. Во-первых, обнаружилось, что вавилоняне обратили внимание на связь между коллективным ритуалом, состоянием здоровья человека в определенном месяце года и характером человека, родившегося в этом месяце⁸⁴. Во-вторых, они выдвинули гипотезу о связи месяца рождения человека с его долголетием. В-третьих, они популярно объяснили читателям клинописи, что не звезды и не знаки зодиака, а именно природные явления самих месяцев влияют на судьбу человека через его физическое и психоэмоциональное состояние.

И теперь мы захотели узнать, кто же были эти мудрецы. Исследование хронопсихологии древней Месопотамии наконец-то перешло от уровня «что написано в тексте» к самому заветному для древневосточника уровню – «кто является автором текста». Оказалось, что мы имеем дело с многовековой работой целых династий жрецов-ученых, которые занимались медицинско-астрологическими комментариями на календарные ритуалы и которые членили время не только на сезоны и месяцы, но и на такие мельчайшие отрезки, которые мы условно называем «микро-зодиак». На сегодняшний день работа ученых моего направления сосредоточена на фронте вавилоно-ассирийской герменевтики. Это анализ процедур порождения смыслов и способов интерпретации фактов с одной стороны и анализ позитивной части медицинско-календарных гипотез – с другой⁸⁵. Наука это открытая система. Мы не знаем, что выйдет из наших исследований в результате. Но мне представляется, что материал ассириологии поможет поменять нечто существенное в самой антропологической парадигме современного человечества. Это уже произошло однажды, в конце XIX века, когда обнаружение клинописного рассказа о потопе и шумерской цивилизации разуверило людей в надежности сведений Библии и вывело все человечество из богословия к критической истории древнего мира. Это может произойти и во второй

---

⁸⁴ Емельянов В.В. Календарь и хронопсихология (о семантической оппозиции весны и осени в месопотамских текстах) // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 143–163.

⁸⁵ Geller M.J. *Melothesia in Babylonia. Medicine, Magic, and Astrology in the Ancient Near East*. Berlin/Boston, 2014; Gabbay U. *The Exegetical Terminology of the Akkadian Commentaries*. Leiden, 2016.

раз – по мере накопления наших знаний об интеллектуальных достижениях вавилонян и ассирийцев в сфере восприятия времени.

В 2011 г. группа физиков разных стран мира неожиданно пригласила меня в Средиземноморский институт фундаментальной физики. Меня попросили прочесть в Риме несколько лекций о том, как вавилоняне конструировали модели мира⁸⁶. Когда я спросил, зачем им это нужно, физики ответили, что у них с недавних пор есть подозрение, что в создании любой космологической гипотезы существует субъективный момент – а именно, принадлежность автора гипотезы к определенной культуре и языку, в которых модель мира уже была сформирована заранее. Эта лингвокультурная модель в момент математического анализа данных включается в исследователе и проецируется на его внешне объективный подход. Я ответил, что, скорее всего, это правильно, но об этом уже писал Георгий Гачев⁸⁷. И дал ссылку на его книгу⁸⁸. Они прочитали и сказали, что у Гачева слишком метафорический язык, они не очень понимают. И потом – он пишет обо всем подряд, а им в каждом случае нужны лекции конкретного эксперта. Я согласился, и это был самый интересный семинар из тех, в которых я пока участвовал. Лекции длились по два часа, в перерывах было обсуждение, потом обед, потом опять лекции и опять дискуссии. По окончании семинара физики, узнавшие не только про модель мира вавилонян, но и про вавилонскую карту мира, сказали, что теперь им стало ясно, где впервые на самом деле появилась космология. Яснее стало и то, как вавилоняне описывали вселенную при помощи категорий своей культуры, одновременно применяя числовые операции.

Это была седьмая удивительная встреча.

Будут ли новые?

---

1. Ассиро-вавилонский эпос / пер. с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. Издание подготовил В.В. Емельянов. СПб., 2007 (Литературные памятники).

---

⁸⁶ <http://www.mifp.eu/meetings/37-lecture-by-prof-vladimir-v-emelianov.html>.

⁸⁷ Георгий Дмитриевич Гачев (1929–2008) – филолог-славист, культуролог, автор книг о «национальных образах мира».

⁸⁸ *Гачев Г.Д.* Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М., 1991.

2. *Ассман Я.* Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999.
3. *Гаврилова Ю.Б.* Сакральные формулы царских надписей Урукагины // Петербургское востоковедение. 2002. № 10. С. 230–245.
4. *Гачев Г.Д.* Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М., 1991.
5. *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
6. *Емельянов В.В.* Шумерская литургия водосвятия по фрагментам ассирийского ритуала *misri* (СТ XVII 38-41) // Петербургское востоковедение. 1993. № 4. С. 247–264.
7. *Емельянов В.В.* Шумерские заклинания консекрации в связи с пониманием святости у шумеров // Палестинский сборник. 1998. № 35. С. 39–60.
8. *Емельянов В.В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зо-диака. СПб., 1999.
9. *Емельянов В.В.* Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2001, 2003 (Мир Востока, 2-е изд.).
10. *Емельянов В.В.* Предфилософская мысль древней Месопотамии (аспект воли и рассудка) // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. К 75-летию профессора М.Я. Корнеева. СПб., 2002.
11. *Емельянов В.В.* Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003.
12. *Емельянов В.В.* О некоторых шумерских ритуалах весеннего периода / Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 23–51.
13. *Емельянов В.В.* Водное пространство месопотамского ритуала // Радловские чтения-2006: тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 13–16.
14. *Емельянов В.В.* Шумерский календарный ритуал (категория МЕ и весенние праздники). СПб., 2009.
15. *Емельянов В.В.* Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 46–57.
16. *Емельянов В.В.* Календарь и хронопсихология (о семантической оппозиции весны и осени в месопотамских текстах) // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 143–163.
17. *Емельянов В.В.* Гильгамеш. Биография легенды. М., 2015 (ЖЗЛ, Малая серия).
18. *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983.
19. *Протт В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
20. *Рагозина З.А.* История Халдеи с отдаленнейших времен до возвышения Ассирии. СПб., 1902.

21. *Смирнов А.В.* Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М., 2001.
22. *Шкловский В.* О теории прозы. М., 1983.
23. *Яйленко В.П.* Плагиат – очерк шумерского искусства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. 22. С. 658–664.
24. *Ambos C.* Der Königim Gefängnis und das Neujahrsfestim Herbst. Mechanismen der Legitimation des babylonischen Herrschersim 1. Jahrtausend v. Chr. und ihre Geschichte. Heidelberg, 2009.
25. (CAD) The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD).
26. *Campbell Thompson R.* Semitic Magic: Its Origins and Development. London, 1908.
27. *Cohen M.E.* The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993.
28. *Cooley J.L.* Poetic Astronomy in the Ancient Near East. Winona Lake, Indiana, 2013.
29. *Çagırgan Galip.* The Babylonian Festivals (Ph.D., University of Birmingham, 1975).
30. *Van Dijk J.J.A.* Sumerische Religion / Handbuch der Religionsgeschichte, Bd. 1. Göttingen, 1971. S. 431–496.
31. *Fraisse P.* Psychologie du temps, Paris, 1967.
32. *Gabbay U.* The Exegetical Terminology of the Akkadian Commentaries. Leiden, 2016.
33. *Geller M.J.* Melothesia in Babylonia. Medicine, Magic, and Astrology in the Ancient Near East. Berlin/Boston, 2014.
34. Grand Larousse encyclopédique. Paris, 1960–1964.
35. *Ismail I.G.* The Arabic Qasida: Its Origin, Characteristics, and Development to the End of the Umayyad Period. Baghdad, al-Zahra' Press, 1978.
36. *King L.W.* The Seven Tablets of Creation, or The Babylonian and Assyrian Legends concerning the Creation of the World and of Mankind. London, 1902.
37. *Kramer S.N.* The Sumerians: Their History, Culture, and Character. Chicago, 1963.
38. *Landsberger B.* Der kultische Kalender der Babylonier und Assyrer: I. Die altbabylonischen Lokalkalender. Leipzig, 1915.
39. *Langdon S.* Babylonian Menologies and the Semitic Calendars. The Schweich lectures – 1933. London, 1935.
40. *Lenormant F.* Les premières civilisations. Vol. 1. Paris, 1874.
41. *Livingstone A.* Mystical and Mythological Explanatory Works of Assyrian and Babylonian Scholars. Oxford, 1986.

42. *Meshel N.S.* The Grammar of Sacrifice. A Generativist Study of the Israelite Sacrificial System in the Priestly Writings with A ‘Grammar’ of Σ . Oxford, 2014.
43. (RAI 43) The Intellectual Life of the Ancient Near East. Papers Presented at the 43rd Rencontreassyrio logique internationale Prague, July 1-5, 1996. Prague, 1998.
44. *Rawlinson H.C.* The Izdubar Legends // Athenaeum. 1872. No. 2354. P. 735.
45. *Sallaberger W.* Der kultische Kalender der Ur III-Zeit. Bd. I-II. Berlin; New York, 1993.
46. *Sayce A.* Babylonian Literature. London, 1877.
47. *Thureau-Dangin F.* Rituels Accadiens. Paris, 1921.
48. *Zimmern H.* Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Leipzig, 1896–1901.
49. *Zimmern H.* Das babylonische Neujahrsfest. Leipzig, 1925.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

С.П. Бычков

**«...Я слишком как-то попросту
сказать боюсь своего магистерского...»
Письма учителя Балашовского Духовного училища
И. Катетова П.В. Знаменскому**

Публикуемый материал посвящен переписке ученика П.В. Знаменского с мэтром по поводу защиты магистерской диссертации в Казанской Духовной академии.

Ключевые слова: русская церковная историография, защита магистерской диссертации, Казанская духовная академия, П.В. Знаменский.

S.P. Bychkov

**"...I too once simply afraid to tell your master..."
Letters teachers Balashov religious school
Katetov I. of P.V. Znamensky**

The paper is devoted to the correspondence of pupil P.V. Znamensky of the master regarding the master's thesis protection at the Kazan Theological Academy.

Key words: Russian Church historiography, the thesis defense, the Kazan theological Academy, P.V. Znamensky.

При работе с фондами известного историка Русской православной церкви П.В. Знаменского¹, в НАРТ (Ф. 36), мне попала подборка писем, представляющая собой оригинальный вид исто-

---

© С.П. Бычков, 2017

---

¹ Знаменский Петр Васильевич (1836–1917) – выдающийся историк русской православной церкви, воспитанник, а затем и многолетний профессор Казанской Духовной академии, ее историк, автор «Руководства к Русской церковной истории», «Истории КазДА в дореформенный период».

риографического источника. Это письма учителя Балашовского Духовного училища И. Катетова П.В. Знаменскому с планом сочинения на тему «М.М. Сперанский как религиозный мыслитель» за 1884–1885 гг. Скорее всего, время сохранило только часть переписки, но и она представляет собой историографическую ценность. Об особенностях информационных пластов научной переписки историков в свое время замечательно писали В.П. Корзун, А.В. Свешников, М.А. Мамонтова². Но редкость данной подборки в том – что пишет ученик учителю, советуясь с ним по поводу написания магистерской диссертации. То есть уже изначально позиции неравны – никому неизвестный учитель пишет ученому с российским или даже с мировым именем. Причина написаний скорее всего одна – российские расстояния. Географически от Балашова, маленького провинциального городка Саратовской губернии до Казани свыше 600 км по прямой. Выезды и прямые консультации в силу учебной занятости были, видимо, редкими. Их и должны были восполнить письменные консультации. Но то, как советуется с мэтром ученик (правда, к сожалению, для нас в «одноканальном» варианте, ибо ответы П.В. Знаменского не сохранились) представляет и сегодня определенный историографический интерес, позволяющий судить как о некоторых особенностях научной работы в провинции, так и о степени научной подготовки, предоставляемой в церковных учебных заведениях.

Сведения об авторе писем на сегодня крайне скудны.

Иван Валерьянович Катетов родился в Саратовской губернии, окончил Саратовскую семинарию и Казанскую духовную академию. С 1884 по 1891 гг. преподавал латынь в Балашовском духовном училище³. Именно на этот период и приходится его стремление подготовить и защитить магистерскую диссертацию. Он постоянно описывает те трудности, которые приходится испыты-

---

² Корзун В.П., Свешников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX вв. в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / под ред. проф. В.П. Корзун. Омск: ООО Полиграфист, 2003. С. 3–36.

³ Катетов Иван Валерьянович // Брокгауз. Биографический словарь. Доп. том 1А. СПб., 1905. С. 889–890.

вать – хроническая нехватка книг в Балашове, использование всех okazji для получения духовных и светских книг, размышления над возможностями источников и предшествующей историографии. За страницами писем просвечивает личность зрелая, много повидавшая и изведавшая. Чего стоит признание в потере полторагодовалого сына и стремление не потерять свое детище (диссертацию) второй раз. Взляды его вполне смелы, во всем чувствуется слегка насмешливый тон как в отношении ворон высшего полета (цензура и обер-прокуратура), так и собственной работы. Он отчетливо понимает все проблемы своего научного труда, пытается максимально их преодолеть. К счастью, ему удалось справиться со всеми проблемами и опубликовать свой труд вначале в научных журналах, отдельной брошюрой⁴, а потом и защитить магистерскую диссертацию⁵. По сведениям Н.В. Сухой защиты состоялась в 1890 г. в Казанской Академии. Но, увы, в полной мере вкусить прелесть наличия ученого звания магистра Ивану Валерьяновичу не удалось. В 1892 г. он скончался.

Но за страницами переписки косвенно встает и личность П.В. Знаменского. Возможность смелого обсуждения широкого спектра научных проблем свидетельствует об учителе как о личности демократичной, глубокой, последовательно работавшей со своими подопечными.

Письма приведены в соответствие с современной орфографией.

---

⁴ Катетов И. Граф Михаил Михайлович Сперанский, как религиозный мыслитель // Православный собеседник. 1889. Ч. 2, май. С. 82–96; июнь. С. 264–318; июль. С. 428–444; август. С. 572–625; Ч. 3, сентябрь. С. 122–152; октябрь. С. 209–261; ноябрь. С. 412–440; декабрь. С. 531–568; Катетов И. Граф М.М. Сперанский как религиозный мыслитель. Казань, 1889, 39–40 примеч., 42 след.

⁵ Список защит магистерских диссертаций по уставу 1884 г приводится в книге Сухова Н.В. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. М., ПСТГУ 2012, где значится и защита Катетова.

* * *

Письма учителя Балашовского Духовного училища И. Катетова П.В. Знаменскому с планом сочинения на тему «М.М. Сперанский как религиозный мыслитель»

№ 1

1884

VIII/29

Сл.[обода] Красный Яр

Большое спасибо, Петр Васильевич за Ваше письмо и намеченные Вами в нем задачи. Заранее прошу извинения, если по этому поводу в настоящем письме буду немного поболтливее. В своем письме, не отказываясь от содействия мне в избрании темы, Вы говорите, однако, что для меня лучше бы было остаться при прежней, уже избранной и более сродной моей специальности теме. Я бы мог ответить Вам, почему это для меня вовсе не лучше; но с одной стороны это слишком долгая история, а с другой-она и не интересна для Вас.

Все это – дело слишком личное – Вы немного пугаете меня необходимостью столичных библиотек и архивов при работах по русской церк.[овной] истории. Но как Вы отчасти знаете, у меня есть возможность не особенно бояться этого; так как кроме Казанской я могу на месте пользоваться всеми остальными библиотеками. Последнее (что было и в моем предыдущем письме) – не обмолвка и не ошибка, а действительный факт, объяснять который тоже не стоит. Как бы то ни было, из всех намеченных Вами тем я остановился на Сперанском как религиозном мыслителе. Считаю не лишним при этом высказаться перед Вами, почему я не остановился ни на какой другой теме.

Игумена Артемия Троицкого не выбрал просто потому, что не знаю его; а писать так, – изобретая на ходу и взгляд на историческую личность и план сочинения и прочее-прочее, я считаю по меньшей мере недобросовестным.

Причины, по которым я не остановился на Духовно-учебных заведениях при Александре I, несколько сложнее. Вы говорите, что эта тема имеет и современный интерес по параллели с нынешней учебной реформой. Эта именно параллель и заставила меня оставить эту тему в сторону. Дело в том, что под влиянием кое-каких фактов у меня составилось убеждение, что характер правительственных распоряжений настоящего времени во многом напоминает характер правительственной деятельности во второй период

деятельности Александра I. Наш русский исторический прогресс (все это кажется только мне) сильно смахивает на обыкновенную проселочную дорогу. Идет-идет эта дорога и вдруг как будто ни с того ни с сего свернет куда-нибудь в сторону, сделает крюк версты две и снова пойдет как следует. Я говорю как будто бы, потому что при надлежащем исследовании обыкновенно оказывается, что когда-то тут был овражек, который и объезжали, а теперь, хоть овражек и занесло, да так уж по старой привычке и объезжают. —

В своем историческом движении наша Русь часто объезжала разные овражки, объезжает и теперь. Таким овражком в настоящее время является социализм, который как огородное пугало заставляет трепетать ворон высшего полета, тогда как, собственно говоря, не так страшен черт, как его малюют.

Итак, в силу политики объездов теперь делается крюк в сторону, в какую он был сделан во вторую половину царствования Александра I. Спешу писать и не подберу скоро термина, которыми было бы удобно было назвать этот крюк: назову его хоть религиозной манией. Во вторую половину царствования Александра I эта мания выразилась между прочим в учреждении Библейского общества, в цензурном проекте Магницкого, под влиянием которого явился известный чугунный устав, о котором Глинка (цензор) хорошо сказал, что руководясь им, можно и «Отче наш» перетолковать якобинским наречием; эта же мания коснулась и учебного дела, которое некоторые ревнителю решили поставить в узко-религиозные рамки.

В настоящее время, как мне кажется, та же мания начинает проявляться почти в тех же формах. Церковн.[ый] Общ.[ественный] Вестник передает напр.[имер], что в высших правительственных сферах возникает в настоящее время предположение издать для народа Библию, снабдив ее множеством рисунков в духе православия. По моему на деятельность Библейского общества это отчасти смахивает. — Что касается цензуры, то хоть у нас пока и не появилось цензурного проекта, подобно проекту Магницкого; однако еще нельзя ручаться, что он не появится: новое (на старый лад) веяние только начинается. Впрочем и теперь уже есть кое-что сродни цензуры второй половины царствования Александра I. Что цензура в последнее время стала строже, это факт, который не может быть подвержен сомнению и что замечательно, — так это то, что строгость цензуры, в настоящее время охватывает круг почти в 30 лет. —

Вы конечно, догадываетесь, что я говорю о последнем каталоге запрещенных книг и журналов. Стоит только прочесть тот

каталог, чтобы перед вами явился в тумане образ Магницкого, который задавался целью «искоренить» и «внедрить». Для меня не показалось удивительным, что запрещен Пфейер, Роберти, Спенсер и др., это все объезжают овражек; но зачем запрещены Лесков, Помяловский и – еще более странно – Кларус («Женщины со стороны физической»), Жозан (то же о женщинах и половых болезнях) и др. в этом роде? ...Может я пересаливаю со своей пронизательностью, но мне кажется, что Лесков и подобные запрещены, потому что смеют смеяться над иерархией и ее представителями, а Кларус, Жозан и подобные за то, что своими рельефными описаниями женщин со стороны физической и перечислением атрибутов женской красоты распалют так сказать воображение молодых людей и способствуют упадку нравственности и развитию проституции, об искоренении которой теперь тоже сильно хлопочут. В конечном результате – та же забота о религии, религиозности и добрых нравах, какая была полвека назад.

В нынешней учебной реформе мне видятся те же проявления религиозной мании. Новый академический устав главным образом направлен к тому, чтобы сфабриковать из студентов представителей церковно-богословской мысли в самом этом узком смысле, чего, как опять таки мне только кажется, новый устав по самому своему существу достигнуть не может. О семинарском уставе я пока ничего не слышал, но во всяком случае он тоже будет составлен в духе «искоренения» и «внедрения». Новое распоряжение о церковно-приходских школах – то же знамение времени. В нем как будто видно какое-то стремление поставить духовенство впереди с задней мыслью, что мы-де православные, как будто духовенству от этого гораздо легче. И подделывая под старую погудку на новый лад, наши ораны печати воскуряют фимиамы по поводу этой благой реформы, которой как послушаешь их, только будто бы и не доставало для того, что бы русский мужик жил и процветал умственно и нравственно. Духовенство вслух поддакивает, а про себя думает: вот не было печали-черти накачали...

Я бы мог указать еще много отдельных фактов помимо всего этого, которые кажутся мне знамением времени, – указать хоть бы на слухи о восстановлении дьяконского чина во всем его великолепии, по поводу чего ликовал какой-то дьякон с прихожанами в Церк. Общ. Вестнике, – указать и еще кое на что, но... я и так заболтался из-за всей моей болтовни можно однако видеть, какой взгляд составил у меня относительно современных реформ в их параллели с второй половиной царствования Александра I, мож-

но видеть и то, что я вовсе не на стороне нового веяния на старый лад и поэтому не могу быть сравнительно беспристрастным исследователем намеченной Вами задачи. А раз я не беспристрастен, то конечно вдамся в крайность и в довершение всего, увлекшись самодельными построениями, напишу тем самым фельетонным слогом, за который я часто имел случаи получать внушение, начиная с ректора нашей семинарии (за проповедь на Сретение, которая вышла похожей на страничку из романа) и кончая Вами (за лекцию о Старой до-петровской и новой Руси, в которой я слишком уже без толку хохотал). Я очень благодарен за все эти внушения; но скоро исправиться не могу; а слушать такие же внушения еще раз для меня будет тяжело – я ведь без того и сам вижу за собой этот недостаток.

Разбор житий и сказаний – тема, как Вы и сами говорите, щекотливая и при том требующая благочестивой осторожности. Молодые люди вообще, а я в частности в этом отношении не надеюсь на себя. Оставим этот труд людям более благочестивым. Наконец, что касается местной церковной истории, то по этой части работают уже мои товарищи-петербуржцы: работы начаты еще в прошлом году...

В заключение Вы не советуете мне покидать и занятий по миссионерству, практически мотивируя это тем, что здесь пока и Кузьма дворянин.- Действительно в голод и жук – мясо; а на безлюдье и Кузьма дворянин. Да в том-то и беда, что Кузьма, как он ни вертись, все остается Кузьмой, от которого овчиной пахнет; настоящим дворянином ему не бывать... Да и то сказать: у нас и без того много таких дворян – Кузьмов – к чему увеличивать их число? А между тем я именно был бы таким Кузьмой в миссионерской деятельности, потому что смыслю в ней с Вашего позволения сказать столько же, сколько и свинья в апельсинах; да и едва ли можно было смыслить больше при той постановке миссионерского отделения в академии, какая была при мне.

Таким образом специальности, о которой говорите Вы, у меня нет; не знаю, может ли она быть у студента вообще в том немного строгом смысле, каком понимаю ее я.

Выступая в жизнь я бы хотел избрать для себя предметом работы русскую историю; сердце к родному как-то ближе лежит. Начало я сделал выбором темы; но как счастлив будет мой путь, буду я хоть маленьким специалистом- не знаю. Заболтался...Еще два-три слова и кончу...

О Сперанском я кое-что знаю; но больше как о государственном деятеле; откуда я могу узнать о нем как о религиозном мыслителе? Из его писем я читал только письма к дочери; но из них видно только, что он до безобразия любил ее, следил за малейшими успехами в науке и в искусствах, скучал без нее и больше – помнится ничего. Где же я могу видеть его религиозные убеждения? Если это не затруднит Вас, я просил бы наставить меня. Библиотеками я стесняться не буду. Хотел было написать, почему я остановился на Сперанском; но боюсь утомить Ваше внимание.

Извините за болтливость и небрежность в письме. Глубоко уважающий вас И. Катетов

Адрес (если потеряли) чрез стан. Рудню (Сарат.[овской] губ.[ернии] Камыш.[инского] у.[езда]) в Слоб.[оду] Красный Яр ок.[оло] Курска Акаф. Ивану Катетову

НАРТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–12об.

№ 2

Балашов

1885

IV/23

Петр Васильевич!

Вместе с этим письмом посылаю Вам план будущего своего сочинения. Хотя материал мной еще не собран вполне и летом я поеду в Петербург для пополнения своих сведений; но уверен, что эти пополнения не изменят сути дела. А тороплюсь я с планом в тех видах что бы ...иметь возможность взяться и за самое сочинение, так как подготовительные работы я надеюсь закончить в июне тем более, что мне и осталось-то только повозиться в рукописном отделе имп. публ. библиотеки да прочитать Пыпина /ни каким способом не мог достать его здесь!/
Заранее прошу извинения за свою докучливость – помимо того, что самое представление плана в подобных случаях едва ли практикуется, я слышал как-то, что вы не особенно доброжелательно относитесь ко всяким вообще планам, потому что трудно составить более или менее ясное представление о всем сочинении по каким-нибудь обрывкам мыслей на манер заголовков и дать тот или иной совет. Но во-первых я взял на себя смелость обратиться к Вам ввиду того сочувствия, которое заметил в Вас; а во-вторых, я постарался по возможности избежать обычных неясностей в

плане, предложив в конце resume всего сочинения в связном изложении. Не знаю, как Вам нравится план самого изложения, какой я принял для своего сочинения. Но удобнее этого плана я ей-ей не мог, да пожалуй и не могу, подыскать. Думал я сначала было поставить дело так, чтобы мысли Сперанского о разных религиозных материях заключить в особую главу и изложить ее, как говорилось прежде, «по материям», т.е. сначала мысли Сперанского о Боге, потом о человеке и т.д. Но при таком изложении не получится рельефности в изображении внутренней жизни Сперанского и кроме того придется сплошь и рядом повторяться... Думать я думал, да и надумал, что хронологическое изложение будет едва ли не самым удобным.

В предлагаемом плане Вы прежде всего увидите небольшое изменение самой темы. Я опустил слово «граф» в тех видах, что люди, любящие придираться к словам когда-нибудь после смогут пожалуй сказать, что «графом» Сперанский стал почти пред смертью и об его религиозной мыслительности сказать много нельзя. Конечно в сущности это- пустяки; но если тема хороша и без этого, то слово «граф» можно пожалуй и выпустить.

Главный недостаток плана заключается прежде всего в том, что гранью при делении жизни Сперанского взято такое обстоятельство как смерть его жены. Но это обуславливается, как Вам известно, тем решающим влиянием, какое имело на Сперанского это самое обстоятельство.

Второй недостаток – большая неравномерность глав. Относительно первой главы это явно извинительно, так как она будет менять характер вступления. Но вторая глава слишком режет глаз скудостью своего содержания сравнительно с третьей. Грустнее всего, что этому горю я и пособить не нахожусь, потому что ведь ничего не оставил Сперанский от этого времени своей жизни...Разве в Петербурге еще что-нибудь найду... А если совсем оставить это деление, излагать под один мах, без паузы, – как-то слишком гладко выйдет и дух перевести негде. Не знаю как и быть.

Понятно, что о заключении и говорить нечего: заключение так оно заключением и останется.

Третий недостаток заключается в произвольном отнесении некоторых трактовок и сочинений Сперанского к определенному времени. Дело в том что из всех сочинений и трактовок Сперанского только трактат «о воле» и рассуждение о свободе снабжены указателями на год их написания (1834); а остальные все таких указаний не имеют. Как тут быть? Выносить все трактаты в осо-

бую главу, – это будет противоречить основному характеру изложения и при том выйдет что-то вроде не совсем резаных выселков. Ну вот я на основании некоторых глубокомысленных соображений и разместил их по разным углам, намереваясь в самом сочинении пустить в ход спасительное «по всем вероятностям» /т.е. известный трактат должно отнести сюда; а не куда-нибудь еще/. Конечно, если мне удастся как-нибудь найти даты, – дело будет хорошее, а если нет, так уж не знаю, что делать.

Вот все, что замечаю я сам. Я думаю, Вы не откажетесь разрешить мои недоумения и указать еще недостатки, какие заметите Вы, – указать хотя бы в самых общих чертах.

План обратно можно и не присылать, так как черновик у меня цел.

Глубоко уважающий Вас:

И. Катетов

НАРТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 111. Л. 9–10об.

№ 3

Балашов

1885

III/ 9

Будьте здоровы Петр Васильевич!

После довольно продолжительного молчания я снова начинаю надоедать Вам своими широковещательными посланиями. На этот раз главной темой моего письма будет вопрос: что делать мне?

Я действительно теперь серьезно недоумеваю, что мне делать. Все, что только мог я отыскать в периодических изданиях, я прочитал. Нечитанными остались только статьи Пыпина, которые к несчастью никак не даются в мои руки. Прочитал я даже и то, что выслано мне из нашей Академической библиотеки и ничего особенно замечательного там не нашел – скажу в скобках/. Оставалась была надежда на императорскую Публичную библиотеку; но и эта надежда рухнула после того, как вчера я получил оттуда ответ, что все важные бумаги Сперанского изданы в сборнике «В память Сперанского», о котором я кажется упоминал Вам и что других каких-либо бумаг, особенно характеризующих его религиозную мыслительность, библиотека не имеет. Навел я эти справки – скажу кстати – через одного окончившего курс в Харьковском университете хорошего знакомого, который недавно ездил в Питер и по моей просьбе заходил в Императорскую Публичную

библиотеку, где и узнал все вышеописанное от самого библиоте-
каря; все это сделал я отчасти в тех видах, чтобы не прокатиться
в Питер попусту.

Все это довольно скверно в том отношении, что в характе-
ристике религиозной мыслительности Сперанского в первые годы
его общественной деятельности у меня будет довольно заметный
провал, так как кроме кое каких отрывков из его «Досугов» да кое
каких не особо оформленных фраз из его писем у меня под рука-
ми ничего не имеется, да пожалуй и иметься не будет.

Итак: что же делать? Стуков недавно писал мне, что Вы по-
советовали мне читать Пыпина. Положим, – я его прочитаю; что
же тогда?...

Биографические очерки Новаковского мне удалось добыть-
ся и оказалось, что это не книга, а книжечка...И тут провалился.
Мне кажется отчасти необходимым где бынибудь прочитать об
иллюминатах и других мистических обществах, идеи которых на-
ходили себе сочувствие в русском обществе при Александре I;
хорошо бы было прочитать /что я впрочем и постараюсь испол-
нить/Фому Кемпийского Фенелопа/ всего; а то я прочитал только
«избранные места»/Эккоргаузена, – прочитаю, если достану; но
что же тогда? Ужели все?

Извините меня за мою назойливость: я слишком как-то по-
просту сказать боюсь своего магистерского. Не просмотреть чего-
нибудь, глядь какой-нибудь оппонент и подковырнет: вы, дескать,
милостивый государь, не потрудились ознакомиться даже с такими
общеизвестными сочинениями, как такое-то и такое-то /Имя рек,
имя рек/...Да и кроме того все означенные мною книги, которые
мне оставалось прочитать /Если Вы только не найдете чего-либо
еще/, я постараюсь добиться в наискорейшем времени и к Пасхе
во всяком случае успею прочитать. Работа над материалами бу-
дет таким образом кончена? Сколько же на нее употреблено? Две
недели в октябре, декабрь /в ноябре я почти не работал/, январь,
февраль и март – итого 4 ½ месяца. Тогда как над материалами
для кандидатского я работал июнь, июль, август, сентябрь, октябрь
и половину ноября, итого 5 ½ месяцев...Совестно как-то. Поло-
жим, в настоящем случае придется подольше посидеть над самой
обработкой сочинения и часто бывает non multa, sed muttum.

Много кое-чего мне хотелось бы узнать о Сперанском; да
должно быть при одном хотеньи и придется остаться. Сочиненье
по всем вероятностям выйдет коротенькое: листов 50-60. Если мне
удастся действительно покончить к Пасхе с материалами, я в об-

щих чертах набросаю план и летом приеду попросить Вашего совета, если Вы мне не откажете в нем. Ведь и все мы скоропекущиеся магистры плохо стоим на ногах, если не уцепимся за что-нибудь; а я – то пожалуй в особенности /имеется в виду Балашов, отсутствие библиотек и тому подобное, смягчающее вину, обстоятельства/.

При письме прилагаю список /очень бедненький/ тех книжек и статей, которые я успел прочитать на свою тему. Делаю это не с той задней мыслью, «вот дескать, сколько прочитал»; а просто для того, чтобы Вы могли с большим удобством заметить что именно нужно для меня кроме прочитанного (подчерк. И.К)

За сим с истинным уважением – Ваш покорный слуга: И. Катетов. В числе прочитанных мною на тему о Сперанском книг на первое место должно поставить конечно

«В память графа М.М. Сперанского» – сборник бумаг Сперанского, изданный Бычковым без всяких критических замечаний. Сборник обнимает собою 855 страниц in 8№, это самый благодарный и самый необходимый меня источник. За ними следуют: «Жизнь гр. Сперанского» бар. Корфа: достоинства этой книги Вы знаете сами.

«Граф Сперанский» Логинова/в Русском Вестнике за 1859 г./ Статья может быть и хорошая сама по себе, но не принесшая для меня почти ничего нового.

«Сперанский и его государственная деятельность» – проф. Ф.Дмитриева /В Русском Архиве за 1868 г./ ничего нового сравнительно с Корфом.

«Из старой записной книжки» /В Русск. Арх. 1874/5 есть характеристика Сперанского; автор совсем затоптал его.

«История царствования имп. Александра I» – Михайловского-Данилевского; этот громадный труд для меня оказался совершенно бесполезным.

«Памятные записки Воложанина» /В русском Арх. 1867 г./- кое-что

«Обозрение жизни и царствования имп. Александра I» Н. Путьяты (В «Девятнадцатом веке» Бартенева, – почти ничего

«О духовном союзе Татариновой» – Ю.В. Толстого; интересная и годная статейка /В «Девятнадцатом же веке»/

«К истории масонства в России с XVII и XIX в» – перевод Н. Ивониной /в Русской Старине 1882/ – годится для декорации только.

«Фенелоповы избранные творения» – перевод Н. Амосова – тоже для декорации. О других еще кое-каких статейках Лонгинова, Афанасьева в Русск. Вестнике я уже и не поминаю, потому что, хоть я их и прочитал, но для себя не нашел там ничего полезного... Вот Вам и все, что я прочитал. Прочитаю еще Пыпина и еще кое-что, на что я указал и ...что же тогда?

Вот еще беда-то литературу Галахова нигде не достану: Вы советовали мне прочитать там о мистицизме. Ну да ведь в этом случае не велика беда, если я отложу дело до лета, когда буду в Саратове или Казани. Статьйка по всем вероятностям не особенно велика...

Так выручайте, Петр Васильевич!

И. Катетов

НАРТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 111. Л. 14–16об.

№ 4

Балашов, 30 сентября

Глубоко уважаемый Петр Васильевич!

Боюсь, что Вы забыли обо мне и стремлюсь напомнить о себе. Впрочем, боюсь – то я не столько за себя, сколько за своего графа: думаю не забыли ли Вы о нем и не махнули – ли на возможность его излечения.

А между тем, лечение его подвигается вперед. Болезнь, к несчастью, слишком серьезна; недуги осложняются и, при помощи Божьей, графу только в следующем году можно будет выйти на свежий воздух; да и только после Вашего осмотра. Как бы то ни было, однако, мне кажется, что граф и теперь стал немного покрепче, чем был прежде; ведь он прибыль ко мне совсем больным, даже более больным, чем Вы мне сказали. Больно, признаюсь, мне было смотреть на него; – свое ведь, родное детище, что поделаешь; страшно было за его жизнь: умрет, думалось мне. Но, памятуя, что терпение и труд все перетрут, я взялся за лечение, и слава Богу, дело будто бы идет на лад. При помощи разных довольно сложных операций мне удалось достичь того, что граф стал думать значительно определеннее, хотя прежние мистические замашки у него не исчезли; искоренить их, конечно, и нельзя, как Вы знаете.

У графа теперь только четыре головы; прежнюю пятую, я приклеил к четвертой; великонька она вышла, да пообтешется,

будет хороша. Первые три головы исправлены и, кажется, могут пойти в дело; четвертую поправлю и надеюсь к масленице окончить. Постом, Бог даст, одену графа в приличную одежду /теперь он у меня лежит в лохмотьях/ и тогда (это может будет летом) отправлю его на почтовых прямо к Вам. В Академию на этот раз он не заедет, что будет дальше. Конечно хороша дочка Аннушка, хвалит мать и бабушка; но все-таки мне кажется, что относительно своего детища я исполнил все требования, которые были предъявлены Вами. Впрочем, в свое время увидите.

Слово детище наводит меня на грустные мысли и сопоставления. Я не писал Вам: у меня был сынишка, ему был 1 год и 2 месяца. Славненький был мальчишка, милый, резвый...Я в нем души не чаял; а он взял, да и умер. Болезнь свернула его в 4-5 дней, и моего мальчика не стало...Неужели и второе мое детище так же умрет от внутреннего недуга?...Плохое это дело хоронить детей. Буду надеяться однако, что при помощи Божией мой граф выдыбает от своей тяжкой болезни и ему будет позволено выйти в свет; кстати и девизом графа было «in adventis sperat»

Простите за болтовню. Право я соскучился о Вас и немножко боюсь за успех своего труда. Может быть Вы меня ободрите чем-нибудь.

Глубоко уважающий Вас
Иван Катетов

НАРТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 111. Л. 17–18.

**Институт истории Коммунистической академии
в отражении документальных свидетельств***

Представлены документы, регламентирующие деятельность Института истории Коммунистической академии при ЦИК СССР: «Устав» института, «Положение об организации научно-исследовательской работы» и «Положение о взаимоотношениях Общества историков-марксистов и Института истории.

Ключевые слова: советская историография, Коммунистическая академия, Институт истории, Общество историков-марксистов.

O. V. Metel

**The Institute of History of the Communist Academy
in certain documents**

The author publishes three documents regulating the activities of the Institute of History of the Communist Academy: «The Charter» of the Institute, «The Regulations of the organization of research work» and the «The Regulation of the relationship between Marxist Historians` Society and the Institute of History».

Key words: the Soviet historiography, the Communist Academy, the Institute of History, the Marxist Historians` Society.

На протяжении более чем десятилетнего существования историографического сборника «Мир историка» в разделе «Документы и материалы», насколько может судить автор, традиционно публиковались источники, проливающие свет на различные эпизоды научных биографий отечественных исследователей¹. Письма, воспоминания, интервью, материалы, связанные с научной или

© О.В. Метель, 2017

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-50040.

---

¹ Содержание 10 выпусков (2005–2015 гг.) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун и др. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. Вып. 10. С. 29–48.

учебной деятельностью ученых – все это позволяло глубже проникнуть в жизненный мир историка, реконструировав детали его повседневного быта, научных и личных коммуникаций, стратегий построения карьеры и т. д. Настоящие документы, подготовленные автором для публикации в одиннадцатом номере сборника, значительно отличаются от названных ранее, представляя собой материалы, регламентирующие деятельность одного из советских научных учреждений – Института истории Коммунистической академии (1929–1936 гг.). Подобное решение, связанное с представлением на суд редакционной коллегии и читателей, документов, на первый взгляд, нарушающих устоявшуюся направленность избранного раздела, было обусловлено, во-первых, некоторым расширением предметного поля, спровоцированным самими редакторами, предложившими провести в текущем номере дискуссию о предмете историографического исследования, а, во-вторых, общей возможностью сближения истории научных институций и «истории историков», когда первая будет выступать для второй и «рамочной средой», и существенным фактором производства научного знания. В результате, автор настоящей публикации видит свою задачу в том, чтобы предпринять попытку привлечь внимание коллег к истории некоторых научных институций советского времени, сравнительно редко получавших освещение в отечественной и зарубежной традиции. И Институт истории Коммунистической академии как нельзя лучше подходит на эту роль, представляя собой пример научного центра, существенно повлиявшего на становление советской историографии, но так и не ставшего объектом пристального исследовательского интереса².

---

² Отдельные сведения о самом Институте и научной работе его сотрудников можно найти в следующих работах: Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / под ред. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. Т. 5; *Вайнштейн О.Л.* Становление советской исторической науки (20-е годы) // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 32–47; *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.). М.: Мысль, 1968; *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М.: Наука, 1968; *Дорошенко В.А.* Коммунистическая академия и ее роль в разработке вопросов отечественной истории (1918–1935 гг.): дис. ... канд. истор. наук. М., 1968; *Гришаев О.В.* Создание Коммунистической академии и ее роль в развитии исторической науки в советской России в 20-е гг. XX в. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 27–33 и др.

Институт истории был открыт в Коммунистической академии 18 ноября 1929 г.³ По замыслу своих создателей он должен был стать главным научным центром страны, специализирующимся на организации и проведении исследований по всем областям исторического знания. Основу вновь открытого Института составил Институт истории, входивший в систему РАНИОН и подвергшийся на волне «культурной революции» серьезной критике за свою неспособность стать действительным центром марксистской мысли⁴. В самой же Коммунистической академии на тот момент существовала лишь немногочисленная историческая секция (1928–1929 гг.). Хотя, в то же время, по словам М.Н. Покровского, историческая тематика, присутствовала в работе многих непрофильных секций академии⁵, и, кроме того, с 1925 г. в ее состав входило Общество историков-марксистов. До создания Института истории, именно оно выполняло функции центра, координирующего работу советских историков-исследователей⁶.

Деятельность Института истории Комакадемии, на наш взгляд, распадается на два основных этапа. На первом этапе (1929–1932 гг.) в работе института преобладал «универсалистский» принцип, предполагавший проведение исследований по самому широкому спектру тем, начиная от первобытности и заканчивая событиями недавнего прошлого. Для этих целей в учреждении были созданы сначала секции, а затем бригады, организованные вокруг изучения ключевых проблем общественно-экономических формаций. Первоначально кадровый состав секций был весьма разнородным и включал в себя как коммунистов-партийцев, так и «буржуазных специалистов», перешедших из Института истории РАНИОН. Однако, по мере развертывания «культурной революции», в Институте было проведено несколько чисток, приведших к «коммунизации» его состава за счет включения недавних выпу-

---

³ Покровский М.Н. Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 3–12.

⁴ См. об этом: Иванова Л.В. Указ. соч. С. 129.

⁵ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 168. Л. 26.

⁶ О деятельности Общества историков-марксистов см., напр.: Дорошенко В.А. Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов (1925–1932) // Вестник Московского университета. Серия IX: История. 1966. № 3. С. 10–22.

скников советских учебных заведений, являвшихся членами партии⁷. В 1933–1936 гг. работа Института была существенно перестроена: вместо изучения всех этапов истории человечества, его сотрудники должны были сосредоточиться на исследовании политически актуальных проблем современности, а с 1934 г. и вовсе сделать акцент на подготовке учебных изданий для средней и высшей школы. История Института истории Комкадемии, впрочем, оказалась недолгой: в феврале 1936 г. по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР Коммунистическая академия была ликвидирована, а ее институты вошли в состав Академии наук СССР, ставшей отныне единственным научным центром страны⁸. В результате подобных трансформаций, «комакадемический» Институт истории был слит с Историко-археографическим институтом Академии наук в единый Институт истории АН СССР.

Материалы, представленные в настоящей публикации: «Устав Института истории Коммунистической академии», «Положение об организации научно-исследовательской работы Института истории Коммунистической академии» и «Положение о взаимоотношениях Общества историков-марксистов и Института истории Ком[мунистической] академии», – отражают этап становления нового исследовательского центра, знакомя читателей с декларируемыми принципами его работы. Все названные тексты хранятся в Архиве РАН, в фонде № 350 «Коммунистическая академия Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР)»⁹. Они представляют собой машинописные копии с отдельными внесенными от руки правками. И устав, и приведенные нами положения датируются 1929 г., хотя первый документ появился в июне,

---

⁷ Для подтверждения наших слов сошлемся на «Постановление Президиума Коммунистической академии по вопросу о проверке личного состава» от 21 ноября 1930 г. См.: ГАРФ. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 93. Л. 33.

⁸ О ликвидации Коммунистической академии (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР) // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 216–224.

⁹ О составе архивных фондов, связанных с историей Коммунистической академии, см.: *Савина Г.А.* Создание электронной базы данных «Коммунистическая академия ЦИК СССР (1924–1936) в Архиве Российской академии наук: новые исследовательские возможности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 76–82.

тогда как последующие были приняты в октябре. По своему характеру все три текста являются «декларациями о намерениях», далеко не всегда фиксируя реальное положение дел. В этом, на наш взгляд, заключается основная опасность их использования исследователем, рискующим при механическом переносе в текст повествования полученных данных существенно исказить картину деятельности Института истории Комкадемии. Учитывая подобную сложность, мы постарались представить некоторые комментарии к текстам документов, фиксируя «разрывы» между изначальными намерениями и сложившейся практикой.

Все документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации. Сокращения и пропущенные знаки препинания добавлены в квадратных скобках. Исправления, встречающиеся в источниках, учтены и не оговариваются в текстах. Названия представленных в документах учреждений приведены к единообразию и даны в соответствии с принятой в настоящее время традицией их использования.

УСТАВ

ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
(Принято в Засед[ании] Бюро Презид[иума] К[оммунистической]
А[кадемии] 28/VI-[19]29 г.[.] прот[окол] № 16)

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ЗАДАЧИ ИНСТИТУТА

1. Институт истории Коммунистической академии, являясь центром научной работы СССР в области исторического знания¹⁰ и базовой исследовательской деятельности общества историков-марксистов, ставит своей задачей организацию этой работы во всех областях исторического знания, подготовку кадров научных работников¹¹, а также повышение квалификации работников соответствующих научно-исследовательских институтов и вузов¹².

---

¹⁰ Подразумевалось, что именно Институт истории Коммунистической академии будет осуществлять в СССР исследовательскую работу в данной области, освещая с позиций марксизма прошлое человечества, тогда как другие учреждения подобного профиля, в том числе находившиеся в структуре Академии наук, будут выполнять вспомогательные функции. См.: РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

¹¹ В 1929–1931 гг. при Институте истории Комкадемии действовала аспирантура, являвшаяся, в некотором роде, «наследницей» аспирантуры Института

2. Для достижения указанных целей Институт истории:

а) занимается изучением вопросов как методологии истории, так и отдельных проблем исторического знания, а также научно-вспомогательных дисциплин, ведя работу в секциях, комиссиях и семинариях Института, организуемых по усмотрению коллегии Института истории. Основная работа Института ведется в секциях: 1) истории народов СССР, 2) истории Западной Европы и Америки, 3) истории Востока и 4) этнологической, 5) социологической¹³[;]

б) [осуществляет по линии своей работы функции Ком[мунистической] академии в деле¹⁴] планирования и координирования научно-исследовательской работы институтов, находящихся на территории СССР и работающих в области изучения истории;

в) печатает научные труды членов Института и других научных работников, а также совместно с обществом историков-марксистов издает журнал «Историк-марксист»;

г) принимает [руководящее¹⁵] участие в пополнении библиотеки Ком[мунистической] Академии литературой по историческим дисциплинам, издаваемой как в пределах СССР, так и за границей, в разработке вопросов систематизации этой литературы и ее библиографирования[;]

истории РАНИОН. Обучение было организовано в рамках секций и предполагало освоение обширной учебной программы, требовавшей от аспиранта активного участия в научно-организационной и партийной работе. Однако из-за постоянных срывов производственных планов от подготовки кадров в стенах академии пришлось отказаться. См., напр. сведения о бюджете времени аспиранта Института истории: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 75.

¹² На практике решение данной задачи было связано преимущественно с организацией докладов для преподавателей вузов, техникумов, комвузов и средних школ, а также исторической общественности. См., напр.: В Институте истории Коммунистической академии // Историк-марксист. 1934. № 4. С. 157–159.

¹³ Уже в момент открытия Института состав секций был иным, включая в себя, согласно данным М.Н. Покровского, секцию истории империализма, секцию истории промышленного капитализма, секцию по истории пролетариата СССР (первоначально действовавшая в академии в качестве отдельной комиссии), а также социологическую и методологическую секции. См.: *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 8. В дальнейшем, состав секций Института неоднократно менялся, так как далеко не все из них смогли наладить нормальную работу, а некоторые (секция методологии) и вовсе остались лишь «на бумаге».

¹⁴ Вписано от руки.

¹⁵ Впечатано над текущей строкой.

д) организует заграничные командировки своих членов, а равно и научные экспедиции в различные районы СССР и за границу¹⁶ [;]

е) консультирует по вопросам истории, как научные учреждения, так и отдельных научных работников и преподавателей, занимающихся в области исторических исследований.

3. Институт истории Коммунистической академии имеет свою смету, проводимую как часть общей сметы Ком[мунистической] академии.

Примечание: суммы, получаемые Институтом от отдельных учреждений и организаций на производство специальных работ, зачисляются в фонд специальных средств Института.

II. СОСТАВ ИНСТИТУТА

4. Институт истории состоит из действительных членов Института (штатных и внештатных), старших и младших [научных¹⁷] сотрудников, ученых специалистов и аспирантов¹⁸.

5. Членами Института могут быть научные работники в области истории, имеющие самостоятельные печатные труды, ведущие научно-исследовательскую работу. Члены Института утверждаются Президиумом Ком[мунистической] Академии по представлению Коллегии Института.

6. Старшими научными сотрудниками могут быть лица, имеющие печатные труды и ведущие работу под руководством или Коллегии, или членов Института. Младшими научными сотрудниками

---

¹⁶ Подобная работа действительно проводилась Институтом. К примеру, экспедиционная деятельность занимала важное место в планах социологической секции (затем – секции докапиталистических формаций), предполагавшей организацию экспедиций в Среднюю Азию и на Алтай. См.: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 55. Л. 2. Зарубежные командировки, как следует из докладной записки Н.Н. Ванага, были возможны до 1933 г., так он подчеркивал, что в 1932 г. поездку в Германию и во Францию с целью изучения истории Амстердамского Интернационала совершила А.М. Панкратова. См.: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 233. Л. 13; *Сидорова Л.А.* Проблемы «отцов и детей» в историческом сообществе // История и историки, 2002: историографический вестник / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2002. С. 34.

¹⁷ Вписано от руки.

¹⁸ Штатное расписание Института также неоднократно менялось: были упразднены должности действительных членов, а старшие научные сотрудники получили возможность проведения самостоятельных научных изысканий. Помимо научных сотрудников, в работе Института были задействованы научно-вспомогательные работники, библиографы и библиотекари. См.: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 57. Л. 5, 8, 18, 25; АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–2.

могут быть лица закончившие аспирантский стаж работы или равные их научной квалификации.

7. Учеными специалистами могут быть высококвалифицированные работники в области исторических наук, приглашаемые Коллегией Института для выполнения определенных задач.

8. Аспирантами Института могут быть лица, выделяемые вузами для научной работы или же обладающие соответствующей подготовкой и удовлетворяющие общим условиям приема. Условия приема ежегодно публикуются Коллегией Института, а равно Коллегией Института утверждаются и кандидатуры аспирантов.

III. УПРАВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОМ

9. Общее руководство научной деятельностью Института и управлением им возлагается на Коллегию Института во главе с директором Института в составе 10 человек, избираемых сроком на три года на общем собрании членов Института и утверждаемых Президиумом Коммунистической академии. Непосредственной же работой секций и комиссий Института руководят бюро от 3 до 5 человек, назначаемых Коллегией Института.

10. Общее собрание членов Института собирается не реже одного раза в полугодие

Решающим голосом на общем собрании пользуются действительные члены Института.

С совещательным голосом на собрании Института имеют право участвовать научные сотрудники, ученые специалисты и аспиранты.

11. Общее собрание:

а) избирает новых членов Института по предложению Коллегии[;]

б) заслушивает отчет о деятельности Института и планы его работ[;]

в) избирает Коллегию Института.

Примечание: планы работ и отчеты Института, рассмотренные и утвержденные общим собранием, поступают на окончательное утверждение Президиумом Коммунистической академии.

12. Все дела на общих собраниях членов Института решаются простым большинством голосов. Собранием считается состоявшимся при наличии не менее 1/3 действительных членов Института.

В случае неприбытия указанного числа членов, созывается вторичное общее собрание, действительное при любом числе собравшихся.

13. Непосредственное же руководство работой Института возлагается на Коллегию Института, отвечающую за организацию научно-исследовательской работы Института и подготовку аспирантуры¹⁹. В компетенцию Коллегии входят:

а) выборы из состава Коллегии Института директора, заместителя директора и ученого секретаря, с последующим утверждением их Президиумом Ком[мунистической] академии²⁰[;]

б) утверждение членов Института с последующим представлением их общему собранию;

в) назначение руководителей отдельных частей Института и установление персонального состава как редакционных комиссий, так и отдельных редакторов научных трудов членов Института[;]

г) рассмотрение и утверждение отчетов и планов работ секций, комм[и]ссий, семинаров и др[угих] частей Института;

д) разработка и предоставление в установленном порядке штатов и сметы Института;

е) прием новых аспирантов.

14. Коллегия Института истории собирается не реже одного раза в месяц.

15. Коллегия Института истории обязана представлять Президиуму Ком[мунистической] академии ежегодный отчет о работе Института.

Примечание: в случае решения Президиума Ком[мунистической] академии Коллегия Института истории обязуется представлять и неперIODические отчеты.

16. Коллегия Института истории имеет собственный Секретариат, непосредственно подчиненный ученому секретарю.

2/VII-[19]29 г.

5 экз[емпляров]. – СТ.

Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–13.

---

¹⁹ В 1930 г. в состав Коллегии входили: Н.Н. Ванаг, В.П. Волгин, П.О. Горин, Н.М. Лукин, С.М. Моносов, С.А. Пионтковский, М.Н. Покровский, М.А. Савельев, А.Д. Удальцов, Г.С. Фридлянд. См.: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

²⁰ За время работы Института истории данные должности занимали следующие лица М.Н. Покровский (директор, 1929–1932 гг.), Н.М. Лукин (заместитель директора, 1929–1932 гг.; директор, 1932–1936 гг.), Н.Н. Ванаг (заместитель директора), П.О. Горин (ученый секретарь, заместитель директора), П.С. Дроздов (заместитель директора), Л.Г. Мамет (ученый секретарь), И.В. Фролов (ученый секретарь), О.Н. Чаадаева (ученый секретарь), А.Г. Медведева (ученый секретарь).

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 Научно-исследовательская работа Института истории Ком[мунистической] академии ведется в следующих основных секциях²¹ Института: методологической, социологической, секции по истории промышленного капитализма, секции по истории эпохи империализма, секции по истории пролетариата СССР и секции по истории зарубежного Востока. По решению Коллегии Института при разработке проблем, выходящих за пределы секций допускается постановка и внесекционной работы.

2. В задачу секции входит ведение научно-исследовательской работы выражающейся в конечном итоге в издании монографий и научных статей, не разрабатываемых проблем. Секции, состоящие в своем одном ядре, из штатных научных работников Института привлекают к своим работам также и внештатных научных работников²², составляя, таким образом, единый коллектив историков-марксистов, работающий в области научного исследования проблем касающихся данной секции. К работам секции привлекаются также и аспиранты Института.

3. Работа секций ведется по планам, предварительно обсуждаемым в секции и утвержденным Коллегией Института. В целях усиления коллективных элементов в исследовательской работе, для обсуждения вопросов о методах разработки материалов или для рассмотрения спорных вопросов в более широкой аудитории доклады для заслушивания переносятся в Общество историков-марксистов.

4. Руководство работами секций осуществляется заведующим секцией, ответственным за выполнение плана работ секции, и который также является руководителем научно-исследовательской и научно-организационной работы секции. Заведующий секцией назначается Коллегией Института. Для разработки же плана

---

²¹ Напомним, что в 1932 г. Институт перешел на бригадный метод работы и на месте секций были организованы отдельные бригады, а в 1933 г. их заменили секторами.

²² Доля внештатных сотрудников была высока, порой в несколько раз превышая число штатных специалистов. Велик был и объем возлагаемой на них работы, связанной с выполнением многих плановых заданий подразделений Института. Однако при этом нередко они работали на «общественных началах», не получая за свой труд денежного вознаграждения. О распределении заданий между штатными и внештатными сотрудниками см., напр.: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 53. Л. 7.

научно-исследовательской работы секции и обсуждения вопросов научно-организационного порядка Коллегией Института истории выделяется бюро в составе от 3-х до 7-ми членов.

5. Штатный научный работник Института обязан состоять не менее, чем в одной секции. Научно-исследовательская работа действительных членов и научных сотрудников протекает по общим наблюдением заведующего секций по плану, утвержденному Коллегией Института и должна быть осуществлена в сроки, установленные Коллегией Института. Штатные научные работники секций обязаны представлять заведующему секцией краткие ежемесячные отчеты о проделанной ими работе по реализации данных им научных заданий.

6. В своей работе каждая секция опирается на кабинет, как на базу научно-исследовательской работы секции²³. В задачи Кабинета входит организация справочной библиотеки, необходимой для работ данной секции, постановка научной библиографии предмета, организация справочной части для научных работников (например, справка об архивных фондах, каталоги книгохранилищ и т.д.) Во главе Кабинета стоит заведующий, назначаемый Коллегией Института.

13[неразборчиво].

Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМ[МУНИСТИЧЕСКОЙ] АКАДЕМИИ

1. Дифференциация работ Общества историков-марксистов и Института истории Ком[мунистической] академии должна проводиться, исходя из основного положения, что Институт истории Ком[мунистической] академии является научно-исследовательским учреждением, а также подготовляющим аспирантуру, в то же время, как Общество Историков-Марксистов, объединяя широкие кадры историков-марксистов, ведет работу по координации работ отдельных исторических институтов, разработке общих вопросов марксистской методологии истории, своевременному разоблаче-

---

²³ Система кабинетов появилась в Коммунистической академии в 1920 г. благодаря Д.Б. Рязанову. Первоначально они представляли собой основные научно-исследовательские подразделения, однако к концу десятилетия превратились скорее во вспомогательные. В Институте истории, в силу нехватки материальных ресурсов, система кабинетов развернута так и не была.

нию анти- и псевдо-марксистских выступлений, популяризации исторических знаний, наблюдению за постановкой исторической работы на местах и т.п., перенося, однако, работу по систематической научно-исследовательской работе в Институт истории.

2. Работа Института истории ведется под непосредственным руководством Коллегии Института, назначаемой согласно положения об Институте Президиумом Ком[мунистической] академии. Совет Общества же ежегодно, наряду с другими историческими институтами, заслушивает общий доклад и Института Истории Ком[мунистической] академии. Решения и пожелания Совета проводятся Коллегией Института.

Примечание: I. По соглашению Совета Общества и Коллегии Института доклады могут заслушиваться и более 1 раза в год.

II. В случае разногласий между Советом Общества и Коллегией Института, спорные вопросы переносятся на решение Президиума Ком[мунистической] академии.

3. В области представительства Ком[мунистической] академии, по линии ее исторического сектора (посылка делегаций, связь с различными учреждениями и организациями и т.п.), в целях избежания параллелизма, эта работа ведется Обществом историков-марксистов; Институт истории же, являясь самостоятельным научно-исследовательским учреждением, связь с другими учреждениями и организациями устанавливается в пределах, необходимых ему для реализации планов научно-исследовательской работы Института и подготовки аспирантуры.

4. В области издательской деятельности Общество историков-марксистов печатает работы своих членов, а также издает методическую научно-популярную и учебно-вспомогательную литературу, Институт истории же издает только работы, являющиеся продуктом его научно-исследовательской работы.

5. Журнал «Историк-Марксист» является совместным органом Общества историков-марксистов и Института истории Ком[мунистической] академии. Редакционная коллегия журнала намечается Советом и Коллегией Института и утверждается Президиумом Ком[мунистической] академии²⁴.

Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–6.

---

²⁴ Огромную роль в утверждении состава редакционной коллегии журнала «Историк-марксист» играли решения партийных инстанций. В частности, в январе 1932 г. именно Политбюро принимало окончательное решение о включении в состав редакции М.Н. Покровского, Н.К. Попова, Н.М. Лукина, Ем.М. Ярославского, А.В. Шестакова и Г.М. Дубыни. См.: РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 10. Л. 6.

В.Г. Бухерт

**«Основное – это не потерять связь
и живое общение с Академией наук».
Письма П.П. Фридолина
к академику В.П. Волгину 1945–1949 гг.**

Публикуются письма работавшего в г. Баку историка П.П. Фридолина, адресованные академику В.П. Волгину. Наряду с результатами научной деятельности, в письмах сообщается о бытовых сторонах жизни ученого.

Ключевые слова: Научное творчество историка П.П. Фридолина, история Италии.

V.G. Bukhert

**"The main thing – it does not lose touch and live
communication with the Academy of Sciences."
Letters P.P. Fridolin
to Academician V.P. Volgin of 1945–1949**

We publish the letter worked in Baku historian P.P. Fridolin addressed to Academician V.P. Volgin. Along with the results of scientific activity in the letters reported on the domestic aspects of the life of the scientist.

Key words: The scientific work of the historian P.P. Fridolin, the history of Italy.

Пётр Петрович Фридолин¹ относится к числу историков, близких С.Ф. Платонову². Он преподавал историю в возглавляемом С.Ф. Платоновым женском Педагогическом институте, ассистировал ему в подготовке программы лекций, с которыми С.Ф. Платонов выступал в основанном в С.-Петербурге Обществе

© В.Г. Бухерт, 2017

---

¹ Фридолин Петр Петрович (1876–1949) – историк, профессор женского Педагогического института в Петрограде (1912–1918), Азербайджанского государственного университета (с 1923 г.).

² Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, профессор Петербургского университета (с 1894 г.), академик РАН (с 1920 г.).

«Маяк»³. В сборнике статей, изданном к двадцатипятилетию начала научной деятельности С.Ф. Платонова, подготовленном его учениками, была опубликована и статья П.П. Фридолина⁴. Уже тогда предметом научного интереса П.П. Фридолина являлась история Италии эпохи Возрождения. Его, как и многих, кто занимался этим временем, привлекала культура Италии⁵, но особый интерес, и в этом сказалась реальность, в которой довелось жить и работать П.П. Фридолину, у него вызвала история нарождающегося в Италии пролетариата⁶, народное движение известное как «восстание Чомпи⁷» во Флоренции в 1378 г.⁸

О самом П.П. Фридолине, особенно о том, как сложилась его судьба после отъезда в Баку, где он многие годы преподавал в Азербайджанском государственном университете известно мало. Тем больший интерес вызывают хранящиеся в Архиве РАН письма П.П. Фридолина к вице-президенту Академии наук СССР, академику В.П. Волгину⁹. Они относятся, очевидно, к последним годам жизни историка.

---

³ См.: *Бухерт В.Г.* С.Ф. Платонов в Обществе «Маяк» // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011, С. 105–110. Создание Общества «Маяк» стало шагом на пути основания в России представительства Христианской ассоциации молодых людей (Young Men's Christian Association – YMCA), международной организации, основанной Д. Уильямсом в Лондоне в 1844 г.

⁴ См.: *Фридолин П.П.* Несколько слов по поводу двух неизданных рукописей, касающихся гуманиста Заноби да Страда // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, С. 95–102.

⁵ См.: *Фридолин П.П.* Педагогические идеи итальянского Возрождения // Известия Педагогического факультета Азербайджанского государственного университета им. В.И. Ленина. Общественные науки. 1929. Т. 14. С. 41–60.

⁶ *Фридолин П.П.* Борьба рабочих за право ассоциаций в XIV в. // Известия Правового отделения Восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В.И. Ленина. 1928. Вып. 2. С. 39–51; *Он же.* Флорентийские цехи накануне капиталистической эпохи // Известия Азербайджанского государственного университета им. В.И. Ленина. Общественные науки. 1928. Т. 13. С. 83–96.

⁷ Чомпи – чесальщики шерсти и другие наемные рабочие сукнодельческих мануфактур во Флоренции и в других итальянских городах.

⁸ *Фридолин П.П.* Восстание Чьомпи. Из истории рабочего движения Италии XIV в. // Известия Азербайджанского государственного университета им. В.И. Ленина. Общественные науки. 1925. Т. 4/5. С. 5–26; 1926. Т. 6. С. 1–11; Т. 7. С. 5–47.

⁹ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, академик АН СССР (с 1930 г.).

Письма публикуются по автографам, с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

П.П. Фридолин – В.П. Волгину

№ 1

Баку. [1945 г.]

Многоуважаемый Вячеслав Петрович!

Посылаю Вам бандеролью короткий автореферат моей книги: «Восстание Чьомпи», защищённой мною в качестве докторской диссертации в 1942 году. (Он нигде до сих пор помещен не был). Что же касается моей книги, то, по-видимому, она всё же будет напечатана в Баку в издательстве Университета.

Случилось это так: когда я прочитал Ваше первое письмо ректору¹⁰ Университета, он сказал мне, что не к чему печатать книгу в Москве, Университет найдёт и бумагу, и необходимые средства, чтобы напечатать её в Баку. Отдел агитации и пропаганды ЦК АКП (б) поддержал это предложение ректора. Работа моя была после этого включена в план издательства на 1946 год, и, если я до сих пор не написал об этом Вам, то только потому, что всё ещё не закончены путешествия издательского плана по всем инстанциям и договор со мной еще не подписан. Ректор и Азернешр (Азгосиздат), однако, заверяют меня (правда, пока на словах), что работа непременно будет издана. Кроме того, как ректор, так и издательство сообщили мне, что они не только не возражают против посылки мною автореферата в «Известия Ак[адемии] н[аук]», но приветствуют это и полагают, что не мешало бы упомянуть, что работа будет печататься в Баку.

На днях перешлю Вам на Ваше усмотрение ещё одну работу: «К истории вторжения германцев в Италию в средние века». Это – исторический этюд в свете «Хронологических выписок» К. Маркса¹¹. Poleмический и разоблачительный тон, направленный против ле-

---

¹⁰ Караев Абдулла Исмаил оглы (1910–1968) – физиолог, профессор (с 1940 г.), ректор (1944–1950) Азербайджанского государственного университета им. С.М. Кирова, академик АН Азербайджанской ССР (с 1949 г.).

¹¹ См.: *Маркс К.* Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. М., 1938–1946, Т. V–VIII.

генд и мифов фашистских и шовинистических историков, которым пронизана моя работа, получился, так как работа написана во время войны, когда было вполне естественно для каждого старого историка (тыловика вроде меня) идти в идеологическую атаку на фашизм. Однако, работа моя, всё же не памфлет, а, как мне кажется, серьёзная научная работа. Размер её – 4, 4 ½ печатных листа. Может быть, можно поместить её не в одной, а в двух книжках «Вопросов истории»? Впрочем, делайте с ней всё, что найдёте нужным и целесообразным.

Хочу сообщить Вам также, что дней 20 тому назад по распоряжению секретаря ЦК АКП (б) тов. Багирова¹² я получил полный комплект одежды: пальто, костюм, башмаки, галоши и бельё. Это было для меня большим сюрпризом: я ни о чём не просил и внимание ко мне со стороны тов. Багирова было мне очень приятно, как с моральной, так и с материальной стороны. Таким образом, весной я смогу и в Москву ехать; заранее напишу Вам.

За Ваши тёплые товарищеские письма очень Вам благодарен и ценю их, так как не избалован подобными отношениями.

Надеюсь, что Вы получили моё подробное письмо от 15/Х [19]45 года.

Крепко жму Вашу руку

П. Фридолин

Баку, ул. лейт[енанта] Шмидта, д. 8, кв. 92. Петру Петровичу Фридолину.

АРАН. Ф. 514 (В.П. Волгин). Оп. 3. Д. 138. Л. 1–2об.

№ 2

Баку. 3 сентября 1946 г.

Многоуважаемый Вячеслав Петрович!

После бесед с Вами подготовил к докладу (или напечатанию в виде статьи) (так как проредактировал и совсем закончил) работёнку, на которую ушло несколько лет, (и о которой я Вам говорил в Москве), а именно: «Проблема семьи и дома в произведениях итальянских гуманистов XV века». Могу дополнительно набросать тезисы или автореферат и выслать Вам. Обдумал также Ваш совет

---

¹² Багиров Мир Джафар Аббасович (1895–1956) – советский партийный деятель, 1-й секретарь ЦК Компартии Азербайджана (1933–1953).

использовать две главы из моей докторской диссертации: о флорентийских цехах XIV в и об устройстве флорентийской коммуны XIV в. (пока диссертация еще не напечатана). Думаю, что удастся их обработать в виде небольших статей (листа 1 1/2 или 2).

От пребывания в Москве и живого общения с Вами и другими товарищами – специалистами осталось наилучшее впечатление: как говорится, духовно освежился и подковался для продолжения работы.

Года бегут. В июле 1946 года исполнилось 50 лет моей научно-литературной работы. Моя первая печатная статья появилась в июле 1896 года в журнале «Мир божий» под заглавием «Из глубины времён»¹³ (очерк истории первобытной культуры). С тех пор до настоящего времени не прекращал и не прекращаю научно-исследовательской работы. (Всего монографий и статей не так уж много, но всё же накопится до 50-60. Дело, однако, не в этом). Звание профессора имею с 1918 года, учеников не мало.

15-го сентября исполняется мне 70 лет от роду. Университет, как будто, хочет отметить сие событие, вроде как бы юбилей.

Конечно, не скрою, если не забудут эти даты в моей жизни, будет на старости лет очень приятно. В общем же, основное – это не потерять связь и живое общение с Академией наук особенно в наши дни ответственной работы нас, больших и маленьких учёных на идеологическом фронте.

Крепко жму Вашу руку, желаю здоровья

П. Фридолин

P.S. В ближайшее время вышлю Вам одну из упомянутых работ (ту, которая раньше будет переписана на машинке).

Адрес: Баку, ул. лейт[енанта] Шмидта, д. 8, кв. 92.

Шлю поклоны Ольге Константиновне Кузнецовой и Влад[имиру] Влад[имировичу] Альтману¹⁴.

АРАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 138. Л. 3–3об.

---

¹³ См.: *Фридолин П.П.* Из глубины времен // Мир Божий. 1896. № 7. С. 203–226.

¹⁴ Альтман Владимир Владимирович (1906–1971) – историк, младший (1955–1962), старший (с 1962 г.). научный сотрудник Института истории АН СССР.

[Баку]. 14 февраля 1947 г.

Многоуважаемый Вячеслав Петрович!

Читал в газетах о Вашем пребывании в Индии: поздравляю с новой степенью доктора honoris causa* индийского (Дели?) университета. Надеюсь, что Вы здоровы и чувствуете себя хорошо. Что меня касается, то вскоре после моего юбилейного чествования я лёг в больницу на операцию: вырезали у меня две опухоли на левой ноге; думали, не рак ли, но оказались опухоли доброкачественные: лимфатические железы. Весь декабрь у меня пропал. В январе, однако, после выхода из больницы и заживления ран, принялся опять за работу; нога, правда, опухает к вечеру, но, в общем, надеюсь, что вскоре совсем поправлюсь, чтобы к весне получить свободу передвижения.

Посылаю Вам на Ваше усмотрение законченную мною в 1946 году работу «Проблема семьи и дома на заре капиталистического производства». Работа исследовательского характера, написана по первоисточникам. Что с ней делать – не знаю. Для «Вопросов истории» она велика, хотя тема, думается, достаточно актуальна. Может быть, можно было бы использовать её для специального доклада? Хотелось бы, чтобы Вы её пробежали. А, в общем, прошу поступить с ней всецело по Вашему усмотрению. Вам, как вице-президенту Академии, возглавляющему в Союзе гуманитарные науки, необходимо знать, чем живут и что делают учёные страны в области их специальности; я же, после моего 70-го юбилея, не собираюсь сидеть, сложа руки, а хочу продолжать работу по-прежнему. Через месяц вышлю Вам в готовом виде вновь переработанную статью по истории цехового строя в Зап[адной] Европе: «Коммуна и цехи во Флоренции XV века». Статья моя «о ремесленных организациях феодального Запада и Востока», будет напечатана в «Известиях» нашей Академии. От Академии архитектуры получил телеграмму, что печатается моя рецензия на книгу: «Памятники архитектуры Азербайджана». Вот – отчёт о моих работах за последнее время.

С искренним приветом жму Вашу руку

П. Фридолин

АРАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 138. Л. 4–4об.

---

* во внимание к заслугам (лат.).

10 октября 1948 г.

Многоуважаемый Вячеслав Петрович!

Давненько мы не виделись и я не писал Вам. Сейчас высылаю Вам мою рецензию на книгу Гуковского¹⁵ «Итальянское Возрождение»¹⁶ и пользуюсь случаем черкнуть Вам два слова. Я ещё жив и работоспособен, хотя физически полуинвалид, так как после операции левой ноги (удалены две опухоли лимфатических желез) образовался застой лимфы, т[ак] наз[ываемый] лимфостаз. Вследствие этого запрещено лекции читать стоя, много ходить, предписано по возможности лежать с вытянутой и приподнятой ногой и т. д. Приходится со всем этим, несмотря на мою природную подвижность, примириться к моей великой досаде. Однако, дух бодр и работаю много. На днях в № 7 «Известий» нашей Азербайджанской Академии наук выходит моя статья: «Заметки о ремесленных организациях средневекового феодального Востока и Запада»¹⁷. Кроме того, С.Д. Сказкин¹⁸ написал мне, что моя большая статья: «Проблема семьи и дома в произведениях итальянских гуманистов» (на заре капиталистического развития) подошла для напечатания в очередном «Сборнике по истории средних веков». Кстати, какое-то недоразумение произошло с рукописью. С.Д. Сказкин писал мне, что она переслана в Сектор истории средних веков, ещё в августе 1948 года. Однако, несмотря на моё письмо с просьбой подтвердить получение рукописи тов. Асиновской (секретарю Сектора) и две телеграммы, посланные в сентябре, до сих пор я не получил никакого ответа. Может быть, не откажете приказать узнать, в чём дело. Если рукопись затеряли, пришлю копию. Работаю непрерывно над вопросом становления и марксистской характеристики средневекового феодального города (по своей специальности «средневекового» профессора). Что касается рецензии на книгу Гуковского «Итальянское Возрождение», то она, конечно, вышла довольно-таки резкой, но, ведь долг наш советских

---

¹⁵ Гуковский Матвей Александрович (1898–1971) – историк, профессор ЛИФЛИ (с 1933 г.), ЛГУ (с 1943 г.).

¹⁶ См.: *Гуковский М.А.* Итальянское Возрождение. Л., 1947. Т. 1.

¹⁷ *Фридолин П.П.* Заметки о ремесленных организациях средневекового феодального Востока и Запада // Известия АН Азербайджанской ССР. 1948. № 7. С. 63–70.

¹⁸ Сказкин Сергей Данилович (1890–1873) – историк, академик АН СССР (с 1958 г.).

историков выступать с обоснованной критикой, не взирая на лица, а автор книги допустил ряд принципиальных ошибок и извращений, на которые критика должна указать. Книга требует крупных переделок. Если Вы найдёте желательным и возможным напечатать мой отзыв в «Вопросах истории» или где-нибудь в другом органе, – всецело предоставляю на Ваше усмотрение. Я и впредь буду высылать Вам все мои новые рукописи. Пока не закис и не собираюсь закиснуть. Когда выйдет № 7 «Известий» нашей Академии, пришлю Вам его с моей статьёй, которой, кстати, заинтересовался академик В.А. Гордлевский¹⁹.

В данное время, кроме того, усердно работаю в области второй моей специальности над курсом (новым и очень ответственным) лекций «Основы марксистско-ленинской эстетики», введённый как обязательный в вузах по искусству.

Хотел бы получить от Вас сообщение о Вашем здоровье и самочувствии.

С искренним приветом и уважением

П. Фридолин

Баку, ул. лейт[енанта] Шмидта, д. 8, кв. 92. Петр Петрович Фридолин.

АРАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 138. Л. 5–6об.

№ 5

5 февраля 1949 г.

Многоуважаемый Вячеслав Петрович!

Давно не имел от Вас ни строчки! Как-то оборвалась переписка. Однако, я пока могу сказать про себя: жив, жив, курилка! Жив – работаю и пишу, хотя, правда, и не надеюсь, что, хотя бы 50% того, что написано и пишется, будет напечатано. В наших (конкретных) условиях здесь требуется для этого не только тема, имеющая отношение к Азербайджану, но и снискание благоволения к автору со стороны редакторов, к чему особых специфических способностей я не имею. Последняя моя статья о ремесленных организациях средневекового феодального Востока и Запада, напечатанная в № 7 «Известий» нашей Академии наук в 1948 г., написана была 2 года тому назад, а оттисков я до сих пор я так и не получил (почему, между прочим, не могу послать и Вам).

---

¹⁹ Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956) – востоковед-тюрколог, академик АН СССР (с 1946 г.).

В настоящее время на ближайшей научной сессии академ-работников Университета предполагаю выступить с докладом на тему: «Т[ак] наз[ываемое] Возрождение (Ренессанс) в свете подлинной (марксистской) науки». Проблема Возрождения сейчас интересует научные круги, как в Москве и Ленинграде, так и Грузии, и Азербайджане. Кроме книги Гуковского «Итальянское Возрождение» в Ленинграде ставится диссертация Бернадской²⁰ «Возникновение синьории в Ферраре», в Москве – диссертация Романова²¹ «Бертон²² и его место в истории английского гуманизма. К проблеме Возрождения»²³, в Тбилиси: Шота Руставели²⁴ и Восточный Ренессанс, в Азербайджане тоже в связи с празднованием юбилея Низами²⁵ выдвигался вопрос о Ренессансе. Надо во всём этом разобратся. Рецензию на книгу Гуковского я послал в редакцию «Вопросов истории»; однако до сих пор мне неизвестно, использует ли её журнал или нет. Правда, написана она мною что называется «резковато»²³, но неужели это мешает её опубликованию в дискуссионном порядке? Мне кажется, вряд ли следует замалчивать обсуждение этой проблемы советскими специалистами. Надеюсь получить от редакции тот или иной ответ.

Лично я остаюсь, несмотря на мои физические недуги «беспокойным старикашкой» (как меня называют) и пока не собираюсь складывать оружие в борьбе за процветание нашей партийной советской науки. Моральная поддержка Академии наук в Вашем лице окрылила бы мои силы, а потому живу надеждой побывать в Москве летом этого года.

У нас здесь будут выборы в члены и в члены-корреспонденты нашей Академии наук. Выдвигаются по гуманитарным дисципли-

---

²⁰ Бернадская Елена Викторовна (1918–2004) – историк-медиевист, сотрудник Государственной Публичной библиотеки (1955–1979). Диссертация Е.В. Бернадской на степень кандидата исторических наук «Возникновение синьории в Ферраре. (Социально-политические корни ранней итальянской синьории)» была защищена в ЛГУ в 1949 г.

²¹ Романов Исаак Залманович (1920–1993) – историк шахмат и литератор.

²² Бертон Роберт (1577–1640) – английский священнослужитель, писатель и ученый.

²³ Диссертация И.З. Романова на степень кандидата исторических наук «Бертон и его место в истории английского гуманизма. К проблеме Возрождения» была защищена в МГПИ в 1949 г.

²⁴ Руставели Шота – грузинский поэт XII в.

²⁵ Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ок. 1141 – ок. 1209) – азербайджанский поэт и мыслитель.

линам: в члены – профессор Маковельский²⁶, философ, член-корреспондент Ака[демии] наук СССР и в члены-корреспонденты – историк СССР, доктор ист[орических] наук Исмаил Гусейнов²⁷.

Между прочим, только что вышел «Сборник статей по истории Азербайджана», Выпуск I, Изд[ание] Ака[демии] наук Азерб[айджана]. 1949 г.

Шлю поклон и лучшие пожелания здоровья и сил.

П. Фридолин

Баку, ул. лейт[енанта] Шмидта, д. 8, кв. 92.

АРАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 138. Л. 7–8об.

---

²⁶ Маковельский Александр Осипович (1884–1969) – философ, директор Института философии и права АН Азербайджанской ССР (1945–1950), чл.-корр. АН СССР (с 1946 г.).

²⁷ Гусейнов Исмаил Аббасович (1910–1969) – историк, академик АН Азербайджанской ССР.

**«... я ни с кем так откровенно
не мог высказываться как с Вами»:
из переписки А.Ф. Изюмова с М.М. Карповичем**

Представлена переписка двух русских историков А.Ф. Изюмова и М.М. Карповича в конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг. с широкой панорамой размышлений об эмигрантской научной и гражданской жизни, мнениями о жизни в Советской России.

Ключевые слова: русская эмиграция, историческая наука, научные центры русской эмиграции, А.Ф. Изюмов, М.М. Карпович.

V.Y. Voloshina

**"... I have no one so frankly could not speak with You":
from the correspondence of A.F. Izyumov
with M.M. Karpovich**

The paper presents the correspondence of two Russian historians A.F. Izyumov and M.M. Karpovich in the late 1920s – early 1930s with a broad panorama of reflections on immigrant academic and civic life, opinions about life in Soviet Russia.

Key words: Russian emigration, historical science, the scientific centers of the Russian emigration, F.A. Izyumov, M.M. Karpovich.

Одним из важнейших факторов, влияющих на социальную адаптацию эмигрантов к изменившейся социокультурной среде, по праву считаются межличностные коммуникации. Роль последних еще больше возростала, если эмигранты селились не колониями, а вели обособленную жизнь, как было зачастую в США. Безусловно, основными источниками изучения коммуникативных практик являются источники личного происхождения и, в первую очередь, эпистолярное наследие зарубежья. В сравнении с мемуарами и дневниками личная переписка более объективна, поскольку не предназначалась для публикации и имела приватный характер. Она может рассматриваться как материализованный диалог двух лиц. Зачастую для эмигрантов она представляла собою един-

ственную возможность связи с друзьями, разбросанными по разным странам. Ее интенсивность может свидетельствовать о моральном самочувствии участников диалога, их желании и возможности общаться с соотечественниками. Письма несут в себе не только информацию о каких-то событиях, но и характеризуют язык, стиль общения, систему ценностей, принятых в данном социуме, позволяют дотронуться до прошлого, почувствовать стилистику и колорит эпохи. Вместе с тем, приватная переписка, не предназначенная для публикации, если и не уничтожалась впоследствии адресатом или его потомками, то не всегда бережно хранилась, поэтому неизбежны определенные пробелы, и зачастую можно говорить лишь о фрагментах переписки. Счастливым исключением в этом смысле является переписка двух русских историков Александра Филаретовича Изюмова (1885–1950) и Михаила Михайловича Карповича (1888–1959), хранящаяся в ГА РФ в личном фонде А.Ф. Изюмова (Ф. 5962).

Фондооснователь, будучи заведующим отделом документации Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА), вел активную деловую и личную переписку с друзьями и знакомыми, его корреспондентами были представители РЗИА в различных странах, а также люди, пожелавшие отдать в архив, имеющиеся у них интересные документы и материалы. Профессиональный историк-архивист, он, понимая ценность исторического документа, оставлял копии некоторых своих писем различным адресатам, облегчив, тем самым работу по систематизации переписки для будущих исследователей. В его фонде хранятся как копии его писем, так и автографы писем-ответов. Это касается, прежде всего, переписки с Михаилом Михайловичем Карповичем (1887–1959), с которым они учились вместе на историко-филологическом факультете в Московском университете. Сохранились их письма за 1929–1939 гг. Письма М.М. Карповича написаны от руки. А.Ф. Изюмов, из-за неразборчивости подчерка, печатал свои письма на машинке. Первый экземпляр письма отправлялся адресату, а второй, как правило, выполненный под копирку без подписи, сохранялся у автора.

После окончания университета в 1914 г. А.Ф. Изюмов, хотя и был оставлен для приготовления к профессорскому званию, не смог сдать магистерские экзамены, поскольку с началом войны был призван в армию. С июля 1918 г. по май 1922 г. он работал

инспектором в Московском губернском управлении архивным делом, затем в Главном управлении архивным делом (Главархив). Кроме того, в этот период он читал курс лекций по российской истории на Пречистенских курсах для рабочих на университетском отделении и в созданном в 1919 г. Костромском университете¹. В сентябре 1922 г. его вместе со многими представителями российской науки и культуры выслали из России в Берлин на так называемых философских пароходах. В Берлине он преподавал в Русском научном институте и был секретарем Русской академической группы. С 1925 г. он с женой, Александрой Степановной Щербатовой, окончательно перебирается в Прагу, куда, по настоянию А.А. Кизеветтера и В.А. Мякотина, был приглашен заведовать отделом документов в РЗИА². Вся дальнейшая жизнь Изюмова была связана с Прагой, ее предместьями и этим архивом. В годы второй мировой войны он был интернирован немцами и четыре года (с 1941 по 1945 гг.) провел в фашистских концлагерях. Вернувшись в апреле 1945 г. в Прагу, он вместе с сотрудниками РЗИА Е.Ф. Максимовичем и Д.И. Мейснером, по решению Чехословацкого правительства, принял участие в передаче большей части документов архива в дар СССР по случаю 220-летия Академии наук. В ГА РФ в фонде РЗИА хранится тетрадь со служебной запиской А.Ф. Изюмова, написанной 23 июля 1945 года³. Нельзя не согласиться с мнением заведующей архивохранилищем русского зарубежья в ГА РФ Л.И. Петрушевой, что эта записка была написана Изюмовым, скорее всего, по просьбе советской комиссии по приему переданных фондов⁴. В ней он рассказывает об истории создания и деятельности архива, характеризует свое участие в комплектовании фондов, подчеркивая, что «болеет за судьбу дела, которому отдал более 20 лет жизни»⁵. А.Ф. Изюмов погиб в автокатастрофе в мае 1950 г. в Праге.

---

¹ *Петрушева Л.И.* Русский ученый-историк А.Ф. Изюмов в Чехословакии (по документам Пражской коллекции ГА РФ) // *Нансеновские чтения.* 2012. СПб., 2014. С. 318.

² *Волошина В.Ю.* Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. С. 91.

³ ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–15.

⁴ *Петрушева Л.И.* Указ. соч. С. 326.

⁵ ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 95. Л. 14.

Однокурсник А.Ф. Изюмова М.М. Карпович, блестяще сдавший государственные экзамены, тоже был оставлен по кафедре русской истории для приготовления к профессорскому званию, но вскоре был вынужден перейти в Петербургский университет.

В 1916 г. его призвали в армию и направили в секретариат при Особом совещании по обороне. Вскоре после февральской революции его близкий знакомый Б.А. Бахметев, получивший назначение послом России в США, предложил должность помощника посла, и в мае 1917 г. Карпович в составе дипломатической миссии выезжает в Вашингтон. В течение следующих пяти лет он был первым помощником посла, и участвовал в этом статусе в работе Парижской мирной конференции, разработавшей условия Версальского мира. На конференции он входил в состав Политического совещания, отстаивавшего интересы России. Когда же в июне 1922 г. посольство Временного правительства в Вашингтоне было распущено, Карпович с семьей переехал в Нью-Йорк и работал там в различных эмигрантских организациях в качестве преподавателя и переводчика, книготорговца. В 1927 г. он, по рекомендации М.И. Ростовцева, получает приглашение преподавать русскую историю в Гарвардском университете. Кроме лекций по русской истории он читает курсы по западноевропейской истории, по русской литературе XIX в. и разрабатывает свой знаменитый курс по интеллектуальной истории России XVIII – начала XX вв. Несмотря на необычайную эрудицию, красноречие уникальный педагогический дар⁶, признание к нему, как и к большинству российских ученых-эмигрантов, приходит не сразу. Проработав несколько лет простым преподавателем, он только в 1933 году получает должность доцента, а с 1948 года становится профессором истории этого университета. Впоследствии, когда в Гарварде был создан факультет славянских языков и литератур, его назначают деканом. Помимо Гарварда Карпович преподавал в других американских университетах. М.М. Карпович считается одним из создателей американской русистики⁷. Ученый вел большую общественную и просветительскую работу. В 1942 г. вместе с М.А. Алдановым и

---

⁶ Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 50.

⁷ Там же. С. 88–102.

М.О. Цетлиным начал издание «толстого» эмигрантского «Нового журнала», главным редактором которого он оставался вплоть до 1959. Много сил и энергии отдавал работе в различных благотворительных и гуманитарных организациях. Умер М.М. Карпович в 1959 г. в Бостоне.

М.М. Карпович А.Ф. Изюмову

17, III, 1929, Кембридж

Дорогой Александр Филаретович! Конечно, я Вас очень хорошо помню и помнил отчетливо Ваше имя и отчество, так что Вам не надо было мне его напоминать. За последние годы сам несколько раз собирался писать Вам, восстановить оборванное знакомство, но так и не собрался. Очень рад, что Вы собрались.

В последний раз мы с Вами виделись, по-моему, по окончании экзаменов на панихиде по Ключевском (по Вашей инициативе устроенной). Помните, еще Борис Васильевич [Ключевский, сын В.О. Ключевского – В.В.] подарил всем нам по экземпляру только что вышедшего 4-го тома курса? Бог мой, как давно это было!

По окончании университета я служил в историческом музее и начал готовиться к магистерским экзаменам. Потом. В январе 1916, был мобилизован, но на фронт не попал, а служил в Военном Минист^ерстве в Петербурге и [неразб. – В.В.] был секретарем Особого Совец^ания по обороне государства (при четырех министрах! – Поливанов, Шуваев, Беляев, Гучков). В марте 1917 г. Б.А. Бахметьев, мой земляк, (мы из Тифлиса) предложил мне ехать с ним в Америку, куда он был назначен послом. После мучительных колебаний (очень не хотелось тогда уезжать из России) я согласился с условием, что вернусь в Россию в декабре. Вот и вернулся! Так я неожиданно стал дипломатом. Посольство держалось («рассудку вопреки, наперекор стихиям») до июля 1922 г. За это время два раза были в Париже – в 1919 г во время мирной конференции, при русской политической делегации (опять секретарствовал)⁸ и в 1921 г. в связи с конференцией членов Учредительного Собрания (сопроводитель Бахметьева, желавшего установить контакты). С закрытием посольства, переехали [неразб. – В.В.], где занимался разными делами, а с января 1927 г. по приглашению Кембриджа, читаю русскую историю в harvard University.

---

⁸ В качестве секретаря Русского политического совещания на мирной конференции в Париже М.М. Карпович находился с декабря 1918 г. по июнь 1919 г.

Женат (на русской москвичке⁹), двое детей – мальчик 7 лет и девочка 1½ года. Американским гражданином не стал и пока не собираюсь. Все еще надеюсь на возвращение в Россию. Сейчас, через 12 лет, не перестал чувствовать себя беженцем. Судьбой своей доволен, но по России скучаю сильно, а о Москве иначе как с острой болью в сердце думать не могу. Пройтись бы разочек по Моховой.

Спасибо Вам за книгу, которую просмотрел с большим интересом. Предполагаются ли еще какие-нибудь издания кроме объявленных воспоминаний А.А. Кизеветтера?

На Ваш вопрос относительно возможного использования материалов сборника в здешней прессе должен дать мало удовлетворительный ответ. Это материал не такого рода, который здесь можно было бы пустить в ход. Здешние газеты, да в значительной мере и журналы интересуются главным образом злободневностью или вопросами общего характера. Не представляю себе газеты или общего журнала, для которых можно было бы сделать статью из материалов сборника. Специальных же исторических журналов здесь очень мало, выходят они редко (четыре раза в год обычно) всегда перегружены материалом, и проникнуть туда не легко. Все, что я могу попытаться сделать, это дать заметку о сборнике и об архиве (о котором очень прошу прислать мне фактический материал) [подчеркнуто автором – В.В.] в «Journal of modern history», только что начавший выходить. Специальные журналы гонораров не платят, так что заработать на этом, увы, нельзя. Но «реклама» некоторое значение может иметь.

Иное дело Унгерн Штернберг¹⁰. Это живописная фигура. Здесь, пожалуй, возможно было бы попытаться устроить статью куда-нибудь – например в «Asia», журнал, посвященный Азии, [неразб.] и Сибирь и вообще русский Дальний Восток. Но только статья должна быть написана не академически, а живо, почти фельетонно. Конечно, за успех ручаться не могу, но тут возможна попытка. Возникает вопрос об английском тексте. Перевод дело другое. Я совсем перевод не знаю. Да и времени на это не хватает (я очень завален здесь преподавательской работой, т.к. кроме чтения курса делаю еще много других вещей). Как с этим быть? Не стесняйтесь, во всяком случае, обращаться ко мне с поручениями или за справками. Со своей стороны буду беспокоить Вас, если понадобится. Между прочим, не сохранилось ли у Вас слу-

---

⁹ М.М. Карпович был женат на Татьяне Николаевне Потаповой.

¹⁰ Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг, барон (1885–1921), русский генерал, видный деятель белого движения.

чайно, учебного плана историко-филологического факультета и обозрения преподавания хотя бы на один год наших времен? Мне очень бы хотелось восстановить прослушанную мною программу занятий, а ведь многое я забыл.

Еще вопрос, не знаете ли Вы, не было ли какого-нибудь соглашения в международном масштабе об установлении соответствия между нашими степенями и зарубежными? А то получается кричащая несправедливость. Я чувствую, что проделал не меньше, а больше, чем здешние доктора; между тем формально я даже не магистр (здесь степень совершенно презренная), а это имеет значение в смысле продвижения по здешней академической лестнице.

Простите, что [неразб.] начинаю Вас эксплуатировать, но вы там в центре русских академических дел.

О ком из общих знакомых имеете сведения? Знаю, что за границей Лоллий Львов¹¹, Цуриков¹², Ольденбург¹³. Но очень уж их «политика» мне не нравится. Как-то не чувствую с ними общей почвы, хоть сам совсем ушел из политики. Большой для меня радостью был приезд сына Вернадского¹⁴. Только вот в плане евразийства он меня не убедил. Всего хорошего. Жму Вашу руку. Ваш М. Карпович.

Когда Вы работали в архиве с Рязановым¹⁵, не встречались ли Вы с моим дядей (братом моей матери) А.Е. Пресняковым¹⁶. Он сейчас очень болен – боюсь, что безнадежно. У него рак.

ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2об.

---

¹¹ Львов Лоллий Иванович (1888–1967), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, журналист, историк литературы, литературный критик.

¹² Цуриков Николай Александрович (1886–1957). Окончил юридический факультет Московского университета, публицист, литературовед, общественный деятель зарубежья. В эмиграции разделял идеи «активизма» в антибольшевистской борьбе.

¹³ Скорее всего автор имеет в виду Сергея Сергеевича Ольденбурга (1888–1940), выпускника юридического факультета Московского университета, одного из ближайших соратников П.Б. Струве и редактора газеты «Возрождение».

¹⁴ Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973), историк. Сын академика В.И. Вернадского. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета. Один из создателей евразийства. В 1927 г. по приглашению Йельского университета переехал в США.

¹⁵ В 1918–1922 гг. А.Ф. Изюмов работал старшим инспектором Главного архивного управления при Наркомпросе РСФСР, которым заведовал Д.Б. Рязанов (Гольденбах).

¹⁶ Пресняков Алексей Евгеньевич (1870–1929), историк, с 1920 г. член-корреспондент РАН.

А.Ф. Изюмов М.М. Карповичу

16/XI.29.

Дорогой Михаил Михайлович,

Нужно ли оправдываться, когда виноват, как говорят теперь с легкой руки большевиков, на все сто процентов. Расскажу лишь почему так долго длилось мое молчание. Когда я получил ваше первое письмо, болела жена. Сразу не мог ответить, потом началось лето. Каждый день имеет свои заботы. Вот так и вышло, что отвечаю Вам больше чем через полгода. За это время купил машинку (к сожалению, далеко еще не оплатил): попытаюсь писать на ней, хотя писать еще не научился как следует. Это избавит Вас от чтения моего отвратительного подчерка. Не сетуйте на то, что заставляю Вас читать новую орфографию: мне она уже более привычна. Ваше второе письмо тоже получил и просил секретаря нашего архива послать нужные Вам сведения.

Я был необычайно рад Вашему письму: оно так живо напомнило такое далекое и в то же время дорогое время. Помните, как мы вместе штудировали перед государственным экзаменом историю Рима по Випперу¹⁷, а ведь между этим лежит шесть лет войны, пять лет революции и вот уже семь лет изгнания. Говорю про себя. Я ни минуты не раскаиваюсь в том, что сознательно отверг всякие призывы бежать из Москвы и также сознательно работал при большевиках. Это обстоятельство, как мне кажется, часто лучше других помогает разбираться в том, что делается в России. Правда, это же часто других заставляет считать меня большевиком, хотя поводов к этому я как будто бы никогда и не давал. Вот Вы пишете: «пройтись бы разочек по Моховой». Я Вас понимаю, но только должен сказать, едва ли бы Вы ее узнали теперь: так она изменилась. Хорошо, что не в пример другим московским улицам она сохранила дорогое нам название. Я ходил по Моховой до октября 1922 года каждый день. Представьте – на воротах нового здания Университета громадная вывеска на полотне «Рабфак имени товарища М.Н. Покровского», крест и надпись на фронте «Свет Христов просвещает всех» – убраны. В здании бывшей гостиницы «Петергоф», в которой и мы с Вами бывали, помещается не помню уже который дом советов. Ресторан занимала тогда скверная столовка ВЦИКа, а наверху жили сановники,

---

¹⁷ Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954), историк, профессор Московского университета, академик АН СССР (1943).

и была приемная «Всероссийского старосты Калинина»¹⁸. В гагаринском доме, помните, где помещалась столовая юристов, располагался Коминтерн¹⁹, а в Манеже был гараж ВЦИКа²⁰ и заведовал им тот самый Б.В. Ключевский, который преподнес нам на кладбище четвертый том курса В.О. [Ключевского – В.В.] Вход в Кремль забаррикадирован: стоит охрана и выдает пропуски. Дальше хотя и виден профиль прекрасного Пашковского дома²¹, но за ним высятся громадное новое здание Государственной библиотеки имени Ленина, памятной нам Румянцевки²². Вот что произошло на одном квартале Моховой, но ведь такие же перемены и всюду. Шульгину²³, который нелегально ездил в Россию, показалось, что все по-старому – только похуже. А вот только что вернулся из нелегальной поездки туда же эс.-эр [эсер – В.В.] Лебедев²⁴, который утверждает, что все по-новому. Я думаю, что последний более прав. Произошла громадная перелицовка всех сторон жизни. Не думайте, что я хочу пугать Вас и убеждать, чтобы Вы поскорей из беженца превратились в заправского американца: я и сам терпеливо несу крест изгнанника. Если напоить здешних мужиков, то тоже, вероятно, при-

---

¹⁸ Гостиница «Петергоф» находилась с начала XX в. по адресу: Воздвиженка 4/7. В этом здании в 1919–1946 гг. размещалась приемная М.И. Калинина. В этом же доме жил Л.Д. Троцкий. Ныне в этом доме находится приемная Государственной Думы РФ.

¹⁹ Доходный дом кн. Г.Г. Гагарина располагался по адресу: Воздвиженка 1. В 1919–1937 гг. в здании находился исполком Коминтерна.

²⁰ После 1917 г. в здании Манежа размещался гараж автобазы ВЦИКа, в 1950-е гг. здание было переоборудовано в Центральный выставочный зал.

²¹ Дом Пашкова построен в Москве в 1780-е гг. по проекту архитектора В.И. Баженова в стиле классицизма. В настоящее время здание находится в ведении Российской государственной библиотеки, в нем размещены Отдел рукописей и другие подразделения РГБ.

²² В 1924 г. на базе размещавшегося в Доме Пашкова Государственного румянцевского музея была создана Российская публичная библиотека им. В.И. Ульянова (Ленина), переименованная в 1925 г. в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина.

²³ Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), политический деятель, монархист, публицист. Эмигрировал в 1920 г. В декабре 1925 – феврале 1926 гг. нелегально приезжал в Советскую Россию в надежде отыскать пропавшего без вести младшего сына. По возвращении из поездки опубликовал книгу «Три столицы: Путешествие в красную Россию» (Париж, 1927), в которой отмечал положительные сдвиги на Родине.

²⁴ Лебедев Владимир Иванович (1884–1956), журналист, публицист, активный член партии эсеров. Эмигрировал в 1919 году. Один из редакторов газеты, а впоследствии журнала «Воля России».

мут в свою общину, как когда-то швейцарские пэизане [крестьяне – В.В.] приняли после хорошего угощения Герцена. Я все же думаю, что сдвиги в России будут, и не так долго осталось их ждать. Вот только относительно характера этих сдвигов я, вероятно, разойдусь с очень многими эмигрантами. Моховая мне напомнила и о Вашем покойном патроне проф. Кулидже²⁵. Мы часто с ним ходили по Моховой. Вероятно, много книг из библиотеки Гарвардского университета, которые Вы читаете, куплены мной. Магазин «Задруги» помещался в угловом доме, помните, где в наше время помещался магазин Карцева. Проф. Кулидж заходил обычно перед закрытием, и я его провожал на Арбат, где он жил. Мы были с ним большими друзьями. Моя высылка случилась, когда американцы оставались еще в Москве. И проф. Кулидж, прощаясь даже сказал – по приезду в Берлин напишите мне, а я м.б. смогу устроить Вас в библиотеку нашего университета. Вот почему он мне даже не ответил на письмо, я не могу понять. Во всяком случае, воспоминания о нем у меня самые лучшие, чего не могу сказать про его спутника, тоже покойного калифорнийского профессора Гольдера. Этот даже ухитрился при прощании обсчитать меня на лекции бумажных денежных знаков. Довольно воспоминаний.

Живем в общем без больших перемен, так же под Прагой. Только забрались немножко подальше от людей. Жена моя любит одиночество, а я уже приспособливаюсь к ней. Конечно, мне удобнее было бы жить в Праге, а то приходится вставать в 6 часов и вести жизнь среднего рабочего, живущего под городом. Жизнь в общем однообразная, но жаловаться не стану. Хорошо уже то, что делаешь какое-то свое дело. Правда материально иногда приходится туго, но что же делать. Переезжая сюда, подумывал было сдавать магистерские экзамены, но во-1-х, нет времени, а во-2-х, и перспектив нет. С иностранными языками у меня плохо, а оставаться здесь на доцентском иждивении своем невозможно²⁶. По своей службе

---

²⁵ Кулидж Арчибальд Кэрри (1867–1928), профессор Гарвардского университета, историк, один из основателей американской русистики. Неоднократно бывал в России, в том числе, в 1921–1922 гг. Именно он в 1927 году пригласил М.М. Карповича в Гарвард читать лекции по русской истории.

²⁶ В рамках «Русской акции» правительство Чехословакии выплачивало русским преподавателям, имеющим доцентское звание, ежемесячно 1600 ч. крон. Прожиточный минимум на одного человека составлял 800–1000, поэтому жить приходилось крайне экономно // Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг. С. 104–105.

в архиве я получаю все же больше не только материально, но и в смысле знаний. Конечно, эти знания относятся больше к недавнему прошлому. Но приходится применяться к обстоятельствам.

На отношение со стороны чехов пожаловаться не могу: они ценят мою работу. С русскими же всяко бывает. Трудно Вам все же американцу объяснить здешнюю атмосферу пауков в банке. Лучшие отношения сохраняю с А.А. Кизеветтером, хотя во взглядах на настоящее часто и расходимся. Кстати, не думаете ли Вы, что его книга могла бы иметь успех на английском языке. Нельзя ли найти для нее издателя. Перевод могут и здесь сделать. По-немецки она, видимо, скоро появится. Если что-нибудь сможете сделать, напишите. Пытался найти обзор преподавания в Московском университете, ничего из этого не вышло: в Европе нет. Спрашивал приезжавших из Москвы, один обещал выслать, но до сих пор не могу получить. Наводил справки по Вашему второму вопросу о соглашениях об ученых степенях: ничего не сделано. Здесь в Праге некоторые сдают докторат при Чешском университете, но это мало дает. Тут вообще существует большая неразбериха. Когда я преподавал в Русском Научном Институте в Берлине, то меня как не имеющего ученой степени зачислили преподавателем, а другие тоже без степени были доцентами и даже профессорами. Статью об Унгерне так и не дописал: все нет времени. Если соберусь с силами, то м.б. и направлю. Конечно, она будет переведена. Вы спрашивали, что мы еще думает издавать. Пока реально ничего не наметили. Здесь никак не может составиться правительство, и все планы стоят на мертвой точке. Пытаемся наладить издание исторического журнала, но пока еще все одни проекты. Если что выяснится, напишу. Готовим сборник к юбилею Московского университета²⁷. К Вам обращались по моему указанию²⁸. Из наших старых знакомых москвичей здесь один Цуриков, а в Париже Лоллий Львов и Ольденбург. С первым редко вижу, а с двумя последними, вернее, с одним Лоллием, переписываюсь лишь по делам. Мне теперь уже старому народному социалисту трудно найти с ними общий язык. При этом все они активные политики, а я в этом пока еще смысла не вижу. Как же Вы живете, дорогой Михаил Ми-

---

²⁷ Речь идет о подготовке сборника «Московский Университет. 1755–1930 гг. Юбилейный сборник. Париж. 1930.

²⁸ Юбилейный комитет разослал анкету для соотечественников, окончивших высшие учебные заведения, «чтобы получить ценные сведения о культурных силах, которых лишилась Россия» (ГА РФ. Ф. 5820. Оп. 1. Д. 7. Л. 2).

хайлович? Что значит перемена Вашего адреса. Ваша американская жизнь, пожалуй, мне еще менее понятна, чем советская. Не сердитесь на меня за столь долгое молчание и напишите о себе. даю слово, что второй раз свиньей не буду, я постараюсь аккуратно отвечать. Если Вы в Михайлов день именинник, то поздравляю со Днем Ангела и желаю Вам несмотря на несогласованность ученых степеней, бодро шагать по академической лестнице. На американцев здесь особый взгляд. Смотрите, как нашумел тут на недавнем съезде мистер Патрик, проф. Калифорнийского университета. Больше не могу: мои непривыкшие еще к машинке пальцы отказываются. Словом жду от Вас до нового года письма. Это будет значить, что Вы простили мое молчание. Супруге Вашей и детям мой привет, хотя я их и не знаю. Но ведь супруга Ваша москвичка, а это дает мне право ее приветствовать. Вам же желаю всего лучшего.

[Письмо без подписи – В.В.]

ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 93–94об.

А.Ф. Изюмов М.М. Карповичу

2/1.31.

Дорогой Михаил, Михайлович,

Поздравляю Вас и семью с наступившим Новым годом и желаю всяких успехов в этом году. Наша переписка как-то очень быстро прервалась после моего довольно откровенного письма. Я даже думал, что эта откровенность явилась причиной Вашего молчания. При разных переживаниях теперь очень часто бывает, что казалось бы довольно близкие люди не понимают друг друга. Но потом я отнес Ваше молчание за счет американской занятости. Давайте на будущее время условимся, если нечего писать или некогда, то просто будем посылать открытку с извещением – письмо получено: писать некогда или даже не хочется. Хорошо? Как живете? Я живу, в общем, по-прежнему и по-прежнему же больше пребываю в пессимистических настроениях относительно ближайших судеб нашей родины и нас самих. В Европе в данное время тяжело. Ведь и Америку даже захватил кризис. Но вот какой разный подход к явлениям. Беседую как-то с одним невозвращенцем о тяжелом кризисе, а он и говорит: «это Вы называете кризисом? В Москву бы Вас послать, – там бы Вы узнали, какой бывает кризис». Вообще из России идут очень тяжелые вести. Наши учителя –

русские историки все поарестованы²⁹. Продовольственное положение отчаянное. Про себя мало могу написать Вам. По-прежнему сижу в архивном подвале и каждый день читаю повести о людском горе и ужасах наших дней. Иногда это надоедает. Для себя прошлый год совсем мало работал: архив и поездки из деревни в город и обратно поглощают все время. Нужно перебираться жить в Прагу, а это ведь очень капризный город. Многим переехавшим туда, врачи через год-два снова советуют отправляться в деревню. В прошлом году был в Болгарии съезд академических организаций³⁰. Я не был на нем, но слышал, что выработали какие-то новые условия для сдачи магистерских экзаменов и защиты диссертаций. Если это Вас еще интересует, напишите, и я наведу точные справки. Вообще поручения давайте, не стесняюсь: буду рад исполнить. На этом сегодня и кончаю. Надеюсь получить от Вас хотя бы краткое письмо. Пока же желаю всего лучшего Вам и всей семье.

ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 95–95об.

М.М. Карпович А.Ф. Изюмову

15/01.31., Кембридж

Дорогой Александр Филаретович,

Большое спасибо за память и за поздравление. В свою очередь шлю Вам и Вашей жене лучшие пожелания к новому году. Ваше письмо и обрадовало меня и удивило. Давно собирался писать Вам, но как видите, до сих пор не собрался. Почему, однако, Вы могли подумать, что причиной моего молчания была откровенность Вашего предыдущего большого письма? Я только что его перечел и не нашел в нем решительно ничего такого, что хоть отдаленно могло бы вызвать антагонизм с моей стороны. Помимо этого не в моей природе в таких случаях отмалчиваться. Если бы что-нибудь меня смутило или задело, то я уж, наверно, Вам написал бы. Не писал же я только потому, что был занят и даже не столько занят, сколько затуркан всякой суетой университетской и

---

²⁹ В СССР в 1929–1930 гг. ГПУ было сфабриковано так называемое «Академическое дело», по которому в общей сложности проходили 115 человек, в том числе видные историки Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Харькова и Саратова. // Очерки истории отечественной исторической науки XX в. / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 392.

³⁰ V съезд русских академических организаций за границей, проходил в Софии с 14–21 сентября 1930 г.

домашней. Я думаю, что это не общеамериканская черта, как вы предполагаете, а моя личная! В тех условиях, в каких мы живем, преподавание и домашние заботы (не забудьте, что у меня теперь уже четверо детей!) поглощают мое внимание и время порой без остатка. Это имеет два печальных последствия: 1) не поддерживаю сношение с друзьями, хотя хотелось бы; 2) почти не успеваю заниматься для себя. [Неразб. – В.В.] Это все было бы хорошо и грешно было бы жаловаться.

Сейчас я делаю попытку вывернуться из этого порочного круга. Подал прошение в два учреждения о выдаче мне стипендии на написание книги. Здесь есть такие благодетельные и полезные учреждения, но так как желающих очень много, то и получить стипендию трудно. Против меня – отсутствие степени, печатных трудов и возраст (поощряются преимущественно молодые, но уже успевшие себя показать). Поэтому я особых надежд на успех не имею. Но, если это впереди, то у меня уже есть согласие университета на годовой курс. Тогда я летом со всей семьей явлюсь в Европу. Обоснуемся, вероятно, во Франции, но я лично конечно хочу в Прагу. Тогда увидимся. Но все это пока вилами по воде писано. Выяснится либо в этом месяце, либо в начале марта. Когда выяснится, дам Вам знать.

Я не поблагодарил Вас за присылку изданий Архива. Я непременно хочу поместить заметку об Архиве и об его изданиях в специальном американском журнале. Но это довольно трудно. Здесь два таких журнала: «Американ historical Review» [так в тексте – В.В.] и «Jornal of modern history». И тот и другой выходят только четыре раза в год, и втиснуть туда даже небольшую заметку нелегко.

О России думаю довольно мрачно. Никак не могу заставить себя поверить в оптимистические прогнозы [неразб. – В.В.] эмигрантских политиков, которые говорят об «одиннадцатом часе», о «начале конца» и т.п. В широкой исторической перспективе то, что там сейчас делается, может быть и есть начало конца, но это начало, увы, может затянуться надолго. Больше же всего меня тревожит вот такая мысль. Я знаю, что в конечном счете судьба России решится исходом «объективных процессов», но все-таки для того, чтобы эти процессы нашли свое выражение, нужен соответствующий людской материал. Между тем, большевики теперь с такой дьявольской систематичностью истребляют этот самый людской материал, что я не знаю, что из него будет в наличности к тому моменту, когда надо будет оформлять назревавшие

объективные процессы! Остается лишь полу-мистическая вера, что все как-то само собою образуется, что все же за полвека появится новая сила, но все это наедине с самим собой не звучит очень убедительно. Вы поймете из вышесказанного, что все мои «возвращенческие» (чисто платонические, конечно) настроения довольно давно прошли. Для них нет сейчас никакой почвы. Поэтому просто размышляю. Прав ли – не знаю. Если можете убедить меня более оптимистическими прогнозами, убедите. Вам там виднее. Об арестах московских историков я читал в русской прессе, но там были перепутаны [неразб. – В.В.], и я не знал насколько это сообщение вообще верно. Кто именно арестован? Из Петербурга мне недавно писала вдова моего покойного дяди А.С. Преснякова, что предполагавшийся вечер его памяти и не мог состояться. Потому что некому было на этом вечере присутствовать, да и некому было читать доклад!

Не знаете ли также уцелел ли Д.М. Петрушевский³¹, против которого одно время велась атака?

Есть у меня к Вам еще один вопрос – из другой области. Куда делся Г.Н. Михайловский³² (сын Гарина³³), который одно время был связан с юридически факультетом в Праге? Я перед ним в долгу – не ответил ему на его письмо, и он на меня, вероятно, в обиде. Хотел бы загладить свою вину, написав ему, но не знаю его теперешнего адреса. Не можете ли Вы для меня его адрес достать?

Кончаю писать и иду в библиотеку.

Шлю Вам и Вашей жене сердечный привет от себя и своих.
Всего лучшего.

Ваш М. Карпович

ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 7–8об.

---

³¹ Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942), русский, советский историк-медиевист, академик АН СССР.

³² Георгий Николаевич Михайловский (1890–1946) – юрист-международник, писатель. Эмигрировал в Константинополь 1920 г. Жил во Франции, затем в Чехословакии. С 1923–1926 гг. преподавал на Русском Юридическом факультете (РЮФ) в Праге. После закрытия РЮФ переехал в Братиславу. В 1939 г. поступил на должность переводчика в МИД. Владел 17 языками. В 1945 г. был арестован НКВД, вывезен в СССР и осужден на 10 лет. Умер в Воркуте // Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука Российской эмиграции. М., 2000. С. 153–163.

³³ Гарин – псевдоним русского писателя Николая Георгиевича Михайловского (1852–1906).

А.Ф. Изюмов М.М. Карповичу

28/IX.32

<...> Надеюсь, что наша Пражская встреча³⁴ закрепила наше университетское товарищество. Откровенно скажу Вам, что ни в ком я еще до личной встречи с Вами не находил такого понимания, всего, что мы переживаем, какое я увидел у Вас. Конечно, если глубже анализировать, в наших пониманиях есть большие разногласия, но я, по крайней мере, ни с кем так откровенно не мог высказываться, как с Вами. Поэтому мне не хотелось бы, чтобы наша дальнейшая переписка носила только формальный характер. Вы. Конечно, уловили некоторую истеричность моих переживаний. Сейчас особенно тяжело. Бывало, посидим с Вами за кружкой пива, и легче станет. Теперь и пива-то я мало пью: не на что, да и не пьется одному. В город почти не езжу: скучно там очень. Пражская колония совсем обеднела и волнуется за последние остатки своего бюджета³⁵. Поэтому сижу больше дома и много читаю. Весь сентябрь ушел на перечитывание всего, что было написано о Герцене и Огареве. Так как кое-что, по-моему, удалось найти новое, то, может быть, сделаю доклад в историческом обществе³⁶. К сожалению, с октября начинается всякая пражская «общественная жизнь», и сидение дома будет часто прерываться. Не люблю я всю эту мышиную возню, но некоторую дань ей придется отдавать. Кажется, и по архиву начнутся всякие передрыги в связи с той самой комиссией, о которой вы помните³⁷.

Эти дни читал дневник одного харбинца за 1921–1929 гг. По существу, это потрясающий документ, показывающий день за днем как наша национальная, так называемая> эмиграция силою об-

---

³⁴ М.М. Карпович с семьей приезжал в Прагу для работы в РЗИА. В фонде Русского заграничного исторического архива (РЗИА), хранящегося в Славянской библиотеке, (Прага) есть документ, подтверждающий, что он работал там с января по июнь 1932 года и собирал материал по истории социалистических идей в России конца XIX – начала XX в. *Certificat // Slovanska knihovna v Praze. Trezor. Rusky zahranični historický archiv v Praze (registratura). T-RZIA. С. 6. Ij. 757. L. 5.*

³⁵ К началу 1930-х гг. «Русская акция» практически была свернута.

³⁶ С 1923–1945 гг. в Праге существовало Русское историческое общество, созданное историками-эмигрантами.

³⁷ В письме от 4 июля 1932 г. А.Ф. Изюмов писал М.М. Карповичу, что в архиве избрана комиссия для обследования работы архива, которая свою работу начнет сразу после отпуска (ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 100).

стоятельств должна выполнять планы японского внедрения на материк. По-прежнему думаю, что, если война в ближайшие годы и разгорится, то именно там на Д<альнем> Востоке. «Железный бандаж» Клемансо на западе³⁸, по-видимому, прочнее, чем многие думают. Тут все от немцев зависит. Пророчества Гучкова едва ли оправдываются.

Что Вам сообщить о пражских новостях? Я уже писал Вам о возможном переезде И.И. Лаппов в Ковно, но он сам что-то молчит: м<ожет> б<ыть> встретились затруднения³⁹. И.И. Л-н⁴⁰ что-то строчит для Вашего Питирима⁴¹. Кажется, увлечен работой во всю. С.И. Г-н⁴² перебрался на новую квартиру, но ждет, когда Вы перетяните его. Я делаю вид, что ничего не знаю. Но желаю ему успеха. Шм<урло>⁴³ вернулся из Франции, огорченный за сына, которому не продлили контракт в колонии. А.А.⁴⁴, кажется, за лето отдохнул и

---

³⁸ Возможно, А.Ф. Изюмов имеет в виду Версальскую систему, одним из создателей которой являлся Жорж Клемансо (1841–1929).

³⁹ Иван Иванович Лаппо (1869–1944) – русский историк и педагог. С 1921–1933 гг. работал на Русском юридическом факультете в Праге. В 1933 г. уехал в Литву, где до 1940 г. состоял профессором истории в Каунасском университете. Погиб во время бомбежки в декабре 1944 г. в Дрездене.

⁴⁰ Возможно, Иван Иванович Лапшин (1870–1952), русский философ-неокантианец, доктор философии. Выслан из Советской России в 1922 г. Занимал должность профессора Русского юридического факультета в Праге.

⁴¹ Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), социолог, культуролог, публицист. Доктор социологии. Выслан из России в 1922 г. Некоторое время жил в Праге и был редактором сборников «Крестьянская Россия» (Прага, 1922–1924 гг.). В 1923 г., получив приглашение читать лекции в университете штата Миннесота, выехал в США. В 1931 г. основал социологический факультет в Гарвардском университете, который возглавлял до 1942 г. В 1964 г. был избран президентом Американской социологической ассоциации.

⁴² Возможно, Сергей Иосифович Гессен (1887–1950), известный ученый-педагог, философ и публицист русского зарубежья. В 1923 г. эмигрировал из России. Преподавал в вузах Праги и Варшавы.

⁴³ Шмурло Евгений Францевич (1859–1934), известный российский историк. В 1903 г. был назначен Российской академией наук ученым корреспондентом в Риме при архиве Ватикана. Прожил в Италии 21 год. С 1924 г. переехал в Чехословакию. В Праге преподавал историю в русских вузах, возглавил созданное им Русское историческое общество. Его сын, врач, работал во французских колониях. Волошина В.Ю. Жизнь в путешествии: Е.Ф. Шмурло // Люди и судьбы Русского зарубежья: сб. / отв. ред. А.Б. Ефремов, Е.М. Миронова. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 28.

⁴⁴ Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933), известный русский историк, бывший профессор Московского университета. В 1922 г. был выслан

усиленно пишет фельетоны в «Сегодня»⁴⁵. Пр-чи <Прокоповичи>⁴⁶ живут по-прежнему. Был на днях у ней и ссорился за ее статью о засыпании рва. Он весь август возился с английскими хозяевами. С.П. <Постников>⁴⁷ на днях перебирается к нам на Петшины⁴⁸. Ваш быт сдан с половины сентября, кажется, с большой скидкой. Весь сентябрь стояла прекрасная погода. Рестораторы наши хорошо торговали. Сегодня день св. Вацлава⁴⁹, и впервые почувствовалось дыхание осени. Замирает все на зиму.

ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 103–104.

из России. С 1923 г. жил в Праге. Преподавал в русских вузах и Карловом университете. Возглавлял Совет РЗИА. С 1930 г. был председателем Русского исторического общества в Праге. Вел активную преподавательскую и культурно-воспитательную работу. Активно сотрудничал во многих эмигрантских изданиях.

⁴⁵ Газета «Сегодня» издавалась на русском языке в Риге с августа 1919 по июнь 1940 гг.

⁴⁶ Супруги Прокопович (Сергей Николаевич (1871–1955), известный экономист, публицист и Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958), талантливый публицист и политический деятель, были высланы за границу в 1922 г. Первоначально жили в Берлине, но затем переехали в Прагу, где развернули большую общественную и политическую деятельность и активно сотрудничали во многих эмигрантских изданиях. Часто их выступления в прессе, особенно Екатерины Дмитриевны, становились предметом острых дискуссий среди эмигрантов. Одна из дискуссий была спровоцирована призывом в конце 1920-х гг. «засыпать ров гражданской войны» с Россией и, не отрекаясь от своих убеждений, искать мирный, но достойный путь возвращения на родину. После оккупации Германией Чехословакии в 1939 г. переехали в Швейцарию, где и прожили до конца жизни.

⁴⁷ Постников Сергей Порфирьевич (1883–1964), литератор, библиограф, политический деятель зарубежья. В 1921 г. с женой нелегально перешел границу с Финляндией. Первоначально жил в Берлине, где редактировал газеты «Голос России» и «Революционная Россия». В 1923 г. Переехал в Чехословакию и был принят на должность заведующего отдела печатных изданий (библиотеку) РЗИА. В 1945 г. был арестован органами СМЕРШ и заключен в один из лагерей на Урале. В 1960 г. вернулся в Чехословакию.

⁴⁸ Петршин – холм в центре Праги на левом берегу Влтавы. Здесь – один из районов Праги.

⁴⁹ Святой Вацлав считается покровителем Чехии. Его день отмечается 28 сентября.

В.П. Корзун

**О бунтарстве в науке
и особенностях коммуникативного поля
советской историографии**

**Отзыв официального оппонента о диссертации
М.А. Базанова «Александр Александрович Зимин –
биография историка в контексте развития отечественной
науки», представленной на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности
07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования**

Представлен отзыв на диссертацию, посвященную биографии известного советского историка А.А. Зими́на и особенностям его взаимоотношений с его научно-историческим окружением.

Ключевые слова: А.А. Зимин, советская историческая наука, контекст развития отечественной исторической науки, научное сообщество.

V.P. Korzun

**Of rebellion in science and the characteristics
of the communicative field of Soviet historiography**

**A review of the official opponent on thesis of A.M. Bazanov
"Aleksandr Aleksandrovich Zimin – biography of the historian
in the context of development of domestic science," presented
on competition of a scientific degree of the candidate
of historical Sciences, specialty 07.00.09 – Historiography,
source studies and methods of historical research**

The paper presents a review on a thesis on the biography of the famous Soviet historian A.A. Zimin and the peculiarities of its relationship with its scientific and historic surroundings.

Key words: A.A. Zimin, Soviet historical science, in the context of development of national historical science, the scientific community.

Тема диссертационного исследования М.А. Базанова «Александр Александрович Зимин – биография историка в контексте развития отечественной науки», представляется актуальной по ряду оснований:

1. Современная историографическая мысль, рефлекслирующая по поводу развития советской историографии, переживает переход от абстрактных рассуждений и выявления тенденций ее пульсации, переход к последовательному изучению «трудов и дней» ее основных представителей. Говоря о науке в целом, необходимо обращаться к отдельным ученым и их работам, к их личностному выбору, персональным стратегиям повествования, индивидуальному видению конвенциональных методологических соглашений. Именно эту тенденцию мы и видим в заявленной работе.

2. Александр Александрович Зимин – фигура чрезвычайно значимая в научном сообществе историков, соединяющая в себе черты и классика, и бунтаря одновременно. Его труды провоцировали очень напряженные полемики и в научном сообществе, и в пространстве публичной истории. Интерес к этой фигуре позволяет актуализировать важную в фундаментальном плане проблему успеха и неуспеха в науке, связанную как с ценностными критериями социума в широком смысле этого слова, так и внутрицеховыми правилами игры и личностными стратегиями игроков. В конечном счете эта проблема саморегуляции науки. Механизмы этой саморегуляции осмысливаются в современном науковедении и вызывают серьезные споры.

3. Научная актуальность темы связана так же и со взлетом интереса к персональной истории, получившей второе рождение в русле интеллектуальной истории. Историограф интересуется и сам интеллектуальный продукт – концепция – и его конструирование конкретным исследователем, с его научным кредо, социальными пристрастиями, особым жизненным миром, психологическими особенностями, разветвленной системой научных, культурных и житейских коммуникаций. В этом проблемном поле особое место занимает интеллектуальная биография. И если пафос последних десятилетий в использовании этого конструкта очевиден, то проработка этой дефиниции и, если угодно, модели исследования вызывает серьезные разногласия и неясности. В связи с чем ста-

новится актуальной разработкой этих дефиниций в единстве эпистемологии и историографии.

В современной историографии намечены лишь первые шаги в изучении творчества А.А. Зимина как взаимосвязанной системы его научных воззрений. Автор диссертации справедливо констатирует отсутствие целостного представления о творчестве А.А. Зимина в контексте развития отечественной исторической науки – XIX–XX вв. Во введении М.А. Базанов полно представил литературу, непосредственно касающуюся творчества А.А. Зимина и его жизненного, профессионального пути. Забегая вперед отмечу, что автор диссертации работает в русле интеллектуальной истории и именно под этим углом зрения обзревает литературу о своем герое. Он выделяет пять больших историографических блоков (работы, непосредственно посвященные жизни и творчеству А.А. Зимина; биографические исследования, посвященные персонам из круга общения А.А. Зимина; проблемную историографию, т. е. исследования его современников, разрабатывающие аналогичную с Зиминим проблематику; работы, характеризующие в общем плане советскую историографию и культурологические и социологические исследования, раскрывающие социокультурный контекст жизни и творчества историка). Такое построение историографического очерка свидетельствует о глубоком вхождении автора в проблематику интеллектуальной истории. Творчество и биография А.А. Зимина предстает как развертывание «спиралей микроситуаций». Это то, о чем говорит Р. Коллинз. Макроуровень (общество, историческая наука в целом) может быть понят как развертывание спиралей микроситуаций (Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск. 2002. С. 67).

Историографический обзор демонстрирует нам не только эрудицию и мастерство автора диссертации, но и особое чувство историографичности, в связи с чем отмечу обращение диссертанта к биографическим исследованиям, посвященным персонам из круга общения А.А. Зимина. Речь идет не только об учителях, что традиционно для историографии, но и о его младших и старших современниках. Квалифицированный историографический обзор позволил четко определить поле собственного исследования, которое в своем построении является достаточно оригинальным.

К достоинствам работы отнесу и четкое определение предмета и объекта исследования. В качестве объекта называется интеллектуальная биография А.А. Зимина, а в качестве предмета – трансформация стратегии взаимодействия Зимина с научным сообществом отечественных историков. Вся работа направлена на реконструкцию характера и основных стратегий взаимодействия Зимина и сообщества историков с присущей ему интеллектуальной средой. В общем эта цель реализована. Автору диссертации удалось представить творческий путь А.А. Зимина в единстве социального, внутринаучного, концептуального и экзистенциальных факторов. Достигается такое видение во многом и благодаря апелляции к методологическим принципам интеллектуальной истории и биографическому методу в рамках персональной истории (интеллектуальная биография). Отмечу высокий уровень методологического раздела введения. Автор диссертации демонстрирует не только знания основных положений отцов-основателей интеллектуальной истории и их адептов, но и смелость и стремление к конструированию собственных теоретических положений. Безусловный интерес в этом плане представляет его трактовка концепта «интеллектуальная биография». Он, по существу, свое понимание интеллектуальной биографии строит на перекрестке идей Лавджоя (значимость и пересечение различных контекстов) и Гуссерля, для которого характерен интерес к феноменологии, к «жизненному миру». «Жизненный мир» (само собой разумеющийся мир смыслового опыта) является, по Гуссерлю, смысловым фундаментом всякого человеческого знания, общей почвой, на которой вырастают все науки. Рассмотрение жизненного мира дает возможность исследователю субъективизировать деятельность ученого, соотнести ее с целеполаганием деятеля науки, его мировосприятием, миром его повседневности. С этой точки зрения, я разделяю вывод М.А. Базанова о том, что объектом изучения интеллектуальной биографии является динамически развивающаяся система когнитивных взаимодействий индивида и окружающей его социально-интеллектуальной среды (С. 19). Интеллектуальную биографию интересуется именно «когнитивные, мыслительные конструкции, идеи и смыслы, возникающие в качестве инструмента и результата этого взаимодействия, некон-

кретные деяния человека сами по себе, но стоящие за ними культурные коды и смыслы.» (С. 20). О самостоятельности в подходе к методологическому арсеналу говорит и определенная коррекция популярных в нашей науке методологических и чисто инструменталистских подходов П. Бурдые. Речь идет о пределах возможности использования его концепции поля науки в связи со спецификой развития советской исторической науки, где чрезвычайно значимой была роль государства и государственного регулирования (С. 22-23).

Диссертационное исследование М.А. Базанова выполнено на добротной источниковой базе. В исследовании задействованы материалы семи крупнейших архивохранилищ, а также материалы из личного архива доктора исторических наук М.Е. Бычковой. Основную массу историографических источников составили научные труды А.А. Зимина и его предшественников и коллег. В этой группе представлены также черновые и подготовительные материалы Зимина. Исторические источники представлены источниками личного происхождения и материалами делопроизводства. Отмечу как интересный и перспективный заявленный подход М.А. Базанова к оценке сочинений историка. Он критически относится к сложившемуся канону рассмотрения их как цельной системы, в которой «теоретико-методологические убеждения автора, его концептуальные построения и конкретные исторические изыскания находятся в жесткой связи, по цепочке порождая друг друга», что неизбежно ведет к редукционизму. С другой стороны, следует учитывать особенности советской исторической науки, существовавшей в рамках чрезвычайно жесткого идеологического контроля, и в связи с этим, трудно определить действительные теоретико-методологические позиции автора. Выстраивая свою технику исследования, Базанов выделяет несколько уровней: методологический и «низший уровень» – конкретно исторический, часто ускользающий от самоцензуры. В определенной степени задача историографа в этом сходна с задачей психоаналитика, пытающегося работать с подсознанием, неререфлексируемой частью человеческой психики.

Автор диссертации отдает отчет в обширности заявленной темы исследования и сознательно ограничивает себя рядом конкретных задач. Соответственно выстраивает структуру исследо-

вания, которая представляется логичной: первая глава посвящена формированию А.А. Зимина как историка-профессионала (что приходится на 30–60-е гг. XX в.); во второй главе анализируются перипетии творческой жизни историка в начале 60–70-х годов; в третьей главе «Подведение итогов жизни и творчества: 1973–1980 гг.» анализируется последний этап творческой биографии А.А. Зимина. Совершенно естественно, в заключении подводятся итоги исследования.

Принципиально новаторским является обращение М.А. Базанова к рассмотрению творческого пути А.А. Зимина с позиции интеллектуальной биографии. В результате выделено три этапа, по существу, три способа творческого проживания в научном сообществе, которые характеризуются различными научными стратегиями самого А.А. Зимина, различной реакцией на его работы внутри академической истории и в пространстве публичной истории. Эти этапы сопровождаются невероятно интенсивным творчеством и сменой концептуальных построений, а также рефлексией по поводу своего места и места исторической науки в социуме. Реализуя, с долей известной критики, концепцию П. Бурдьё, первый этап творческой жизни ученого он называет как стратегия преемственности, второй – как стратегия подрыва, и третий – отчуждение от борьбы за научный капитал. Совершенно справедливо автор указывает на внутренние интенции такого процесса – стремление преодолеть внутренний раскол своей личности, что было связано как с меняющимися историософскими взглядами, так и с определенной напряженностью внутри поля советской науки. Отправной точкой, с которой А.А. Зимин в дальнейшем соотносил все свое творчество, являлись ставшие составной частью «москвоцентризма» взгляды дореволюционных ученых. При этом автор диссертации обращает внимание на источники такой преемственности – влияние учителей из поколения «приват-доцентов» (любопытную деталь приводит М.А. Базанов: даже письменный стол С.Б. Бахрушина достался в наследство А.А. Зимину).

Как тут не вспомнить М. Цветаеву:

«Мой письменный верный стол!

Спасибо за то, что шёл

Со мною по всем путям

Меня охранял – как шрам.»)

Автор диссертации также фиксирует циркуляцию текстов классиков москвоцентризма и прежде всего В.О. Ключевского, говорит о достаточно комфортном вписывании этой концепции в молодой советский историографический нарратив. Автор разделяет сложившееся мнение историографов, что марксистская доктрина не оказала большого влияния на творчество А.А. Зимина, в целом протекавшего в позитивистском русле. Но данный тезис очерчен в слишком общем виде, теоретико-методологические взгляды А.А. Зимина нуждаются в более содержательном анализе, важно учитывать и эволюцию марксизма в советской традиции и тенденции развития мировой исторической мысли. Представляется доказанным вывод о том, что начав как приверженец «москвоцентризма», А.А. Зимин на втором этапе творческой биографии пересматривает его положения, а к концу жизни вырабатывает свой полицентрический взгляд на отечественную историю. Но явно не хватает в тексте методологического обоснования.

Фокусом диссертации, посвященном второму этапу творческой жизни историка, является зиминская версия «Слова о полку Игореве». Это наиболее новаторская часть диссертационного исследования. Автор разворачивает драматургию жизни Зимина как смелого исследователя, готового сражаться за свои идеи, как члена профессиональной корпорации, разрушающего сложившиеся конвенции внутри академического сообщества и подвергающего риску свою профессиональную карьеру, как историка, вторгающегося в сложнейшую проблему соотношения научного и социально-ориентированного (национального) дискурсов. Блестяще написанный параграф «Слово о полку Игореве в судьбе А.А. Зимина» дает представление о характере ученого, специфике дискуссий в поздней советской историографии. Дискуссия, безусловно, выступает узловым моментом коммуникативного поля науки и при всём при том, что в дискуссию о «Слове о полку Игореве» привносится внешний момент (роль идеологического отдела ЦК КПСС и позиция академических администраторов от науки), она отразила внутреннее состояние научного сообщества – она заканчивается победой только одной стороны и самое страшное – запретом на печатание труда А.А. Зимина. Дело в том, что построения А.А. Зимина ставили под удар «научный капитал» подавляющего боль-

шинства научного сообщества. Эта ситуация тяжело переживается Зиминим. И согласимся с диссертантом: этот экзистенциальный опыт заставляет «пересмотреть историка свои представления о формах взаимодействия с окружающей его социальной средой – он переходит от стратегии преемственности к стратегии прорыва, не боясь отвергать устоявшиеся в науке схемы и мнения» (С. 120).

В третьей главе «Подведение итогов жизни и творчества: 1973–1980 гг.» анализируется последний этап творческой биографии А.А. Зимина. Сутью его является отказ историка от борьбы за «научный капитал». Именно этот период характеризуется интенсивной рефлексией по поводу профессии историка и места историка в современном обществе. В этой главе, на мой взгляд, очень плотно и талантливо реализована заявка на понимание жизненного мира ученого. Автор делает ретроспективные экскурсы от последних лет жизни ученого, отмеченных тяжелой болезнью, в 1940–1960-е гг., когда ученый размышляет о профессиональной этике историка и показывает определенные различия между «молодым» и «поздним» автором. Именно в это время создается его знаменитый «Витязь на распутье», где он окончательно разрывает с «москвоцентризмом».

Однако в адрес диссертации можно сделать ряд замечаний.

1. Первая глава носит название «Формирование историка профессионала» и хронологически охватывает 1930-е – начало 1960-х гг., то есть почти 30 лет. Хотя в тексте диссертации, на мой взгляд, совершенно справедливо, этот процесс он завершает защитой кандидатской диссертации в 1947 г. и называет этот процесс «инициацией». Рассматривать 1950-е–1960-е гг. (и выпавшую на это время защиту докторской диссертации) как время формирования историка представляется спорным.

2. Не конкретизирован тезис М.А. Базанова о том, что социальное происхождение А.А. Зимина из интеллигентской семьи с дворянскими корнями и относительное финансовое благополучие явились важными предпосылками становления его как профессионального историка (С. 24). Понятно, что для автора явилась привлекательной мысль П. Бурдые о накоплении «научного капитала» задолго до того, как ученый начинает свою профессиональную деятельность. Но эту аккумуляцию научного капитала и ис-

точники его складывания важно проследить на конкретных примерах. Естественно, это часто упирается в отсутствие источников.

3. В заключении автор высказывает гипотезу о возможности рассмотрения А.А. Зимина как типичного историка советской эпохи, используя терминологию итальянского историка Э. Грэнди – «исключительное нормальное». Представляется, что перенесение этого термина из источниковедческого контекста в историографический (С. 230–231) оказывается не вполне корректным. Опыт проживания А.А. Зимина в социокультурных реалиях Советского Союза и его жизнь как текст действительно нам проясняет через обличение/неприятие (нормальное состояние в смысле задаваемых норм советской исторической науки). Однако выбор собственной стратегии, ярко выраженный поворот от общепринятого в научном сообществе вряд ли может считаться типичным явлением в советской исторической науке.

Подводя итог, отмечу, что научное сообщество имеет возможность познакомиться с интересным, новаторским исследованием, посвященным интеллектуальной биографии одного из выдающихся представителей советской историографии – А.А. Зимина. Автор диссертационного исследования, М.А. Базанов, обнаружил профессионализм в работе с историографическими источниками, соответствующий критериям современной методологической культуры, ярко выраженную направленность на теоретическую рефлексию. Работа написана хорошим языком. Исследование М.А. Базанова внушает оптимизм, надежды, что начинается новый этап в осмыслении советской историографии через «портретную галерею» как знаковых фигур историографии, так и игроков «второго плана». Выводы автора обоснованы. Многие положения и выводы исследования могут быть востребованы в научной и учебной работе, подготовке научных трудов, курсов и спецкурсов по историографии, методологии истории. Текст диссертации соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, и является научной квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена научная проблема, имеющая важное значение для развития истории исторической науки. Все

это в совокупности дает основания утверждать, что представленная работа полностью отвечает всем требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 07.00.09, а ее автор – М.А. Базанов заслуживает присвоения искомой степени кандидата исторических наук. Проблематика, основное содержание и выводы диссертационного исследования отражены в статьях и тезисах автора (в общей сложности их насчитывается 26, 5 из них опубликованы в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК).

Автореферат соответствует содержанию диссертации и выполнен в соответствии с действующими правилами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН – Архив Российской академии наук

ВАК – Высшая аттестационная комиссия

ВДИ – Вестник древней истории

ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет

ГАОО – Государственный архив Одесской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГПУ – Главное политическое управление

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИНИОН – Институт научной информации по общественным

наукам

ИНУ – Императорский Новороссийский университет

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛИФЛИ – Ленинградский институт истории, философии и

лингвистики

МГПИ – Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина

МИД – Министерство иностранных дел

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан

НИОР РГБ (ОР РГБ) – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГУ – Одесский государственный университет

ОИНО – Одесский институт народной освиты (просвещения)

ОИПО – Одесский институт профессионального образования

ОНПИ – Одесский немецкий педагогический институт

ОУПИ – Одесский украинский педагогический институт

ОЦНБ – Одесская центральная научная библиотека

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РЗИА – Русский заграничный исторический архив (Прага)
СНК – Совет народных комиссаров
СНК УССР – Совет народных комиссаров Украинской Советской Социалистической Республики
УАН – Украинская Академия наук
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК АКП(б) – Центральный комитет Азербайджанской коммунистической партии большевиков
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алеврас Наталия Николаевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

Антощенко Александр Васильевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.

Бухерт Владимир Генрихович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук.

Бычков Сергей Павлович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Волошина Валентина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Гришина Наталья Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

Емельянов Владимир Владимирович – д-р филос. наук, профессор кафедры семитологии и гебраистики Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Жигунин Владимир Данилович (1943–2001) – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.

Журба Олег Иванович – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета им. О. Гончара (Украина, г. Днепр).

Иванова Татьяна Николаевна – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Корзун Валентина Павловна – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Кретьинин Сергей Владимирович – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского госуниверситета.

Левченко Валерий Валерьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского морского университета.

Литвинова Татьяна Федоровна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории Украины Днепропетровского национального университета им. О. Гончара (Украина, г. Днепр).

Лубский Анатолий Владимирович – д-р филос. наук, канд. ист. наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологий региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Маловичко Сергей Иванович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт)»; профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета.

Матханова Наталья Петровна – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН.

Метель Ольга Вадимовна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Мягков Герман Пантелеймонович – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Казанского (Приволжского) государственного университета.

Попова Татьяна Николаевна – канд. ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

Репина Лорина Петровна – д-р ист. наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН.

Руднев Михаил Альбертович – канд. ист. наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.

Румянцева Марина Федоровна – канд. ист. наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Рыженко Валентина Георгиевна – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Свешников Антон Вадимович – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Сидорова Любовь Алексеевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва).

Смышляев Александр Леонидович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры при МГУ им. М.В. Ломоносова.

Шарифжанов Измаил Ибрагимович – д-р ист. наук, профессор кафедры зарубежной истории и регионоведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) государственного университета.

Научное издание

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 11

Технический редактор *Н.В. Москвичева*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 21.09.2017. Формат бумаги 60х84 1/16.
Печ. л. 29,6. Усл. печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 31,5. Тираж 50 экз. Заказ 118.

Издательство Омского государственного университета

644077, Омск, пр. Мира, 55а

Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ

644077, Омск, пр. Мира, 55а